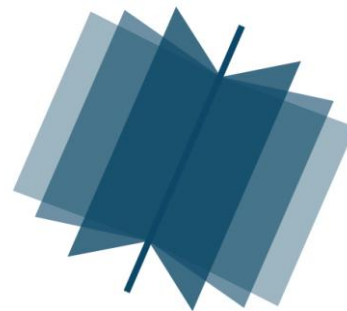

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2016

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№ 11 (53) 2016
Часть 1
Ноябрь**

Подписано в печать 18.11.2016.
Тираж 900 экз.
Заказ 26160
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам LVI заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии СС поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свистунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. нау, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ECONOMICS

VALUE CHAINS IN EMERGING MARKETS.....	6
ИГРОВОЕ СОЦИАЛЬНО ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА	9
САНАТОРНО-КУРОРТНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ДРАЙВЕР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	12
АНАЛИЗ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ.....	15
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	20
ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЫНКА ВИДЕОИГР.....	24
СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ	29
ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ЧЕРЕЗ РЕАЛИЗАЦИЮ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ И ИХ РОЛЬ В ИНФРАСТРУКТУРНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА	32
PREDICTION OF FINANCIAL INDICATORS OF A COMPANY USING MATHEMATICAL METHODS	36
ПРОБЛЕМЫ СТРАХОВАНИЯ ОСАГО	38
ИННОВАЦИОННОСТЬ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА В БОРЬБЕ ЗА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ	40
ВНУТРЕННИЙ МАРКЕТИНГ ПЕРСОНАЛА: ФИЛОСОФИЯ, СТРАТЕГИЯ, ПОЛИТИКА	43
ТИП РЫНОЧНОЙ СТРУКТУРЫ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НЕФТЯНОЙ РЫНОК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	46
ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СИСТЕМЫ СКВОЗНОЙ МАРКЕТИНГОВОЙ ИНТЕРНЕТ-АНАЛИТИКИ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА	48
СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРАКТНОГО ПРОИЗВОДСТВА	51
ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИННОВАЦИЙ И ИХ ФИНАНСИРОВАНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	53
МОНИТОРИНГ ФИНАНСОВОЙ АКТИВНОСТИ БАНКОВ.....	60
БЛАГОСОСТОЯНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ.....	62
АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОЛОГИИ ФОРСАЙТ	65
РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ	73
НОВЫЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ: СМЕНА АКЦЕНТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ.....	77

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / JURISPRUDENCE

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПАТЕНТНОГО ПРАВА.....	81
ЗАЩИТА ИДЕИ ПРАВОПОРЯДКА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	84
НЕЗАКОННЫЙ СБЫТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ И УСТРОЙСТВ.....	86
О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЮРИДИЧЕСКИЕ УСЛУГИ» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ»	89

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ АРКТИЧЕСКИХ СЕЛ ЯКУТИИ В ЛОКАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ: 1960 – 1970-Е ГОДЫ.....	92
МОНГОЛИЯ И ЮЖНАЯ КОРЕЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ.....	94
НАУЧНО - ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСНОВОПОЛОЖНИКА ИНГУШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ З.К. МАЛЬСАГОВА	98
ГЕНЕРАЛ М. И. ИВАНИН ОБ УРАЛЬСКИХ КАЗАКАХ, УЧАСТНИКАХ ХИВИНСКОГО ПОХОДА 1839-1840 ГГ.....	101

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКО-ЯПОНСКОМ ВОЕННОМ СОГЛАШЕНИИ 1931 Г.	104
ПОДГОТОВКА ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ К ВИЗИТАМ ВЫСОЧАЙШИХ ОСОБ ДОМА РОМАНОВЫХ XIX–НАЧАЛО XX ВВ.....	108
РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ, ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД.....	111
МЕЛКИЙ КРЕДИТ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА.....	115

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / POLITOLOGY

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ	117
TOLERANCE OF THE POLITICAL MASS MEDIA DISCOURSE IN SOCIAL INTERACTION	120
MODERN REALITIES OF DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION IN RUSSIA	125
О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛЬЗЕ ЧЕЛОВЕКА ПОТРЕБЛЯЮЩЕГО: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	128

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА	131
ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РОССИИ: БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	133
МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ МОНИТОРИНГА СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В КОРПОРАЦИИ.....	136
ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ И ТРЕБОВАНИЯ ОБЩЕСТВА РИСКА	142

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

МЕТОДОЛОГИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	144
ШОС КАК СИНТЕЗ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУР	146
НАРРАТИВЫ ВОСПРИЯТИЯ МИГРАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ).....	149
ВВЕДЕНИЕ ПОНЯТИЯ СТРАХОВОЙ КОПИИ В КРАНИОГРАФИЮ	152
О РОЛИ ПОНЯТИЙ НУЛЕВОГО КЛАССА В МЫШЛЕНИИ	157
ПЕРФОРМАНС КАК СПОСОБ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ПРИСУТСТВИЯ	159
ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕЯМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	163

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ECONOMICS

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.025

Абдыраманова Ж.¹, Чарман К.², Ванг Я.³

¹Студент докторантуры, Кыргызский Национальный Университет, Бишкек, Кыргызстан,

²профессор менеджмента и экономического развития,

Казахстанско-Британский Технический Университет, Алматы, Казахстан,

³преподаватель предпринимательства в университете Норсхэмптон, Великобритания.

ЦЕПОЧКИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ НА РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЫНКАХ

Аннотация

Текстильный сектор является одним из основных в промышленности Кыргызстана с точки зрения производства, занятости и все больше экспорта. Текстильные кластеры развиваются и в кластерные образования, которые отражают развитие экономических условий регионов, демонстрируя определенные влияния на цепочки добавленной стоимости. Эти различия, будут описаны на примере двух регионов Кыргызстана: юга и севера. На севере республики инфраструктура более развита, есть больше возможностей, получить доступ на международные рынки (экспорт). На юге инфраструктура менее развита, и производители одежды в регионе в основном поставляют одежду на местные рынки и ближайшим соседям. Целью исследования является оценка ключевых факторов цепочки добавленной стоимости и прибыльности в текстильной отрасли в Кыргызстане, путем сравнения швейной швейной отрасли в двух регионах: юге и севере.

Ключевые слова: цепочки добавленной стоимости, швейной промышленности, производства одежды, текстиля кластера, развивающиеся страны, развивающейся экономикой

Abdyramanova Z.¹, Charman K.², Wang Y.³

¹PhD research fellow in Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan,

²professor of Management and Economic Development at Kazakh-British Technical University, Almaty, Kazakhstan,

³lecturer in Entrepreneurship, University of Northampton, UK

VALUE CHAINS IN EMERGING MARKETS

Abstract

The textiles sector is one of the main industry sectors in Kyrgyzstan in terms of output, employment and increasingly exports. Textile clusters are developing and patterns in cluster formations are emerging that reflect the differing economic conditions of the regions, demonstrating particular influences on the value chain. These differences are both depicted in the two regions of Kyrgyzstan-south and north. In the north of the Republic the infrastructure is more developed, there is greater facility to access international markets (exports). In the south the infrastructure is less developed, and garment producers in the region serve mainly local niche and near-neighbour markets. The research objective is to assess the key drivers of the value chain and profitability in the textiles sector in Kyrgyzstan, by comparing the garment sewing sector in the two contrasting regions of south and north Kyrgyzstan.

Keywords: Value chain, apparel sector, apparel production, textiles cluster, developing countries, emerging economy

Introduction

Kyrgyzstan is an emerging economy in the Central Asian Region. Textiles, and in particular apparel production occupies an important place in the Kyrgyz economy and provides Russia, Kazakhstan and domestic markets with good quality apparel at affordable prices [3]. The apparel sector employs almost 250,000 people from a total population of 5 million.

In 2012, apparel production constituted more than 80 percent of light industry production, comprising over 3,000 small and medium-sized enterprises (SMEs) exporting more than 90 percent of their production to the Russian Federation and Kazakhstan [2]. Nearly 80% of firms in the textiles sector were working with customers from CIS countries on the Cutting, Making, Trimming (CMT) basis, with no design element, and very few of the producers using their own brands. There have been attempts at branding Kyrgyz apparel, for example, such brands as “Tumar” and “Dilbar” are already known on regional markets. However, those segments are considered luxury brands in terms of price, and are not mass market segments. The value-added chain in apparel production comprises imports of inexpensive yarn/fibre/fabrics from China and CMT services within the country export of finished apparel, mainly to Russia [3]. The majority of SMEs involved in the textiles cluster do not have key value-adding components, such as marketing, advertisement and branding of their production [3].

Low value adding components are relevant for the Business-to-Business model (B2B) in textile sector of Kyrgyzstan involving manufacturers and wholesalers [3]. This mainly affects the garment producers in the north.

The final products are sold in internal bazaars Kara-Suu in the South, and Dordoi on the North. In Kara-Suu (South) there are also some exports to Tajikistan and Uzbekistan but to a much lesser extent.

We are expecting there to differences in the cost and revenue structures of garment producers in the north and in the south, and the available data allows us to explain capture some of these differences.

Locational Effect

We have grouped the regional differences in profitability into a single locational effect, and put forward the following hypothesis.

There is a relationship between geographical location (South; North) and net-profitability of apparel producers.

Ability to Export

Hypothesis 1: There is a positive relationship between ability to export and levels of net profit.

There is a higher concentration of wholesalers in the north, which reduces the bargaining power of the apparel producers in the north.

Level of Competition and Profitability

The measure of competition used is the assessment of the level of competition by the apparel producers in each region. This states that there is a difference in the level of competition that the garment producers face, and there has been shown to be a significant difference in the perceived level of competition faced by garment producers with producers in the south facing perceptively less competition than those in the north. Therefore we propose the following hypothesis:

Hypothesis 2: There is a negative relationship between the competition level and net profit.

The Survey (Research Methodology)

The hypotheses are based on the conclusions drawn from the literature and the differences found in the cluster characteristics in the north and south, and then tested with data collected from the USAID survey “Status and Prospects of the Kyrgyz Garments Sewing Industry” conducted in 2011 by SIAR Company. The 70 respondents represented domestic entrepreneurs (50), traders in Dordoi (north Kyrgyzstan) and Kara-Suu (south Kyrgyzstan) markets (20) to assess the status and key drivers of cluster development in the textiles sector. The methodology of survey was based on open-ended questions which were later on coded and summarized in two databases, the entrepreneurs’ survey database and the traders’ database.

The entrepreneurs survey consists of 10 main coded blocks, which comprised geographical location, years of existence on the markets, profitability level, months without orders per year, share of net-profits from revenue, revenue per month, import of inputs and export of output, problems with inputs delivering and level of competition in segment. Both the entrepreneurs’ and traders’ survey includes seven blocks on grading of Kyrgyz apparels competitiveness on market in terms of pricing, quality, lining fabric, design, availability, advertisement and branding.

Factors influencing Entrepreneurs’ net profit in Kyrgyzstan

The following factors were analyzed based on Pearson’s chi-square finding the relationship to the level of workshops net profit. The chi-square test was mainly used for ranking the variables, to identify statistically significant socioeconomic factors that influence on net-profit of entrepreneurs. The chi-squared test is used to determine whether there is a significant difference between the expected frequencies and the observed frequencies ($p < 0.05$).

Table 1 – Description of Variables: Kyrgyz Apparel Producers

	Range
Region where workshop located; South of Kyrgyzstan (0); North (1)	0,1
Existence (years)	1-45
Profitability level	1-4
Months without orders per year	2-4
Share of net-profits from revenue (1-10%; 6-60%)	1-6
Revenue per month (KGS)	13000-95000
Import of production (yes; no)	1,0
Problems with delivery of raw-materials (yes; no)	1,0
Level of competition in your segment (low-1; average-2; high-3)	1-3
Export of production (yes; no)	1,0

Note: Competitiveness of Kyrgyz apparels value chain blocks

Frequency, mean, percentage and mode are used for analyzing the value blocks of Kyrgyz apparel. There was a total of 70 respondents (south and north) who evaluated the competitiveness of Kyrgyz apparel based on the following value blocks in **Table 2**.

Table 2 – Description of Variables: Competitiveness of Kyrgyz Apparel

	Range
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of price	1-4
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of quality	1-4
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of lining fabric	1-4
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of design	1-4
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of availability	1-4
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of advertisement	1-4
Kyrgyz apparel comparing to substitutes in respect of branding	1-4

Note: 1-high competitive; 4- low competitive

Results

Presentation of Results

The main differences between the regions are firstly that there is a significant difference in net profit between the two regions, and that garment producers in the south are receiving greater than 10% profits than those in the north. The perceived level of competition is higher in the north than the south, and that the ability to export is significantly higher in the north than in the south.

Product Competitiveness

Descriptive Statistics on Competitiveness of Kyrgyz apparels value chain blocks

The perceived differences in garments produced in the region are shown in Table 4. There are no significant differences in the quality of the garment produced.

According to the results obtained from north perspective Kyrgyz apparel to be more competitive, than from the south. The main comparative advantage of Kyrgyz apparel is brand name “Made in Kyrgyzstan”. Even so there are very few brands originated from Kyrgyzstan, consumers both on internal and external markets like the quality and affordable price of apparels produced in Kyrgyzstan. Also in the north respondents consider the prices for Kyrgyz apparel to be very competitive.

Table 3 – Perceived Differences in Competitiveness Textiles Sector; North and South Kyrgyzstan

	North	South	p-value
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of quality	1.97	2.3	0.15
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of lining fabric	2.6	2.8	0.192
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of design	2.02	2.6	0.17
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect marketing	2.51	3.4	0.22
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of advertisement	3.15	3.5	0.238
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of branding	2.71	3.4	0.2242
Kyrgyz apparel compared to substitutes in respect of branding	0.57	0.8	0.05

Note: 1-high competitive; 4-low competitive

The p-values obtained shows that there is no significant difference between two populations in north and the south of the country in respect of the grading quality of Kyrgyz apparel. All p-values are significant above or equal to 5%.

Factors influencing on entrepreneurs’ net profit

We conclude that the three key factors that influence the profitability of entrepreneurs in the apparel sector are the geography (south; north), the ability to export, and the level of competition that the entrepreneurs face. N.B. Geography may indicate a combination of quality differences between the north and south garment producers that are not captured in the level of exports and level of competition. The results are shown in Table 4.

Table 4 – Factors Influencing Profitability of Kyrgyz Apparel Producers

	Value	df	p-value
Region where workshop located; South of Kyrgyzstan (0); North (1) *	12.356	5	0.030
Existence (years)	63.286	80	0.915
Profitability level	6.028	10	0.813
Months without orders per year	9.843	10	0.454
Revenue per month (KGS)	68.611	110	0.999
Import of production	1.394	5	0.925
Problems with raw-materials delivering	4.540	5	0.475
Level of competition in your segment (low-1; average-2; high-3) *	27,022	10	,003
Export of production *	11,363 ^a	5	,045

Note: *Factors with statistically significant difference

According to the analysis the region where the workshop is located, the level of competition in the niche (type of apparels) and the export of production significantly influence on profitability of SME garment producers.

Results of Hypothesis Testing

The following results are for each of the hypotheses developed.

The relationship between geographical location (south; north) and net-profit. There is a significant difference in the levels of profit being achieved in the south compared to the north. This is due to a combination of revenue and costs factors, simply that costs are relatively lower compared to revenues in the south than in the north.

Hypothesis 1: Relationship between workshop exporting and net profit. The role of exports has led to higher profits in the north than the south. In the south the majority of respondents are not exporting their apparel and in the North the situation is opposite, 86% of respondents from North are exporting apparel abroad. The average margin of exporters from the North of Kyrgyzstan is around 10-20%.

Hypothesis 2: Relationship between level of competition and net profit

According to the data the south has higher margin than north, thus in the south the margin is around 20-30% and on the north 10-20%. This could be explained by the fact that the north is more in B2B models working with wholesalers from Kazakhstan and Russia, rather than south providing mainly domestic consumers (B2C). To intercept such difference business-

to-business marketing strategies, which may differ from the strategies deployed in the business-to-consumer industries of EMs, already deeply analyzed by available studies. Business-to-business markets have several distinctive features that heavily influence suitable and effective marketing strategies. The data can be interpreted that in the North textile SMEs are mainly involved in B2B when they are working with wholesalers, that signifies lower margin with higher volumes this is related to competition.

Discussion and Conclusions

The research work examines theoretical background for resilience of private business in emerging economies. The textiles sector in Kyrgyzstan was dominated by around 10 large factories before the fall of the Soviet Union, but since then the sector has become fragmented, and there are few links throughout the value chain. Those who work in the north of Kyrgyzstan will have a better chance of higher profits because the infrastructure (and value chain links) is more developed in the north than in the south, and those who are able to export are likely to receive higher profits as the price they obtain will be higher.

The paper contributes a comparative study of clusters in the textile sector in two neighbouring but different regions, and identifies key drivers of cluster development, which can contribute to future research and which provides a useful study for policy aimed at developing clusters in textile and other sectors.

The crucial issues for Kyrgyz apparel is to include marketing, branding and advertisement in export markets, and this is very consistent with a cluster that is very fragmented, a lot of small businesses, individual entrepreneurs, with only a relative few of them being able to gain from a well developed value chain.

Список литературы / References

1. Cassia, F. & Magno, F., (2012), "Marketing issues for business-to-business firms entering emerging markets: An investigation among Italian companies in Eastern Europe", International Journal of Emerging Markets, Vol. 10 Iss 1 pp. 141-155
2. Djenish, N. (2014), "Export-driven SME Development in Kyrgyzstan: The Garment Manufacturing Sector", University of Central Asia working paper
3. USAID, Status and prospects of the Kyrgyz garment sewing industry 2011 conducted by SIAR, (USAID)

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.152

Александрова А.В.¹, Александров Ю.Д.²

¹ORCID: 0000-0002-1469-2007 кандидат технических наук, доцент,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),

²ORCID: 0000-0002-5456-7980, студент, МГТУ им. Н.Э. Баумана

ИГРОВОЕ СОЦИАЛЬНО ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация

Перед российскими предприятиями высокотехнологичных отраслей стоит задача повышения эффективности производства. На решение этой проблемы нацелены инновационные управленческие технологии, одной из которых является бережливое производство. В данной статье игровое имитационное моделирование рассматривается в качестве ключевого инструмента внедрения системы бережливого производства. Анализ факторов успеха в принятии концепции бережливого производства персоналом предприятий высокотехнологичных отраслей показал, что основной эффект достигается за счет организационных мер, а также инвестиций в обучение и развитие персонала.

Ключевые слова: деловые игры, бережливое производство, высокотехнологичное производство, эффективность.

Aleksandrova A.V.¹, Aleksandrov Y.D.²

¹ORCID:0000-0002-1469-2007 PhD in Engineering, Associate professor,
Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow

²ORCID: 0000-0002-5456-7980, Student, BMSTU, Moscow

PROBLEM SOLVING IN HIGH-TECH INDUSTRIAL ORGANIZATION THROUGH BUSINESS GAMES

Abstract

Russia's high tech enterprises are facing the problem of production efficiency improvement. The lean production is one of the innovative management technologies aiming on the mentioned problem solving. In this article the game modeling is considered as the key instrument of the lean system implementation. The analysis of the success factors of the lean concept adaptation among enterprise employees has shown that the major effect is reached due to organizational actions taken and investments in staff development.

Keywords: business games, lean technology, high technology production, efficiency.

Игровое социально имитационное моделирование (ИСИМ) - это класс игровых методов моделирования процессов принятия управленческих решений, к которым относят: деловые игры, ролевые тренинги, игровое проектирование.

Начало применению методов ИСИМ в управлении и подготовке кадров было положено в 30-е годы XX века в СССР. В эти годы вводились в строй гиганты отечественной индустрии. Пусковой период проходил сложно, с большим числом неполадок и отставанием по срокам от плана. Правительство обратилось к ученым с поручением помочь запуску новых производственных объектов. В научно-исследовательском секторе Ленинградского

инженерно-экономического института (ЛИЭИ) группа исследователей, под руководством Ф.К. Щварца, приступила к разработке методики проведения «организационно-производственных испытаний».

В 1932г. была проведена первая в мире деловая игра на тему – «Развертывание производства сборочного цеха Лиговского завода пишущих машин в пусковом периоде» [1]. Результатом проведенной игры стало понимание того, что имитирование ситуации запуска цеха, способно выявить причины узких мест и точки приложения организационных усилий на реальном объекте. За последующие несколько лет было разработано около 40 игр с различной тематикой.

Начиная с 60-х годов XX века методы игрового имитационного моделирования получили широкое распространение в сфере подготовки управленческих кадров и бизнес-образовании. Только в каталоге деловых игр ЛИЭИ к 1987 году насчитывалось 722 игры, в том числе по темам:

- планирование на предприятий-178;
- подготовка производства- 86;
- кадровая политика, стиль руководства - 82 игры;
- оперативное управление производством- 77 игр;
- управление снабжением- 13 игр;
- техника безопасности, охрана труда- 8 игр[2].

В настоящее время количество деловых игр измеряется тысячами. Они различаются по масштабности имитируемых объектов, функциональному профилю, особенности строения. Сама игра стала объектом интеллектуальной собственности и носителем громкого названия, например: «Территория инноваций», «Наш паровоз вперед лети! и всё не по тому пути...», «Инновации на границе: контроль без опасности», «Лакомства для «Гурмана», «Цель оправдывает средства».

Распространяются и внедряются деловые игры, прежде всего, в Англии, Канаде, США, Японии, Франции, Германии. Ежегодно специалисты по игровому моделированию участвуют в международных встречах под эгидой ISAGA (International Simulation and Games Association). Международная ассоциация по имитационному моделированию и играм (ISAGA) является профессиональной организацией специалистов в области игрового социального имитационного моделирования, объединяющей как разработчиков, так и пользователей активных методов обучения, проектирования и исследования. В 2015 в г. Киото, Япония, прошла 46 –я конференция ISAGA .

Перед российскими предприятиями сейчас стоит задача организации производства высокотехнологичной продукции конкурентной на мировом рынке. На решение этой задачи нацелены инновационные управленческие технологии. Одной их таких технологий является «бережливое производство (Lean technology)».

Анализируя «бережливое производство» с позиций отечественной теории и практики организации и управления производством, следует отметить, что в нем гармонично сочетаются принципы рациональной организации производственного процесса, заложенные в трудах Ф. Тейлора и Н.Ф. Чарновского, и новаторские приемы производственной системы «Toyota» [3]. Например, изменение подхода к организации транспортировки предметов производства в производственной системе, решения по мобилизации творческого потенциала персонала организации и ряд других. «Бережливое производство» осуществляет изготовление продукции требуемого качества в соответствии с потребительским спросом и ее поставку потребителям в установленных объемах (количествах), в заданные сроки, с оптимальными общими издержками [4].

Госкорпорация Ростех уже запустила систему бережливого производства на КАМАЗе, в холдингах «Швабе», «Авиационное оборудование», концернах КРЭТ и Калашников, а также в Объединенной двигателестроительной корпорации [5].

Lean-проекты активно реализуются практически на всех предприятиях Холдинга «Вертолеты России». Эти проекты включают систему рациональной организации рабочих мест «5С», оптимизацию и усовершенствование процесса хранения и выдачи материала со склада, устранение неэффективных потерь в производстве высокотехнологичной продукции, систему быстрой переналадки оборудования SMED . Внедрение технологий бережливого производства предполагает также оптимизацию взаимодействия ОКБ и серийных заводов.

Следует отметить, что в результате внедрения «Бережливого производства» изменяются психология, менталитет рабочих, инженерно-технических кадров и руководителей предприятий. Зачастую, персонал демонстрирует нежелание перехода на новые принципы организации работ и выступает тормозом нововведений.

Причинно-следственный анализ успеха в принятии концепции бережливого производства персоналом компаний авиационной промышленности представлен в работе Martínez-Jurado, P.J. [6]. Из данных анализа следует, основной эффект достигается за счет организационных мер, а также инвестиций в обучение и развитие персонала.

Каждый участвующий в играх имеет возможность прочувствовать механизм коллективной деятельности. В процессе игры более чутко распознаются сигналы обратной связи (оценки и реакции других), актуализируется компетентность в сфере невербальных средств коммуникации, интерактивные технологии провоцируют потребность совершенствовать коммуникативную и психологическую компетентность, а порой и личную культуру, связанную с этикой деловых отношений.

Как отклик на высокую потребность в обучении практикам Lean предлагаются новые интерактивные разработки, причем, к играм прилагаются наборы готовых тренажеров.

Летательные аппараты и их компоненты являются не только сложной, но и наукоемкой продукцией. Для их создания и обслуживания требуются специальные научно-технические знания [7]. Поэтому на предприятиях авиационного двигателестроения технологии Lean отрабатываются на примере сборки отдельного узла вертолета.

Проводя аналогию направленности игр разработанных в СССР, и игр, применяемых в качестве инструмента моделирования методов и процессов Lean, можно сделать вывод об их тесной взаимосвязи. По назначению игры в то время подразделялись на: проектировочные, планоно подготовительные, исследовательские и учебные. Современные

игры также ориентированы на моделирование процесса реконструкции (модернизации, запуска), имитацию процесса разработки технико-экономического обоснования проекта, анализ вариантов реализации проекта, обучение персонала (табл.1). На уровне качества макетов объектов, информационно - технической поддержки расчетов, качестве подачи аналитических материалов, применяемых управленческих инструментов - отличия значительны.

Таблица 1 – Назначение деловых игр по реконструкции производства

Назначение игры	Вид игры	
	Реконструктивные, СССР	Бережливое производство
Проектировочные	Моделирование процесса переоборудования, перепланировки цеха/ участка	Моделирование процесса модернизации, перепланировки цеха/ участка
Планово подготовительные	Моделирование процесса разработки Стройтехромфинплана	Моделирование процесса разработки бизнес плана проекта реконструкции
Исследовательские	Анализ вариантов реконструкции цеха, участка	Анализ вариантов реконструкции цеха, участка
Учебные	Подготовка и переподготовка кадров техперсонала	Подготовка, переподготовка кадров, повышение квалификации персонала

Инновационные подходы к организации высокотехнологичного производства ставят новые задачи в вопросе личной эффективности руководителей и предъявляют новые требования к их знаниям, навыкам, деловым и личностным качествам [8]. Подтверждением этого может служить востребованность нового типа управленца, обладающего комплексом знаний в области бережливого производства: Lean - менеджер, Lean -лидер.

Подводя итоги, можно констатировать, что применение деловых игр в решении проблем повышения эффективности высокотехнологичного производства путем перехода на Lean technology:

- помогает усвоить сложную теорию и японские термины;
- позволяет побороть страхи и сомнения;
- развить навыки работы в команде;
- отладить процедуры по выявлению узких мест и ликвидации неэффективных потерь;
- выявить лучшую модель нового технологического участка;
- определить оптимальную последовательность технологических операций;
- обосновать набор необходимых инструментов на каждом рабочем месте;
- отработать процедуры запуска новой продукции.

Список литературы/ References

1. Панфилова А.П. Игротехнический менеджмент. Интерактивные технологии для обучения и организационного развития персонала: Учебное пособие. - СПб: ИВЭСЭП, «Знание», 2003. - 536 с.
2. Зарукина Е.В. Инновации в системе подготовки управленческих кадров: игровое имитационное моделирование /Межвузовский сборник научных трудов под ред. Сизова В.И., Кузнецова С.В.- Санкт-Петербург, 2012. С. 82-86.
3. Кузьмичев А.Д. Н.Ф. Чарновский и становление научного менеджмента в России// Российский журнал менеджмента, 2012, т.10 №3, С.165-176.
4. Экономика и промышленная политика: теория и инструментарий / Коллективная монография под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 622 с.
5. Официальный сайт компании «Ростех» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://rostec.ru/news/4513286>
Дата обращения: 12.10.2016.
6. Martínez-Jurado, P.J., Moyano-Fuentes, J. and Jerez-Gómez, P. : “Human Resource Management in Lean Production Adoption and Implementation Processes: Success Factors in the Aeronautics Industry”. BRQ Business Research Quarterly, Vol. 17, No. 1, 2014, P. 47-68 , <http://dx.doi.org/10.1016/j.cede.2013.06.004>
7. Aleksandrova A.V., Protsenko E.V, Sekerin V.D., Gorohova A.E. Risk Management Tools in Russian Aviation Engineering // Journal of Applied Economic Sciences, Vol. XI, No. 1(39), 2016. P.18-23
8. Акимова И.А., Александров Ю.Д. Трансформация профессии менеджера в эпоху глобализации// Гуманитарный вестник МГТУ. 2015. № 10(36) Doi: 10.18698/2306-8477-2015-10-301

Список литературы на английском языке/ References in English

1. Panfilova A.P. Igrrotehnicheskij menedzhment. Interaktivnye tehnologii dlja obuchenija i organizacionnogo razvitija personala: Uchebnoe posobie. [Technology of game management. Interactive technologies for learning and organizational development of staff: manual] / A.P. Panfilova. – SPb: IVJeSJeP, «Znanie», 2003. - 536 p. [in Russian].
2. Zaruskina E.V. Innovacii v sisteme podgotovki upravlencheskih kadrov: igrovoe imitacionnoe modelirovanie : Mezhhuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Innovations in systems of management training: game simulation : Interuniversity collection of scientific papers] / Zaruskina E.V.; edited by Sizova V.I., Kuznecova S.V. – Sankt-Peterburg, 2012. P. 82-86. [in Russian].
3. Kuz'michev A.D. N.F. Charnovskij i stanovlenie nauchnogo menedzhmenta v Rossii [N.F. Charnovsky and formation of scientific management in Russia] / A.D. Kuz'michev // Rossijskij zhurnal menedzhmenta [Russian Journal of Management]. – 2012. – vol.10. –№3. – P.165-176. [in Russian].

4. Jekonomika i promyshlennaja politika: teorija i instrumentarij / Kollektivnaja monografija [Economy and Industrial Policy: Theory and tools / collective monograph] / edited by A.V. Babkina. – SPb. : Izd-vo Politehn. un-ta, 2014. 622 p. [in Russian].

5. Official Web Page of Rostec Corporation [Electronic resource] – URL: <http://rostec.ru/news/4513286> [accepted by October 12, 2016.]

6. Martínez-Jurado, P.J., Moyano-Fuentes, J. and Jerez-Gómez, P. : “Human Resource Management in Lean Production Adoption and Implementation Processes: Success Factors in the Aeronautics Industry”. BRQ Business Research Quarterly, Vol. 17, No. 1, 2014, pp. 47-68, <http://dx.doi.org/10.1016/j.cede.2013.06.004>

7. Aleksandrova A.V., Protsenko E.V., Sekerin V.D., Gorohova A.E. Risk Management Tools in Russian Aviation Engineering // Journal of Applied Economic Sciences, Vol. XI, No. 1(39), 2016. P.18-23

8. Akimova I.A., Aleksandrov Yu.D. Transformacija professii menedzhera v jepohu globalizacii [Transformation of the manager profession in the era of globalization] // Gumanitarnyj vestnik MGTU [Humanities Bulletin of BMSTU]. – 2015. – № 10(36). doi: 10.18698/2306-8477-2015-10-30 [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.092

Барлыбаев А.А.¹, Насыров Г.М.², Фатхуллина Н.Х.³, Ярмухаметов Р.З.⁴

¹Доктор экономических наук, профессор, ²кандидат экономических наук,

³кандидат экономических наук, доцент, ⁴доктор экономических наук,

Сибайский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,

САНАТОРНО-КУРОРТНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ДРАЙВЕР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация

Обосновано, что, многие территории Республики Башкортостан располагают значительным потенциалом для широкого спектра туристско-рекреационных услуг, в т.ч. международного уровня, реализация которого при максимальном сохранении природных комплексов и эффективной государственной поддержке может выступить драйвером регионального развития: позволит расширить сферу приложения труда населения сельских территорий и малых городов, расположенных в рекреационных зонах; обеспечить поступление средств в региональный и местные бюджеты.

Ключевые слова: санаторно-курортный комплекс, природно-рекреационный потенциал, инвестиции, господдержка, республиканская программа.

Barlybaev A.A.¹, Nasyrov G.M.², Fatkhullina N.Kh.³, Yarmukhametov R.Z.⁴

¹PhD in Economics, Professor, ²PhD in Economics, ³PhD in Economics, Associate professor, ⁴PhD in Economics,

FGBOU VO «Bashkir State University»

SANATORIUM-RESORT COMPLEX AS A DRIVER OF REGIONAL DEVELOPMENT

Abstract

It is proved that, many of the territories of the Republic of Bashkortostan have considerable potential for a wide range of tourist and recreational services, including the international level, the implementation of which with the maximum preservation of natural systems and effective public support can act as a driver for regional development: broaden the scope of employment of the population of rural areas and small towns, are located in recreational areas; to ensure the flow of funds to regional and local budgets.

Keywords: sanatorium-resort complex, natural and recreational potential, investment, government support, a national program.

Природно-рекреационный потенциал Республики Башкортостан характеризуется большим разнообразием ресурсов – от оздоровительных, основой которых являются минеральные ресурсы (лечебные грязи, газотермальные и минеральные источники), до познавательно-экскурсионных ресурсов, способствующих развитию различных видов отдыха, туризма, санаторно-курортного и профилактического лечения. На территории республики открыто и изучено более 50 месторождений целебных источников минеральных вод, термальных газов и паров, лечебных грязей. Разнообразные минеральные воды республики характеризуются общим дебитом более 60 тыс. м³ в сутки [6, с. 26].

Наибольшее развитие получил санаторно-курортный комплекс рекреационного хозяйства республики. Это обусловлено историей и спецификой освоения территории для рекреационных целей, а также особым патерналистским отношением региональных властей к данному сектору.

Минеральные воды, лечебные грязи, термальные газ и пар, кумыс, мёд, лекарственные травы широко использовались местным населением в течение многих лет. С XVI века известны лечебные свойства Богоявленских (Красноусольских) минеральных источников, с XVIII века – термальных явлений горы Янган-Тау [2, с. 15]. На лечение кумысом на территорию Башкортостана приезжали многие известные люди, такие как А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, Т. Аксаков и др. Благодаря известным лечебным свойствам башкирского кумыса открылись первые санатории и кумысолечебницы в регионе [5].

В республике создана санаторно-курортная система, представляющая собой мощный оздоровительный комплекс, состоящий из более чем 200 учреждений и обеспечивает ежегодное оздоровление и реабилитацию более 250 тыс. взрослого и 100 тыс. детского населения республики и других регионов. Количество санаторно-курортных организаций, организаций отдыха и турбаз в последнее десятилетие увеличивается с каждым годом, количество коек (мест) стабильно растёт [1, с. 50].

Ежегодно наблюдается рост числа людей, лечившихся и отдохнувших в санаторно-курортных учреждениях и учреждениях отдыха Республики Башкортостан (табл. 1).

В республике строятся новые санатории, увеличивается мощность и комфортность функционирующих, расширяется их профильность, ведутся работы по поиску и освоению новых месторождений гидроминеральных ресурсов. В республике функционируют уникальные паро-, водо-, грязелечебницы, оснащенные современным оборудованием, уровень сервиса в которых соответствует европейским стандартам. На развитие материально-технической базы санаторно-курортных учреждений ежегодно из бюджетов различных уровней направляется более 2 млрд. руб. средств. Благодаря инвестициям, вниманию региональных органов власти и эффективному менеджменту самих санаториев многие здравницы стали самодостаточными предприятиями, вносящими существенный вклад в социально-экономическое развитие рекреационных зон и республики в целом. Например, санаторий «Янган-Тау» в Салаватском районе Республики Башкортостан формирует около 40% муниципального бюджета, являясь, по сути, градообразующим предприятием и обеспечивая рабочими местами более тысячи местных жителей.

Таблица 1 – Численность лиц, лечившихся и отдохнувших в санаторно-курортных организациях, организациях отдыха и турбазах (тыс. чел.)

	2005	2007	2010	2011	2012	2013	2014
Всего лечилось и отдыхало в санаторно-курортных учреждениях	357,8	413,7	437,0	405,8	420,4	451,2	425,7
<i>в том числе:</i>							
В санаториях (для взрослых и детей)	143,2	182,8	201,9	211,1	201,7	205,1	199,3
В санаториях-профилакториях	72,3	72,3	57,2	58,3	62,6	77,5	62,1
В домах, пансионатах отдыха	44,3	38,1	38,5	47,9	54,7	42,0	53,6
На базах отдыха	77,6	98,7	113,5	74,4	80,7	93,8	77,7
На туристских базах	9,5	9,3	6,4	6,6	6,4	23,5	24,0

Примечание: источник [3, с. 34].

Кроме того, в республике функционирует широкая сеть детских санаторных учреждений: 21 детский санаторий на 3000 коек и 100 детских оздоровительных организаций различной ведомственной принадлежности [4].

С 2006 года три санатория («Зеленая роща», «Красноусольск», «Янган-Тау») Башкортостана вошли в число учреждений, в которых космонавты проходят реабилитацию после полётов [5].

В настоящее время Правительством республики ставится задача дальнейшего развития туристско-рекреационных зон, целями которого является развитие лечебно-оздоровительных курортов и деятельности по организации лечения, профилактике заболеваний, различных видов туризма с целью повышения занятости и уровня жизни населения, увеличение доходной части бюджета.

Наиболее перспективен для развития различных видов туризма и отдыха юго-восточный регион республики, характеризующийся сложными и живописными рельефами, большим количеством рек, озер, ручьев, пещер, разнообразной растительностью, историческими и природными памятниками. Умеренно-континентальный климат, наличие большого количества источников минеральных вод, не уступающих по своим характеристикам кавказским водам и лечебных сапропелевых грязей, чистые озера; известные на весь мир башкирский мёд и кумыс благоприятствуют развитию различных видов туризма и санаторно-курортного лечения.

Для развития грязелечения и строительства грязевых курортов пригодны грязевые озера Учалинского и Баймакского районов республики. В Учалинском районе наиболее изученными являются озера Карагайлы, Большое Учалье, Ургун, Калкан, Ауш-Куль с суммарными запасами сапропелей хорошего качества более 40 млн м³. В Баймакском районе наиболее ценными для лечебного использования являются сапропели озера Талкас с общим запасом грязей до 2 млн м³. Эти озера могут служить надежной базой для строительства крупных грязевых курортов и для использования в лечебных целях в городских и районных больницах [2, с. 16].

Таким образом, многие территории Республики Башкортостан располагают значительным потенциалом для широкого спектра туристических услуг, развития туризма и рекреации международного уровня. Здесь действительно скрываются большие возможности, эффективная реализация которых при максимальном сохранении природных комплексов может внести существенный вклад в социально-экономическое развитие не только территорий муниципальных районов, но и республики в целом.

Однако, по оценкам специалистов, имеющийся потенциал в настоящее время используется не более чем на 15-20%. Соответственно, недополученные доходы представляют собой резервы для повышения эффективности функционирования рекреационной отрасли в республике и должны послужить основой для выбора стратегических приоритетов дальнейшего развития туристско-рекреационной деятельности.

Развитие рекреационной деятельности в регионе следует рассматривать как новый импульс, значительно повышающий экономический потенциал территории и эффективность её использования, прежде всего потому, что она вовлекает в хозяйственный оборот такие ресурсы (пещеры, водопады, скалы, валуны и т.п.), которые ни одна другая отрасль народного хозяйства использовать в хозяйственных целях не в состоянии.

Развитие рекреационной сферы региона нуждается в государственной поддержке, оказание которой предприятиям всех форм собственности позволит расширить сферу приложения труда населения сельских территорий и малых городов, расположенных в рекреационных зонах; обеспечить поступление средств в региональный и местные

бюджеты. Особенно это актуально на фоне узкоотраслевого и моноструктурного развития некоторых муниципальных образований республики.

Среди проблем, препятствующих эффективному развитию туристско-рекреационной сферы Республики Башкортостан, выделяются следующие:

- слабая транспортная освоенность, в частности, сельских и лесных районов;
- недостаток инфраструктурных и рекреационных объектов;
- слабая рекреационная освоенность историко-культурного потенциала;
- недооценка роли рекреационной сферы в социально-экономической жизни региона и её дискриминация при ранжировании приоритетов регионального и национального развития;
- укоренившийся в сознании большинства региональных руководителей стереотип представлений о рекреации как о второстепенной сфере деятельности;
- неэффективная работа местных органов власти, отсутствие квалифицированных кадров в структуре муниципальных администраций ответственных за сферу рекреации;
- безынициативность и инерционность местных жителей и руководителей муниципального уровня;
- отсутствие необходимой рекламы.

Вместе с тем, многие актуальные проблемы государственного регулирования и использования рекреационных ресурсов на уровне региона в настоящее время остаются нерешенными. В частности, не существует адекватного административно-территориального деления и зонирования природно-ресурсного комплекса, отвечающего современным требованиям, не выработана эффективная нормативно-правовая база, регламентирующая развитие отраслей, использующих рекреационный потенциал; отсутствует адекватная система государственного мониторинга; не выработаны меры по рациональному территориальному размещению рекреационных ресурсов и продвижению рекреационных услуг на региональном, национальном и международном уровне. Решение данных и других не менее важных вопросов требует совершенствования механизма регулирования и устойчивого развития туристско-рекреационной сферы региона, позволяющего существенно повысить эффективность использования рекреационных ресурсов.

Наличие многих проблем в данной отрасли связано с отсутствием единого туристско-рекреационного пространства Республики Башкортостан, что выставляет необходимость разработки и принятия республиканской программы развития туристско-рекреационной отрасли.

В рамках этой программы для развития рекреационной инфраструктуры региона необходимо предусмотреть комплекс мероприятий, обеспечивающих в первую очередь туристско-рекреационное обустройство территорий, проведение их зонирования, оборудования этих зон объектами сервиса и др.

Основными источниками финансирования данной программы должны стать бюджетные средства, ресурсы самих рекреационных учреждений и объектов, средства местных бюджетов, кредитные ресурсы и иностранные инвестиции.

Одним из путей привлечения иностранных инвестиций в рекреационную сферу региона должно стать создание совместных предприятий лечебно-оздоровительного и туристско-рекреационного характера, а также формирование свободных зон рекреационного предпринимательства. Конечно, таким статусом могут обладать ограниченные территории, где должны будут установлены особые экономико-правовые, финансово-кредитные условия хозяйствования для отечественных и зарубежных организаций. С одной стороны, это даст значительный толчок развитию производственной и социальной инфраструктуры, повысит доходность местных бюджетов, обогатит управленческий опыт, с другой стороны, ускорит выход продукции и услуг этой отрасли на международные рынки.

Другой не менее важной задачей является стимулирование деловой активности и развитие малого и среднего бизнеса, в том числе семейного, в сфере туристско-рекреационной деятельности, а также в смежных и сопутствующих отраслях (торговля, транспорт, общественное питание, гостиничное хозяйство, услуги, сервис, прокат, связь, народные промыслы и ремесла, агротуризм и др.). Здесь необходимо предусмотреть комплекс стимулирующих и поддерживающих мер для активизации инициативы и предприимчивости населения, проживающего в рекреационных зонах. Такая система поддержки должна включать в себя налоговые льготы, льготное государственное кредитование, упрощенную процедуру регистрации и т.д.

Сохранение и эффективное использование природно-рекреационных ресурсов является неременным условием высокой привлекательности рекреационных зон. С этой целью необходимо решение таких задач как четкое определение стратегии использования рекреационного потенциала, совершенствование соответствующей законодательной базы, налаживание эколого-экономического механизма повышения эффективности потребления природно-рекреационных ресурсов региона на основе системы поощрений и санкций.

Эффективное использование природно-рекреационного потенциала региона на данном этапе становится прорывным направлением развития республики. Оно обеспечит быструю отдачу в виде реализации дополнительных объемов производимой продукции и оказываемых услуг, получения новых ресурсов и других преимуществ в смежных видах экономической деятельности (промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг, здравоохранении, культуре, транспорте, связи, малом бизнесе и др.).

Список литературы / References

1. Барлыбаев А.А. Современное состояние и направления развития рекреационной сферы Республики Башкортостан / А.А. Барлыбаев, Н.Х. Фатхуллина, Г.М. Насыров // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 43 (346). – С. 48-58.
2. Гильмутдинова Л.Т. Курортно-рекреационные ресурсы Республики Башкортостан // Курортные ведомости. – 2007. – № 7. – С. 15-16.
3. Платные услуги населению Республики Башкортостан: статистический сборник – Уфа: Башкортостанстат, 2015. – 48 с.

4. Реализация концепции и программы развития санаторно-курортной системы в Республике Башкортостан [Электронный ресурс] – режим доступа: // http://www.bashkortostan.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=11763
5. Рекреационная деятельность в Башкортостане [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-28171.html>
6. Хисматов М.Ф. Минерально-сырьевой потенциал республики // Экономика и управление. – 1995. – № 2. – С. 26.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Barlybaev A.A. Sovremennoe sostojanie i napravlenija razvitija rekreacionnoj sfery Respubliki Bashkortostan [Current status and directions of development of recreational sphere of the Republic of Bashkortostan] / A.A. Barlybaev, G.M. Nasyrov, N.Kh. Fatkhullina // Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika [Economic analysis: theory and practice] – 2013. – № 43 – P. 48-58. [in Russian]
2. Gilmutdinova L.T. Kurortno-rekreacionnye resursy Respubliki Bashkortostan [Resort and recreational resources of the Republic of Bashkortostan] // Kurortnye vedomosti [Resort sheets] – 2007. – № 7. – P. 15-16. [in Russian]
3. Platnye uslugi naseleniju Respubliki Bashkortostan [Paid services to the population of the Republic of Bashkortostan]: Statisticheskii sbornik [Statistical collection] – Ufa: Bashkortostanstat, 2015. – 48 P. [in Russian]
4. Realizatsiia kontseptsii i programmy razvitija sanatorno-kurortnoi sistemy v Respublike Bashkortostan [Implementation of the concept and program of development of sanatorium system in the Republic of Bashkortostan] [Electronic resource]. – URL: http://www.bashkortostan.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=11763. [in Russian]
5. Rekreatsionnaja deiatel'nost' v Bashkortostane [Recreational activity in Bashkortostan] [Electronic resource] – URL: <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-28171.html>. [in Russian]
6. Hismatov M.F. Mineral'no-syr'evoi potentsial respubliki [Mineral and raw capacity of the republic] // Ekonomika i upravlenie [Economy and management] – 1995. – № 2. – P. 26. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.073

Волкова Н.А.

Аспирант,

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ)

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация

В статье рассматриваются существующие в российской практике методы оценки корпоративного управления на предприятиях. Проводится анализ данных методов и дается описание их достоинств и недостатков. Основное внимание уделяется методам количественной оценки качества корпоративного управления предприятий. Предлагается новый подход количественной оценки качества корпоративного управления с учетом его влияния на финансовые показатели предприятия. Итоговая количественная оценка уровня качества корпоративного управления является в некотором роде комплексной моделью производительности и зрелости управленческой системы предприятия, аналогом СММИ. Данная модель позволит понять, на каком уровне зрелости находится предприятие, и как это влияет на стоимость корпорации в целом.

Ключевые слова: корпоративное управление, модель оценки корпоративного управления, процесс принятия управленческих решений, количественная оценка корпоративного управления, эффективность управленческих решений.

Volkova N.A.

Postgraduate student,

Russian Economics University of G.V. Plekhanov (REU) in Moscow

ANALYSIS OF EVALUATION METHODS OF CORPORATE MANAGEMENT COMPANIES IN THE RUSSIAN PRACTICE

Abstract

The article discusses the existing in Russian practice the methods of evaluation of corporate governance in enterprises. The analysis of these methods and describes their advantages and disadvantages. Focuses on methods of quantitative assessment of the quality of corporate governance of enterprises. We propose a new approach for quantitative assessment of the quality of corporate governance taking into account its impact on the financial performance of the company. The final quantitative assessment of the level of quality of corporate governance is somewhat complex model of performance and maturity of enterprise management system, similar to CMMI. This model will allow us to understand at what level of maturity the company is located and how it affects the value of the Corporation as a whole.

Keywords: corporate governance, valuation model of corporate governance, the process of managerial decision making, quantitative assessment of corporate governance, efficiency of management decisions.

Управленческая деятельность в сфере экономики, менеджмента и маркетинга, всегда связана с принятием управленческих решений по различным управленческим ситуациям. Поэтому в общем случае под решением понимают набор управленческих воздействий (действий со стороны лица, принимающего решения (ЛПР)) на объект (систему, комплекс и т. д.) управления, позволяющий привести данный объект в желаемое состояние или достичь поставленной перед ним цели [1]. Процесс принятия решений (ПР) — это один из этапов управленческой деятельности, на котором происходит выбор наиболее предпочтительного решения из допустимого множества решений, или упорядочение множества решений по их важности. [1]

Управленческие решения отличаются многообразием форм, так как отражают многогранность, сложность взаимодействия объективных и субъективных факторов, которые взаимодействуют в производственных системах. Корпоративное управление – это своего рода система руководства и контроля над деятельностью компаний. Поэтому глубокому анализу и оценке должны быть подвергнуты стратегические управленческие решения ЛПР.

В России не на всех предприятиях уделяется необходимое внимание ведению стандартов корпоративного управления, повышению его эффективности, что вызвано такими причинами, как:

- неосведомленностью предприятий о необходимости внедрения стандартов корпоративного управления;
- несовершенство нормативно-правовой базы в сфере акционерного законодательства;
- сложность в применении критериев оценки эффективности корпоративного управления [2].

Кроме того, отсутствие научно обоснованного аппарата оценки эффективности корпоративного управления усложняет понимание необходимости соблюдения корпоративных стандартов.

Всестороннее изучение трудов зарубежных и отечественных ученых показало, что вопросы оценки экономической эффективности управленческих решений отошли на второй план, хотя традиционные методы оценки экономической эффективности управления к российским корпорациям практически не приемлемы. Следовательно, научные исследования, посвященные решению этой сложной проблемы, высокую актуальность имеют [5].

В настоящее время существует две группы методик оценки эффективности корпоративного управления: управленческие и экономические. Методы оценки эффективности корпоративного управления с использованием управленческих критериев представлены в основном различными рейтингами.

Рейтинг КУ «РИД – Эксперт РА» оценивает соблюдение интересов собственников: соответствие компании требованиям российского законодательства в части КУ, соблюдение рекомендаций Кодекса КУ, наличие рисков нарушения прав акционеров компании и т.д. [3] Недостатком данного метода является то, что этот метод не учитывает способность капитала компании приносить доход. Основное внимание уделяется правовому соблюдению интересов собственников.

CORE-рейтинг, рейтинг «ПРАЙМ-ТАСС», рейтинг КУ, Standart & Poor's, Brunswick UBS Warburg, все эти методы оценки задают каждому оценочному показателю вес, который основывается на субъективном мнении экспертов. Используется интегрированный показатель сравнения с высшими результатами всей совокупности анализируемых компаний, что показывает расстояние от точки с координатами из нормированных показателей предприятия анализируемого до точки с единичными координатами эталонного предприятия. Недостатки данных методов сводятся к тому, что рейтинговая оценка малоинформативна, потому что показывает место занимаемое предприятием среди др. фирм. Эти методы применимы только к компаниям с эффективно действующими механизмами корпоративного управления. Отечественные методики имеют противоречивый характер, так как основываются на мнениях экспертов, а зарубежные методики не всегда возможно применить к российским предприятиям, т.к. они не удовлетворяют требованиям зарубежных оценщиков в прозрачности информации. Формирование показателей эталонного предприятия является достаточно сомнительным, т.к. со временем ориентиры изменяются. А также не учитываются взаимосвязи между показателями.

Системы мониторинга корпоративного управления, согласно А. Коупланду, Д. Коллеру и Р. Муррину основным инструментом которых является финансовая отчетность, предоставляемая предприятием всем заинтересованным сторонам, основана на информационной прозрачности акционерного общества, что является одним из наиболее важных факторов эффективности КУ. Эти методы оценки эффективности корпоративного управления не позволяют дифференцировать интересы различных собственников и не конкретизируют экономические критерии оценки деятельности анализируемого предприятия.

Методы оценки эффективности корпоративного управления с использованием экономических критериев:

1) Статистически обоснованные модели прогнозирования возможного банкротства предприятия на заданный временной период.

2) Ранговые методики рейтингования предприятий.

3) Отраслевые методы ранжирования предприятий.

4) Методики определения рейтинга предприятия в целях кредитования.

Недостатками этих методов является то, что они основаны на оценке экономических выгод. Они не учитывают заинтересованность собственников в работе предприятия, как на пример интерес установления контроля за его деятельностью, возможность влияния на управленческие решения и т.п.

Также в современной российской практике применяются различные количественные методы оценки эффективности корпоративного управления предприятием, основанные на получении оценочных результатов эффективности управления на основе анализа финансового состояния и рыночной стоимости предприятия (рис. 1) [4]:

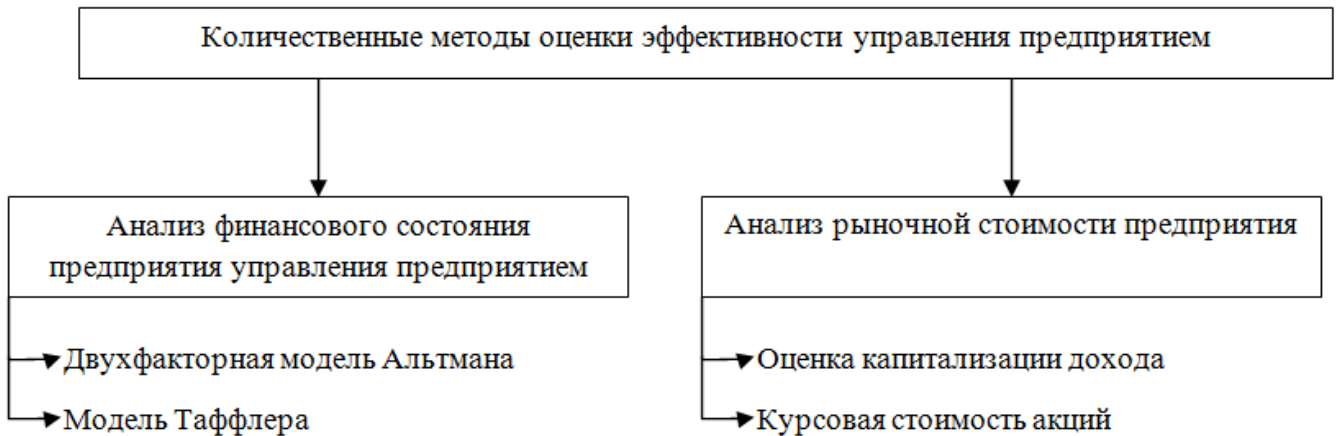

Рис. 1 – Количественные методы оценки эффективности управления предприятием

Анализ финансового состояния предприятия осуществляется двумя этапами:

- оценивается вероятность банкротства (через двухфакторную модель Альтмана)
- оценивается финансовая устойчивость предприятия (модель Таффлера).

Двухфакторная модель Альтмана производит оценку степени банкротства компании, а многофакторная модель Таффлера строит модель платежеспособности компании [2]. В результате все рассчитанные показатели сопоставляются, и делается вывод о финансовом состоянии предприятия.

Недостатками данного метода является то, что компании, имеющие финансовые трудности, всячески задерживают публикацию своих отчетов, поэтому корректные данные долгое время недоступны. Данные, публикуемые в отчетах, могут быть не достоверными, что приводит к тому, что одни показатели деятельности предприятия могут свидетельствовать о неплатежеспособности, а другие давать основания о стабильности его работы.

Вторая методика оценки эффективности корпоративного управления предприятием основана на анализе его рыночной стоимости. Метод капитализации дохода основан на определении стоимости предприятия путем деления текущих доходов предприятия на коэффициент капитализации.

Основной недостаток - необходимым и обязательным условием применения этого метода считается допущение о том, что доходы, приносимые компанией в будущем останутся на сравнительно одном уровне с текущими доходами.

Метод оценки курсовой стоимости акций заключается в сравнении курсовой стоимости акций в текущем и предыдущем периодах. Основным недостатком - отсутствие исходных данных, т.к. на биржах котируются акции узкого круга российских компаний.

Таким образом, все методы оценки эффективности корпоративного управления, которые были заимствованы за рубежом и применяются в российских условиях, не всегда эффективны. Требуется совершенно другой метод, основанный на создании новых подходов к оценке экономической эффективности корпоративного управления.

Данную задачу может решить метод сбалансированных систем показателей Нортон и Каплана, т.к. в ней реализована попытка дополнить количественные расчеты качественными оценками. Они могут помочь оценить все явные и неявные факторы эффективности управления, связанные с общей стратегией корпорации. Основным недостатком этих методов является тот факт, что для их эффективного применения предприятию необходимо самостоятельно разработать собственную детальную систему показателей и внедрить ее во всех подразделениях по всей цепочке создания дополнительной стоимости. Другой слабой стороной этого метода является фактор влияния субъективного мнения на выбор системы показателей.

Для комплексной оценки эффективности корпоративного управления необходимо разработать методику, сочетающую в себе элементы экономических критериев оценки.

В работе предлагается модель оценки уровня корпоративного управления предприятием, состоящую из набора компонент каждая из которых определена характерным набором показателей (рис. 2).

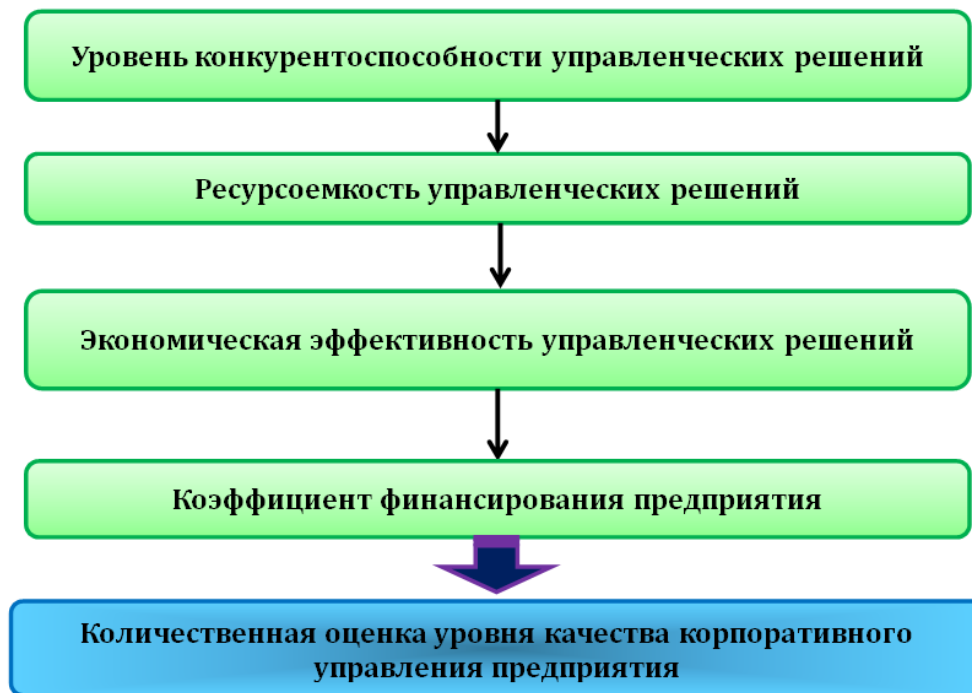

Рис. 2 – Комплексная модель оценки уровня качества корпоративного управления предприятия

Итоговая количественная оценка уровня качества корпоративного управления является в некотором роде комплексной моделью производительности и зрелости управленческой системы предприятия (аналогом СММІ). Что позволит понять на каком уровне зрелости находится предприятие, и как это влияет на стоимость корпорации в целом. В Российской Федерации данные о рыночной цене проданных компаний, особенно в малом и среднем бизнесе, находящиеся в собственности у частных инвесторов, обычно являются закрытыми. Полученная информация из сети Интернет и других СМИ о результате, который дала оценка стоимости компании, уже реализованной на открытом рынке, требует подтверждения, поскольку, как показывает практика, владельцы бизнеса любят переоценивать собственный бизнес, из-за чего цена предложения нередко завышается в несколько раз. Однако бывают случаи, когда компании остаются недооцененными. Причинами таких расхождений в стоимости могут служить отсутствие информации о текущем состоянии рынка, ограниченность сроков, в течение которых нужно продать бизнес. Оценка компании включает в себя не только оценку активов, но и оценку стоимости долга компании, и эффективности основной деятельности. Решением данных трудностей при оценке корпораций может стать комплексная количественная оценка качества корпоративного управления предприятием, т.к. в ее основе заложена не одна методика расчета стоимости активов, а комплекс моделей, оценивающих работу предприятия с различных сторон (табл. 3).

Таблица 3 – Этапы расчета количественной оценки качества корпоративного управления предприятием

Наименование критерия	Описание	Метод расчета
Уровень конкурентоспособности УР	Свойства: - Адресность УР - Своевременность УР - Исполнимость и сроки исполнения. - Технология разработки и практического осуществления УР	Лингвистическая переменная по шкале значений: $\hat{I}_{\text{конк}} = \{\text{Очень низкая CF1; Низкая CF2; Средняя CF3; Высокая CF4}\}$, где CF1, CF2, CF3, CF4 – факторы уверенности, определяющиеся как функции принадлежности
Ресурсоемкость	Для различных решений необходимы различные ресурсы (временные, информационные, людские, экономические, технические и пр.) и в разном количестве и соотношении.	Среднее геометрическое обеспеченности ресурсов по каждому типу ресурсов: $I_{\text{рес}} = \sqrt[4]{\prod_{i=1}^4 \frac{K(P_i)}{Z_i}}$ где $i = \{\text{временные, информационные, людские, экономические}\}$, $K(P_i)$ – норматив затрат выделенного ресурса i -того вида в денежном эквиваленте; Z_i – сумма реальных затрат на реализацию того или иного УР по i -тому виду ресурсов.

Окончание табл. 3 – Этапы расчета количественной оценки качества корпоративного управления предприятием

Экономическая эффективность УР	Эффект управленческих решений в общем виде количественно можно выразить в приросте объема товарооборота, в ускорении товарооборачиваемости или в уменьшении объема товарных запасов	$\Theta = \frac{\prod (P_j * T_j)}{3} = \frac{P_j * (T_{fj} - T_{nj})}{3}$ <p>где Θ – экономическая эффективность от увеличения j-того показателя; P_j – прибыль наед. j-того показателя; T_j – прирост j-того показателя в результате внедрения управленческого решения; T_{fj} – фактический j-тый показатель после внедрения управленческого решения; T_{nj} – j-тый показатель за сопоставимый период до внедрения управленческого решения; 3 – затраты на разработку, реализацию управленческого решения и хозяйственную деятельность организации.</p>
	Ожидаемая прибыль при принятии тех или иных управленческих решений на непроизводственном предприятии	$Д = В - З_0 - З_i$ <p>где В – выручка при реализации объема услуг после принятия управленческих решений; Z_i – затраты на реализацию управленческих решений; Z_0 – затраты на осуществления основной деятельности</p>
	Стоимость предприятия	<p>Метод дисконтированных денежных потоков:</p> $V = \sum_{t=1}^n \frac{FCF_t}{(1+r)^t}$ <p>где n – период, за который существуют прогнозные значения денежных потоков; r – ставка дисконтирования с учетом риска и стоимости капитала; FCF_t – чистый денежный поток, доступный компании в периоде t.</p>
	Оценка экономической эффективности	$I_{эфф} = K_1 * \Theta + K_2 * \frac{Д}{PP} + K_3 * V.$ <p>где K_1, K_2, K_3 – весовые коэф-ты, определяющиеся при факторном анализе критериев оценки экономической эффективности предприятия; PP – ресурсный потенциал, равный стоимости всех видов ресурсов.</p>
Запаса финансовой устойчивости предприятия	Показатель финансовой динамики для кратко-, средне- и долгосрочной задолженности	$m = k / k_{норм} + l * T,$ <p>где k – коэффициент ликвидности (отношение активов к сумме долга без учета процентов по банковским кредитам); $k_{норм}$ – нормативное значение коэффициента ликвидности; T – нормативный период погашения задолженности; l – коэффициент покрытия задолженности за счет чистой прибыли</p>
	Оценка источников финансирования	$I_{фин} = \frac{\sum_{t=1}^T \frac{СК_t}{ЗК_t}}{T} + \frac{\sum_{t=1}^T m_t}{T}$ <p>где СК_t – собственный капитал предприятия в период времени t; ЗК_t – заемный капитал компании в период времени t; m_t – показатель финансовой динамики в период времени t; T – количество рассматриваемых временных периодов.</p>

Данный метод представляет собой синтаксис различных моделей оценки эффективности деятельности предприятия, что позволяет получить комплексную оценку деятельности и управления предприятием в целом.

Список литературы / References

1. Афоничкин А. И. Управленческие решения в экономических системах : учебник / А. И. Афоничкин, Д. Г. Михаленко. – СПб., 2009. – 480 с.
2. Иванова Е. А. Корпоративное управление / Е. А. Иванова, Л. В. Шишикина. – Ростов н/Д: «Феникс», 2007. – 256 с.
3. Моисеев С. Регулирование деятельности рейтинговых агентств на национальном рынке / С. Моисеев // Вопросы экономики. – 2009. - №2. – С.42
4. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / Т. Саати. – М.: «Радио и связь», 1993. – 366 с.

5. Филатова А. А. Современная практика корпоративного управления в российских компаниях / А. А. Филатова, К. А. Кравченко. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 245 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Afonichkin A. I. Upravlencheskie reshenija v ekonomicheskikh sistemah : uchebnik [Management decisions economic systems : manual] / A. I. Afonichkin, D. G. Mihalenko – SPb., 2009. – 480 p. [in Russian]
2. Ivanova E. A. Korporativnoe upravlenie [Corporate governance] / E. A. Ivanova, L. V. Shishikina – Rostov n/D: «Feniks», 2007. – 256 p. [in Russian]
3. Moiseev S. Regulirovanie dejatel'nosti rejtingovyh agentstv na nacional'nom rynke [Regulation of rating agencies on the national market] / S. Moiseev // Voprosy ekonomiki [Economics Questions]. – 2009. – № 2. – P. 42 [in Russian]
4. Saati T. Prinjatие reshenij. Metod analiza ierarhij [Decision-making. Method of analysis of hierarchies] / T. Saati – М.: «Radio isvjaz'», 1993. – 366 p. [in Russian]
5. Filatova A. A. Sovremennaja praktika korporativnogo upravlenija v rossijskikh kompanijah [Modern corporate governance practice in Russian companies] / A. A. Filatova, K. A. Kravchenko – М.: Al'pinaBiznesBuks, 2007. – 245 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.165

Ворова Е.А.¹, Морозов Р.А.²

¹ORCID: 0000-0002-1372-4898, Кандидат экономических наук,

Международная академия бизнеса и новых технологий (Академия МУБиНТ) г. Ярославль

²ORCID: 0000-0002-6571-7163, Заместитель главы администрации г. Кирова

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**

Аннотация

Реализация результатов исследования является фундаментальной основой для дальнейших исследований, которые позволяют выработать систему роста производительности труда через формирование подходов к повышению квалификации научных, инженерно-технических и рабочих кадров, что будет существенно оказывать влияния на устойчивое развитие региональной экономики, а, следовательно, экономики государства в целом. Сложившаяся на сегодняшний день востребованность новых форм регулирования в предпринимательской сфере безусловно предопределила необходимость создания новых инновационных механизмов реализации института саморегулирования в различных отраслях народного хозяйства страны.

Ключевые слова: саморегулируемые организации, СРО, институциональная инфраструктура, качество, строительный комплекс, региональная экономика.

Vorova E.A.¹, Morozov R.A.²

¹ORCID: 0000-0002-1372-4898, PhD in Economics,

International Academy of business and new technologies (Academy MUBiNT), Yaroslavl

²ORCID: 0000-0002-6571-7163, Deputy head of administration of Kirov

**THE INSTITUTIONAL INFRASTRUCTURE OF SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS
AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONAL ECONOMY**

Abstract

The realization of the results of the research work has created a foundation for further investigations which allows to develop the system to raise labor productivity by means of the formation of approaches to professional development of scientific, engineering and working staff, which will make a great impact on steady development of economy and consequently, on the national economy on the whole. The current demand for new forms of regulation in the field of entrepreneurship undoubtedly predetermined the necessity of creating new innovative tools to realize the self-regulatory institute in various fields of national economy.

Keywords: self-regulatory companies, SRO, institutional infrastructure, quality, construction complex, regional economy.

В концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года одним из важнейших принципов взаимоотношений государства и бизнеса является создание благоприятных условий для свободы предпринимательства и здоровой конкуренции, а также развитие механизмов саморегулирования предпринимательского сообщества [1]. Реформирование инфраструктуры является важнейшим направлением социально-экономических преобразований в Российской Федерации. Инфраструктурное обеспечение и институциональная поддержка являются неотъемлемыми элементами, влияющими на развитие региона в целом. Необходимо изменение принципиального подхода и выведение развития инфраструктуры на уровень функциональных стратегий региона.

Под государственным регулированием принято понимать целенаправленное воздействие государства на организацию определенной сферы жизнедеятельности общества по средствам издания законов и иных нормативно-правовых актов, которые определяют предлагаемые данным государством правила деятельности в соответствующей сфере. Данное определение легло в основу формирования понятия «саморегулирование», что нашло отражение в ряде нормативно-правовых актов РФ. К ним относятся:

– Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» № 315 - ФЗ, в котором отмечено, что саморегулирование – это самостоятельная и инициативная деятельность, осуществляемая субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и

установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил [2].

– Градостроительный кодекс РФ, где ст. 55 ч. 2 гласит, что содержанием деятельности саморегулируемых организаций (СРО) в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального строительства являются разработка и утверждение документов, предусмотренных ст. 55 настоящего кодекса, а также контроль за соблюдением членами такой СРО требований этих документов [3].

Изучение подходов к определению саморегулирования создало предпосылки к постановке основных целей и задач, а также определения их взаимосвязи, оказывающих существенное влияние на становление и развитие данной системы. Цели и задачи системы саморегулирования систематизированы и представлены на рисунке 1, при чем данные цели СРО и задачи по качественному функционированию СРО довольно подробно определены действующим законодательством, в частности, требованиями гл. 6¹ №190 – ФЗ «Градостроительный кодекс Российской Федерации», №384 – ФЗ от 30.12.2009 г. «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» и другими федеральными законами и подзаконными актами Правительства РФ. Решение задач по качественному функционированию членом СРО – прерогатива саморегулируемых организаций, которые должны создать систему, обеспечивающую повышение качества выполнения видов работ и услуг организаций.

Рис. 1 – Цели и задачи саморегулируемых организаций

Необходимо отметить, что важным этапом в развитии института саморегулирования в РФ стало принятие федерального закона №372 - ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты в РФ» от 03.07.2016 г., в соответствии с которым все физические и юридические лица, выполняющие строительные работы объединяются в СРО по региональному принципу, т.е. отсутствует возможность вступления в саморегулируемую организацию, зарегистрированную в другом регионе. Это позволило более четко выстроить систему контроля за деятельностью членом саморегулируемых организаций, сформулировать цели и задачи, отраженные на рисунке 1 в рамках системы менеджмента качества деятельности данных СРО и их членом. При этом необходимо отметить, что данные изменения коснулись только организаций в области

строительства. Функционирование организаций в области изысканий и проектирования на сегодняшний момент осталось на прежней основе, с возможностью вступления в саморегулируемые организации без учета регионального аспекта, что безусловно сказывается в отрицательном аспекте на процесс совершенствования системы саморегулирования строительной отрасли.

С учетом развития института саморегулирования в Российской Федерации и появления возможности изучения регионального устройства СРО появляется возможность создания региональной институциональной инфраструктуры саморегулируемых организаций независимо от их вида деятельности. Схема взаимодействия институциональной инфраструктуры СРО и региональной экономики представлена на рисунке 2.

Рис. 2 – Схема взаимодействия институциональной инфраструктуры СРО и региональной экономики

Институциональная инфраструктура должна формироваться по принципу единства, где основным элементом ее воздействия являются не только члены СРО – физические и юридические лица, но и главные специалисты, осуществляющие деятельность по разработке и принятию решений. В данном случае очевидно, что качество деятельности саморегулируемых организаций напрямую зависит от качества и уровня подготовки к профессиональной деятельности специалистов, что в свою очередь создает предпосылки к разработке стратегии выстраивания траектории получения знаний, навыков и умений кадровых ресурсов организаций в рамках образовательной системы РФ.

Важность создания и организации региональной институциональной инфраструктуры СРО состоит в том, что вновь созданные институты должны формировать и реализовывать интеллектуальный план развития кадровых ресурсов, соответственно и региональной экономики, в том числе развивать свой собственный потенциал, влияя на региональные экономические процессы через повышение профессиональных компетенций специалистов с учетом возможностей сетевого взаимодействия с региональными образовательными учреждениями.

Необходимо подчеркнуть, что создание региональной институциональной инфраструктуры саморегулируемых организаций создаст предпосылки к формированию дополнительных рабочих мест в регионе, необходимость привлечения специалистов, которые владеют как теоретическими знаниями, так и практическим опытом. На сегодняшний момент данная сфера деятельности исследована недостаточно, а существующая система образования не

позволяет решать задачи, поставленные государством перед профессиональным сообществом. По нашему мнению, ВУЗы и их подходы к реализации образования кадровых ресурсов позволят решать данные задачи при условиях выстраивания системы взаимодействия региональной институциональной инфраструктуры с системой образования и СРО.

В соответствии с законодательством, саморегулируемые организации - некоммерческие организации, которые должны сформировать свою институциональную инфраструктуру. В свою очередь созданные институты должны иметь форму автономных некоммерческих организаций, целью которых должно являться извлечение дохода, направленного на совершенствование своей деятельности, а не получение прибыли.

Таким образом, институты, входящие в региональную институциональную инфраструктуру, будут вынуждены взаимодействовать друг с другом, в результате чего появится синергетический эффект, что в свою очередь окажет существенное влияние на развитие и качество функционирования организаций, членов данной СРО. В данном случае рассматривается опыт саморегулируемых организаций в строительном комплексе, но опыт формирования региональной институциональной инфраструктуры СРО должен иметь универсальный характер, поскольку деятельность по формированию профессиональных сообществ с использованием системы саморегулирования должен оказать существенное влияние на обеспечение отраслей народного хозяйства высокопрофессиональными кадрами, вне зависимости от отраслевой принадлежности.

Список литературы / References

1. Российская Федерация. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : [утверждена распоряжением Правительства 17 ноября 2008 г.]. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 20.10.2016)

2. Российская Федерация. Законы. О саморегулируемых организациях: федер. закон : [принят Гос. Думой 16 ноября 2007 г. : одобр. Советом Федерации 23 ноября 2007 г.]. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 16.10.2016)

3. Российская Федерация. Законы. Градостроительный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [принят Гос. Думой 22 декабря 2004 г. : одобр. Советом Федерации 24 декабря 2004 г.]. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_51040/ (дата обращения: 16.10.2016)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rossijskaja Federacija. Konceptija dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [Russian Federation. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2020]: [accepted by Decree of the Government on November 17, 2008] [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (accessed: 20.10.2016) [in Russian]

2. Rossijskaja Federacija. Zakony. O samoreguliruemym organizacijah [Russian Federation. Laws. On self-regulatory organizations]: federal law: [accepted by State Duma on November 16, 2007: approved by the Federation Council on November 23, 2007] [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (accessed: 16.10.2016) [in Russian]

3. Rossijskaja Federacija. Zakony. Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii [Russian Federation. Laws. Town Planning Code of the Russian Federation]: federal law: [accepted by State Duma on December 22, 2004: approved by the Federation Council on December 24, 2004] [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_51040/ (accessed: 16.10.2016) [in Russian]

DOAJ

Все материалы, опубликованные в Международном научно-исследовательском журнале, размещаются в депозитарии научных изданий Университета Лунда.

DOAJ (Лунд, Швеция) [<http://www.doaj.org/>].

Таким образом, публикации наших авторов доступны еще большему кругу исследователей, что поднимает их статус и увеличивает возможность цитирования.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.196

Герасимова Е.И.

Студент,

Финансовый университет при Правительстве РФ

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЫНКА ВИДЕОИГР

Аннотация

Освещается современное состояние рынка видеоигр, рассматривается его инвестиционный потенциал. Проанализированы различные способы инвестирования в этот рынок. Показаны преимущества, недостатки и особенности каждого из этих методов. Выявленные стратегии инвестирования основываются на реальных примерах проектов, показана возможная прибыль. Итогом работы является аналитическая таблица, в которой даётся оценка всех полученных результатов. Для каждого способа дается подходящая характеристика инвестора.

Ключевые слова: рынок видеоигр, инвестирование, краудфандинг, игры с выводом денег, акции.

Gerasimova E.I.

Student,

Financial University under the Government of the Russian Federation

THE INVESTMENT POTENTIAL OF THE VIDEO GAME MARKET

Abstract

The article researches the modern condition of the video game market and its potential. The author has analyzed different ways of investing in this market; has identified advantages, disadvantages and typical features of each method. The identified investment strategies are supported by real projects examples and its potential profit is shown. The results of the research are shown in the assessment analytical table. The appropriate characteristic of a potential investor is provided for each of the methods.

Keywords: video game market, investment, crowdfunding, gambling, stocks.

Необычное мероприятие, в котором приняли участие ведущие компании в области разработок видеоигр и техники для них, привлекло более 163 тысяч человек в выставочный комплекс «Крокус Экспо». Выставка «ИгроМир» познакомила зрителей с самыми ожидаемыми проектами, давая каждому возможность протестировать игры, оборудование, и даже принять участие в турнирах. Очевидно, что рынок видеоигр остается востребованным и желанным, как для игроков, так и для производителей. Стоит отметить возрастающие бюджеты игр и их продажи. По мнению экспертов, существует вероятность, что объем мирового рынка игр в перспективе может приблизиться к \$ 100 миллиардам. Но насколько привлекателен он для инвесторов? И можно ли вообще вкладывать в игры деньги с возможностью заработка?

На сегодняшний день существует несколько способов инвестирования в этот рынок, однако риски и возможные доходы значительно отличаются друг от друга.

Первый способ выделяется своей простотой. Краудфандинг, появившийся менее двадцати лет назад, уже успешно зарекомендовал себя. Надо отметить, что он позволяет привлекать денежные средства на разные цели: записи альбомов, съёмки фильмов, сбор средств для стартового капитала и т.д. Поэтому не удивительно что существует множество площадок для сбора средств таким образом, и, не секрет, что игровая индустрия успешно развивается благодаря сборам организованных таким образом.

Сам процесс инвестирования проходит достаточно просто, изначально ищется популярная краудфандинговая площадки, затем выбирается потенциально прибыльная игра. В проектах, как правило, описывается вкратце сюжет, особенности игры, необходимая сумма, период инвестирования, небольшую информацию о разработчике. Финальная стадия включает в себя переговоры и заключение контракта, в котором фиксируется сумма инвестиций и выплаты в случае успешной реализации игры.

Сразу надо оговорить, что люди, как правило, не инвестируют большие суммы, в среднем от \$5 до \$100. Однако проекты создаются за счет массовости. Чем интереснее проект, тем больше инвесторов готовы вложить в него деньги. Легко догадаться, что небольшие инвестиции не позволят вам заработать много денег, скорее всего вы получите прототип игры, но при этом крупные инвесторы могут договориться о более выгодных условиях, например о возможности получить некоторый процент дохода от продаж.

Одним из удачных примеров может служить Wasteland 2. Около 50% средств на создание игры было собрано с помощью сервисов Kickstarter и PayPal. Нужную сумму удалось собрать за месяц, и что примечательно, разработчики привлекли больше инвестиций чем рассчитывали. Старт продаж оказался удачным. Все затраты окупились в течение четырех дней. Игра смогла принести более \$54 миллионов. В результате разработчики и крупные инвесторы получили с каждого вложенного доллара — девять долларов прибыли. Другими словами, доходность за два с половиной года составила около 900%. Стоит заметить, что успех данного проекта можно объяснить популярностью первой части игры. Однако не все проекты жизнеспособны, и риск потерять деньги безусловно существует.

Следующий вид инвестирования довольно необычен, так как помимо традиционных вложений инвестору дается возможность повлиять на свой заработок. Все большую популярность получают игры с выводом реальных средств. Речь идет об онлайн играх. Тематика данных игр различна, но чаще всего это строительство городов или ферм.

Суть игры достаточно проста, вы вносите реальные деньги для создания начальной площадки, выполняя определенные действия, например сбор зерна или продажу скота, вы начинаете зарабатывать условные деньги, которые в последствие можно вложить в развитие города/фермы или вывести из игры на электронный кошелек.

Тут стоит отметить пару особенностей: все изначальные деньги появляются при регистрации игроков, так как реальной торговли не происходит и вывод средств осуществляется только за счет притока денег от новых игроков.

Сроки жизни таких игр различны, так что инвестировать в такие игры рекомендуется только при старте проекта. Кроме того доходность колеблется от 3 до 70%, но риски тут достаточно высоки. Например осенью 2015 года стартовал проект «MegaGorod», который успешно привлек более тысячи пользователей, и в среднем доходы составляли около 40-70%, но уже в декабре выплаты прекратились и сайт закрылся, логично предположить что только начавшие играть пользователи потеряли вложенные деньги.

При этом существует другой интересный проект «Ферма Соседи», ему уже 5 лет и за этот время они выплатили 282 873 112 FSR, данный сайт периодически вывешивает последние выплаты и имеет резерв выплат, который указан на сайте. Таблица «Последние 100 выплат» содержит следующую информацию: никнейм игрока, его уровень, суммы выплаты и дату. Проанализировав данные за 06.10.2016, можно получить примерно такую диаграмму:

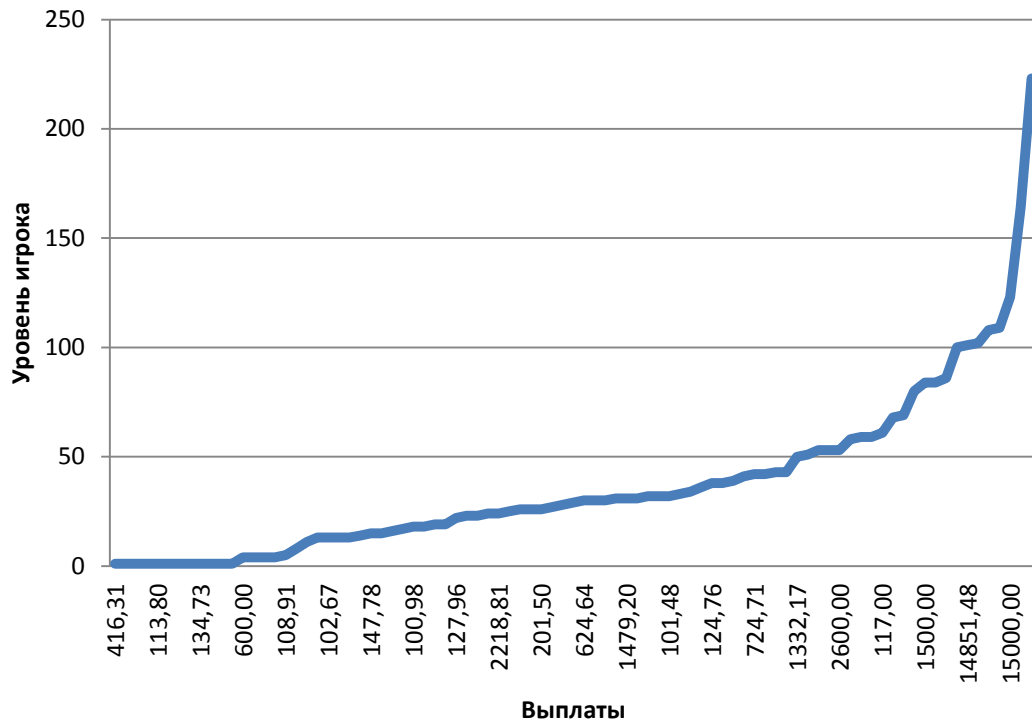

Рис. 1 – Выплаты за 06.10.2016

Легко заметить, что сумма на выходе прямо пропорционально зависит от уровня игрока, общая сумма выплат за этот период составила 125993,17 рублей, при этом средний уровень игроков получился 38, а среднее значение выплат составило 1448,20 рублей. При условии что изначально сервис предлагает вам бесплатно начать играть, а вносить деньги нужно уже только при развитии фермы. Доходность проекта «Ферма Соседи» приносит в среднем 10% дохода в месяц.

На первый взгляд, кажется что достаточно трудно оценить жизнеспособность проекта, однако существуют специальные сайты, где происходит такая оценка, помимо этого там можно почитать отзывы. После этого можно посчитать риски и примерную окупаемость, и при инвестировании по возможности лучше всего добиться максимальной быстрой окупаемости, чтобы в случае закрытия проекта быть в выигрыше.

Последний способ не является новым, но возможность заработать в нем намного выше. Не секрет, что топовые игры приносят разработчикам огромные суммы, обороты таких компаний исчисляются миллиардами долларов в год. Многие из этих фирм имеют листинг на мировых биржах.

Стратегия инвестирования не отличается в данном случае, от типовых операций с ценными бумагами. Выбирается, как правило, несколько компаний и оценивается динамика цен на их акции. Не забывая о принципе диверсификации, покупаем некоторое количество акций, пользуясь помощью брокера, специализирующегося на данном рынке. В большинстве случаев так же надо оценивать и проекты данных компаний, логично предположить, что при выпуске ожидаемой игры акции компании поднимутся в цене, а если конкурент предложит более интересный вариант, то акции данной компании могут упасть.

Рассмотрим в качестве примера пошаговую тактическую игру XCOM 2. Возьмем именно эту стратегию, так как она является продолжением достаточно популярной серии. Кроме того издатель 2K Games, является дочерней компанией крупного разработчика - Take-Two Interactive Software. И к тому же отзывы как иностранных, так и отечественных издателей достаточно высоки.

Таблица 1 – Рецензии на XCOM 2

Рейтинг на основании нескольких рецензий		Иноязычные издания		Русские издания	
Агрегатор	Оценка	Издание	Оценка	Издание	Оценка
GameRankings	86.39% (PC)	Destructoid	7 из 10	PlayGround.ru	9,5
	84.50% (PS4)	Game Informer	9,5 из 10	Игромания	9
	84.00% (XONE)	GameSpot	9 из 10	Навигатор игрового мира	8,7
Metacritic	87/100 (PS4)	IGN	8,5 из 10	Kanobu.ru	9
	88/100 (PC)	Polygon	8 из 10	Gameguru.ru	9,5
	86/100 (XONE)	VideoGamer	8 из 10	Gmbox.ru	9

Убедившись что XCOM 2 соответствует предполагаемым условиям, попробуем убедиться, что ожидаемость, известность (как серии игр, так и издательства) может в итоге повлиять на стоимость акций. Обратим особое внимание на следующие даты: 1 июня 2015 – анонс новой игры; 5 февраля 2016- выпуск игры на Microsoft Windows; 6,9 сентября 2016- выпуск игры на PS4 и Xbox One соответственно.

Таблица 2 – Изменение цен акций «Take-Two Interactive Software»

2015			2016		
Месяц	Дата	Цена, \$	Месяц	Дата	Цена, \$
Январь	01.02.15	28,1	Январь	01.04.16	34,17
Февраль	02.02.15	29,99	Февраль	02.02.16	33,44
Март	03.02.15	26,06	Март	03.02.16	37,32
Апрель	04.02.15	25	Апрель	04.01.16	37,99
Май	05.01.15	24,36	Май	05.02.16	35,43
Июнь	06.02.15	27,55	Июнь	06.02.16	38,9
Июль	07.02.15	27,4	Июль	07.01.16	37,92
Август	08.03.15	31,39	Август	08.01.16	40,29
Сентябрь	09.02.15	28,71	Сентябрь	09.01.16	43,76
Октябрь	10.02.15	29,39	Октябрь	10.03.16	45,16
Ноябрь	11.02.15	33,65	Ноябрь	нет данных	
Декабрь	12.02.15	35,88	Декабрь	нет данных	

Как видно из таблицы, после каждой обозначенной даты происходило значительное изменение в цене акций, кроме того на январь 2016 акции выросли более чем на 20% по сравнению январём 2015, а к октябрю 2016 эта величина составила более 60%.

Для дальнейшего анализа данные из таблицы 2 представим в виде графика.

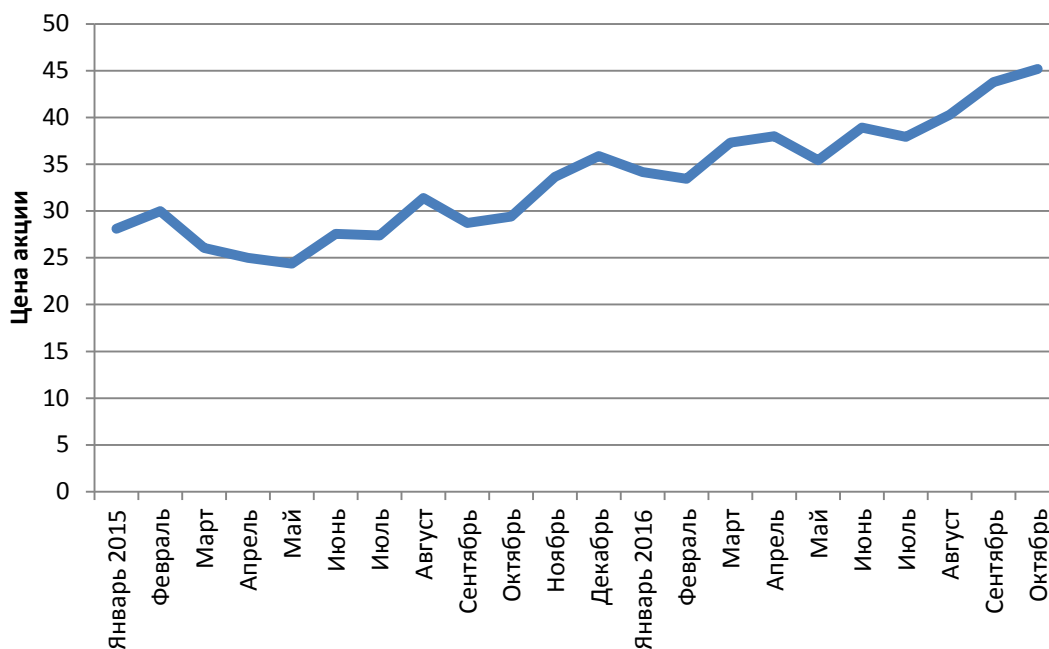

Рис. 2 –Графическая интерпретация цен акций «Take-Two Interactive Software»

Опираясь на полученные результаты, можно сделать вывод, что после каждой важной даты цена акции изменялась, то есть инвесторы активно вкладывали деньги, и конечно же кто сделал вложения раньше в итоге выиграл больше.

Однако инвестировать с помощью данного способа не так легко как могло показаться: следует учитывать множество переменных, так на пример, успех XCOM 2 связан с отсутствием на рынке конкурентов, за 2016 на рынке не было достойного аналога игры.

Таким образом можно сделать следующие выводы: инвестировать в рынок видео игр возможно, даже существует несколько способов как можно это сделать, каждый из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Для подведения итогов ниже приведена сравнительная таблица:

Таблица 3 – Сравнительный анализ способов инвестирования в рынок видеоигр

Способ	Плюсы	Минусы	Вывод
Краудфандинг	1. Не требует больших инвестиций 2. Возможность инвестировать в несколько проектов одновременно 3. Наличие большого количество площадок	1) Доход на прямую зависит от суммы вложенных денег 2) Непредсказуемость в плане реализации и окупаемости	Подойдет для начинающих инвесторов, не готовых вкладывать сразу большие суммы
Игры с выводом денег	1. Прозрачность (все детали максимально подробно указываются на сайте) 2. Возможность заработать быстро за короткий период времени	1) Требуется постоянного участия инвестора 2) Доходы зависят от уровня игрока 3) Нестабильность проектов (трудно оценить сколько «проживет» игра)	Подойдет больше для игроков-инвесторов, готовых уделять достаточно много времени игре
Покупка акций	1. Возможность получить достойный заработок 2. Постоянный доступ к важной информации 3. Возможность обратиться к специалисту	1) Требуется значительных инвестиций 2) Необходимость базовых знаний инвестирования 3) Высокие риски из-за большого количества переменных, которые необходимо учитывать	Данный способ подойдет инвестору с необходимыми знаниями, опытом и средствами

Список литературы / References

1. Квадрант денежного потока/ Р. Кийосаки; пер. с англ. О. Г. Белошеев. – 2-е изд. – Минск: Попурри, 2013. – 368 с. – (Серия «Богатый Папа»).
2. Горовая В.В. Практическое пособие по краудфандингу / под ред. к.э.н. Ф. В. Мурачковского. – Москва, 2016. –125 с.
3. Биржевая торговля по трендам: как заработать, наблюдая тенденции рынка/ Майкл Ковел; Издательский дом "Питер", 1 янв. 2013 г. - 354 с.
4. ИТ-революция: Хроники 1904-2014: Коммуникации, Интернет, Масс Медиа / Батыр Каррыев; SIBIS 2014. - 377 с.
5. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость/ Майкл Портер, перевод с английского, 4-е издание, изд. – Альпина, 2016. – 715 с.
6. Официальный сайт ИгроМир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.igromir-expo.ru/news> (дата обращения: 06.10.2016)
7. Блог независимого инвестора: Все об управлениями финансами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kinvestor.ru/kak-investirovat-v-igri/> (дата обращения 06.10.2016)
8. Официальный сайт экономического симулятора "FermaSosed.Ru"- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fermasosed.ru/#!/about> (дата обращения 07.10.2016)
9. Англоязычный веб-сайт о компьютерных играх. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gamerankings.com/browse.html?search=xcom+2&numrev=3&site=> (дата обращения 07.10.2016)
10. Веб-сайт игровой тематики в формате блога. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.destructoid.com/review-xcom-2-341421.phtml> (дата обращения 07.10.2016)
11. Официальный сайт американского ежемесячного бумажного журнала о компьютерных играх. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gameinformer.com/games/xcom_2/b/pc/default.aspx (дата обращения 07.10.2016)
12. Новостной и информационный веб-сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.ign.com/xcom-2-pc> (дата обращения 07.10.2016)
13. Официальный сайт журнала GameSpot. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gamespot.com/reviews/xcom-2-review/1900-6416347/> (дата обращения 07.10.2016)
14. Официальный сайт журнала Polygon. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polygon.com/2016/2/1/10872594/xcom-2-review-PC> (дата обращения 07.10.2016)
15. Официальный сайт журнала VideoGamer.com. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.videogamer.com/reviews/xcom-2-review> (дата обращения 07.10.2016)
16. Официальный сайт журнала Playground.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.playground.ru/games/xcom_2/ (дата обращения 07.10.2016)
17. Официальный сайт журнала Игромания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.igromania.ru/articles/569508/Oni_uzhe_zdes_Obzor_XCOM_2.htm (дата обращения 07.10.2016)
18. Официальный сайт журнала Навигатор игрового мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nim.ru/games/xcom-2/> (дата обращения 07.10.2016)
19. Официальный сайт компании Take-Two Interactive Software. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ir.take2games.com/phoenix.zhtml?c=86428&p=irol-stockLookup> (дата обращения 08.10.2016)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kvadrant denezhnogo potoka [The Cashflow Quadrant / Robert Kiyosaki] / per. from English. O. G. Belosheev. - 2nd ed. - Minsk: Popurri, 2013. - 368 p. - ("Rich Dad" series). [in Russian]
2. Gorovaya V.V. Prakticheskoe posobie po kraudfandingu [Practical guide to crowdfunding] / Ed. Ph.D. F.V. Murachkovskogo. - Moscow, 2016.-125 p. [in Russian]
3. Birzhevaya torgovlja po trendam: kak zarabotat', nabljudaja tendencii rynka [Exchange trade on trends: how to make watching market trends] / Michael Covell; Publishing house "Peter", January 1. 2013 - 354 p. [in Russian]
4. IT-revoljucija: Hroniki 1904-2014: Kommunikacii, Internet, Mass Media [IT Revolution: Chronicles 1904-2014: Communications, Internet, Media] / Batyr Karryev; SIBIS 2014. - 377 p. [in Russian]
5. Konkurentnoe preimushhestvo: Kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustojchivost' [Competitive Advantage: How to achieve high results and ensure its sustainability] / Michael Porter, translation from English, 4th Edition, Vol. - Alpina, 2016. - 715 p. [in Russian]
6. Official site Igromir [An electronic resource]. – Access mode: <http://www.igromir-expo.ru/news> (date of the address: 10/6/2016) [in Russian]
7. Blog of the independent investor: In total about managements of finance. [Electronic resource]. – Access mode: <http://kinvestor.ru/kak-investirovat-v-igri/> (date of the address 10/6/2016) [in Russian]
8. The official site of the economic FermaSosed.Ru simulator - [An electronic resource]. – Access mode: <https://fermasosed.ru/#!/about> (date of the address 10/7/2016) [in Russian]
9. The English-language website about computer games. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.gamerankings.com/browse.html?search=xcom+2&numrev=3&site=> (date of the address 10/7/2016) [in Russian]
10. The website of game subject in a blog format. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.destructoid.com/review-xcom-2-341421.phtml> (date of the address 10/7/2016) [in Russian]
11. The official site of the American monthly paper magazine about computer games. [Electronic resource]. – Mode dostupa: https://www.gameinformer.com/games/xcom_2/b/pc/default.aspx (date of the address 10/7/2016) [in Russian]
12. News and information website. [Electronic resource]. – Access mode: <http://ru.ign.com/xcom-2-pc> (date of the address 10/7/2016) [in Russian]

13. Official site of the GameSpot magazine. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.gamespot.com/reviews/xcom-2-review/1900-6416347/> (date of the address 10/7/2016) [in Russian]
14. Official site of the Polygon magazine. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.polygon.com/2016/2/1/10872594/xcom-2-review-PC> (date of the address 10/7/2016) [in Russian]
15. Official site of the VideoGamer.com magazine. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.videogamer.com/reviews/xcom-2-review> (date of the address 10/7/2016) [in Russian]
16. Official site of the PlayGround.ru magazine. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.playground.ru/games/xcom_2/ (date of the address 10/7/2016) [in Russian]
17. Official site of the Game addiction magazine. [Electronic resource]. – доступа: http://www.igromania.ru/articles/569508/Oni_uzhe_zdes_Obzor_XCOM_2.htm mode (date of the address 10/7/2016) [in Russian]
18. Official site of the Navigator of the Game World magazine. [Electronic resource]. – Mode of access <http://www.nim.ru/games/xcom-2/> (date of the address 10/7/2016) [in Russian]
19. Official site of the Take-Two Interactive Software company. [Electronic resource]. – Access mode: <http://ir.take2games.com/phoenix.zhtml?c=86428&p=irol-stockLookup> (date of the address 10/8/2016) [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.050

Дегтярёва Е.В.

ORCID: 0000-0002-1825-0023, Кандидат экономических наук,
Тюменский государственный университет

СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Аннотация

Проведено исследование значения сбережений населения (домохозяйств) в экономической жизни страны, а также роли домохозяйств на финансовом рынке, с учетом закономерностей поведения населения на финансовом рынке. Выявлены факторы, влияющие на экономическое поведение домохозяйств на рынке сбережений, определены направления инвестирования финансовых ресурсов населения. Результатом исследования явилось выявление мотивов и факторов, влияющих на принятие решений по инвестированию свободных денежных средств является важным в современных условиях развития экономики России.

Ключевые слова: домохозяйство, сбережения, инвестиции, вклады, экономическое поведение.

Degtyaryova E.V.

ORCID: 0000-0002-1825-0023, PhD in Economics,
Tyumen State University,

SAVINGS OF THE POPULATION AND THEIR IMPORTANCE IN THE ECONOMY OF RUSSIA

Abstract

A study of the value of savings of the population (households) in the economic life of the country, as well as the role of the households in the financial market, based on population patterns of behavior in the financial market. The factors influencing the economic behavior of households in the savings market, the directions of investitsirovaniya financial resources of the population. The result of the study was to identify the motives and factors that influence the decision to invest free funds is important in modern conditions of development of the Russian economy.

Keywords: home improvement, savings, investments, deposits, economic behavior.

Домохозяйства играют очень важную роль в экономике не только целой страны, но и города, в котором они расположены. Естественно, что домохозяйства являются именно конечными потребителями товаров и услуг, так же они поставляют на рынок трудовые ресурсы и получают от этого доход. И, самым важным, является то, что домохозяйства являются значимым источником сбережений, с помощью которых фондируется инвестиционная деятельность.

В современных условиях все большее и большее значение приобретает такое понятие, как финансы домохозяйства. Следует отметить, что финансы домохозяйств важны не только на уровне одной ячейки общества, но и оказывают влияние на экономическую ситуацию в стране в целом. Домохозяйства есть наиболее адаптивный субъект, что является несравненным преимуществом в постоянно меняющейся экономике.

Современная ситуации в России свидетельствует о том, что население не готово инвестировать или осуществлять сбережения по ряду факторов, а именно:

1. отсутствие знаний в области финансов;
2. низкая степень доверия к инвестиционным компаниям, коммерческим банкам и пр.;
3. отсутствие гарантий высокой и стабильной доходности;
4. падение доходов и благосостояния населения;
5. рост расходов на потребление.

Рассматривая сбережения населения или домохозяйств можно заключить, что это достаточно важный показатель качества жизни, а также, сбережения являются весомым ресурсом экономического развития регионов и страны в целом.

В современных условиях, сбережения населения рассматриваются как часть ресурсов домохозяйства, которая не используется ни на потребление, ни на уплату обязательных платежей и сборов.

Акцентируя внимание на сбережениях населения, можно увидеть тесную взаимосвязь между интересами домохозяйств, государства и определенных организаций, которые специализируются на предоставлении финансовых услуг (например, банки). Такая взаимосвязь появляется из того, что деньги населения – это ценный ресурс, который можно рассматривать как источник инвестирования. Это происходит путем перемещения денежных средств из сферы потребительского рынка в сферу оборота денежных средств предприятий.

В целом, можно отметить, что сбережения – достаточно объемное понятие, и единого варианта его определения в Российской Федерации нет. Так, одно из таких определений гласит, что денежные сбережения – это часть денежных доходов населения, предназначенных для удовлетворения будущих потребностей.

Таким образом, можно заключить, что по сути своей, денежные средства домохозяйств – это инструмент, благодаря которому достигается удовлетворение потребностей, значит в этом вопросе денежные средства, как и натуральные доходы имеют одинаковую первичную функцию. Что же касается накопления, то натуральные доходы, например, продукты, можно считать накоплением, если, допустим, иметь семена подсолнуха и вырастить часть из них. Кроме того, натуральные доходы через продажу приумножат денежные средства домохозяйства [4].

Основными формами сбережения для домохозяйств являются:

- вклады и депозиты в рублях и иностранной валюте;
- наличные деньги, хранящиеся «под подушкой»;
- вложения в ценные бумаги;
- резервы страховых взносов населения;
- вложения в недвижимость;
- вложения в драгоценные металлы, объекты тезаврации.

Следует отдельно отметить тот факт, что наличие множества разных форм сбережений могут принести владельцу не только дополнительный доход, но и страховку. Чтобы выбрать, какой способ накоплений подходит домохозяйствам следует обращать внимание на критерии:

- ликвидность – способность сбережений легко и быстро обращаться в деньги;
- безопасность – вероятность того, что внесенные средства вернуться обратно;
- норма дохода – получение дополнительного дохода;
- время, которое можно потратить на формирование портфеля, срок вложений.

Между всеми критериями существуют определенные закономерности:

- чем выше степень риска, тем выше норма дохода – такая закономерность существует для того, чтобы привлечь деньги;
- чем выше норма дохода, тем ниже ликвидность;
- увеличение срока вложения увеличивает норму дохода т.к. это уменьшает ликвидность и безопасность сбережений [6].

Так же, следует отметить, что у каждого домохозяйства может быть определенная модель экономического поведения, которая ориентируется на потребности в ячейке, а они, в свою очередь, позволят воспроизводить человеческий потенциал за счет получаемой материальной базы (как основная задача). К формам поведения в таком случае можно отнести:

- предпринимательское и трудовое – здесь идет речь о том, каким способом домохозяйство способно заработать деньги реализуя себя в предпринимательской деятельности, путем создания и реализации бизнес-проекта или же сам человек является рабочей единицей;
- сберегательное и финансовое – в данном поведении говорится о политике поведения ячейки, где сберегательное практически можно приравнять к накопительному и финансовое, соответственно, более активное использование своих ресурсов;
- формирование и распределение доходов;
- адаптационное поведение (в кризисный период) – поведение которое вырабатывается под те или иные кризисные ситуации, которые могут быть исключительно внутри домохозяйства (потеря денег, кража имущества, увольнение с работы) или изменения в экономике страны (скачок цен).

При всем этом разнообразии форм сбережений, модели поведения населения не такие обширные и основываются на некоторых факторах. Такие факторы могут быть вызваны возможностями участника домохозяйства, макроэкономическими показателями, но в большинстве своем, они носят психологический характер:

- перестраховка – когда перед домохозяйством стоит страх будущего и часть доходов откладывается «на черный день»;
- бережливость – когда устоявшиеся жизненные особенности индивида заставляют экономить на мелких приобретениях;
- отсроченная покупка – желание приобретения в будущем дорого предмета;
- контрактные обязательства – накопление средств для погашения кредита или выплаты ссуды [2].

Необходимо отметить, что в России процесс формирования сбережений имеет свою специфику. Данная особенность проявляется в том, что на российском рынке прослеживается ситуация, когда большое количество свободных денежных средств остается у населения. Данное обстоятельство рождает острую потребность в этих средствах у производственного сектора [1].

В итоге, каждая из сторон остается с нереализованными потребностями и интересами, так как отсутствует эффективная система привлечения сбережений домохозяйств в реальный сектор, которая должна оптимально отвечать интересам населения и предприятий. В результате сбережения домохозяйств зачастую имеют неорганизованный

характер, что выражается в хранении дома неиспользуемых денег. Неорганизованные сбережения предотвращают появление мощного инвестиционного источника экономического роста России.

Практика показывает, что население предпочитает если не хранить дома сбережения, то использовать такие инвестиционные институты, как коммерческие банки, инвестиционные, а также страховые компании, негосударственные пенсионные фонды и другие. Так как количество вариантов вложений достаточно обширно, то в России возникает яркая необходимость унификации структуры сбережений доходов, сложившейся за последние годы [5].

Так же, следует отметить, что уровень сбережений зависит от большого количества факторов и отражает наличие различных социально-экономических причин их образования у различных домохозяйств, которые определяются как определенные мотивы. Наличие мотива, а также их отсутствие может позволить считать сбережения мотивированными или немотивированными. При этом следует отметить, что мотивы, побуждающие население делать сбережения, могут служить источником формирования сбережений домохозяйств. Это позволит классифицировать своеобразные целевые фонды. Именно, исходя из данных причин, которые побуждают население к формированию сбережений, можно представить следующую структуру фондов накопления домашних хозяйств:

- текущие фонды - на покупку товаров длительного пользования. Текущие фонды сбережений образуются в силу постепенного расходования текущего дохода. С каждым регулярным получением дохода они пополняются, а с постепенным использованием дохода на текущие потребительские цели – сокращаются;

- фонды накопления на непредвиденный случай и старость;
- фонды инвестиционных сбережений.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что домохозяйства являются активным участником экономической жизни государства, потому что именно их поведение отражается на предложении различных услуг, уровне жизни и принятии некоторых важнейших решений государства.

Необходимо отметить, что на современном этапе, доходы российского населения вошли в период устойчивого спада, что подтверждают и приведенные статистические данные. И если в 2014 году можно было наблюдать резкое сокращение, то уже 2015 и 2016 годы показывают ежемесячное сокращение в динамике показателей доходов [3].

Данные Росстата свидетельствуют о том, что из-за экономических изменений, которые наблюдаются в последние годы домохозяйства Российской Федерации существенно изменили свое потребительское поведение. Так, в первом квартале 2015 года сумма расходов населения на покупку товаров и оплату услуг значительно снизилась. Почувствовав спад в таких показателях, как заработная плата и доходы в целом, население сократило свои расходы на такие товары, которые не являются необходимыми и могут подождать до улучшения ситуации. Кроме того, как известно, в какой то момент население из-за экономических и политических (война с Украиной, противостояние с США, действия в Сирии) домашние хозяйства предпочитали накапливать продуктовые запасы и покупать товары длительного пользования.

В современной ситуации, следует упомянуть, что не многие домохозяйства готовы к риску или вложению своих денежных средств в приумножающие активы по различным причинам. К таким причинам могут относиться:

- нехватка денежных средств;
- страх потери накопленных денег;
- недоверие к инвестиционным организациям;
- экономическая неграмотность;
- стереотипы.

Необходимо отметить, что в сложившихся условиях в конце 2016 и 2017 году ожидается снижения уровня жизни населения вследствие дальнейшего падения заработных плат, пенсий и иных доходов. В таких условиях рост доли средств, которые домохозяйства могут направить на сбережения – не возможен. Это прослеживается в переходе населения на режим экономии и минимизации потребления. Источающийся запас терпения и потребительской пророчности домохозяйств негативно скажется на настроении, особенно на ориентированной части накоплений.

Можно быть полностью уверенным, в том, что домохозяйства на современном этапе, играют определенную и очень большую роль в экономике мира, страны и городов в частности. Так, экономика России на сегодняшний день нуждается в перераспределении денежных средств от тех, кто ими располагает (домохозяйства), к тем, кто в них нуждается. На сегодняшний день, традиционно, самым распространенным держателем большей части денежных средств является население, а, в это время, предприниматели и государство нуждаются в деньгах, то есть, речь идет о взаимодействии сбережений и инвестиций.

Список литературы / References

1. Динамика финансовой активности населения России: аналитический доклад / Исследовательская группа Циркон. – Москва : ИНФРА-М, 2014. – с. 102-122.
2. Национальная денежная система: теория, методология исследования, концепция развития в условиях модерниз. совр. эконом.: Монография / М.А. Абрамова. - М.: КУРС: НИЦ ИНФРА-М, 2015. - 380 с.
3. Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики - URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11kv.htm (дата обращения 11.09.2016)
4. Фетисов В. Д. Финансы и кредит : уч. пособие для студнгов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / В.Д. Фетисов, Т.В. Фетисова. - 3- изд., праб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. - 455 с. doi: 10.18454/IRJ.2015.0001
5. Финансы: Учебник / Дадашева А.З. - М.: Вузовский учебник, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 178 с. doi: 10.18454/IRJ.2015.0001

6. Хмыз О. В. Банковский сектор стран Центральной и Восточной Европы после кризиса //Банковское дело. - 2014.- № 4.- с.32-37.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dinamika finansovoj aktivnosti naselenija Rossii: analiticheskiy doklad [Dynamics of financial activity of the population of Russia: analytical report] / Zircon research group. - Moscow: INFRA-M, 2014 - p. 102-122. [in Russian]
2. Nacionalnaja denezhnaja sistema: teorija, metodologija issledovanija, koncepcija razvitija v uslovijah moderniz. sovr. jekonom [The national monetary system: the theory, methodology of research, development concept modernized conditions. sovr. Economy].: Monograph / MA Abramov. - M.: Course: SIC INFRA-M, 2015. – 380p. [in Russian]
3. Srednedushevye denezhnye dohody naselenija po Rossijskoj Federacii [Per capita income of the population of the Russian Federation] [Electronic resource] // the Federal State Statistics Service – URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11kv.htm (accessed: 11.09.2016) [in Russian]
4. Fetisov V.D. Finansy i kredit: uche.posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po specialnostjam jekonomiki i upravlenija [Finance and Credit: Textbook. allowance for students studying in the field of Economics and Management] / V.D. Fetisov, T.V. Fetisov. - 3rd ed., Revised. and ext. - M.:UNITY-DANA,2015. - 455 p. doi: 10.18454/IRJ.2015.0001 [in Russian]
5. Finansy: Uchebnik [Finance: A Textbook] / Dadashov AZ - M.: University textbook, SIC INFRA-M, 2016. - 178 p. doi: 10.18454/IRJ.2015.0001 [in Russian]
6. Khmyz O.V. Bankovskij sektor stran Centralnoj i Vostochnoj Evropy posle krizisa [Banking sector in Central and Eastern Europe after the crisis] / Banking. - 2014. - Number 4.- C. 32-37. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.181

Здунов А.А.¹, Бабаев А.А.²

¹Кандидат экономических наук,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

²соискатель, ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан»

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ЧЕРЕЗ РЕАЛИЗАЦИЮ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ И ИХ РОЛЬ В ИНФРАСТРУКТУРНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Аннотация

Исследованы специфика и перспективы инновационного развития Республики Татарстан в контексте рассмотрения основных аспектов реализации Стратегии социально-экономического развития республики до 2030 года. Проанализирован инфраструктурный потенциал региона с точки зрения использования кластерного подхода, исследования специфики развития Камской агломерации, формирования особых экономических зон и другой инновационной инфраструктуры республики. Результатами исследования подтверждена роль Республики Татарстан в качестве регионального лидера в сфере инноваций.

Ключевые слова: Стратегия-2030, кластерный подход, инновационная инфраструктура.

Zdunov A.A.¹, Babaev A.A.²

¹PhD in Economics, Kazan Federal University

²postgraduate student, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
STUDY OF THE MAIN TRENDS OF INNOVATION DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN THROUGH THE IMPLEMENTATION OF STRATEGIC PRIORITIES AND THEIR ROLE IN THE INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract

Abstract specifics and prospects of innovative development of the Republic of Tatarstan in the context of the main aspects of the implementation of the Strategy of socio-economic development of the country until 2030. Analyzed infrastructural potential of the region in terms of the use of the cluster approach, the study of the specificity of the Kama agglomeration, the formation of special economic zones and other innovative infrastructure of the country. The results of the study confirmed the role of the Republic of Tatarstan as a regional leader in terms of innovation.

Keywords: Strategy-2030, the cluster approach, innovative infrastructure.

В современном динамично меняющемся мире инновационный путь развития является неотъемлемым условием повышения конкурентоспособности экономики страны в долгосрочной перспективе. При этом крайне важно обладать широким горизонтом планирования, смотреть на перспективу.

Важным системным шагом в этом направлении для Республики Татарстан стала утвержденная в 2015 году Стратегия социально-экономического развития до 2030 года [1], в которой главной целью провозглашается становление республики в качестве глобального конкурентоспособного региона, ориентированного на внедрение инноваций во все сферы хозяйствования.

Основным механизмом ее реализации является использование кластерной модели развития, в которой особый акцент делается на концентрации взаимодействия между научной, образовательной средой, бизнесом и государством.

В рамках Стратегии предусмотрено формирование трех типов кластеров: ключевые кластеры (наука и образование), инновационные кластеры «умной» экономики («умные» информационные технологии, «умная» инфраструктура и другие) и кластеры современной экономики (агропромышленный и нефтегазохимический комплексы, деревопереработка и автомобилестроение и другие).

В рамках модели «7-6-3» (семь направлений межрегиональной конкуренции - шесть базовых экономических комплексов – три агломерации) задается основная логика стратегического анализа, целеполагания и построения системы управления, ориентированная на рост конкурентоспособности Татарстан и его предприятий.

Этому будут способствовать основные конкурентные преимущества республики - выгодное расположение, богатая ресурсная база, активное развитие инновационной инфраструктуры и привлечение инвестиций в экономику региона.

По результатам исследования инновационного профиля региона, его инфраструктурного потенциала установлено, что одним из путей повышения конкурентоспособности республики является создание зон опережающего развития на базе кластерного подхода.

В этой части следует отметить одну из наиболее заметных точек роста - Камский инновационный кластер (КИТПК), крупнейший из 26 инновационных кластеров федерального значения, специализацией которого является нефтепереработка, нефтехимия и автомобилестроение.

Благодаря сосредоточению в Кластере мощнейшего промышленно-производственного потенциала (около половины российских синтетических каучуков, более половины полимеров стирола, каждый второй грузовой автомобиль и каждая вторая грузовая шина) указанная территория рассматривается в качестве ведущей точки роста не только Татарстана, но и страны в целом. В планах республики увеличить объем промышленного производства в Кластере в три раза (при текущем объеме отгруженной продукции более 3/4 трлн. рублей, достигнутом по итогам прошлого года).

В целях комплексного развития Кластера и Камской агломерации в целом распоряжением Правительства России №1257-р утверждена Концепция создания в Республике Татарстан Инновационного центра «ИнноКам» [2]. Ее реализация предполагает снятие инфраструктурных, социальных и экологических ограничений, а также получение в результате системного эффекта от скоординированного развития всех предусмотренных направлений. К 2020 году запланировано создание более 30 тысяч новых высокопроизводительных рабочих мест, а также увеличение объема отгруженной продукции до 2 трлн. рублей.

Развитию ИнноКама будет способствовать создание территории опережающего развития в г.Набережные Челны. Реализация проекта позволит привлечь дополнительные инвестиции в экономику моногорода (прогнозируемый ежегодный прирост оценивается не менее 20%), создаст новые рабочие места (более 10 тыс.) и обеспечит комплексное развитие имущественной инфраструктуры указанной территории.

Еще одной точкой роста на промышленной карте республики является особая экономическая зона «Алабуга» [3]. Сегодня в Алабуге насчитывается около 50 резидентов, выпускающих продукцию для различных нужд промышленности: автомобильная техника и автокомпоненты, полимерная переработка, строительные материалы, продукция пищевой промышленности, деревообработка, производство стекла, композиционные материалы, продукция машиностроения и многое другое.

Успехам Татарстана способствует реализация крупных инвестиционных проектов в приоритетных отраслях промышленности на ведущих предприятиях республики, среди которых:

- строительство новой установки первичной переработки на «ТАНЕКО», которая позволит к 2018 году перерабатывать в республике до 22 млн. тонн нефти;

- ввод в эксплуатацию двух новых комплексов глубокой переработки тяжелых остатков нефти на АО «ТАНЕКО» и ОАО «ТАИФ-НК»;

- новый олефиновый комплекс на ПАО «Нижнекамскнефтехим» мощностью 600 тыс. тонн этилена в год, а также связанные с ним производства, которые обеспечат переработку продуктов пиролиза и позволят шире раскрыть технологический потенциал ПАО «Казаньоргсинтез»;

- комплекс «Аммоний» по выпуску аммиака, метанола и гранулированного карбамида, который обеспечит ежегодную глубокую переработку до 1 млрд. куб. м природного газа;

- реализация на ПАО «КАМАЗ» долгосрочной инвестиционной программы по техперевооружению до 2020 года, предусматривающей комплексное внедрение самых современных и эффективных технологий, включая развитие робототехники, лазерных технологий и использование современных композитных материалов.

Перспективным направлением для Татарстана является развитие высокотехнологичного сектора, информационно-коммуникационной сферы. Наиболее ярким примером является развитие нового ИТ-города «Иннополис» и особой экономической зоны технико-внедренческого типа, имеющей одноименное название [4]. Здесь для комфортной работы создана уникальная городская среда с современной жилой, медицинской и спортивной инфраструктурой.

Интеллектуальным ядром нового города является Университет Иннополис. Это новый российский ИТ-вуз, основной целью создания которого является формирование высококвалифицированного кадрового потенциала по ИТ-специальностям и выведение отечественной инновационной индустрии на качественно новый уровень.

Город станет местом концентрации ИТ-компетенций, задающих современные стандарты разработки и коммерциализации новых продуктов и технологий. В данный процесс будут вовлечены все элементы инновационно-инвестиционной среды – наука, разработчики, инвесторы.

В целях обеспечения благоприятных условий для бизнеса и комфортного делового климата в республике проводится системная работа по развитию инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства.

Важной точкой входа для предпринимателей республики является Технополис «Химград» [5]. Резидентами указанной площадки стали МСП-компании, специалитет которых связан с производством малотоннажной химии, переработкой полимеров, нано- и медицинскими технологиями, ресурсосбережением и энергоэффективностью. По итогам 2015 года совокупная выручка резидентов указанной площадки составила более 20 млрд. рублей, компаниями из почти 260 резидентов создано около 6,9 тыс. рабочих мест.

Еще одной важной площадкой, на которой собраны представители машиностроительной отрасли, является ОАО «КИП «Мастер» [6]. Сегодня здесь работает более 260 предприятий-резидентов, в числе которых есть и мировые

бренды, такие как: Daimler AG, Magna International, Tirsan Kardan, Haier, Leoni, ROTOTECH SRL и многие другие. По итогам 2015 года совокупная выручка площадки составила около 29 млрд. рублей, суммарная численность работающих – около 5 тыс. человек.

Одним из наиболее известных инновационных центров республики является Технопарк «Идея» [7]. На сегодняшний день резидентами Технопарка создано более 8 тыс. рабочих мест, на его площадке создано более 500 компаний, ежегодно в республиканский бюджет поступает около 0,4 млрд. рублей налоговых отчислений.

Следующей инновационной площадкой республики, резиденты которой специализируются на разработке программного обеспечения, является ГАУ «Технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк» [8].

Среди инновационных разработок компаний, размещенных на указанной площадке, следует отметить: систему электронного документооборота, инфомат для предоставления государственных услуг в электронном виде, а также систему координации работы экстренных служб «ГЛОНАСС+112».

В г.Набережные Челны функционирует вторая площадка ИТ-парка, специализирующаяся на разработке информационных систем и технологий для машиностроительного сектора.

Совокупное количество резидентов на обеих площадках составляет почти 160 ед. при численности работающих порядка 3,8 тыс. человек.

Татарстан широко известен как регион, имеющий успешный опыт в части функционирования промышленных площадок. В настоящее время в республике создано более 50 таких площадок муниципального уровня. К 2020 году планируется увеличить их количество в 2 раза.

Важным направлением для региона является развитие инжиниринговой инфраструктуры в целях активизации процессов внедрения современных инновационных технологий в промышленность и другие секторы экономики, а также обеспечения эффективного взаимодействия между наукой, крупным и малым бизнесом.

В рамках программы Минэкономразвития России в Республике Татарстан созданы и успешно функционируют 4 инжиниринговых центра (РЦИ) и 2 центра прототипирования (ЦП). Их специализация - химическая промышленность, машиностроение, робототехника, медицинские и лазерные технологии [9].

Так, РЦИ «КАИ-Лазер» использует новейшие лазерные технологии (сварки, резки, маркировки, упрочнения, наплавки, фрезеровки) и оборудование при проведении различных работ и оказании инжиниринговых услуг предприятиям малого и среднего предпринимательства.

РЦИ медицинских симуляторов «Центр Медицинской Науки» совместно с ведущими научными и производственными организациями осуществляет разработку высокотехнологичного медицинского оборудования.

Трансферу научных разработок и новых технологий в области химии в промышленное производство способствует РЦИ в сфере химических технологий, который оказывает инжиниринговые услуги в сфере мало- и среднетоннажной химии и полимерных компаундов в различных отраслях промышленности (нефтедобыча, нефтехимия, автохимия, агрохимия, биохимия, кремнийорганические продукты).

Деятельность РЦИ в сфере биотехнологий направлена на обеспечение инфраструктуры исследовательской и научной деятельности в сфере производства пищевых продуктов, кормов и кормовых добавок с использованием ресурсной базы Российской Федерации.

ЦП и внедрения отечественной робототехники занимается внедрением промышленной робототехники 3-го поколения путем создания уникального инженерно-производственного комплекса, специализирующегося на разработке полной системы производства – от компьютерного проектирования, изготовления прототипов роботизированных комплексов и оборудования до последующего технологического внедрения на промышленных предприятиях.

ЦП «Центр цифровых технологий» сочетает в себе высокотехнологичное литейное производство с применением промышленных аддитивных технологий – 3D печати готовых литейных форм для изготовления литых заготовок высшей группы сложности из широкой номенклатуры сплавов, оборудование неразрушающего контроля для получения изделий с гарантированным качеством, а также комплекс аппаратно-программных средств (3D сканеры, суперкомпьютер, пакеты моделирования), позволяющий обеспечить создание законченной конструкторско-технологической цепочки для получения изделий требуемого качества с заданными эксплуатационными характеристиками из литых заготовок с недостижимой для классических способов литья сложностью.

Значительную роль во взаимодействии науки и бизнеса играют вузы республики. Сегодня есть успешные примеры коммерциализации результатов у Казанского (Приволжского) федерального университета, Казанского национального исследовательского технического университета, Казанского национального исследовательского технологического университета, Казанского государственного энергетического университета и Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

В настоящее время ведущими вузами ведется работа по разработке и созданию новой инновационной продукции для предприятий республики по направлениям:

- «Перспективные материалы»;
- «Инфо-коммуникационные и космические технологии»;
- «Биомедицина и фармацевтика».

В заключение необходимо отметить, что новые экономические условия предоставили уникальные возможности для поиска и нахождения новых точек роста. Республика Татарстан и дальше продолжит наращивать свой потенциал, тиражировать свои лучшие практики и передовой опыт в сфере инновационного развития.

Список литературы / References

1. Республика Татарстан. Закон (2015). Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 №40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Url: <http://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/633535> (дата обращения: 15.10.2016).

2. Российская Федерация. Распоряжение (2016). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.06.2016 №1257-р [Электронный ресурс]. – Url: <http://government.consultant.ru/documents/3711011> (дата обращения: 15.10.2016).
3. Сайт ОЭЗ ППТ «Алабуга» [Электронный ресурс]. – Url: <http://alabuga.ru/ru> (дата обращения: 15.10.2016).
4. Сайт ОЭЗ ТВТ «Иннополис» [Электронный ресурс]. – Url: <http://www.innopolis.com/sez/main> (дата обращения: 15.10.2016).
5. Сайт Технополиса «Химград» [Электронный ресурс]. – Url: <http://www.himgrad.ru> (дата обращения: 15.10.2016).
6. Сайт ОАО «КИП «Мастер» [Электронный ресурс]. – Url: <http://www.kipmaster.ru> (дата обращения: 15.10.2016).
7. Сайт Технопарка «Идея» [Электронный ресурс]. – Url: <http://www.tpidea.ru> (дата обращения: 15.10.2016).
8. Сайт ГАУ «Технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк» [Электронный ресурс]. - Url: <http://itpark-kazan.ru> (дата обращения: 15.10.2016).
9. Сайт Министерства экономики Республики Татарстан. Раздел «Инфраструктура поддержки предпринимательства» [Электронный ресурс]. - Url: http://mert.tatarstan.ru/rus/Development_and_support_of_small_and_medium_businesses/infrastructure.html (дата обращения: 15.10.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Respublika Tatarstan. Zakon (2015). Zakon Respubliki Tatarstan ot 17.06.2015 №40-ZRT «Ob utverzhenii Strategii social'no-jekonomicheskogo razvitiya Respubliki Tatarstan do 2030 goda» [Republic of Tatarstan. Law (2015). Law of the Republic of Tatarstan from 17.06.2015 №40-ZRT «On approval of the Strategy of socio-economic development of the Republic of Tatarstan till 2030»] [Electronic resource]. – Url: <http://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/633535> (accessed: 15.10.2016). [in Russian]
2. Rossijskaja Federacija. Rasporjazhenie (2016). Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17.06.2016 №1257-r [Russian Federation. Regulation (2016). Decree of the Russian Federation Government from 17.06.2016 №1257-c] [Electronic resource]. – Url: <http://government.consultant.ru/documents/3711011> (accessed: 15.10.2016). [in Russian]
3. Sajt OJeZ PPT «Alabuga» [The site of the SEZ «Alabuga»] [Electronic resource]. – Url: <http://alabuga.ru/ru> (accessed: 15.10.2016). [in Russian]
4. Sajt OJeZ TVT «Innopolis» [The site of the SEZ «Innopolis»] [Electronic resource]. – Url: <http://www.innopolis.com/sez/main> (accessed: 15.10.2016). [in Russian]
5. Sajt Tekhnopolisa «Himgrad» [The site of the Technopolis «Himgrad»] [Electronic resource]. – Url: <http://www.himgrad.ru> (accessed: 15.10.2016). [in Russian]
6. Sajt ОАО «КИП «Мастер» [The site of JSC «КИП «Мастер»] [Electronic resource]. – Url: <http://www.kipmaster.ru> (accessed: 15.10.2016). [in Russian]
7. Sajt Tekhnoparka «Ideya» [The site of the Technopark «Idea»] [Electronic resource]. – Url: <http://www.tpidea.ru> (accessed: 15.10.2016). [in Russian]
8. Sajt GAU «Tekhnopark v sfere vysokih tekhnologij «IT-park» [The site of the Technopark «IT-park»] [Electronic resource]. - Url: <http://itpark-kazan.ru> (accessed: 15.10.2016). [in Russian]
9. Sajt Ministerstva ehkonomiki Respubliki Tatarstan. Razdel «Infrastruktura podderzhki predprinimatel'stva» [The site of the Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan. Section «Infrastructure for Entrepreneurship»] [Electronic resource]. - Url: http://mert.tatarstan.ru/rus/Development_and_support_of_small_and_medium_businesses/infrastructure.html (accessed: 15.10.2016). [in Russian]

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.022

Премадзе Э.О.¹, Антонова Н.А.²

¹Кандидат химических наук, доцент, ²кандидат педагогических наук, доцент,

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Аннотация

Целью работы является исследование состояния микросреды ПАО «Транснефть» через анализ и прогнозирование показателей основной деятельности компании с использованием экономико-математических методов. Предложена оптимизационная модель производственной программы компании, позволяющая определить эффективные границы работы данного субъекта и на основе этого определить сильные и слабые стороны ПАО «Транснефть».

Решается задача увеличения уровня прибыли, предложены рекомендации, которые могут быть использованы руководством ПАО «Транснефть» при определении плановых объемов услуг и для улучшения эффективности деятельности ПАО «Транснефть».

Ключевые слова: экономико-математические методы, прогнозирование, оптимизация, экономико-математические модели, границы эффективного объема, эффективный объем работ и услуг.

Iremadze E.O.¹, Antonova N.A.²

¹PhD in Chemistry, associate professor, ²PhD in Pedagogy, associate professor,

Sterlitamak branch of Bashkir State University

PREDICTION OF FINANCIAL INDICATORS OF A COMPANY USING MATHEMATICAL METHODS

Abstract

The purpose of the study is to examine the microenvironment of PSC "Transneft" through analysis and forecasting of the company's basic indicators using economic and mathematical methods. The proposed optimization model of the company's production program allows determining the effective operating limits of the company and on this basis to determine the strengths and weaknesses of PSC "Transneft".

The objective of the study is to work out recommendations that can be used by the leadership of PSC "Transneft" in determining the planned volumes of services, the increase of profit and the efficiency of the company's activity.

Keywords: economic and mathematical methods, forecasting, optimization, economic and mathematical models, border of effective volume, the effective volume of works and services.

In modern conditions when companies plan their future activities using a new, well-developed concept, their current activities must be analyzed properly in order to identify both positive and negative factors. Consequently, the analysis and planning of the entity's economic activities are key features of the whole production process [6].

It should be noted that investors, creditors, owners, business partners have their own objectives, and it is impossible to achieve them without constant strengthening and maintaining a sufficient level of the company's financial stability. Stable financial condition is an important prerequisite for the implementation of the entire range of the company's goals and, therefore, gives the company the opportunity to receive a sufficiently high and stable income and keep its position in a competitive environment [3].

In this paper the micro-state of PSC "Transneft" has been investigated by analyzing indicators of economic activity and forecasting indicators of the main activities of the company with the use of economic-mathematical methods [5].

The relevance of this work is based on the use of complex production functions as a tool for the analysis of economic activities of the company. Unlike the actual production functions, this tool not only simplifies the process of analysis, but also allows the researchers to expand the opportunities for the implementation of new methods of planning and forecasting of financial results for the development of promising industrial activity [1].

When analyzing the results of activities of PSC "Transneft" we used mathematical methods and mathematical modeling of production processes on the basis of the elements of the theory of functions of complex variables and mathematical models for effective planning by G.V. Savinov [4].

Production functions of a complex argument were used, in which complex number of production factors are set in accordance with the actual number of results of production. The study revealed that the constructed linear production function of a complex argument has a number of interesting properties, and its coefficients have quite simple economic sense. It is expected that the use of this function when considering the company's financial condition, reveals new results, due to the fact that the coefficients of this function have been found for each case individually, and it also helps to analyze the processes in the business [2].

When calculating the coefficients for the use of the resources of the linear production function of a complex argument, it was revealed that the present economic situation at PSC "Transneft" is in some decline, by comparison with the prior period of activity. This analysis shows that the PSC "Transneft" does not get the largest return from the use of resources, and this is proved by a decrease of such indicators as labor productivity and capital productivity by 10% and 48% respectively. It is also worth saying that the company's basic production assets were used more than labor resources, and their growth by comparison with the previous year was 119%, which is also a negative impact to the operating results of the company.

The analysis of the economic activity of the investigated company shows that in the past five years, the economic and financial situations of the company has deteriorated and disbalance between the volume of production, work force and economic resources has emerged, all these factors have caused a drop in profit growth or even a loss. So, in the current situation, the management of the company faces the main problem of the preservation of the competitiveness that requires immediate use of different principles of analysis and planning.

Consequently, in the current situation the management of PSC “Transneft” should work out an optimal plan for its core business so that to achieve the maximum possible income.

The main activity of the PSC “Transneft” is the transportation of oil and petroleum products through the pipeline system on the territory of Russia and abroad. Also, the activities of the company include diagnostic, preventive and emergency repair works to ensure the protection of the environment in the areas where the pipeline system and storage of oil and oil products is situated. The financial condition of the company depends on such factors as the fulfillment of production plans, the reduction of production costs and increase profits, the increase of production efficiency, the improvement of relationships with suppliers and buyers of the products.

To determine the optimal amount of services in order to maximize profits, the effective bounds were determined for supply of services in PSC “Transneft”: the bounds for the area of break-even volumes of Russian oil transportation; bounds for the area of break-even volumes of oil products transportation; the bounds for the area of break-even volume of crude oil exports.

In view of the determined effective bounds for each of the services, it is possible to determine the optimal amount of these services in order to maximize the company’s profits.

Table 1 – Tariffs and expenses for services of PSC “Transneft”

Services on transportation of Russian oil		Services on transit oil transportation		Services on transportation of oil products		Services on crude oil exports	
Tariff per ton, mon. units	Expenses per ton, mon. units	Tariff per ton, mon. units	Expenses per ton, mon. units	Tariff per ton, mon. units	Expenses per ton, mon. units	Tariff per ton, mon. units	Expenses per ton, mon. units
1493,3	1449,1	1784,1	1638,0	777,5	776,5	861,2	440,9

The income generated through these services should not be lower than the average expected income, while costs should not exceed the expected rate of spending. This is a problem of linear programming, or the problem of unconstrained optimization with limitations.

The function of gross income is as follows:

$$f(x) = 1\,493,3x_1 + 1\,784,1x_2 + 777,5x_3 + 861,2x_4.$$

The Function of costs

$$g(x) = 1\,449,1x_1 + 1\,638x_2 + 776,5x_3 + 440,9x_4.$$

Then, the profit of PSC “Transneft” is:

$$P = f(x) - g(x) = 44,1x_1 + 146,1x_2 + 1,1x_3 + 420,3x_4 \rightarrow \max,$$

subject to the limitations:

$$f(x) = 1\,493,3x_1 + 1\,784,1x_2 + 777,5x_3 + 861,2x_4 \geq 684\,636\,147,$$

$$g(x) = 1\,449,1x_1 + 1\,638x_2 + 776,5x_3 + 440,9x_4 \leq 543\,320\,034,$$

$$154\,275 \leq x_1 \leq 380\,917,$$

$$710 \leq x_2 \leq 10\,290,$$

$$1354 \leq x_3 \leq 44\,401,$$

$$177 \leq x_4 \leq 305\,583.$$

where x_1 - services on transportation of Russian oil;

x_2 - services on transit oil transportation;

x_3 - services on transportation of oil products;

x_4 - services on crude oil exports.

So, we have the following results.

Table 2 – Optimum scope of services of PSC “Transneft”

Transportation of Russian oil, thous. tons	Transit oil transportation, thous. tons	Oil products transportation, thous. tons	Crude oil export, thous. tons
265 595	10 290	1 354	305 584
Profit, mon. units	141 821 166		
Revenue, mon. units	685 141 201		
Costs, mon. units	543 320 034		

Thus, the most profitable service and activities for PSC “Transneft” are the following: transit oil transportation and sale of crude oil for export; the least profitable service is the transportation of oil products. Therefore, for the effective operation of PSC “Transneft” it is necessary to increase the volume of services in crude oil export and transportation of transit oil to 305.6 million tons and 10.3 million tons by reducing the volume of transportation of Russian oil and oil products within the country to 266.6 million tons and 1.3 million tons respectively.

If the calculated optimal amount of provided works and services is fulfilled, PSC “Transneft” will be able to get a profit in the amount of 141.6 billion rubles that is an increase of 124.9 billion rubles by comparison with the profit in 2015.

Currently, the most promising market for Russia's oil consumption is the Asian–Pacific market, therefore, the company PSC “Transneft” should give particular attention to the export of oil in this direction.

Список литературы / References

1. Abdullin N.N., Iremadze E.O. Programs to improve the company's activities using mathematical methods // In: Science of the XXI century: problems and perspectives // Collection of articles of the International scientific-practical conference. - 2014. P. 91-93.
2. Grigorieva T.V., Iremadze E.O., Valitova E.G. Analysis of the economic activity of the enterprise on the basis of mathematical modeling // In: Education and science: the current state and prospects of development // Collection of articles of the International scientific-practical conference. - 2013. - P. 39-41.
3. Kulinich O., Iremadze E. O. Predicting major economic indicators // In: State and prospects of economic development in conditions of uncertainty // Collection of articles of the International scientific-practical conference. - 2014. P. 107-109.
4. Ibatullina E. H., Iremadze E. O. The effective activity of the organization on the example of «Salavatneftemash» // Proceedings SWorld. - 2012. T. 19. - №2. - P. 22-23.
5. Iremadze E.O., Antonova N.A. Optimization model of consumer loans portfolio in commercial banks according to current problems on the example of JSC «Russian standard» bank // International Research Journal. - 2016. - № 7-1 (49). - P. 30-31.
6. Iremadze E.O., Abashidze N.B. Analysis of the main economic indicators of the financial improvement of the enterprise // Economy and Society. - 2014. - № 3-4. P. 141.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.043

Исламов Ф.Ф.

ORCID: 0000-0001-6226-2530, кандидат экономических наук,
Башкирский государственный университет, Нефтекамский филиал

ПРОБЛЕМЫ СТРАХОВАНИЯ ОСАГО

Аннотация

В данной статье мы исследуем проблемы страхования ОСАГО. На наш взгляд, необходима жесткая корректировка, как самого закона, так и трактовок к ней. Обязать страховщиков строго соблюдать условия страхования, без использования «добровольно-принудительных» мер. Почти все страховые компании применяют все меры для отказа в страховании, используя разные методы: отсутствие полиса, отказ от применения скидок и т.д. На наш взгляд, данный вид страхования наиболее полно отражает современное состояние российского страхового рынка, т.к. коснулся всех слоев населения. Количество автовладельцев в России с каждым днем растет и перед всеми встает дилемма, где и как лучше для себя пройти страхование. В статье автор приводит свое видение по правилам и методам страхования гражданской ответственности владельцев автотранспорта.

Ключевые слова: страхование, закон ОСАГО, страховые компании, страхователи, методы страхования.

Islamov F.F.

ORCID: 0000-0001-6226-2530, PhD in Economics, associate professor,
Bashkir State University, Neftekamsk branch

EXPLORE THE PROBLEM OF INSURANCE «OSAGO»

Abstract

In this article, we explore the problem of insurance «OSAGO». In our view, strict adjustment of both the law and the interpretations thereto. To require insurers to comply strictly with the insurance conditions, without the use of «voluntary-compulsory» measures. Almost all insurance companies apply all the measures for denial of insurance, using different methods: the absence of a policy, the rejection of the application of discounts, etc. In our opinion, this type of insurance is most fully reflects the current state of the Russian insurance market, because it affected all segments of the population. The number of car owners in Russia is growing every day and all of a dilemma, where and how best to pass through insurance. In the article the author gives his vision of the rules and methods of insurance of a civil liability of owners of vehicles.

Keywords: Insurance, insurance law, insurance companies, policyholders, methods of insurance.

В страховании реализуются определенные экономические отношения, складывающиеся между людьми в процессе производства, обращения, обмена и потребления материальных благ. В страховом деле отражается вся совокупность противоречий, проблем и тенденций развития механизма защиты интересов страхователей. Противоречия создают условия для проявления различных негативных последствий, имеющих случайный характер.

В то же время деятельность страховых компаний сопряжена высокой долей вероятности наступления страховых случаев, поэтому страхование опирается на статистическо-математические методы при определении тарифной сетки страховых резервов. Основной задачей страховых компаний, несомненно, является уменьшение риска потерь от страховых выплат. Это, в свою очередь, требует применения экономико-математических методов и моделей, с учетом региональных потребностей в страховой защите.

Опыт зарубежных стран показывает важность данного вида страхования, обезопасивающий автовладельцев от убытков. В первые годы действия закона наблюдалось большое количество страхового мошенничества, так называемых «подстав». Модернизация механизма функционирования страхового рынка предполагает исключительно активное участие государства и потребителей страховых услуг. Рыночные преобразования, проходящие в Российской Федерации, требуют коренного изменения роли и места регионов России, в том числе регионального рынка страхования в системе современной организации страховой защиты, поиска новых видов и дальнейшее развитие ранее принятых мер страховой защиты.

В современной России важной задачей является становление цивилизованного страхового рынка.

Более чем за полтора десятка лет становления национальной системы страхования произошли крупные изменения в составе страховых организаций не только в институциональном разрезе, но и в структуре оказываемых услуг, в соотношении пропорций развития отраслей, форм и видов страхования; соответственно, трансформировался характер экономических отношений субъектов страхового дела. Наибольший научный интерес представляет исследование трансформации, и выявление закономерностей развития страхового рынка в регионах за последние три-пять лет в связи с изменениями законодательной базы, введением ОСАГО.

Важным фактором роста объема и изменения структуры страхового рынка стало введение с 1 июля 2003 г. обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ФЗ ОСАГО). Страхователи не торопились начать страхование автотранспорта, только когда стало ясно, что закон действует, отменять его не собираются, а с 01 января 2004 г. за отсутствие полиса страхования будут наказывать, началось массовое страхование. Но вопросов накопилось достаточно много. Недостаточно ясным оказалось применение индивидуальных коэффициентов (бонус-малус). Так коэффициент K_1 – территория преимущественно использования транспортных средств предусматривал снижение коэффициента для сельских местностей. Многие автовладельцы срочно начали перерегистрацию свои транспортные средства на сельских жителей, т.к. принято было рассчитывать по месту прописки владельца. Мы писали о данной проблеме в предыдущих статьях. В дальнейшем данный пункт отменили. Сельские регионы потеряли скидку. Вторая проблема, которую также освещал автор решена. Это минимальная сумма ущерба, по которой стороны участники ДТП (дорожно-транспортного происшествия) могут разрешить самостоятельно без приглашения автоинспекторов. Сумма увеличилась с 25 тыс. руб. до 50 тыс. руб. (автор предлагал увеличить до 50 тыс. руб. задолго до принятия изменений в закон) [1]. Самое главное, на наш взгляд, несоответствие применения бонуса-малуса условиям самого закона. В названии закона звучит «гражданская ответственность автовладельца», т.е. ответственность автовладельца, а условия применения коэффициентов жестко привязаны к транспортному средству. Аналогично применение коэффициента: «мощность двигателя» – чем больше лошадиных сил, тем выше коэффициент. Вероятность аварий в первую очередь зависит от водителя: опыт, использование возможностей транспортного средства. На наш взгляд коэффициент излишен.

Коэффициент за безубыточное вождение за предыдущий период. Он, безусловно, нужен для аккуратных водителей, поощряет безубыточное страхование и для страховщиков. Снижение на 5% проходит каждый год. При наступлении страхового случая применяются повышающие коэффициенты, при этом класс применяется 1, 2, а в дальнейшем за каждый год безубыточного страхования водитель опускается классом ниже, хотя мог иметь класс несколько ниже и получать значительные льготы. Наиболее спорный вопрос – это количество допущенных лиц к вождению. Коэффициенты постоянно пересматривались в сторону увеличения. Определен минимальный возраст 23 года и стаж вождения не менее двух лет. Со стажем вождения можно согласиться, хотя вопрос спорный. Два года достаточный срок для опыта вождения. Права можно получить после достижения 18-летнего возраста, плюс два года опыта. Итого 20 лет, а коэффициент не повысится только через три года!? Конечно, можно было бы поставить без ограничения допущенных лиц, но при этом повышается ставка почти в два раза (на 80%). В Республике Башкортостане, по имеющимся сведениям от автовладельцев, страховщики планируют применение коэффициента «без ограничения» для всех страхователей. Прежде чем продолжить исследование проблем применения закона, исследуем развитие рынка ОС АГО.

На снижении собираемости премий по ОСАГО повлиял мировой финансовый кризис. Многие предприятия не смогли пролонгировать имеющиеся страховые полисы, или снижают количество используемого транспорта, физические лица переходят к сезонному использованию, или ограничивают количество допущенных лиц к вождению транспортным средством.

К 2009-2010 гг. страховой рынок России выправил положение, собираемость страховых премий начала возрастать. Пока сами страховщики в последние 2-3 года не стали ставить проблемы перед страхователями. Ссылаясь на убыточность данного страхового продукта, наличии мошенничества и т.д. начали лоббировать увеличение страховых тарифов, введение добровольных видов страхования в нагрузку к ОСАГО (это напомнило о введении нагрузки при продаже дефицитных товаров в годы СССР). В Республике Башкортостан началось с Росгосстраха, в дальнейшем аналогичные условия применили и другие страховые компании. Автовладельцы пытались перейти от одной компании в другую в поисках более альтернативных вариантов. Далее страховые компании ввели другие новшества в виде «отсутствия» полисов, ликвидации понижающих коэффициентов, прекращении оплаты за работу внештатных страховых агентов и др. В отсутствии альтернативы страхователи вынуждены «добровольно» выкупать у страховщиков дополнительные страховые продукты. Без полисов ездить нельзя. Дополнительно к введенным условиям страховщиками прекращено сезонное страхование, т.е. не разрешают страховать на срок менее года. Страхователи, не использующие транспортные средства в зимнее время вынуждены выкупать страховой полис за весь календарный год. Многие компании перестали брать на страхование транспортные средства более раннего выпуска, со сроком пробега более 5 лет.

Мы предлагаем свое видение решения данной проблемы на рынке страховых услуг. Мы предлагаем каждому владельцу водительского удостоверения страховать свою ответственность без привязки к конкретному транспортному средству. В нашей концепции при оформлении страхового полиса страховщик учитывает стаж вождения, возраст и другие показатели, характеризующие степень риска. Люди, имеющие водительское удостоверение, но никогда не садящиеся за руль освобождаются от необходимости страховаться. Трудно жестко определить сумму выигрыша и сумму потерь для страховщика. Мы считаем, в нашем случае страховщики могут только выиграть за счет большего количества страхователей (без учета количества вписанных по одному полису). Облегчается порядок оформления полиса. Нет необходимости запроса документов на автомобиль, потребуется только водительское удостоверение и паспорт. Желающие страховать водительское удостоверение могут быть допущены к вождению транспортных средств в соответствии с категорией, указанной в водительском удостоверении. В зависимости от стажа, возраста, категории,

наличии или отсутствия страховых случаев и т.д. можно разработать индивидуальный тариф. В данном случае отпадает необходимость применения ряда коэффициентов, указанных выше.

Список литературы / References

1. Исламов Ф.Ф. Проблемы формирования и функционирования рынка страховых услуг России: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 92 с.

2. Исламов Ф.Ф. Методические и социально-экономические аспекты развития рынка страховых услуг Приволжского федерального округа: Диссертация на соискание ученой степени к.э.н. – Москва: РГТЭУ, 2012. – 151 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Islamov F.F. Problemy formirovaniya i funkcionirovaniya rynka strahovyh uslug Rossii: Monografija [Problems of formation and functioning of the insurance market of Russia: Monograph]. – Ufa: RIC BashGU, 2013. – 92 p.

2. Islamov F.F. Metodicheskie i social'no-jekonomicheskie aspekty razvitiya rynka strahovyh uslug Privolzhskogo federal'nogo okruga: Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni k.je.n. [Methodological and socio-economic aspects of development of insurance services market of the Volga Federal district: the Dissertation on competition of a scientific degree of PhD] – Moscow: RGTJeU, 2012. – 151 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.010

Климова Э.Н.¹, Климова Т.В.²

¹ORCID: 0000-0002-6136-5148, Кандидат экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления,

²ORCID: 0000-0001-8891-2757, Кандидат социологических наук,

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС

ИННОВАЦИОННОСТЬ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА В БОРЬБЕ ЗА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

Аннотация

В последнее время, в условиях усиления внимания к туристскому потенциалу России, множество работ посвящено теории конкуренции и проблемам обеспечения конкурентоспособности туристских предприятий, региона. Непременным условием туристского рынка является то, что реализация туристского продукта в условиях конкуренции на базе освоения инноваций обеспечивает возможность определенных конкурентных преимуществ в долгосрочной перспективе.

В статье рассмотрено - понятие инновационного туристского продукта как обязательного условия обеспечения конкурентоспособности на рынке туристических услуг. Описываются факторы конкурентоспособности инновационного туристского продукта. Вводится понятие ньюзма, которое раскрывает особенность современной ситуации на потребительском рынке.

Ключевые слова: инновации, конкурентоспособность, рынок туристских услуг, туристский продукт, экономика

Klimova E.N.¹, Klimova T.V.²

¹ORCID: 0000-0002-6136-5148, PhD in Economics, Novosibirsk state University of Economics and management,

²ORCID: 0000-0001-8891-2757, PhD in Sociology, Siberian Institute of management – branch of Ranepa

INNOVATION TOURISM PRODUCT IN THE STRUGGLE FOR COMPETITIVENESS

Abstract

Recently, in the face of increasing attention to the tourist potential of Russia, a number of works devoted to the theory of competition and the problems of ensuring the competitiveness of tourism enterprises in the region. An indispensable condition for the tourist market is the fact that the implementation of the tourism product in a competitive environment based on the development of innovation allows certain competitive advantages in the long term.

In the article - the concept of innovative tourism product as a prerequisite for competitiveness in the market of tourist services. It describes the factors of competitiveness of innovative tourism product. Nyuzma introduces the concept that reveals a feature of the current situation on the consumer market.

Key words: innovation, competitiveness, the market of tourist services, tourist product, the economy

Наше время характеризуется быстрыми переменами, еще более быстрыми потоками информации и коммуникаций, растущей скоростью бизнеса и всепроникающей глобализацией. Скорость перемен настолько высока, что специалисты говорят о рождении новой эпохи, инновационной по своей сути. Новая экономическая и деловая среда характеризуется частыми технологическими прорывами, быстро меняющимися правилами игры на рынках и формированием нового потребителя, который приселяется к переменам и его приоритеты стали также меняться быстро.

Ньюизм – так можно назвать один из основных трендов современности, который связан с внедрением новинок, инноваций во все сферы потребительского общества и производство. Гиперконкуренция привела к усталости от уловок «старых» торговых марок. Новые же продукты и услуги обычно удивительны, удобны и интуитивно понятны.

Ньюизм касается не только ускорившихся темпов инноваций, но и возросшего до беспрецедентного уровня потребительского аппетита к новинкам, что особенно ощутимо на рынке услуг в целом и туристском рынке в частности.

Рынок туристических услуг – это рынок впечатлений, эмоций и удовольствия, сегментов на этом рынке бесконечное множество, и главное, вовремя уловить тренд и изучить запросы аудитории. Одной из актуальных

проблем эффективной реализации туристского продукта является проблема обеспечения его конкурентоспособности.

Согласно Федеральному закону, под туристским продуктом понимается комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта» [1].

Акцентуация внимания к обеспечению конкурентоспособности связана с современными тенденциями развития национальной и региональных экономик в кризисной ситуации, когда хозяйственные изменения направлены на сокращение длительности производственных и технологических циклов. Подобные изменения возможны на основе внедрения инновационных инструментов. Кроме того, в целях обеспечения устойчивого развития бизнеса при динамично изменяющейся внешней среде туристские предприятия начинают ориентироваться на новые рынки и сегменты, на инновационный путь развития. Поэтому с нашей точки зрения, категории «конкуренция», «конкурентоспособность» и «инновации» являются экономически взаимообусловленными и взаимосвязанными.

В объектно-субъектном аспекте конкурентоспособность имеет разноуровневый характер, и различают конкурентоспособность рыночных объектов - продукции (товаров, услуг) и конкурентоспособность рыночных субъектов - предприятий, отраслей, регионов страны.

В содержательном плане категория конкурентоспособности, так же как и категория конкуренции, является сложной, комплексной категорией, которая трактуется в экономической литературе весьма неоднозначно и многогранно. Субъекты и объекты рынка функционируют в условиях конкурентной борьбы, имеющей ту или иную интенсивность и остроту. Соответственно, конкурентоспособностью обладает любой объект или участник рыночных отношений, в том числе и туристский продукт, который реализуется, на специфическом рынке туристских услуг.

Инновационность туристского продукта проявляется в наличии постоянно действующей системы поиска туристских новшеств через новаторство, их реализации в условиях рынка туристских услуг, экономической оценки их внедрения. Тогда инновационный туристский продукт применительно к условиям рынка можно рассматривать как предпринимательский продукт в сфере регионального туризма, сущностной стороной реализации которого является содержательная цепочка: новаторство - туристские новшества - туристские инновации - конкурентные преимущества турпродукта - конкурентоспособность туристского предприятия. Таким образом, конкурентоспособность является неотъемлемым свойством инновационного туристского продукта при его реализации на конкретном региональном рынке туристских услуг.

Под инновационным туристским продуктом мы понимаем комплекс новых туристских услуг, сформированный на базе освоенных новшеств и технологий и направленный на максимально полное удовлетворение индивидуализированного спроса.

На основе анализа существующих подходов к определению понятий «конкуренция» и «конкурентоспособность» нами предлагается следующее определение конкурентоспособности инновационного туристского продукта. Конкурентоспособность инновационного туристского продукта - это характеристика инновационного туристского продукта, отвечающая за его способность быть реализованным в сложившихся условиях конкурентного рынка туристских услуг и выражающее отличия результата реализации данного турпродукта от любых других турпродуктов.

Предложенное определение необходимо дополнить следующими положениями:

- конкурентоспособность является динамичным свойством инновационного турпродукта. Формируется конкурентоспособность еще на начальных стадиях реализации туристского продукта (на стадиях замысла, маркетинговых исследований и внедрения инновационной туристской идеи - туристских инноваций);
- реализуется конкурентоспособность на стадии формирования предложения, где определяется фактической конкурентоспособностью как туристских предприятий и конкурентоспособностью предоставляемых ими услуг;
- конкурентоспособность инновационного туристского продукта рассматривается с разных точек зрения: с точки зрения потребителя и предприятия. Потребителя интересует совокупность потребительских и стоимостных характеристик предлагаемого туристского продукта, выражаемая в степени удовлетворения и индивидуализации. С точки зрения предприятия, конкурентоспособность турпродукта отражает возможности его приспособления к условиям конкурентной борьбы и финансовую привлекательность для инвесторов.

Факторы конкурентоспособности рыночного субъекта, отражаемые в различных источниках, имеют определенны расхождения (главным образом, в количестве и номенклатуре факторов). В то ж время в функциональном плане все они выражают либо качество производимой продукции, ее стоимость (ценность) и экономические характеристики, либо состояние производственного и ресурсного потенциалов.

Инновационный туристский продукт не является рыночным субъектом (экономической системой). Он представляется совокупностью новых идей и действий (мероприятий), направлены на их воплощение, результатом которых является новый уникальный турпродукт, реализуемый на рынке туристских услуг, качество и ценность которого должно соответствовать индивидуализированным потребностям клиентов.

Исходя из конкурентных свойств, присущих инновационному туристскому продукту, в его системе факторов конкурентоспособности можно выделить внешние и внутренние факторы.

Применительно к инновационному туристскому продукту составляющая факторов конкурентоспособности определяется материальными и нематериальными факторами его конкурентоспособности. Основное значение для формирования конкурентоспособности инновационного турпродукта приобретают традиционные природно-климатические и рекреационные факторы; специфические туристские факторы; историко-культурные факторы; наличие памятников культуры мирового значения, духовно-религиозных центров, архитектурных, исторических

и мемориальных комплексов). В то же время большое значение для обеспечения конкурентоспособности имеют и искусственные факторы производства, к которым относятся наличие развитой инфраструктуры индустрии туризма и профессионально-кадровые факторы, отражающие наличие в регионе подготовленной в профессиональном плане к осуществлению туристской деятельности.

К условиям спроса как факторам конкурентоспособности инновационного туристского продукта относятся наличие достаточно емкого туристского рынка, требовательность и разборчивость потребителей инновационного туристского продукта, а также эластичность спроса. Для туристского рынка характерна ситуация ненасыщенности рынка, эластичности спроса, который имеет долговременную тенденцию к росту. Одновременно с тенденцией роста спроса растет и требовательность потребителей туристского продукта (как отечественных, внутренних потребителей, так и внешних, иностранных) к его качеству и составу. Наличие таких условий спроса может способствовать формированию конкурентоспособности туристского продукта.

Интенсивность конкуренции применительно к инновационному турпродукту означает, что возможность успешной реализации напрямую зависит от интенсивности конкуренции на рынке туристских услуг. Наличие сильных конкурентов и заставляет улучшать качество инновационного турпродукта (туруслуг и его составляющих), снижать цены, внедрять туристские инновации. Особенно важным наличие таких конкурентов является на начальной стадии разработки турпродукта.

Наличие поддерживающих и снабжающих отраслей определяется наличием в туристской индустрии самостоятельных элементов, обеспечивающих возможность формирования инновационного туристского продукта путем предоставления данными элементами специфических туристских услуг (проживания, транспортных, питания, строительных и т. д.). В качестве родственных конкурентных элементов выступают различные направления туристской деятельности.

Социально-культурная среда определяет состав социальных условий, имеющихся у региона, необходимых для реализации инновационного туристского продукта. Эти условия выражают «духовные качества населения, вызывающие интерес у туриста» [3], а также морально-психологическую обстановку, складывающуюся на данный момент в обществе и отражающую процесс воспитания населения региона в правильном отношении к туризму, как к явлению, и туристу, как его субъекту. Местное население должно понимать, что каждый турист (а тем более, турполюки) несет с собой доход в местный бюджет, новые рабочие места и, как следствие, выгоду каждому местному жителю.

Инновационность как базис обеспечения конкурентоспособности туристских услуг определяется характеристиками туристских инноваций в целом и возможностями ее воплощения в новый туристский продукт с определенной доходностью и тем, какими сравнительными преимуществами она наделяет новый турпродукт по сравнению с конкурирующими турпродуктами.

Маркетинговые факторы конкурентоспособности инновационного турпродукта выражают ценность инновационного турпродукта для потребителей, т. е. способность нового турпродукта, по своим конкурентным параметрам превосходить турпродукты конкурентов и, кроме того, выражают имидж туристского предприятия - мысленный образ, сформированный у потребителя на основе рекламно-информационного воздействия.

Важность инновационности проявляется в том, что сбыт конкурентоспособного турпродукта обеспечивает возможность формирования денежного потока. Маркетинговые факторы могут увеличить или снизить количество потенциальных потребителей инновационного турпродукта. Соответственно, имидж туристского предприятия опосредованно оказывает влияние на возможность продвижения (реализации) инновационного турпродукта. Действие такого внутреннего фактора конкурентоспособности как финансовой состоятельности продукта должно обеспечивать экономическую устойчивость предприятия и возможность получения доходов от его реализации. Все факторы конкурентоспособности инновационного туристского продукта действуют комплексно, являясь взаимообусловленными и образуя в своей взаимосвязи целостную систему факторов.

Таким образом, конкурентоспособность инновационного туристского продукта как его неотъемлемое свойство является важной экономической категорией. Обеспечение конкурентоспособности туристского продукта требует серьезного внимания для обеспечения экономической эффективности предприятия в условиях конкуренции на рынке туристских услуг, что, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на развитие туризма в регионе и стране.

Список литературы / References

1. Российская Федерация. Законы. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации N 132-ФЗ (ред. От 03.05.2012), (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.11.2012): федер. закон: [принят Гос. Думой 24 ноября 1996 г.: одоб. Советом Федерации 14 ноября 1996 г.]. – М. 2012.
2. Архипов А.Е. Маркетинг территорий как базис формирования туристского имиджа региона / А.Е. Архипов, Э.Н. Климова, А.С. Алимбиева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 10-1 (41). – С. 8-11.
3. Барсуков Д.П. Хозяйственный механизм формирования и реализации потенциала / Д.П. Барсуков, Ю.Ю. Литвин, А.Ю. Шайдаров: Монография. – СПб.: Д.А.Р 2005. – С.13.
4. Климова Э.Н. Глобализация: основные тренды и коммуникационные инструменты // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – №1-2(32). – С. 44-46.
5. Климова Э.Н. Формирование и использование имиджевого дискурса в маркетинговых коммуникациях компании на рынке услуг.: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: защищена 15.02.2012: утв. 30. 08. 2012 / Климова Эльвира Николаевна. - Омск, 2012. – 196 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rossijskaja Federacija. Zakony. Ob osnovah turistskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii N 132-FZ (red. Ot 03.05.2012) [Russian Federation. Laws. About bases of tourist activity in the Russian Federation N 132-FZ (as amended on 03.05.2012) (From amendment and dop, enters into force on 01.11.2012) Fader. Law: [adopted by the State. Duma on

November 24, 1996 g. : approve. Federation Council of 14 November 1996]. - M. 2012. Sovetom Federacii 14 nojabrja 1996 g.]. – M. 2012. [in Russian]

2. Arhipov A.E. Marketing territorij kak bazis formirovanija turistskogo imidzha regiona [Marketing areas as a basis for the formation of the region tourist image] / A.E. Arkhipov, E.N. Klimova, A.S. Alimpieva // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. – 2015. – № 10-1 (41). – P. 8-11. [in Russian]

3. Barsukov D.P. Hozjajstvennyj mehanizm formirovanija i realizacii potenciala [The economic mechanism of formation and realization of the potential] / D.P. Barsukov, Ju.Ju. Litvin, A.Ju. Shajdarov: Monografija. – SPb.: D.A.R 2005. – P. 13. [in Russian]

4. Klimova E.N. Globalizacija: osnovnye trendy i kommunikacionnye instrument [Globalization: key trends and communication tools] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. – 2015. – №1-2(32). – P. 44-46. [in Russian]

5. Klimova E.N. Formirovanie i ispol'zovanie imidzhevogo diskursa v marketingovyh kommunikacijah kompanii na rynke uslug. [Formation and use of image discourse in marketing communications companies in the market] : dis. ... of PhD in Economics: 08.00.05 : defense of the thesis 15.02.2012 : approved 30. 08. 2012 / Klimova Elvira Nikolaevna . - Omsk, 2012. – 196 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.177

Ковалева И.В.

ORCID: 0000-0002-5442-1578, Аспирант,
Воронежский государственный университет

ВНУТРЕННИЙ МАРКЕТИНГ ПЕРСОНАЛА: ФИЛОСОФИЯ, СТРАТЕГИЯ, ПОЛИТИКА

Аннотация

В статье показано, что внутренний маркетинг персонала требует соответствующего способа организации деятельности предприятия, и его разработка предполагает познание взаимосвязанных философии, стратегии и политики. Выделены субстратегии внутреннего маркетинга персонала, идентичные классическому маркетингу - анализ ситуации, планирование, реализация, контроль. Разработаны пять субполитик (товарная, ценовая, благосостояния, коммуникативная и политика трудовых отношений), позволяющие, во-первых, фокусировать вектор его функционирования на изменении и преобразовании традиционных представлений об отношении организации и целевых групп занятых работников. Во-вторых, обеспечивать своевременную обратную связь и мотивацию для воспитания лояльного партнерского отношения к работодателю и удержания сотрудников в организации.

Ключевые слова: философия, стратегия, политика, внутренний маркетинг персонала.

Kovaleva I.V.

ORCID: 0000-0002-5442-1578, Postgraduate student,
Voronezh State University

INTERNAL MARKETING OF PERSONNEL: PHILOSOPHY, STRATEGIES, POLICIES

Abstract

In article it is shown that internal marketing of personnel requires the corresponding method of the organization of activities of the entity, and its development assumes knowledge interconnected philosophies, strategy and politicians. The substrategy of internal marketing of personnel identical to classical marketing - the analysis of a situation, planning, implementation, control are allocated. Are developed five the subpolitician (commodity, price, welfares, communicative and policy of employment relationships), allowing to focus, first, a vector of its functioning on change and transformation of traditional ideas of the relation of the organization and target groups of busy workers. Secondly, to provide timely feedback and motivation for education of the loyal partner attitude towards the employer and employee retention in the organization.

Keywords: philosophy, strategy, policy, internal marketing of personnel.

Внутренний маркетинг персонала требует соответствующего способа организации деятельности предприятия, и его разработка предполагает познание взаимосвязанных философии, стратегии и политики. Согласно логике, философия, стратегия и политика взаимосвязаны (рис. 1).

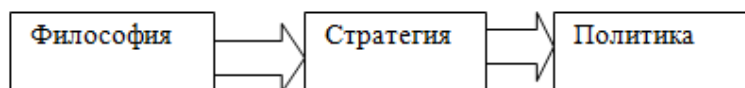

Рис. 1 – Взаимосвязь философии, стратегии и политики

Начало любой деятельности определяется ее целью. Формирование цели происходит на основе знания определенных теоретических положений (философии), практических знаний и опыта.

Стратегия без тесного контакта с философией неизбежно примитивизируется, теряют перспективу, лишаются целостного видения проблем и продуктивных импульсов развития. В свою очередь, стратегия являются определяющей при выборе политики. Обоснованно выбранная и реализованная политика способствует претворению в жизнь и самой стратегии. Конкретизация направлений политики осуществляется в стратегических и тактических планах.

Есть научное мнение, что «маркетинг персонала — это определенная философия отношения к собственному персоналу (как существующему, так и предполагаемому) со стороны предприятия» [1]. В свою очередь, философия внутреннего маркетинга заключается в том, что отношения «организация-персонал» строятся на тех же основаниях, что «организация-клиент». Компания «предлагает» особый продукт - должность с ее специфическими правами и обязанностями. Работник «покупает» этот продукт, «оплачивая» его своим трудом [2]. Фактически, это «продажа» продукта (рабочего места) сотрудникам организации [3]. Персонал, занятый в организации, рассматривается в качестве внутренних клиентов, которые образуют первый рынок предприятия [4, S.17]. Исходя из приведенного определения видно, что трактовка понятия заключается, прежде всего, в ориентации на клиента как основы традиционного понимания маркетинга.

Детально философию внутреннего маркетинга персонала можно представить следующим образом. Философия заключается в том, что внутренний маркетинг персонала сфокусирован на работниках, уже занятых в организации, и работники имеют возможность удовлетворить свои личные потребности, работая в организации. Иначе говоря, созданы условия для справедливых, равноправных, открытых, доверительных взаимоотношений; каждый сотрудник может полностью использовать свои навыки, играть активную роль в принятии важных производственных решений, пользоваться адекватными и справедливыми компенсациями, для него и его коллег созданы безопасные и здоровые условия труда.

Стратегия внутреннего маркетинга персонала – долговременный эффект относительно занятости и развития сотрудников для достижения стратегических целей организации. Целью внутреннего маркетинга персонала на стратегическом уровне является создание внутренней среды компании, способствующей развитию мотивированного и лояльного персонала и повышению имиджа организации.

Следовательно, при формировании стратегии внутреннего маркетинга персонала необходимо принимать во внимание, во-первых, их ориентацию на цели организации; во-вторых, на необходимость их интегрирования с теми организационными системами, с которыми будет осуществляться взаимодействие.

Согласно позиции И. Бехренс и К. Цемпел, можно выделить следующие основные субстратегии внутреннего маркетинга персонала (рис. 2): 1) субстратегия анализа, 2) субстратегия планирования, 3) субстратегия реализации мероприятий, 4) субстратегия контроля.

Рис. 2 – Субстратегии внутреннего маркетинга персонала [5]

Анализ показывает, что классификация построена по признаку основных (общеметодологических) функций менеджмента.

Другая классификация (табл.1) раскрывает виды непосредственных внутренних персонал-маркетинговых действий в соответствии с целями организации.

Таблица 1 – Виды субстратегий внутреннего маркетинга персонала

Виды маркетинговых субстратегий	Краткое описание
Субстратегия исследования внутреннего рынка труда	Предполагает маркетинговые исследования занятого в организации персонала
Субстратегия удержания квалифицированного персонала	Направлена на внедрение мероприятий по удержанию квалифицированного персонала
Субстратегия (ре)позиционирование персонал - имиджа	Реализуется с целью улучшения или укрепления положительного персонал - имиджа
Субстратегия бенчмаркинга	Направлена на изучение и оценку организаций - конкурентов

Стратегия внутреннего маркетинга персонала - это совокупность долгосрочных решений относительно способов удовлетворения потребностей и удержания квалифицированных сотрудников компании за счет использования ее внутренних ресурсов.

Понятия «стратегия» и «политика» тесно взаимосвязаны. Провести разграничения на практике между ними достаточно сложно. Однако в теоретическом плане проблема формирования политики предполагает самостоятельный подход. Специалисты отмечают, что в рамках определенной стратегии могут быть различные варианты реализации политики [6].

Политику внутреннего маркетинга персонала мы определяем как совокупность принципов (правил), детализированных действий и мероприятий, сопровождающих стратегию, для развития, мотивирования работников к труду и удержания их в организации.

Политика внутреннего маркетинга персонала включает следующие субполитики: (1) товарная; (2) ценовая; (3) благосостояния; (4) коммуникативная; (5) трудовых отношений.

(1) Товарная субполитика внутреннего маркетинга персонала подразумевает возможность занятия квалифицированным работником лучшего рабочего места, лучшей позиции, и поддержанию конкурентоспособности рабочей силы, как товара на внутреннем рынке труда.

(2) Ценовая субполитика внутреннего маркетинга персонала представляет собой совокупность мероприятий, осуществляемых субъектом рынка труда, ориентированных на управление ценами и ценообразованием с тем, чтобы:

- 1) овладеть определенной долей рынка и закрепить ее за собой,
- 2) получить определенную прибыль,
- 3) приспособиться к действиям конкурентов,
- 4) создать условия для реализации каждой функции рабочей силы [7].

(3) Субполитика благосостояния – комплекс мероприятий, обеспечивающих более широкий набор услуг и льгот, чем у других работодателей; а также социальных условий, которые должны быть привлекательны для работника и взаимовыгодны для них и предприятия.

(4) Субполитика трудовых отношений – одно из направлений маркетинговых решений по эффективному взаимодействию руководителя и работника: согласование интересов, разрешение возможных конфликтов и создание социальных программ, обеспечивающих, социальную защиту работника.

(5) Коммуникативная субполитика внутреннего маркетинга персонала - это комплексная система внутренних коммуникаций на внутреннем рынке труда. С одной стороны, это диалог со всеми сотрудниками, с другой стороны - самая важная информационная основа для работы со всеми сегментами внутреннего рынка труда и определения направлений деятельности на внешнем рынке.

Исследование показало, что сущность философии внутреннего маркетинга персонала состоит в необходимости улучшения качества трудовой жизни, т. е. работники должны иметь возможность удовлетворить свои личные потребности. Стратегия определяет существенный и долговременный эффект относительно занятости и развития сотрудников для достижения стратегических целей организации. Политика внутреннего маркетинга персонала предполагает более конкретные мероприятия и правила их реализации работодателем.

Список литературы / References

1. Брасс А. Маркетинг персонала как управленческая функция / А. Брасс [Электронный ресурс] // Финансовый директор. - №3. - 2008. - URL: http://www.profmedia.by/pub/fin/art/14979/?sphrase_id=224038 / (дата обращения: 15.11.2013)
2. Неганова И.С. Внутриорганизационный маркетинг: сущность, система, механизмы / И.С. Неганова [Электронный ресурс]. - URL: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2007/24/irina-neganova@yandex.ru.doc.pdf / (дата обращения: 04.11.2013)
3. Папонова Н. Маркетинг в области управления персоналом / Н. Папонова // Кадры предприятия. - 2005. - № 4. - С. 58 - 64
4. Neuhaus H. Der Konkurrenz eine Nasenlänge voraus /H. Neuhaus // Handelszeitung. - Nr 50, 12 Dezember. - 1996. - S. 17
5. Составлено по: Behrens I. Personalmarketing im oeffentlichen Sektor Beltz Druckpartner / I. Behrens, C. Zempel. - Gmbh&CoKGHemsbach, 2012
6. Дуракова И.Б. Теория управления персоналом. - Учеб.пособие по дисциплине «Управление персоналом» (выпуск 3) / И.Б. Дуракова, О.А. Родин, С. М. Талтынов. - Воронеж, 2004. - 84 с.
7. Ардзинов В. Д. Методология формирования маркетинга трудовых ресурсов в системе предпринимательства: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.30: защищена 15.06.2000 / В.Д. Ардзинов. - Санкт-Петербург, 2000

Список литературы на английском языке / References in English

1. Brass A. Marketing personala kak upravlencheskay funkciy [Marketing of personnel as managerial function] / A. Brass [Electronic resource] // Finansovij direktor [Finance director]. - 2008. №3 - URL: http://www.profmedia.by/pub/fin/art/14979/?sphrase_id=224038 / (accessed: 15.11.2013) [in Russian]
2. Neganova I.S. Vnutriorganizacionnij marketing: sychnost, sistema, mechanism [Intra organizational marketing: essence, system, mechanisms] / I.S. Neganova [Electronic resource]. - URL: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2007/24/irina-neganova@yandex.ru.doc.pdf / (accessed: 04.11.2013) [in Russian]
3. Paponova N. Marketing v oblasti upravleniy personalom [Marketing in the field of personnel management] / N. Paponova// Kadri predpriyutij [The Personnel of the entity]. - 2005. No. 4. P. 58 – 64 [in Russian]
4. Neuhaus H. Der Konkurrenz eine Nasenlänge voraus /H. Neuhaus // Handelszeitung. - Nr 50, 12 Dezember. - 1996. - S. 17 [in Germany]
5. It is made on: Behrens I. Personalmarketing im oeffentlichen Sektor Beltz Druckpartner / I. Behrens, C. Zempel. - Gmbh&CoKGHemsbach, 2012 [in Germany]
6. Durakova I. B. Teoria upravleniy personalom [The management theory Ucheb]. - Uchebnoe posobie po discipline «Upravlenie personalom» [Posobiye's personnel on discipline "Personnel management" (release 3)] / I. B. Durakova, O. A. Rodin, S. M. Taltynov. - Voronezh, 2004. - 84 pages. [in Russian]

7. Ardzinov V. D. Metodologiy formirovaniy marketinga trudovih resursov v sisteme predprinimatelstva [Methodology of formation of marketing of a manpower in system of business a yew]: dis. ... Doctor of Economics / Ardzinov Vasilij Dmitrievich: 08.00.30: defense of the thesis 15.06.2000 . - St. Petersburg, 2000. - 278 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.100

Колесник Е.А.¹, Заболотникова А.А.²

¹ORCID: 0000-0001-5678-2257, Кандидат экономических наук,
Тюменский индустриальный университет,

²ORCID: 0000-0001-5530-3525, студент,
Тюменский индустриальный университет

ТИП РЫНОЧНОЙ СТРУКТУРЫ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НЕФТЯНОЙ РЫНОК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье проведен анализ типа рыночной структуры на примере нефтяного рынка Российской Федерации. Определен тип рыночной структуры, выделены преимущества и недостатки олигополистической структуры рынка нефти, проведен анализ состояния конкурентной среды и выделены барьеры входа на рынок и выхода из него.

Ключевые слова: рыночная структура, тип, конкуренция, факторы, границы рынка, барьеры.

Kolesnik E.A.¹, Zabolotnikova A.A.²

¹PhD in Economics, Tyumen industrial University,

²student, Tyumen industrial University

TYPE OF MARKET STRUCTURE AND ITS IMPACT ON THE OIL MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

In the article the analysis of market structure type for example, the oil market of the Russian Federation. Given the type of market structure, the advantages and disadvantages of an oligopolistic structure of the oil market, the analysis of the competitive environment and the barriers to market entry and exit.

Keywords: market structure, type of competition, the factors border market barriers.

Вступление. Резкое снижение цен на нефть в 2015 г. на 52% по сравнению с 2013 г. привело к экономической, социальной и политической нестабильности в странах-экспортерах нефти и нефтепродуктов (Венесуэла, Россия, Бразилия, Иран, Ирак и другие). Согласно данным экспертов Международного энергетического агентства (МЭА) в последние годы наблюдается кризис перепроизводства нефти; по их мнению, эта тенденция будет сохраняться и в 2016 году. Иного мнения придерживаются представители стран-экспортеров нефти, которые прогнозируют не только стабилизацию и баланс спроса и предложения, но и рост потребления нефти за счёт увеличения потребления развивающимся странам. По их мнению, это в первую очередь произойдет за счёт роста потребностей экономики Китая, а также из-за снижения темпов добычи сланцевой нефти в Северной Америке. Стоит учитывать и тот факт, что странами ОПЕК сохраняются высокие темпы добычи нефти, приводя к ее избытку на рынке. Это может стать причиной, как утверждают эксперты МЭА, того, что рыночная цена за баррель «черного золота» может упасть до 32 \$ и ожидать резкого увеличения спроса в ближайшее время не стоит. Поэтому государства всего мира вынуждены вмешиваться в рыночный порядок, обеспечивая таким образом национальную безопасность. Сегодня на многочисленных переговорах основные игроки нефтяного рынка, в том числе страны ОПЕК, вынуждены договариваться о сокращении объемов добычи для поддержания цен. Но на особенности функционирования рынка влияет тип рыночной структуры. Именно поэтому выбранная тема исследования является актуальной в связи с повышенным интересом к определению типа рыночной структуры, оказывающей решающее влияние на рынок Российской Федерации, в том числе и нефтяной.

Анализ основных исследований и публикаций. Теоретические аспекты формирования, развития и функционирования рынков разрабатывались такими известными западными политэкономистами, как Д.Кейнс, И.Шумпетер, М.Фридмен, М.Портер и др. отечественная школа представлена работами В.Леонтьева, А.Шаститко, Р.А. Фатхудиновым, которыми изучалось взаимодействие государства и рынка. Исследованию мирового нефтяного рынка посвятили свои труды Д.Егргин, Ю.А.Ершов, В.В.Поляков, Г.А.Федоссева и др.; методике определения типа рыночной структуры - А.И. Лешкова и О.А. Верховец. Вместе с тем вопросы определения типа рыночной структуры и ее влияния на нефтяной рынок Российской Федерации рассмотрены недостаточно. Отмеченные обстоятельства определили выбор темы исследования, ее цели и задачи.

Изложение основного материала. Рыночная структура, как комбинация характерных отраслевых черт организации рынка, по степени убывания конкуренции делятся на совершенную конкуренцию, монополию, монополистическую конкуренцию и олигополию. Каждый тип имеет ряд характерных для него признаков, влияющих на то, каким образом формируется уровень цен и объемы выпуска, как определяется характер взаимодействия фирм в отрасли, как взаимодействуют продавцы на рынке и т.д. Помимо этого, типы рыночных структур характеризуются различной степенью конкуренции. Рыночная структура также отличается степенью рыночной власти отдельного производителя, находящаяся в обратной зависимости от степени развития отношений конкуренции на рынке.

В разных рыночных структурах на цену и объем производства влияют различные факторы нестратегического и стратегического характеров, определяясь объективными основами отрасли и субъективными параметрами структур. При исследовании рыночной структуры имеет место изложенная в приказе Федеральной антимонопольной службы от

28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» методика определения типа рыночной структуры [3].

Исходя из задач нашего исследования проведен анализ состояния конкурентной среды на примере нефтяного рынка Российской Федерации, а именно- ретроспективный анализ. По данным национального рейтингового агентства количество организаций, имеющих лицензии на право пользования недрами и осуществляющих добычу нефти и газового конденсата, в 2015 г. составило 299. Из них 117 организаций входит в структуру 11-ти вертикально-интегрированных компаний (ВИНК), 179 – независимые производители; 3 – компании, работающие на условиях соглашения о разделе продукции (СРП). В данное исследование были включены 9 основных нефтедобывающих компаний России (ВИНК) (таблица 1).

Таблица 1 – Данные об объемах продаж нефтяных компаний РФ за 2015 г.

Компания	Продажи за 2015 г. в млн. руб.	Доля продаж, %	Доля продаж с нарастающим итогом
ООО НК «Роснефть»	2325000	41,9	41,9
ПАО «Лукойл»	1535643	27,7	69,6
ОАО «Сургутнефтегаз»	645192,2	11,6	81,3
ПАО «Татнефть»	366061	6,6	87,9
ПАО «Газпром нефть»	298 989	5,4	93,3
ОАО «НГК Славнефть»	190512	3,4	96,7
ПАО АНК «Башнефть»	170518	3,1	99,8
ОАО «Зарубежнефть»	8119,7	0,1	99,9
АО «Ненецкая нефтяная компания»	2916,3	0,1	100,0

После установления географических, временных, товарных границ рынка, определения объемов товарной массы и долей компаний рассчитываются индексы концентрации, согласно которых описывается структура отраслевого рынка, и иные показатели, дающие более полную его характеристику. Индекс рыночной концентрации (CR_3) на нефтяном рынке Российской Федерации составил в 2015 г. 81,3%, а *HHI* (индекс Херфиндала –Хиршмана) равен 2756,4. В соответствии с различными значениями коэффициента рыночной концентрации и индекса распределения «рыночной власти» между субъектами отраслевого рынка выделяются слабоконцентрированные, умеренноконцентрированные и высококонцентрированные уровни товарного рынка. Согласно нашего анализа CR_3 больше 70%, а *HHI* превышает значение в 1800, то можно сделать вывод о том, что нефтяной рынок Российской Федерации высококонцентрированный (олигополия или монополия).

При определении границ рынка (коэффициент Линда) было выявлено, что олигополию образуют первые 4 субъекта - ООО НК «Роснефть», ПАО «Лукойл», ОАО «Сургутнефтегаз» и ПАО «Татнефть». При этом коэффициент относительной концентрации в 2015 г. составил 1,73, что больше 1, значит, ни один из субъектов не обладает доминирующим положением на рынке, и поэтому можно констатировать, что монополия отсутствует. Индекс энтропии равен 0,172, это показатель близок к нулю, что говорит о наличие большой вероятности формирования на рынке олигополии.

Еще одной немаловажной характеристикой рынка является наличие барьеров входа на рынок и выхода из него фирм-конкурентов. К барьерам входа на рынок следует отнести ограниченное количество мощностей по переработке нефти и возможности трубопроводного транспорта системы ОАО «АК «Транснефть», а также наличие ВИНК, которые владеют более 70% мощностей по переработке сырой нефти (затраты на осуществление добычи нефти, способ реализации сырой нефти на нефтеперерабатывающих заводах групп лиц ВИНК (реализация или поставка по давальческой схеме), динамика и структура инвестиционных затрат на развитие добычи сырой нефти).

Выводы. Таким образом, в результате анализа типа рыночной структуры на примере нефтяного рынка Российской Федерации за 2015 г. было установлено его олигополистическая структура, при которой относительно небольшое количество товаропроизводителей производят однородные продукты, а при формировании ценовой политики учитывается реакция со стороны конкурентов, т.к. доля каждого производителя в общих объемах продаж настолько велика, что изменение в количестве продукции ведет к изменению ее цены.

Список литературы / References

1. Колесник Е.А. К вопросу о проблемах и перспективах развития рынка труда России в контексте импортозамещения/ Е.А. Колесник // Sustainable Development: Social and Economic Changes. Monograph. Opole: The Academy of Management and Administration in Opole, 2016.- PP. 134-141.
2. Лешкова А.И. Методика определения типа рыночной структуры: теория и практика (на примере нефтяного рынка России) / А.И.Лешкова, О.А.Верховец// Вестник Омского университета. Серия «Экономика». - 2013. - № 3. - С. 70–77.
3. Приказ Федеральной антимонопольной службы от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» [Электронный ресурс]// режим доступа: <http://base.garant.ru/12177774/>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kolesnik E.A. K voprosu o problemakh i perspektivakh razvitiya rinka truda Rossii v kontekste importozameshenia [To the question about the problems and prospects of labour market development in Russia in the context of import substitution]/ E.A. Kolesnik // Sustainable Development: Social and Economic Changes. Monograph. Opole: The Academy of Management and Administration in Opole, 2016.- PP. 134-141 [in Poland].

2. Leshkova A.I. Metodica opredelenia tipa rinochnoy strukturu: teorii i praktika (na primere naftanogo rinka Rossii) [Methods of determining the type of market structure: theory and practice (on the example of the oil market of Russia)] / A.I. Leshkova, O.A. Verxovech // Vestnik Omskogo universiteta. Seria «Economika» [Bulletin of Omsk University. Series «Economy»]. - 2013. - № 3. - PP. 70–77 [in Russian].

3. Pricaz Federalnoy antimonopolnoj sluzby ot 28 aprelya 2010 g. № 220 «Ob utverzdenii Poradka provedenia analiza sostoyaniya konkurencii na tovoronom pinke» [The order of the Federal Antimonopoly service dated 28 April 2010 № 220 «On approval of the Procedure for analyzing the state of competition on commodity market»][Electronniy resurs]// rezum dostupa [[Electronic resource]// access mode]: <http://base.garant.ru/12177774/> [in Russian].

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.182

Коробков С.А.

Аспирант

ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

**ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СИСТЕМЫ СКВОЗНОЙ
МАРКЕТИНГОВОЙ ИНТЕРНЕТ-АНАЛИТИКИ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА**

Аннотация

Рост активности использования интернет-маркетинга бизнесом, и наметившееся в последние несколько лет тенденция к перераспределению маркетинговых бюджетов в пользу интернет-маркетинга увеличивают бюджеты интернет-маркетинга, растет конкуренция среди рекламодателей в этих каналах, что неизбежно приводит к росту цен. А увеличение объем маркетингового воздействия на потребителей заставляет последних становится менее восприимчивыми к маркетинговому воздействию. В случае если компания не может увеличивать затраты на маркетинг, наиболее рациональным решением может стать оптимизация затрат при помощи сквозной аналитики. В статье разобран подход к определению сквозной аналитики, предложен перечень базовых компонентов системы сквозной маркетинговой интернет-аналитики.

Ключевые слова: сквозная аналитика, интернет-маркетинг, big data, маркетинг.

Korobkov S.A.

Postgraduate student

Plekhanov Russian University of Economics

BASIC COMPONENTS OF MARKETING THROUGH INTERNET ANALYTICS SYSTEM

Abstract

The growth of active usage of Internet marketing over the past few years and the trend of reallocating marketing budgets to online marketing makes spending to Internet marketing grow. Increasing competition among advertisers in Internet marketing channels inevitably leads to higher prices. If the company cannot increase marketing budgets, the most efficient solution would be to optimize costs with thought analytics. This article explores the approach to defining thought analytics and offers a list of basic components of the system through online marketing analytics.

Keywords: thought analytics, internet marketing, big data, marketing.

Растущая конкуренция заставляет компании искать новые методы увеличения результативности маркетинга, в том числе интернет-маркетинга как важнейшего элемента системы маркетинга. Зачастую аукционный принцип формирования стоимости рекламы и сокращение времени, которое потребитель готов тратить на контакт с рекламой, приводит к увеличению стоимости рекламы. Например, контекстная реклама, как наиболее широко используемый рекламный канал, обладая специфичным методом ценообразования, основанным на аукционной механике, с каждым годом становится все дороже за счет указанных выше причин. Постоянный рост активности использования интернет-маркетинга бизнесом, и наметившееся в последние несколько лет тенденция к перераспределению маркетинговых бюджетов в пользу интернет-маркетинга так же увеличивают финансовое давление на каналы интернет-маркетинга, растет конкуренция среди рекламодателей в этих каналах, что неизбежно приводит к росту цен. А увеличение объем маркетингового воздействия на потребителей, как уже было сказано выше, заставляет последних становится менее восприимчивыми к коммуникационным активностям бизнеса. В случае если компания не может увеличивать затраты на маркетинг, наиболее рациональным решением может стать оптимизация затрат при помощи сквозной аналитики.

Согласно М.Боровику, сквозная аналитика – это «анализ эффективности рекламных кампаний на основе данных о продажах путем отслеживания каждого клиента сквозь всю воронку продаж» [1]. Воронка продаж – это наглядное представление перемещение потенциального клиента компании от первого обращения в компанию до приобретения товара или услуги. Название «воронка» не случайно, дело в том, что внешне воронка продаж традиционно изображается в виде перевернутого вершиной вниз треугольника. Новые обращения от клиентов попадают в широкую часть воронки, далее, проходя через этапы обработки обращения (консультация, замер, расчет стоимости, отправка коммерческого предложения), часть клиентов по тем или иным причинам принимает решение не сотрудничать с компанией, визуально этот отток клиентов представляется сужением воронки. Из нижней части воронки поступают клиенты компании. То есть те компании и частные лица, которые успешно прошли все этапы воронки, приняли положительное решение относительно сотрудничества и приобрели товары или услуги компании. Конкретные этапы воронки продаж зависят от специфики компании и от того, как организованы продажи в ней. Говоря о системе маркетинговой сквозной аналитики, следует расширить данное определение, пользуясь перечнем минимального числа показателей М.Джеффри, необходимых для анализа и внедрения в жизнь компании маркетинга, основанного на данных.

Таблица 1 – Минимальное число показателей М.Джеффри, необходимое для внедрения в жизнь компании маркетинга, основанного на данных [2]

Осведомлённость о компании	Тест-драйв
Отток клиентов	Уровень удовлетворённости клиентов
Количество посещений	Прибыль
Чистая приведенная стоимость (NPV)	Внутренняя норма доходности (IRR)
Окупаемость	Пожизненная ценность клиента (CLTV)
Цена за клик	Конверсия по транзакциям (TCR)
Возврат на инвестиции в рекламу (ROA)	Доля отказов
Сарафанное радио (WOM)	

С нашей точки зрения, если определение М.Боровика является недостаточным, другими словами, не затрагивает данные, получаемые в процессе маркетинговой деятельности в интернете, то перечень М.Джеффри, приведенный в таблице 1 является оптимальным, но не всегда легко внедряемым в реальную деятельность малых компаний. Например, внедрение полного и постоянного анализа уровня удовлетворённости клиентов, может вызвать определённые сложности у малых компаний, которые не всегда могут систематически выделять финансовые и человеческие ресурсы на эту работу.

Для малых компаний следует ориентироваться на готовые решения, такие как на онлайн-сервис ROIstat.com, в котором доступно более 28 интеграций с системами, содержащими маркетинговые данные. Это и системы управления сайтами (CMS), CRM, бухгалтерские системы, социальные сети, сервисы коллтрекинга и онлайн чаты [4]. Следует отметить, что данный сервис будет соответствовать базовым потребностям в сквозной аналитике не только мелких, но и средних компаний.

Зарубежом принято называть сквозную аналитику «Big Data Analytics», а управление маркетингом с использованием интеграции информационных систем и анализа данных «Big Data-Driven marketing» и включать в данный термин сбор, обработку и анализ маркетинговой информации для увеличения результативности маркетинга [5].

М.Боровик и М.Джеффри согласны с тем, что система сквозной аналитики анализирует маркетинговые данные, проходящие через статистические и информационные системы, расположенные как внутри и снаружи компании. В общем виде движение этих данных (информации) представлено на рисунке 1.

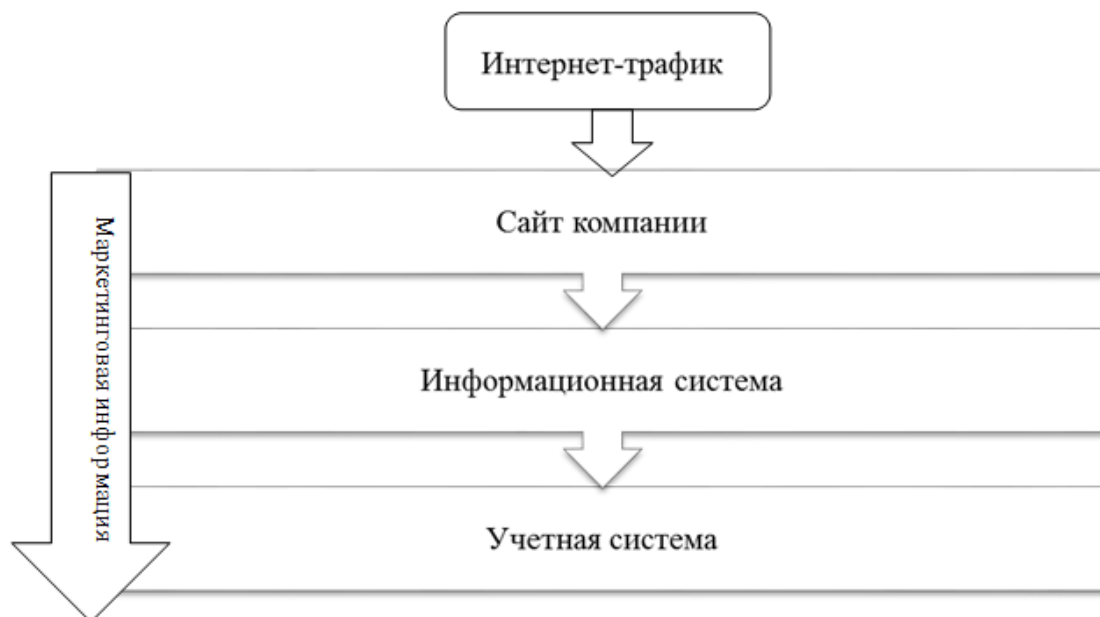

Рис. 1 – Этапы обработки маркетинговой информации об интернет-обращении потенциального клиента [3]

На рисунке видно, что интернет-трафик (посещения) превращаются на сайте компании в потенциальных клиентов, попадают в информационную систему, с тем, чтобы впоследствии, в случае согласия клиента сотрудничать с компанией, попасть в учетную систему. Мы считаем, что недостатком данной схемы является тот факт, что в ней не учтены потенциальные покупатели товаров или заказчики услуг, которые контактируют с организацией, не посещая ее сайт. Например, они могут получить всю необходимую информацию в социальных сетях и разместить заказ или связаться с компанией через контакты, указанные там же (в социальной сети). Или даже сообщить о желании приобрести товары или заказать услуги, отправив письмо по электронной почте или написав компании непосредственно в социальной сети.

Резюмируя мнения авторов, указанных выше, можно составить основные (базовые) компоненты системы сквозной маркетинговой интернет-аналитики, разделив по системам обработки маркетинговой информации.

Таблица 2 – Основные (базовые) компоненты системы сквозной маркетинговой интернет-аналитики, разделив по системам обработки маркетинговой информации

№	Система (этап) обработки маркетинговой информации	Анализируемые данные
1 ↓	Интернет-маркетинг	Цена за клик Стоимость трафика (не CPC)
2 ↕	Сайт компании	Количество посещений Конверсия по транзакциям (TCR)
3 ↕	Информационная система (например, CRM)	Сарафанное радио (WOM) Доля отказов
4 ↕	Учетная система (например, ERP/бухгалтерия)	Отток клиентов Уровень удовлетворенности клиентов Чистая приведенная стоимость (NPV) Прибыль Внутренняя норма доходности (IRR) Пожизненная ценность клиента (CLTV) Возврат на инвестиции в рекламу (ROA)

Примечание: составлено автором на основании [2], [3].

Стрелками обозначено направление движения информации. Следует отметить, что в таблице приведены лишь базовые компоненты системы, перечень этапов и анализируемые данные будут изменяться под конкретные теоретические или практические задачи. Для реализации практических задач, на состав таблицы прямое влияние оказывает не только тип компании и рынок, на котором она работает, но и ее размер и специфика сложившейся маркетинговой информационно-технологической архитектуры. Включая структуру отдела маркетинга, информационные системы, используемые онлайн-сервисы и источники трафика, а так же структуру сайтов компании.

Список литературы / References

1. Боровик М. Performance-маркетинг: Заставьте интернет работать на вас / М.Боровик, Г.Загребельный, Т.Меркулович, И.Фролкин. М.: Альпина Диджитал, 2016. – 270 с.
2. Джеффри М. Маркетинг, основанный на данных: 15 ключевых показателей, которые должен знать каждый // Манн, Иванов и Фербер. 2013.
3. Коробков, С.А. Интеграция внутренних и внешних информационных систем для повышения результативности интернет-маркетинга (на примере информационно-технологических компаний) / С.А. Коробков Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Современная экономика: концепции и модели инновационного развития». – М., 2016.
4. ROIstat.com [Электронный ресурс] // ROIstat.com URL: <http://roistat.com/ru/features/integrations> (дата обращения: 17.10.2016).
5. Artur L. Big data marketing. Engage your customers more effectively and drive value. Wiley. 2013
6. Данченко Л.А., Невоструев П.Ю. SMART-обучение: основные принципы организации учебного процесса//Открытое образование. 2014. № 1.
7. Мешков А.А., Мусатова Ж.Б., Твердохлебова М.Д, Горохов М.А. Интернет-маркетинг: Учебное пособие. М.: ФГОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2012.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Borovik M. Performance-marketing: Zastav'te internet rabotat' na vas [Performance marketing: Make Internet work for you] / M.Borovik, G.Zagrebel'nyj, T.Merkulovich, I.Frolkin. M.: Al'pina Didzhital, 2016. – 270 s. [in Russian]
2. DzhEFFri M. Marketing, osnovannyj na dannyh: 15 klyuchevyh pokazatelej, kotorye dolzhen znat' kazhdyj [Data driven marketing: 15 key indicators that everybody should know] // Mann, Ivanov i Ferber. 2013. [in Russian]
3. Korobkov, S.A. Integraciya vnutrennih i vneshnih informacionnyh sistem dlya povysheniya rezul'tativnosti internet-marketinga (na primere informacionno-tekhnologicheskix kompanij) [Internal and external information systems integration to increase internet marketing efficiency] / S.A. Korobkov Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennaya ehkonomika: koncepcii i modeli innovacionnogo razvitiya». [VIII International scientific-practical conference «Modern economy: concepts and models of innovation development»] – M., 2016. [in Russian]
4. ROIstat.com [Elektronnyj resurs] [Electronic resource] // ROIstat.com URL: <http://roistat.com/ru/features/integrations> (data obrashcheniya: 17.10.2016). [in Russian]
5. Danchenok L.A., Nevostrujev P.YU. SMART-obuchenie: osnovnye printsipy organizatsii uchebnogo protsessa [SMART-learning: basic principles of organizing learning process] // Otkrytoe obrazovanie. 2014. № 1. [in Russian]
6. Meshkov A.A., Musatova ZH.B., Tverdokhlebova M.D, Gorokhov M.A. Internet-marketing: Uchebnoe posobie. M.: FGOU VPO «REHU im. G.V. Plekhanova» [Internet-marketing: tutorial], 2012. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.119

Малеванная Т.С.

Аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРАКТНОГО ПРОИЗВОДСТВА*Аннотация*

Сегодня в мировой экономике наблюдается рост контрактного производства. Это во многом обусловлено тем, что контрактное производство следует понимать не только как модель кооперации предприятий, но и как форму международного разделения труда, способ проникновения на внешний рынок, а так же бизнес-модель, при этом контрактные производители занимают различное положение в глобальных цепочках создания добавленной стоимости. В статье рассматривается специфика контрактного производства в условиях международного рынка, а так же различные подходы к определению сущности контрактного производства.

Ключевые слова: контрактное производство, интернационализация, глобальная цепочка ценностей.

Malevannaia T.S.

Postgraduate student, St. Petersburg State Economic University

SUBJECT AND FORMS OF INTERNATIONAL CONTRACT MANUFACTURING*Abstract*

Today in the world economy we can see the growth of contract manufacturing. It is due to the fact that contract manufacturing is not only a cooperation model, but also a form of international labor division and internationalization and also a business model. Contract manufacturers occupy different positions in global value chains. The article deals with specific of contract manufacturing in the international market and different approaches of contract manufacturing subject definition

Keywords: contract manufacturing, internationalization, global value chain.

Мировой рынок с каждым днем становится все более конкурентным. Компаниям приходится выбирать стратегии, которые снижают себестоимость продукции, оптимизировать производство, чтобы стать более конкурентоспособными на мировом рынке. В мировой экономике сегодня наблюдается тенденция к рассредоточенному производству с экономией на диверсификации[3, стр. 326-328]М. Корбетт отмечает, что, как правило, среднестатистический производитель передает на аутсорсинг 70-80% своих продуктов[4, стр. 58]. Примечательно то, что с течением времени у компаний меняется взгляд на аутсорсинг, сегодня предприятия находятся в поисках внешних поставщиков тех товаров, которые ранее производили сами, при этом на аутсорсинг передаются не только услуги, например, сервисное обслуживание клиентов, но и производственные процессы.

И. Шелухин определяет производственный аутсорсинг, как передачу сторонней организации всех функций производства или части задач, связанных с производством продукции. В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что производственный аутсорсинг – это не что иное как контрактное производство (с англ. - contractmanufacturing). В экономической науке нет единого понятия контрактного производства. На наш взгляд контрактное производство имеет ряд отличительных признаков, которые позволяют выделить контрактное производство с одной стороны, как модель аутсорсинга, с другой стороны как одну из стратегий интернационализации, а в реалиях современного рынка еще и как бизнес-модель. Рассмотрим подробнее различные подходы к определению контрактного производства.

Во-первых, контрактное производство – это один из видов аутсорсинга. При определении контрактинга эксперты UNIDO делают акцент на выполнении технических процессов в соответствии с требованиями заказчика на производственных мощностях другого предприятия[5].Р. Гриффин определяет контрактное производство как процесс привлечения других компаний с целью сокращения объема финансовых и трудовых ресурсов, необходимых для производства продукции[1, стр. 1065-1067]. С. Пивоваров вводит термин «сопроизводство» для обозначения изготовления комплектного изделия или его компонентов одним из зарубежных партнеров[2, стр. 59-60].М. Портер определяет организационное и производственное объединение предприятий, которые связаны общим участием в производстве и продаже одного конечного продукта как вертикальную интеграцию. При этом важно отметить, что на аутсорсинг предприятие заказчик может передавать различный объем услуг – от сборки конечного продукта, до разработки и непосредственно производства.

Несомненно, все определения контрактного производства, отражают суть данного процесса аутсорсинга, но на наш взгляд термин «контрактное производство» в условиях мировой экономики может употребляться в гораздо более широком смысле.

Контрактное производство является одним из видов аутсорсинга, соответственно является услугой, которую одно предприятие оказывает другому. Так же следует отметить, что если предприятия связывают друг друга контрактным производством, но последнее становится одним из видов кооперации. Рассмотрим контрактное производство в международном аспекте.

В условиях мировой экономики контрактное производство становится так же формой международного разделения труда, т.к. в одних странах проводятся научные исследования и разработка продукта (например, США), в других регионах мира непосредственно производится продукт (Мексика, страны Юго-Восточной Азии). Соответственно разделение труда происходит в зависимости от имеющихся в регионе мира ресурсов и стоимости этих ресурсов.

Если мы говорим о международном рынке, то стоит отметить, что UNCTAD определяет контрактное производство как один из видов организации международного производства, несвязанный с участием в капитале (СНУК). В 2010 году на контрактное производство приходилось 50% общего объема СНУК[7]. Действительно, когда компания GAP размещает заказ на пошив изделий в Бангладеш, она не инвестирует в создание производственных

мощностей в этой стране, тем не менее, пользуется ресурсами этой страны и создает глобальную цепочку добавленной стоимости.

Контрактное производство является так же и стратегией интернационализации. С одной стороны, контрактный производитель, выполняя заказы для иностранных клиентов, встраивается в его цепочку создания добавленной стоимости, и товары, которые были произведены при его участии, могут продаваться на рынках третьих стран. С другой стороны, контрактное производство является одной из стратегий проникновения иностранных фирм на защищенные рынки. Данная ситуация характерна когда страна вводит защитные меры для определенных отраслей и ограничивает доступ иностранных компаний к этим рынкам. В таком случае, продукция, изготовленная на производственных мощностях отечественной компании, будет иметь более высокий уровень локализации и может быть допущена на национальный рынок.

Третья сторона контрактного производства связана с непосредственным оперированием компаний на рынке. Контрактное производство – это еще и форма организации бизнеса. Например, компании Foxconn и Flextronics являются ТНК, которые работают как контрактные производители, не имеют продуктов, которые продаются под их брендом, 100% объема производства делается под заказ. Таким образом, можно отметить, что некоторые компании «специализируются» на предоставлении услуг контрактного производителя, и это является их основным бизнесом.

Таким образом, контрактное производство – это бизнес-модель, вид промышленного аутсорсинга, при котором контрактный производитель, принимая на себя обязательства по производству и разработке отдельных компонентов или конечного продукта по спецификации заказчика, встраивается в глобальную цепочку ценностей последнего, и тем самым получает доступ на международный рынок.

Исходя из вышеперечисленных определений, следует сделать вывод, что контрактное производство многогранно, и компании, задействованные в этом процессе, будут отличаться моделью организации бизнес-процессов, объемами услуг, которые они оказывают своим клиентам. Единой классификации контрактных производителей найти не удастся, хотя некоторые авторы приводят классификацию предприятий, основываясь на одном из признаков.

С. Линахан и И. Шиппер обращают внимание на объем услуг, которые производят контрактные производители: одни предприятия оказывают услуги непосредственно производству, другие готовы взять на себя еще и разработку продукта, дизайн, часть научных исследований [6, стр. 59-60].

В реалиях международного рынка, можно выделить контрактных производителей, которые оперируют только на национальном рынке и предприятий, которые работают с ТНК. При этом стоит отметить и различный уровень участия контрактных производителей в цепочках создания добавленной стоимости. Одни компании обеспечивают отдельные производственные процессы, другие, как Асег, создают свои собственные цепочки. Стоит понимать, что для одних компаний контрактное производство является основным видом бизнеса, и при этом компания не разрабатывает и не производит собственный продукт, другие используют контрактное производство, как способ получения дополнительной прибыли и загрузки своих производственных мощностей, при этом могут работать как в смежной отрасли, так и в одной отрасли со своим заказчиком.

Контрактное производство с каждым годом набирает все большие обороты и по мнению экспертов UNIDO выделяется как одна из стратегий построения «глобальной фабрики». Причинами того, что контрактное производство развивается, служит более низкая себестоимость за счет экономии на масштабе, возможности сосредоточиться на более прибыльных звеньях для заказчика. Контрактные производители в свою очередь имеют возможность освоить новые технологии, а так же выйти на международный рынок.

На наш взгляд, контрактное производство может служить одним из катализаторов развития отраслей, в которых оно имеет место быть. Данное предположение основывается на том, что с одной стороны контрактное производство усиливает специализацию на определенных видах производственных процессах, а с другой стороны усиливает кооперацию между предприятиями. Важно понимать, что если страна специализируется на контрактном производстве, то возникают риски того, что после ухода заказчика, промышленность принимающей страны становится под угрозой. Во избежание подобных случаев, необходимо развивать такое контрактное производство, которое в первую очередь стимулирует развитие отечественной промышленности, развивая внутриотраслевую специализацию, а с другой стороны контрактное производство должно быть конкурентоспособно в мировом масштабе, чтобы обслуживать международные компании.

В целом, подводя итог, следует отметить, что сегодня контрактное производство это не только форма кооперации между промышленными предприятиями с целью снизить издержки, но и форма международного разделения труда, а также способ интернационализации, причем как для контрактного производителя, так и для заказчика.

Список литературы / References

1. Гриффин Р., Пастей М. Международный бизнес. 4-е изд. / Пер. с англ. под ред. А. Г. Медведева. – 4 –е– СПб.: Питер, 2006. – 1088 с.
2. Пивоваров С.Э., Тарасевич Л.С., Майзель А.И., Международный менеджмент / Под ред. Пивоварова С. Э., Тарасевича Л. С., Майзеля А. И. — СПб: Питер, 2001. —576 с.
3. Райнерт Э.С., Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными/Пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова - М.: Изд. Дои Гос. Ун-та – Высшей школы экономики. - 2011- 368 с.
4. Corbett F. The Outsourcing Revolution: Why it makes sence and how to do it right /Corbett F. – Deabourn, 2004. – 256p.
5. EIM Business&Policy Research. EU SMEs and subcontracting, Final Report [Electronic resource] / European Union// EIM Business&Policy Research- 2008 URL: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sme/facts-figures-analysis/performance-review/files/supporting-documents/2008/eu-smes-subcontracting-final-report_en.pdf (accessed: 10.10.2016)
6. Schipfer I., Esther de Haan.Somo ICT Sector Report / Centre for research on Multinational Corporations - Amstrdam. – 2005.-128p.

7. UNCTAD. World investment report 2011: Non-equity models of international production and development [Electronic resource] /UNCTAD// UNCTAD – 2010 - 226 p. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2011_en.pdf (accessed: 10.10.2016)

Список литературы на английском/ References in English

1. Griffin R., Pастей M. Mezhdunarodnyy Bizness, 4-e izd. [International Business, 4 th edition]/ translation from English, edited by A.G. Medvedev- 4th edition - SPb.: Piter, 2006 – 1088 p. [In Russian]
2. Pivovarov S.E., Tarasevich L.S., Maizel A.I. Mezhdunarodnyy Menedzment [International management]/ Edited by S.E.Pivovarov, L.S. Tarasevich, A.I. Maizel - SPb.: Piter, 2001 – 576 p. [In Russian]
3. Rainert. E.S., Kak bogatye strany staly bogatymi i pochemy bednye strany ostautsya bednymi [How rich countries become rich and why poor countries stay poor]/translation from English N. Avtonomov, edited by V. Avtonomov - M.: Izd. DoiGos. Un-ta – High school of economy – 2001 – P. 368.[In Russian]
4. Corbett F. The Outsourcing Revolution: Why it makes sense and how to do it right /Corbett F. – Deabourn, 2004. – 256p.
5. EIM Business&Policy Research. EU SMEs and subcontracting, Final Report [Electronic resource]/European Union// EIM Business&Policy Research- 2008 URL: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sme/facts-figures-analysis/performance-review/files/supporting-documents/2008/eu-smes-subcontracting-final-report_en.pdf (accessed: 10.10.2016)
6. Schipfer I., Esther de Haan.Somo ICT Sector Report / Centre for research on Multinational Corporations - Amstrdam. – 2005.-128p.
7. UNCTAD. World investment report 2011: Non-equity models of international production and development [Electronic resource] /UNCTAD// UNCTAD – 2010 - 226 p. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2011_en.pdf (accessed: 10.10.2016)

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.190

Никонова Я.И.

ORCID: 0000-0001-6331-4371,

кандидат экономических наук, доцент

Сибирский государственный университет путей сообщения, Томский государственный университет
**ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИННОВАЦИЙ И ИХ ФИНАНСИРОВАНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**

Аннотация

Показано, что основой экономического роста становятся инновационные факторы и непрерывный процесс обновления знаний и технологий. Исследованы концепции, описывающие влияние инноваций и их финансирования на процесс экономического роста в рамках государства. Теоретические исследования влияния объемов финансирования инноваций на экономический рост подтверждены результатами авторского эконометрического анализа. Установлено, что существует статистическая взаимосвязь между уровнем развития экономики и состоянием инновационной среды национальной экономической системы, в том числе объемом финансирования инновационных процессов.

Ключевые слова: инновации, экономика знаний, финансирование.

Nikonova Ya.I.

ORCID: 0000-0001-6331-4371,

PhD in Economics, associate Professor,

Siberian state university of communications, Tomsk state university

**EVALUATION OF THE INFLUENCE OF INNOVATIONS AND THEIR FINANCING ON AN ECONOMIC
INCREASE IN THE NATIONAL ECONOMY**

Abstract

It is shown that the basis of economic growth is the innovation factors and the continuous process of updating knowledge and technology. Researched concepts that describe the influence of innovation and its financing for economic growth within the state. Theoretical study of the influence of financing innovations on economic growth is confirmed by the results of the author's econometric analysis. It is established that there is a statistical relationship between the level of economic development and the state of the innovative environment of the national economic system, including the funding of innovation processes.

Keywords: innovation, economy of knowledge, financing.

В условиях перехода к постиндустриальному этапу развития эффективность функционирования и способность развития любой экономической системы (организации, региона, государства и т.п.) определяется её восприимчивостью к инновациям, то есть способностью обеспечить условия для непрерывного обновления различных форм деятельности в соответствии с изменениями внешней и внутренней среды.

В настоящее время страна, несмотря на частичную модернизацию экономики, пока не смогла отказаться от инерционного пути развития, что в будущем может стать угрозой экономической безопасности страны в целом. От ученых-экономистов требуется создание теоретических рекомендаций по формированию новой парадигмы инновационного развития экономики России и ее регионов, активизации инновационного процесса и, тем самым, повышения конкурентоспособности страны в мире.

Необходимым условием инновационного развития России является создание эффективных механизмов его

финансирования, важным составным элементом которых выступает система финансирования инновационного развития, особенности функционирования которых в условиях новой нормальности до конца не изучены. Роль методов и форм финансирования, финансовых инструментов и рычагов, которые регулируют и обеспечивают инновационное развитие экономики России, определена лишь в общем виде. Проблема финансового обеспечения инновационного развития России требует оценки влияния инноваций и их финансирования на экономический рост национальной экономики.

Одним из первых ученых-экономистов, описавших влияние инноваций и их финансирования на процесс экономического роста в рамках целого государства стал Й. Шумпетер. Основываясь на анализе его работ можно сделать вывод, что производство инновационного продукта способствует качественному изменению в экономической системе, переходу её на новую ступень развития [31]. Й. Шумпетер, опираясь на исследования экономических циклов Н.Д. Кондратьева [3], обратил внимание на кредит, как источник капитала и финансирования инновационной деятельности [31]. Ученый утверждал, что с помощью кредитных ассигнований, предприниматели создавали новые промышленные продукты, с которыми, впоследствии выходили на рынок.

Р.Солоу, Дж. Кендрик, Э. Денисон, С. Кузнец в 1950-1960-х годах внесли значительный вклад в исследование влияния инноваций на экономический рост. Основываясь на исследованиях показателей роста экономики в США в 20 веке, они пришли к выводу, что более 50% денежных потоков были вызваны внедрением в экономику инновационных продуктов (табл. 1).

Таблица 1 – Вклад инновационных продуктов в экономический рост США [4]

Автор	Период исследования	Год опубликования исследований	Экономический рост за счет инноваций, %
Абрамович М.	1869-1953	1956	48
Солоу Р.	1909-1949	1957	51
Кендрик Дж.	1889-1953	1961	44
Денисон Э.	1929-1957	1962	58
Кузнец С.	1929-1957	1971	78

По оценке Р. Солоу, влияние инновационных продуктов на темпы развития экономики США в период с 1908-1949 года (её ежегодный прирост достигал 3%) составило 1,5%. Половина ВВП страны за год было получено за счет выпуска продукции, не имеющей аналогов на рынке товаров и услуг. Для сравнения, стоит отметить, что повышение производительности труда в исследуемый период повысило ВВП на 1,1%, доля накопленного за этот срок капитала составляет 0,3% [32].

Американский ученый Э. Денисон известен разработкой классификации факторов экономического роста, определением источников, стимулирующих экономический рост в отдельной стране. Всего он выделил 23 фактора, 14 из которых тесно связаны с внедрением инноваций. Остальные приходились на капитал, труд и землю. Согласно его воззрениям, повышение темпов роста ВВП в рамках отдельного государства связано не столько с количественными, а сколько с качественными изменениями в сфере производственной деятельности. По мнению ученого, изобретение нового продукта, и последующим выход с ним на рынок, имеет следствием увеличение ВВП развитых стран примерно на 60%. Экономические выводы, сделанные ученым С. Кузнецом, подтвердили заключения Р. Солоу и Э. Денисона. Так, Кузнец утверждал, что экономический рост любой страны связывается с использованием факторов производства, основанных на достижениях научно-технического прогресса [23].

В 1970 – 1980-е годы активно развивалась эволюционная теория экономических изменений и теории человеческого капитала (Ф.Агийон, Дж.Гроссман, Р.Лукас, П.Ромер, П.Хоувитт, Э.Хэлпман [2, 7]), что позволило углубить представления о роли инноваций в развитии экономики и создать новые модели экономического роста на основе технологических изменений, считающихся эндогенным фактором экономического роста вместе с трудом и капиталом.

Работы Р.Барро, И.Бенхабиба, Х.Сала-и-Мартина, Ф.Каселля, опубликованные в 1980 - 1990-е годы и содержащие исследования о роли человеческого капитала в развитии экономических систем позволили углубить знания об инновационной природе экономического роста национальных экономик. Исследования подтверждают, что воздействие технических и технологических изменений на макроэкономическую динамику напрямую зависит от уровня развития человеческого капитала. В частности, повышение инновационной активности в экономике, приводящее к увеличению темпов ее роста, определяется объемом финансирования сферы образования и профессиональной подготовки и переподготовки кадров [1]. Инвестиции в человеческий капитал определяют способность национальной экономики к генерации новых знаний, а также способствуют эффективному трансферу зарубежных технологий, что увеличивает темпы роста национальной экономики.

Наибольший экономический рост отмечен в государствах, осуществляющих всестороннюю подготовку специалистов инженерно-технического профиля, в отличие от стран, выдвигающих на первый план подготовку специалистов гуманитарных направлений подготовки [4]. Причиной этому служит более активное участие специалистов инженерно-технического профиля в генерации инноваций, что усиливает экономический рост. Результаты проводимых в этой области исследований, позволили обосновать тезис о возможности увеличения темпов экономического роста путем разработки государственной инновационной стратегии, направленной на улучшение качества человеческого капитала, в том числе посредством увеличения объема финансовых ресурсов, направляемых на реализацию образовательных программ в области подготовки специалистов инженерно-технического профиля.

Российская Федерация по уровню развития техники и технологий отстает от стран Западной Европы, США, а также многих государств Латинской Америки и Азии. Отечественный высокотехнологичный экспорт составляет всего

лишь 6% от экспорта Японии, 4,7% - США, 1,4% - Китая. Объем высокотехнологичного экспорта России по данным Всемирного банка ниже объема высокотехнологичного экспорта Таиланда почти в 5 раз, в 7 раз – чем у Швейцарии и в 72 раза – чем в Китае.

Налицо тенденция отставания уровня технологического развития Российской Федерации от стран-лидеров, вызванная сильнейшей зависимостью экономики от добывающих и обрабатывающих отраслей.

Анализируя структуру экспорта стран-лидеров инновационного развития, делаем вывод, что доля высокотехнологичного экспорта в общей структуре экспорта промышленной продукции постоянно растет и к настоящему моменту составляет в Сингапуре и Малайзии около 45%, в Китае, Швейцарии и Франции – около 25%, а в России – не более 10 % (табл. 2).

Таблица 2 – Показатели инновационного развития стран-лидеров [4]

Страны	Затраты на НИОКР	Высокотехнологичный экспорт		Число поданных патентных заявок		Число поданных заявок на регистрацию тов. знаков
	% от ВВП	\$ млн	% от пром. экспорта	резиденты	нерезиденты	
Бразилия	1.21	8,820	10.5	4,804	25,312	151,711
Китай	1.98	505,646	26.3	535,313	117,464	1,619,878
Франция	2.26	108,365	25.4	14,540	2,092	89,793
Германия	2.92	183,354	15.8	46,620	14,720	64,497
Индия	0.81	12,434	6.6	9,553	34,402	190,850
Япония	3.39	123,412	17.4	287,013	55,783	123,239
Корея, Респ.	4.04	121,313	26.2	148,136	40,779	142,625
Малайзия	1.07	61,223	43.7	1,114	5,826	28,833
Российская Федерация	1.12	7,095	8.4	28,701	15,510	62,694
Сингапур	2.10	128,239	45.3	1,081	8,604	19,774
Швеция	3.41	16,547	13.4	2,288	148	11,290
Швейцария	2.87	50,102	25.8	1,480	1,508	29,110
Таиланд	0.25	33,768	20.5	1,020	5,726	44,963
Соединенное Королевство	1.72	67,787	21.7	15,370	7,865	42,848
Соединенные Штаты	2.79	148,772	17.8	268,782	274,033	313,641
Мир	2.13	1,933,747	17.6	1,430,327	739,805	4,075,279

В докладе по индексу конкурентоспособности промышленного производства ЮНИДО отмечается, что экспорт высокотехнологичной продукции из России за десять лет сократился почти в два раза. Россия считается единственной страной БРИКС, где структура производства стала менее высокотехнологичной, чем была ранее [35].

В работах Н.Сакураи, Дж.Бернштайна, Д.Коу, Д.Геллека, П.Монена авторами выявлена устойчивая положительная зависимость роста производительности труда в национальных экономиках от импорта технологий [10, 12, 13, 15, 22, 30]. Тезис о том, что технологические изменения стали основным источником роста производительности труда в развитых экономиках в долгосрочном периоде, подтвержден в работах Дж.Фернальда, С.Базу и М.Шапиро [9].

В соответствии с результатами эконометрических расчетов Дж.Бернштайна и И.Надири, рост объема инвестиций частного сектора в исследования и разработки на 1 % в высокотехнологичных отраслях США приводит к снижению переменных издержек на единицу выпускаемых инноваций-продуктов на 0,07 – 0,24 % [11].

Исследования Ц.Гриликеса, проводимые на уровне отдельных отраслей, показали, что технологические изменения обеспечивали три четверти прироста производительности труда и половину прироста объема производства [19]. В то же время норма прибыли на капитал, вложенный в инновационные технологии превышала доходность от инвестиций в традиционные средства производства в 2-4 раза, составляя от 15 до 20 % в сфере промышленного производства и до 150 % в сфере услуг ведущих стран ОЭСР [29].

Исследования, проводимые ОЭСР, конце XX века, доказали, что капиталовложения в информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали главным фактором роста производительности труда в ведущих экономиках мира. В докладе, посвященном анализу влияния инноваций на экономический рост, сделан акцент на том, что сектор ИКТ играет ведущую роль в повышении производительности труда на современном этапе [8].

Результаты эконометрического анализа, проведенного Д.Геллеком подтверждают, что рост объемов инвестиций частных компаний в R&D и увеличение их доли в ВВП увеличивает их вклад в прирост производительности труда и, как следствие, усиливает влияние финансирования инноваций на динамику макроэкономических показателей [20]. Точно так же прирост государственных расходов на R&D оказывает влияние на их использование частным бизнесом. В работах Ф.Жамотта и Н.Пейна продемонстрировано, что увеличение государственных расходов европейских стран на R&D на 1% приводит к приросту доли инновационной продукции в структуре товарооборота страны на 0,7 % [21].

Гипотеза о том, что значительные экономические и социальные преимущества национальных экономик обеспечиваются переходом их на инновационный путь развития подтверждается исследованиями ОЭСР [26, 27]. Широкое применение инновационных технологий способствует более эффективной организации трудовой

деятельности и снижению продолжительности производственных процессов. Диффузия инноваций способствует повышению уровня жизни населения. Во всех отраслях и секторах экономики растет доля умственного труда по сравнению с физическим и увеличивается численность граждан, занятых созданием качественно новых материальных и духовных ценностей, особенно в научной и технологической сферах. Внедрение и диффузия инноваций в национальной экономической системе позволяет нивелировать воздействие факторов, оказывающих негативное воздействие на экономический рост, таких как: неуклонное старение населения и недостаток собственных природных ресурсов.

Результаты исследований последних лет свидетельствуют о том, что в последние несколько десятилетий в результате увеличения инновационной активности частного бизнеса заметно ускорились процессы диффузии инноваций в национальных экономиках, которые, в свою очередь, оказали влияние на динамику макроэкономических показателей [28, 34].

Результаты эконометрического анализа, проведенного автором, подтверждают наличие статистической взаимосвязи между экономическим развитием экономики и состоянием инновационной среды национальной экономической системы. Экономический рост страны зависит от объема финансирования инновационного развития. Анализируя данные ВВП на душу населения за 2014 год и значения Глобального индекса инноваций за тот же период [33], автор приходит к выводу, что те страны, которые внедрили инновационную модель развития показывают более высокий уровень ВВП на душу населения (рис. 1).

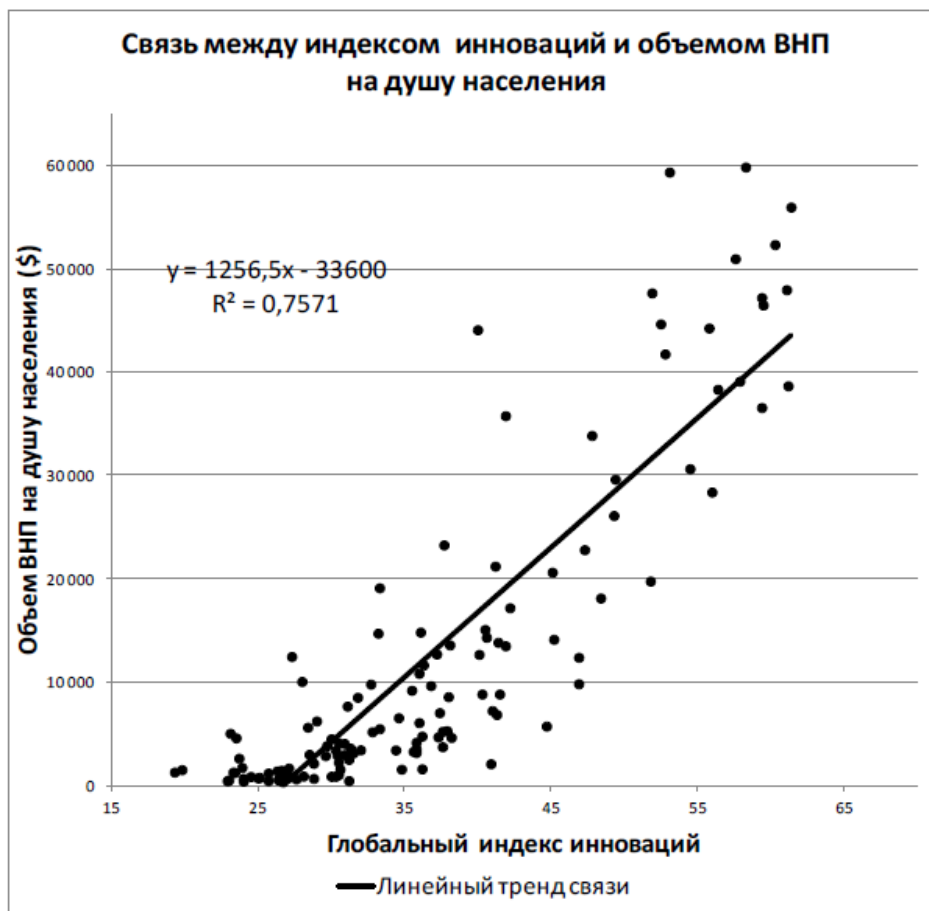

Рис. 1 – Зависимость объема ВВП на душу населения от уровня инновационного развития по странам мира
Примечание: составлено автором.

Зависимость глобальной конкурентоспособности от уровня инновационного развития стран мира по данным 2014 г. также статистически значима, что подтверждено расчетами, приведенными на рисунке 2.

Рис. 2 – Зависимость глобальной конкурентоспособности от уровня инновационного развития стран мира по данным 2014 г. (Составлено автором)

Коэффициент корреляции колеблется от 0,75 до 0,79 между анализируемыми показателями, указывая на их высокую статистическую взаимосвязь.

Таким образом, в работе получила подтверждение гипотеза о том, что финансирование инноваций и инновационное развитие является основой экономического роста.

Список литературы / References

1. Денежное обращение и кредит России: учебное пособие / А.Г. Ивасенко, Я.И. Никонова, Е.С. Димакова. – Ростов-на-Дону, 2009.
2. Ивасенко А.Г. Инвестиции: источники и методы финансирования: учебное пособие / А.Г. Ивасенко, Я.И. Никонова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 11. С. 104-105.
3. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002.
4. Никонова Я.И. Исследование взаимосвязи инноваций и экономического роста национальных экономик. Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 15. С. 2001-2005
5. Никонова Я.И. Инновационное развитие национальной экономики: модели, механизмы и научно-технологические прогнозы // Сибирская финансовая школа. 2011. № 2 (85). С. 157-162.
6. Никулина О.В. Стратегические ориентиры инновационного развития экономики. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010.
7. Тараканов Г.И. Эволюция теории экономического роста во второй половине XX века // Проблемы современной экономики. 2007. № 3. - С. 50-54.
8. A New Economy? The Changing Role of Innovation and Information Technology in Growth. - OECD, Paris. 2000. - pp. 49-72.
9. Basu S., J.Fernald, M. Shapiro, Productivity Growth in the 1990s: Technology, Utilization, or Adjustment // NBER Working Paper № 8359. 2001. - Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
10. Bernstein J. Costs of Production, Intra- and Interindustry R&D Spillovers: Canadian Evidence // Canadian Journal of Economics, Canadian Economics Association. 1988. Vol.21(2). - pp.324-347.
11. Bernstein J., Nadiri I. Product Demand, Cost of Production, Spillovers, and the Social Rate of Return to R&D // NBER Working Paper. 1991. № 3625.
12. Boskin M., Lau L. Capital, Technology and Economic Growth // Technology and the Wealth of Nations. - Stanford, 1992. - P.33.
13. Castellacci F. Innovation and the Competitiveness of Industries: Comparing the Mainstream and the Evolutionary Approaches // Technological Forecasting and Social Change. 2008. № 75. - pp. 984-1006.
14. Chesbrough H., W.Vanhaverbeke, J.West Open innovation: researching a new paradigm. - Oxford, Oxford University Press, 2006.

15. Dosi G., Pavitt K., and Soete L. The Economics of Technical Change and International Trade. - London, Harvester Wheatsheaf, 1990.
16. Duijn J.J. van The Long Wave in Economic Life. - Unwin Hyman, 1982.
17. Freeman Ch., Clark J., Soete L. Unemployment and the Technical Innovation: A Study of Long Waves and Economic Development. L., 1982.
18. Freeman C. Technology Policy and Economic Performance. - London, Pinter Publishers, 1987.
19. Griliches Z. R&D and Productivity: Econometric Results and Measurement Issues // Handbook of the 9000 Economics of Innovation and Technological Change, ed. by P.Stoneman. - Cambridge, MA: Blackwell, 1995.
20. Guellec D., van Pottelsberghe de la Potterie B. R&D and Productivity Growth: Panel Data Analysis of 16 OECD Countries // STI Working Papers. OECD. 2001/03.
21. Jaumotte F., Pain N. From ideas to development: The determinants of R&D and patenting // OECD Economics Department Working Papers. 2005. № 457.
22. Khan M. and Luintel K. Sources of Knowledge and Productivity: How Robust is the Relationship? // OECD STI Working Paper. 2006.
23. Kuznets S. Economic Growth of Nations. - Cambridge, Harvard University Press, 1971.
24. Mensch G. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. - Cambridge, 1979.
25. Nadiri M.I. Innovations and Technological Spillovers // NBER Working Paper. 1993. № 4423. - pp. 27-33.
26. OECD Science, Technology and Industry Outlook. - Paris, OECD, 2010. - P. 23,33, 90-99.
27. OECD estimates based on Research and Development Database, August 2011; OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2011, based on OECD R&D tax incentives questionnaires, January 2010 and June 2011; and OECD, Main Science and Technology Indicators Database, June 2011
28. Papaconstantinou G., Sakurai N., Wyckoff A. Embodied Technology Dif-fusion: An Empirical Analysis for 10 OECD Countries // STI Working Papers. OECD. 1996/1.
29. Romer P. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. (5). - pp. 71-102.
30. Sakurai N., Ioannidis E., Papaconstantinou G. The Impact of R&D and Technology Diffusion on Productivity Growth: Evidence for 10 OECD Countries in the 1970s and 1980s // STI Working Papers. OECD. 1996/02.
31. Schumpeter J.A. Business cycles: a theoretical, historical, and statistical analysis of the capitalist process. - New York and London, McGraw-Hill Book, 1939.
32. Solow R. Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics. - 1957. - Vol. 39, № 3. - pp. 312-320.
33. The Global Innovation Index 2014: The Human Factor In innovation, Fontainebleau, Ithaca, and Geneva. Printed and bound in Geneva, Switzerland, by the World Intellectual Property Organization (WIPO) and in New Delhi, India, by the Confederation of Indian Industry (CII) (2014).
34. Verspagen B. Economic Growth and Technological Change // STI Working Papers. OECD. 2001/01. - P. 16.
35. UNIDO (2014) Industrial Development Report 2013/2014. Vienna: UNIDO.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Denezhnoe obrashchenie i kredit Rossii [Monetary circulation and credit of Russia] / A.G. Ivasenko, YA.I. Nikonova, E.S. Dimakova. – Rostov-na-Donu [Rostov-on-Don], 2009. [in Russian]
2. Ivasenko A.G. Investicii: istochniki i metody finansirovaniya [Investment: sources and methods of Finance] / A.G. Ivasenko, YA.I. Nikonova // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij [International journal of applied and fundamental research]. 2010. № 11. P. 104-105. [in Russian]
3. Kondrat'ev N.D. Bol'shie cikly kon'yunktury i teoriya predvideniya [Big cycles of conjuncture and theory of foresight]. – M.: Ehkonomika [M.: Economy], 2002. [in Russian]
4. Nikonova Ya.I. Issledovanie vzaimosvyazi innovacij i ehkonomicheskogo rosta nacional'nyh ehkonomik [Investigation of the relationship between innovation and economic growth of national economies] // Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal Koncept [Scientific-methodical electronic journal Concept]. 2016. T. 15. P. 2001-2005 [in Russian]
5. Nikonova YA.I. Innovacionnoe razvitie nacional'noj ehkonomiki: modeli, mekhanizmy i nauchno-tekhnologicheskie prognozy [Innovative development of the national economy: models, mechanisms, scientific and technological predictions] // Sibirskaya finansovaya shkola [Siberian financial school]. 2011. № 2 (85). P. 157-162. [in Russian]
6. Nikulina O.V. Strategicheskie orientiry innovacionnogo razvitiya ehkonomiki [Strategic reference points of innovative development of the economy]. – Krasnodar: Prosveshchenie-YUG [Krasnodar: Education-South], 2010. [in Russian]
7. Tarakanov G.I. EHvolyuciya teorii ehkonomicheskogo rosta vo vtoroj polovine XX veka [Evolution of the theory of economic growth in the second half of the XX century] // Problemy sovremennoj ehkonomiki [Problems of modern economy]. 2007. № 3. - P. 50-54. [in Russian]
8. A New Economy? The Changing Role of Innovation and Information Technology in Growth. - OECD, Paris. 2000. - pp. 49-72.
9. Basu S., J.Fernald, M. Shapiro, Productivity Growth in the 1990s: Technology, Utilization, or Adjustment // NBER Working Paper № 8359. 2001. - Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
10. Bernstein J. Costs of Production, Intra- and Interindustry R&D Spillovers: Canadian Evidence // Canadian Journal of Economics, Canadian Economics Association. 1988. Vol.21(2). - pp.324-347.
11. Bernstein J., Nadiri I. Product Demand, Cost of Production, Spillovers, and the Social Rate of Return to R&D // NBER Working Paper. 1991. № 3625.
12. Boskin M., Lau L. Capital, Technology and Economic Growth // Technology and the Wealth of Nations. - Stanford, 1992. - P.33.

13. Castellacci F. Innovation and the Competitiveness of Industries: Comparing the Mainstream and the Evolutionary Approaches // Technological Forecasting and Social Change. 2008. № 75. - pp. 984-1006.
14. Chesbrough H., W.Vanhaverbeke, J.West Open innovation: researching a new paradigm. - Oxford, Oxford University Press, 2006.
15. Dosi G., Pavitt K., and Soete L. The Economics of Technical Change and International Trade. - London, Harvester Wheatsheaf, 1990.
16. Duijn J.J. van The Long Wave in Economic Life. - Unwin Hyman, 1982.
17. Freeman Ch., Clark J., Soete L. Unemployment and the Technical Innovation: A Study of Long Waves and Economic Development. L., 1982.
18. Freeman C. Technology Policy and Economic Performance. - London, Pinter Publishers, 1987.
19. Griliches Z. R&D and Productivity: Econometric Results and Measurement Issues // Handbook of the 9000 Economics of Innovation and Technological Change, ed. by P.Stoneman. - Cambridge, MA: Blackwell, 1995.
20. Guellec D., van Pottelsberghe de la Potterie B. R&D and Productivity Growth: Panel Data Analysis of 16 OECD Countries // STI Working Papers. OECD. 2001/03.
21. Jaumotte F., Pain N. From ideas to development: The determinants of R&D and patenting // OECD Economics Department Working Papers. 2005. № 457.
22. Khan M. and Luintel K. Sources of Knowledge and Productivity: How Robust is the Relationship? // OECD STI Working Paper. 2006.
23. Kuznets S. Economic Growth of Nations. - Cambridge, Harvard University Press, 1971.
24. Mensch G. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. - Cambridge, 1979.
25. Nadiri M.I. Innovations and Technological Spillovers // NBER Working Paper. 1993. № 4423. - pp. 27-33.
26. OECD Science, Technology and Industry Outlook. - Paris, OECD, 2010. - P. 23,33, 90-99.
27. OECD estimates based on Research and Development Database, August 2011; OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2011, based on OECD R&D tax incentives questionnaires, January 2010 and June 2011; and OECD, Main Science and Technology Indicators Database, June 2011
28. Papaconstantinou G., Sakurai N., Wyckoff A. Embodied Technology Dif-fusion: An Empirical Analysis for 10 OECD Countries // STI Working Papers. OECD. 1996/1.
29. Romer P. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. (5). - pp. 71-102.
30. Sakurai N., Ioannidis E., Papaconstantinou G. The Impact of R&D and Technology Diffusion on Productivity Growth: Evidence for 10 OECD Countries in the 1970s and 1980s // STI Working Papers. OECD. 1996/02.
31. Schumpeter J.A. Business cycles: a theoretical, historical, and statistical analysis of the capitalist process. - New York and London, McGraw-Hill Book, 1939.
32. Solow R. Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics. - 1957. - Vol. 39, № 3. - pp. 312-320.
33. The Global Innovation Index 2014: The Human Factor In innovation, Fontainebleau, Ithaca, and Geneva. Printed and bound in Geneva, Switzerland, by the World Intellectual Property Organization (WIPO) and in New Delhi, India, by the Confederation of Indian Industry (CII) (2014).
34. Verspagen B. Economic Growth and Technological Change // STI Working Papers. OECD. 2001/01. - P. 16.
35. UNIDO (2014) Industrial Development Report 2013/2014. Vienna: UNIDO.

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструмент ScienceIndex.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.199

Санталова М.С.

ORCID: 0000-0002-3682-4680, Доктор экономических наук, профессор,

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

МОНИТОРИНГ ФИНАНСОВОЙ АКТИВНОСТИ БАНКОВ

Аннотация

В статье рассматривается финансовое состояние кредитных организаций в условиях кризиса, выявляются нововведения в развитии банковского сектора экономики, приводится способ оценки эффективности деятельности кредитных организаций «по затратам», предлагается использовать гэп-анализ и имитационную модель в качестве методики оценки стратегического развития кредитной организации, тогда как стресс-тестирование - для оперативного решения проблем; делается вывод о необходимости изменения модели определения эффективности кредитных организаций из-за нестабильного этапа развития экономики и активации банковских нововведений.

Ключевые слова: финансовые риски, универсальные кредитные организации, розничные кредитные организации, «банковская книга», торговый портфель, стресс-тестирование, гэп-анализ, имитационная модель

Santalova M.S.

ORCID: 0000-0002-3682-4680, PhD in Economics, professor,

Russian University of Economics named after GV Plekhanov

MONITORING OF BANK FINANCIAL ACTIVITY

Abstract

The article examines the financial condition of credit institutions in a crisis, identify innovations in the development of the banking sector of the economy, provides a way to assess the effectiveness of the credit institutions 'cost'. It proposed to use the gap analysis and simulation model as a methodology for assessing the strategic development of the credit institution, while stress testing - to promptly solve the problems; conclusion on the need to change the model for determining the efficiency of credit institutions due to the unstable stage of economic development and activation of banking innovation.

Keywords: financial risks, universal credit organizations, retail lenders, "banking book", trading portfolio, stress testing, gap analysis, simulation model.

В 2015 году многие кредитные организации оказались в условиях нестабильности и увеличения финансовых рисков. Финансовый мониторинг показал необходимость оптимизации деятельности и сокращения затрат. Снижение эффективности деятельности кредитных организаций связано с падением спроса на банковские продукты и, в результате – сокращение прибыли, по сравнению с предыдущим годом, практически в три раза.

Особенно упал спрос на розничные кредиты, что связано с падением покупательского спроса и необходимостью для населения увеличивать расходы на продукты первой необходимости и питание. Спрос на потребление банковских продуктов снижает и переход крупных банков на дистанционные технологии обслуживания, к которым население только привыкает.

Отдельные кредитные организации снизили расходы на рекламу, другие – сократили персонал и пр. Особенно пострадал персонал, работающий в розничных подразделениях универсальных банков, так как развитие дистанционных технологий позволило кредитным организациям уволить около сорока тысяч человек. Тогда как зарплатный фонд кредитных организаций в 2015 году увеличился на 1,8% [5].

Крупные универсальные банки, затраты которых на содержание филиалов меньше, по сравнению с крупными розничными банками и группой прочих банков, закрыли неэффективные офисы, что сказалось на качестве обслуживания населения, но, тем не менее, позволило сократить операционные расходы.

С развитием цифровых технологий возросла зависимость кредитных организаций от киберугроз, кибермошенничества, на защиту от которых приходится увеличивать затраты. Информацию о случаях кибермошенничества предоставляют в Центральный банк России на добровольной основе 248 банков [5].

Внедрение новых технологий обслуживания клиентов, организации бизнес-процессов, развитие инновационных сервисов, использование так называемого резерва эффективности – X факторов (качество менеджмента, технологий, персонала) позволит универсальным банкам повысить прибыль только в долгосрочной перспективе [1,2]. Тогда как крупные розничные кредитные организации изначально имеют больше затрат, в сравнении с крупными универсальными банками и работают в самом рисковом сегменте банковского рынка.

Возросли процентные риски банков по активам, относящимся к «банковской книге» (активы кредитной организации, приобретенные для инвестиционных целей и удерживаемые до погашения), и по активам торгового портфеля. Кредитные организации пришли к международному варианту оценки и стресс-тестированию процентного риска при помощи использования метода дюрации, имитационного моделирования и гэп-анализа. Например, кредитный гэп в стране определяется Центральным банком РФ как разница между показателем «отношение кредитов к ВВП» и его долгосрочным трендом.

Gap Analysis - это комплексное аналитическое исследование, изучающее несоответствия, разрывы между текущим состоянием кредитной организации и желаемым. Данный вид анализа позволяет выделять проблемные зоны ("бутылочное горлышко"), препятствующие развитию, и оценить степень готовности банка к выполнению перехода от текущего состояния к желаемому. Эти разрывы в общем виде могут включать:

- разрыв между рыночным предложением кредитной организации (в самом широком смысле) и существующим на рынке уровнем спроса;
- разрыв между текущей деятельностью или бизнес-процессами и их характеристиками, и видением того, как должно быть в идеале или с точки зрения руководства;

- разрыв между действительными целями и задачами работы кредитной организации в целом и сотрудников в частности с одной стороны, и с другой стороны - теоретически необходимыми целями и задачами;
- разрыв между текущими показателями работы и лучшими показателями в банковском секторе экономики (benchmarks) [3,4].

Метод дюрации позволяет кредитной организации определять средневзвешенный срок до погашения актива или обязательства. Имитационная модель - программа, воспроизводящая поведение реальной системы во времени по введенным показателям. Имитационная модель позволяет кредитной организации получать подробную статистику о различных аспектах функционирования банка как системы, но в зависимости от входных данных [4].

Стресс-тестирование включает в себя компоненты как количественного, так и качественного анализа. Количественный анализ направлен, прежде всего, на определение возможных колебаний основных макроэкономических показателей и оценку их влияния на различные составляющие активов банка. С помощью методов количественного анализа определяются вероятные стрессовые сценарии, которым могут подвергнуться кредитные организации. Качественный анализ акцентирован на двух основных задачах стресс-тестирования: (1) оценка способности капитала кредитной организации компенсировать возможные крупные убытки; (2) определение комплекса действий, которые должны быть предприняты кредитной организацией для снижения уровня рисков и сохранения капитала [5].

Гэп-анализ и имитационная модель могут использоваться в качестве методики оценки стратегического развития кредитной организации. Тогда как стресс-тестирование необходимо для оперативного решения проблем.

Тем не менее, структура кредитных портфелей банков меняется в ту же сторону, что и структура экономики: сокращается доля кредитов компаниям из неторгуемых секторов с одновременным ростом доли кредитов компаниям из торгуемых секторов. Самыми качественными кредитами остаются кредиты организациям, занимающимся добычей полезных ископаемых. Сегмент кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства в настоящее время характеризуется повышенным уровнем кредитного риска и т.д.

Сегодня мониторинг эффективной деятельности кредитных организаций ЦБ РФ проводит после определения финансового состояния кредитных организаций, используя такие показатели как «Cost-to-income ratio» и «Cost-to-assets ratio». Первый показатель необходим для выявления того, сколько затрат необходимо банку для генерирования чистого дохода, тогда как второй показатель используется для определения затрат для поддержания единицы активов. Именно поэтому универсальные кредитные организации, розничные кредитные организации и прочие банки сокращают свои затраты: закрывают филиалы, сокращают персонал и пр.

Можно сделать вывод, что метод оценки эффективности кредитных организаций по затратам, не соответствует этапу развития банковского сектора экономики России. Банковские инновации, использование международного опыта, на современном этапе развития российской экономики, способствуют росту затрат, необходимых банку для генерирования чистого дохода, а кризисное состояние экономики увеличивает затраты для поддержания единицы активов. Необходима иная методика определения эффективности кредитных организаций, учитывающая кризисный этап развития экономики и инновационную активность банков. Следует вычесть инновационные затраты банка из формулы оценки эффективности «по затратам» и ввести поправочный «рисковый» коэффициент для разных категорий банков: крупные универсальные кредитные организации, крупные розничные кредитные организации, прочие кредитные организации.

Список литературы / References

1. Санталова М. С. Совершенствование методов оценки финансового состояния коммерческих организаций / М. С. Санталова, А. В. Турков // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2008. – № 16. – С. 40–43.
2. Санталова М. С. Качество розничного кредитования в коммерческих банках / М. С. Санталова, Е. А. Сорокина // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2013. – № 3. – С. 18.
3. Санталова М. С. Качество розничного кредитования в коммерческих банках / М. С. Санталова, Е. А. Сорокина // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2014. – № 2. – С. 18.
4. Santalova M. S. Strategic analysis of commercial organization / M. S. Santalova // Наука и технологии. – 2015. – № 3. – С. 117-125.
5. Официальный сайт Центрального банка РФ. – URL: [http:// www.cbr.ru](http://www.cbr.ru)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Santalova M. S. Sovershenstvovanie metodov ocenki finansovogo sostojanija kommercheskih organizacij [Improving evaluation methods of the financial condition of business entities] / M. S. Santalova, A. V. Turkov // Segodnja i zavtra Rossijskoj jekonomiki [Today and tomorrow of Russian Economy]. – 2008. – № 16. – S. 40–43. [in Russian]
2. Santalova M. S., Sorokina E. A. Kachestvo roznichnogo kreditovanija v kommercheskih bankah [Quality of retail lending in the commercial banks] / M. S. Santalova, E. A. Sorokina // Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Serija: Jekonomika i jekologicheskij menedzhment [Scientific Journal ITMO. Series: Economics and Environmental Management]. – 2013. – № 3. – S. 18. [in Russian]
3. Santalova M. S. Kachestvo roznichnogo kreditovanija v kommercheskih bankah [Quality of retail lending in the commercial banks] / M. S. Santalova, E. A. Sorokina // Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Serija: Jekonomika i jekologicheskij menedzhment [Scientific Journal ITMO. Series: Economics and Environmental Management]. – 2014. – № 2. – S. 18. [in Russian]
4. Santalova M. S. Strategic analysis of commercial organization / M. S. Santalova // Nauka i tehnologii. – 2015. – № 3. – S. 117-125.
5. Oficial'nyj sajt Central'nogo banka RF [Official website of the Central Bank of the Russian Federation]. – URL: [http:// www.cbr.ru](http://www.cbr.ru) [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.205

Санталова М.С.¹, Балаханова Д.К.², Кубланов А.М.³¹ORCID: 0000-0002-3682-4680, доктор экономических наук, профессор,

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,

²кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова³старший преподаватель, Воронежский государственный институт физической культуры, г. Воронеж**БЛАГОСОСТОЯНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ****Аннотация**

В статье рассматривается благосостояние как показатель качества жизни населения; сравниваются среднедушевые доходы, прожиточный минимум, потребление как в Федерации, так и в г. Москва; проводится оценка пенсий, «благосостояние» пенсионеров; показывается отсутствие благосостояния у людей с доходами ниже прожиточного минимума, делается вывод о снижении потребления и росте людей с доходами ниже прожиточного минимума; предлагается реализовывать дополнительные государственные социальные программы для людей с доходами ниже прожиточного минимума.

Ключевые слова: благосостояние, среднедушевые доходы, жизненные блага, уровень доходов, потребление.

Santalova M.S.¹, Balahanova D.K.², Kublanov A.M.³¹ORCID: 0000-0002-3682-4680, PhD in Economics, professor,²PhD in Economics, Associate Professor,

Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov,

³senior lecturer, Voronezh State Institute of Physical Culture**WELFARE AS AN INDICATOR OF QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION****Abstract**

The article deals with the well-being as an indicator of quality of life; compares the average per capita income, the cost of living, consumption of both the Federation and in Moscow; an assessment of pensions, "well-being" retired, shows the lack of well-being in people with incomes below the subsistence minimum; the conclusion of reducing the consumption and the growth of people with incomes below the subsistence minimum; it is proposed to implement additional state social program for people with incomes below the subsistence minimum.

Keywords: well-being, per capita income, and benefits, income level, consumption.

Благосостояние, по мнению Райзберга Б.А. «...мера, степень обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования. Благосостояние характеризует уровень жизни людей» [2]. С точки зрения авторов, благосостояние характеризует и качество жизни людей. Благосостояние может быть как личным, так и общественным. Обеспечивать общественное благосостояние в стране призваны органы государственной власти. Именно они должны нести ответственность за так называемую степень обеспечения населения жизненными благами. Качество жизненных благ для населения повышает социальное качество жизни и, в результате – увеличивается продолжительность жизни людей, сокращается смертность населения и т.д.

Благосостояние населения зависит, в первую очередь, от получаемых доходов. Если анализировать статистику, то среднедушевые доходы населения в июле 2016 года составили 56018 рублей. При этом большую часть своих доходов население тратит на покупку товаров и оплату услуг. Наибольшие расходы у населения страны – в декабре и январе месяце. Обязательные платежи населения, по данным Федеральной службы государственной статистики, достигают своего пика в июле месяце, тогда как пик прироста финансовых вложений – в декабре. Так называемый «отлив» финансовых вложений происходит, в основном, в январе, феврале месяцах.

По данным Федеральной службы государственной статистики [3] у населения, в последние годы, пользуются повышенным спросом такие продукты питания как: картофель, капуста свежая, сахар песок, мука пшеничная, хлеб, молоко, яйца. Из непродовольственных товаров – бензин. Самые большие расходы за услуги – транспортные и оплата жилья.

Соотношение среднедушевого денежного дохода и прожиточного минимума в 2015 и 2016 годах представлено на рисунке 1.

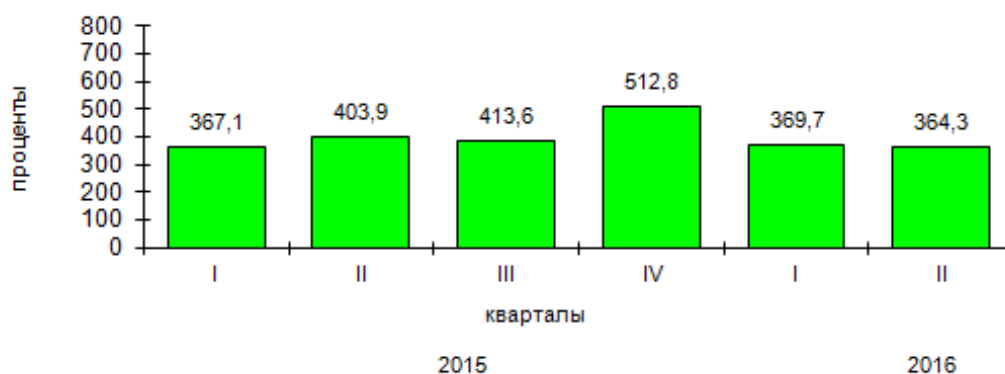

Рис. 1 – Соотношение среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума (в %)

Фактически, население сократило свои расходы на потребление продуктов питания, непродовольственных товаров и вынуждено оплачивать постоянно растущие в цене транспортные и коммунальные услуги.

Рассмотрим потребление продуктов питания в г. Москва за период 2011-2015гг.

Таблица 1 – Потребление основных продуктов питания в г. Москва?
килограммов на одного человека в год

Продукты питания	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015г.
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	85	93	92	89	86
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	265	259	266	245	248
в том числе:					
Молоко	34	37	40	39	42
животное масло	3	3	3	3	2
Яйца, шт.	204	243	217	199	218
Рыба и рыбопродукты	21	21	22	21	19
Сахар (включая сахар, израсходованный на кондитерские изделия и фруктовые консервы)	25	25	23	21	19
Растительное масло и другие жиры	9	8	8	7	7
Картофель	50	48	43	38	40
Овощи и бахчевые	97	100	103	102	96
Фрукты и ягоды (включая сухие в пересчете на свежие)	78	87	89	83	75
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупа и бобовые)	74	80	78	76	78

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в 2015 году в Москве увеличилось потребление молока, яиц, картофеля, хлеба. Тогда как в этом же году сократилось потребление мяса, рыбы, сахара, растительного масла и жиров, овощей, фруктов.

Как видим, население перешло на более дешевые продукты питания, т.е. степень обеспеченности населения такими «жизненными благами» как продукты питания снизилась.

Проведем оценку «благополучия» пенсионеров. По состоянию на 1 апреля 2016 года численность пенсионеров, состоящих на учете в пенсионном фонде, составила 2944.9 тыс. человек. Выборку среднего размера назначенных пенсий за период 2013-2016гг. представим в таблице 2.

Таблица 2 – Динамика изменения среднего размера назначенных пенсий

Месяц, год	Средний размер назначенной пенсии (руб.)	Изменение (+/-,руб.)
2013 год, март	10791.5	
2013 год, июнь	10796.96	+5,44
2013 год, сентябрь	10864.22	+67,26
2013 год, декабрь	10850.72	-13,50
2014 год, март	11748.62	+102,10
2014 год, июнь	11724.57	-22,05
2014 год, сентябрь	11811.67	+87,10
2014 год, декабрь	11790.46	-21,21
2015 год, март	13112.83	+1322,37
2015 год, июнь	13066.51	-46,32
2015 год, сентябрь	13117.87	+51,36
2015 год, декабрь	13095.36	-22,51
2016 год, март	13443.05	+347,69

Методика расчета пенсии за исследуемый период не менялась, тогда как, начиная с 2015 года средний размер назначенной пенсии увеличился значительно, по сравнению с предыдущими годами. На размер пенсии, при ее назначении, оказывают влияние многие факторы: стаж работы, величина заработной платы, поправочные коэффициенты и другие. В данном показателе учитываются компенсационные выплаты, которые увеличились.

Тем не менее, например, в 2014 году средняя назначенная пенсия в Москве составила 11790, 50 рублей, тогда как прожиточный минимум по Москве 12180 рублей. Фактически, до прожиточного минимума не хватает 389,50 рублей. Следовательно, такой термин как «благополучие» для пенсионеров не подходит. «Благополучие – обеспеченность отдельной личности, семьи, класса или социальной группы и населения в целом в государстве жизненно необходимыми потребностями (материальными, социальными, духовными). Главный элемент благополучия – уровень доходов населения и его дифференциация. Уровень доходов является результатом развития

экономики в стране и обеспеченностью страны природными ресурсами. Также, наряду с потребностями и доходами, благосостояние включает условия быта и труда, структуру и объем свободного и рабочего времени, показатели образовательного и культурного уровня, экологическую и демографическую ситуацию в стране»[1].

Пенсионеры, по уровню своих доходов, не в состоянии обеспечить даже материальные потребности, т.е. частично обеспечены жизненными благами. Конечно, социальные карты, используемые в Москве, облегчают жизнь пенсионеров, но в других регионах их нет. Поэтому пенсионерам в нашей стране приходится работать, а государство ограничивает пенсию работающим пенсионерам, т.е. не индексирует им пенсию. Ситуация парадоксальная и противоречивая. С одной стороны, государство регулирует, координирует социальное качество жизни населения, а с другой стороны - наоборот.

Численность же населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, например, в Москве растет, если в 2013 году данный показатель составлял 1,07 млн. человек, то в 2014 году 1,09 млн. человек.

Представим распределение населения г. Москвы за период 2011-2014гг. по уровню среднедушевых денежных доходов в таблице 3.

Таблица 3 – Распределение населения г. Москвы по уровню среднедушевых денежных доходов [3]
(в процентах)

Доходы населения г. Москвы	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе: со среднедушевыми денежными доходами в месяц, руб.				
до 1000,0	0,0	0,0	0,0	0,0
1000,1 - 1500,0	0,0	0,0	0,0	0,0
1500,1 - 2000,0	0,1	0,1	0,1	0,0
2000,1 - 3000,0	0,3	0,4	0,2	0,1
3000,1 - 4000,0	0,7	0,7	0,5	0,3
4000,1 - 5000,0	1,1	1,0	0,7	0,4
5000,1 - 7000,0	3,1	2,8	2,1	1,5
7000,1 - 12000,0 ¹⁾	10,9	9,5	7,7	6,4
свыше 12000,0	83,8	85,5	88,7	91,3

Данные таблицы, показывают 9 уровней доходов населения, которые свидетельствуют о том, что большая часть населения (91,3% в 2014 году) имеет доход свыше 12000,00, т.е. свыше прожиточного минимума. Но, тем не менее, не смотря на сокращение количества людей с доходами ниже прожиточного уровня, данная таблица показывает, что отдельные категории людей в г. Москве живут за чертой бедности.

Следовательно, данная категория людей не может обеспечить себе социальные, духовные, и, в полной мере, материальные потребности. В этом случае, необходимы дополнительные государственные социальные программы, формирующие оптимальную степень обеспеченности людей необходимыми жизненными благами.

Список литературы / References

1. Косарев К. Э. Проблемы современного общества и его качество жизни / К. Э. Косарев, М. С. Санталова // Европейский журнал социальных наук. – 2015. – №1-2 (52). – С. 75–79.
2. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 495 с.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kosarev K. Je. Problemy sovremennogo obshhestva i ego kachestvo zhizni [Problems of modern society and its quality of life] / K. Je. Kosarev, M. S. Santalova // Evropejskij zhurnal social'nyh nauk [European Journal of Social Sciences]. – 2015. – №1-2 (52). – P. 75–79. [in Russian]
2. Rajzberg B. A. Sovremennij jekonomicheskij slovar' [Modern economic dictionary] / B. A. Rajzberg, L. Sh. Lozovskij, E. B. Starodubceva. – 5-e izd., pererab. i dop. – M.: INFRA-M, 2007. – 495 p. [in Russian]
3. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Official website of the Federal Service of State Statistics]. – URL: <http://www.gks.ru> [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.168

Сибирская Е.В.¹, Овешникова Л.В.², Михейкина Л.А.³, Безруков А.В.⁴, Григорьева М.О.⁵

^{1,2}Доктор экономических наук, профессор,

³кандидат экономических наук, старший преподаватель,

⁴кандидат экономических наук, доцент, ⁵старший преподаватель

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОЛОГИИ ФОРСАЙТ

Аннотация

Приведены комплексные исследования инвестиционной деятельности в Российской Федерации. С использованием статистического инструментария сформирована система показателей, проанализированных графическим и аналитическим путем, позволяющая установить основные тенденции изменения показателей. Рассмотрен ряд методов форсайт, наиболее адаптированные для прогнозирования привлечения инвестиций в национальную экономику с учетом проведенного анализа. Установлено, что методология форсайт с учетом проведения комплексных исследований состояния инвестиционной деятельности в Российской Федерации позволяет определить оптимальные направления ориентации на систему стратегических приоритетов, которая формируется с учетом глобальных тенденций, внутренних социально-экономических задач, связанных с устойчивым развитием, повышением конкурентоспособности и безопасности национальной экономики.

Ключевые слова: статистический инструментарий, технология форсайт, привлечение инвестиций.

Sibirskaya E.V.¹, Oveshnikova L.V.², Miheykina L.A.³, Bezrukov A.V.⁴, Grigorieva M.O.⁵

^{1,2}PhD in Economics, Professor, ³PhD in Economics, Senior Lecturer,

⁴PhD in Economics, Assistant professor, ⁵senior Lecturer

Plekhanov Russian University of Economics

ANALYSIS OF INVESTMENT ATTRACTION IN THE NATIONAL ECONOMY SING THE METHODOLOGY FORESIGHT

Abstract

Presents comprehensive study of investment activity in the Russian Federation. Using statistical tools formed a system of indicators analyzed by graphical and analytical way, which allows to establish the main trends in the indicators. Some methods of foresight, the most adapted to predict the attraction of investments into the national economy. It was found that the methodology of foresight in view of the comprehensive research to determine the best way in terms of resource cost and economic efficiency of investments.

Keywords: statistical tools, technology foresight, to attract investments.

Одним из ключевых факторов, обуславливающих перспективное развитие благосостояния общества, является уровень инвестиционной активности в экономике. Формирование условий, обеспечивающих нормальное течение инвестиционных процессов, становится одной из ключевых функций государства, основной формой реализации которой выступает обеспечение достаточности привлечения инвестиций в мировую экономику.

В связи с этим необходимо активное прогнозирование организации инвестиционных процессов, с учетом эффективности использования действующего законодательства, адекватности правовых форм регулируемых отношений. Это обуславливает необходимость и актуальность процедуры форсайта, представляющей собой существенно более комплексный подход, чем классическое прогнозирование.

Форсайт - это инструмент определения стратегических приоритетов и мобилизации существенного количества участников в целях достижения качественно новых результатов в области экономики, науки и технологий, общества и государства.

Следовательно, если прогноз – это представляет собой окончанный вариант, который можно пересматривать по окончании определенного срока, то форсайт является постоянно корректируемым процессом прогнозирования, и разработанные в результате форсайт-действий документы обновляются в зависимости от изменений, совершающихся в обществе.

Методология форсайт предусматривает комплексные исследования состояния инвестиционной деятельности в Российской Федерации за длительный период времени (за последние 15 лет).

Результаты проведенных исследований на основании данных Росстата [3], с 2001 по 2015 гг. позволили выявить существенный рост инвестиций в основной капитал на 13 390 668 млн. руб. (в 12,5 раз), который к 2015 г. составил 14 555 902 млн. рублей (рис. 1) [1]. Динамика темпов прироста инвестиций в основной капитал показывает, на сколько процентов увеличился или уменьшился данный показатель по отношению к предыдущему году. Наибольший прирост приходится на 2007 г. с увеличением инвестиций на 42 % (на 1986199,36 млн. руб.).

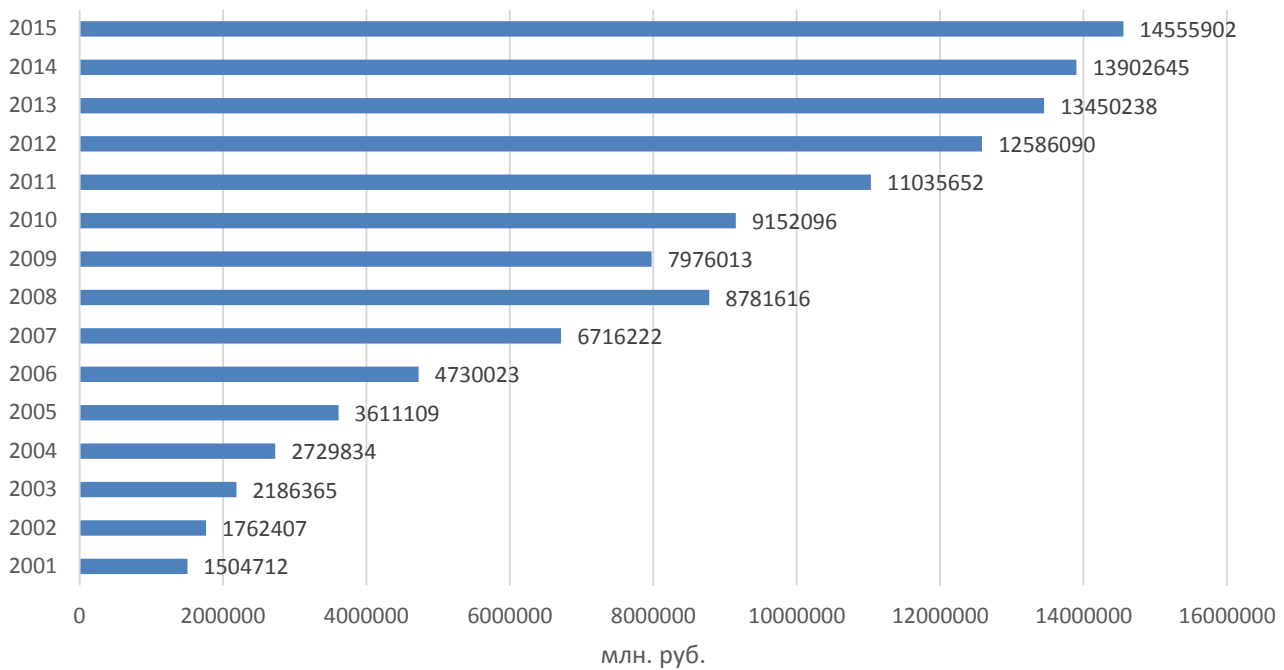

Рис. 1 – Динамика инвестиций в основной капитал в РФ в 2001-2015 гг., млн. руб.

Самое низкое значение приходится на 2009 г., когда темп прироста инвестиций был отрицательным и составлял - 9,17 % (снижение суммы инвестиций на 805 603 млн. руб.). После кризиса до конца анализируемого периода наблюдается положительный прирост инвестиций в основной капитал, который в 2015 г. равнялся 4,7 % (рис. 2).

Рассмотрим структуру инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности. В 2001, 2009 и 2015 годах структура была примерно одинаковая: наибольшим удельным весом обладает сфера транспорта и связи (22,17 %, 26,56 % и 24,44 % соответственно), в то время как меньше всего инвестиций привлекалось в рыболовство и рыбоводство: за исследуемый период удельный вес данной области не превышал 0,2 % (рис. 3).

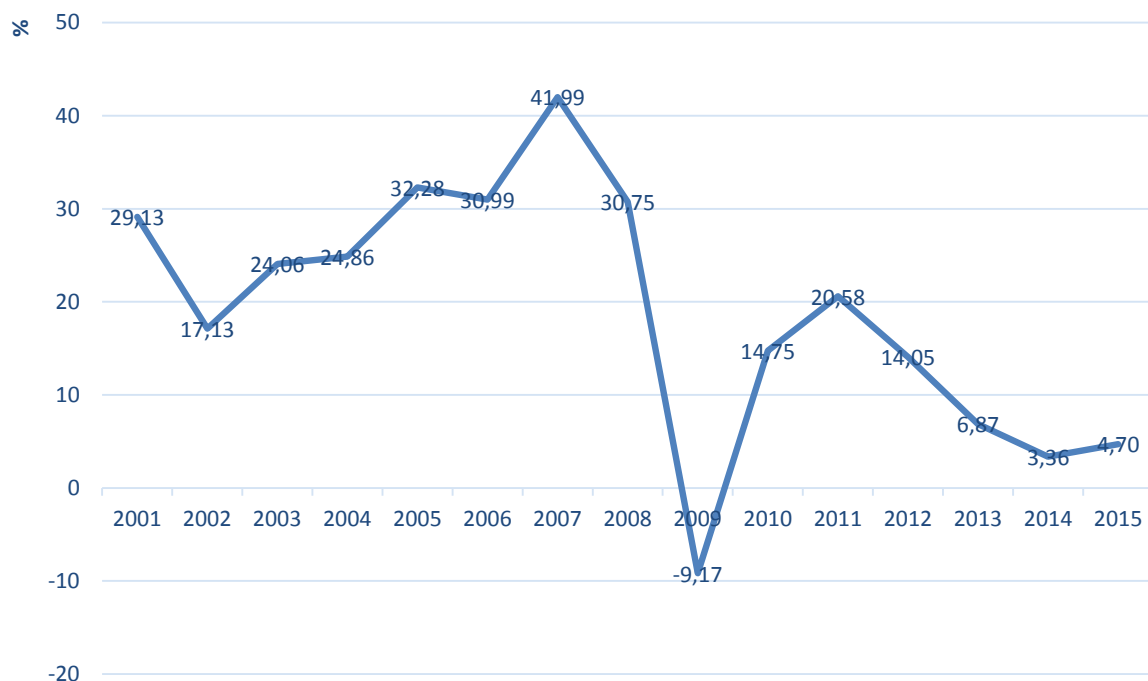

Рис. 2 – Динамика темпов прироста инвестиций в основной капитал, %

Для анализа степени структурных изменений используется индекс структурных различий Рябцева. Значения рассчитанного показателя представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Значения индекса Рябцева по структуре инвестиций по видам экономической деятельности

	Значение индекса	Интервал значений	Характеристика меры структурных значений
2001 по сравнению с 2009	0,103	0,071-0,150	Низкий уровень различий структур
2009 по сравнению с 2015	0,104	0,071-0,151	Низкий уровень различий структур
2015 по сравнению с 2001	0,066	0,031-0,070	Весьма низкий уровень различий структур

Таким образом, уровень изменения структуры по видам экономической деятельности за исследуемый период довольно низкий.

Исследование инвестиций по видам собственности показывает, что структура осталась примерно такой же: большую часть за исследуемый период составляет российская собственность (более 85%), где лидируют инвестиции в частную собственность: 43 % в 2001 г. , 65 % в 2009 г. и 69 % в 2015 г.

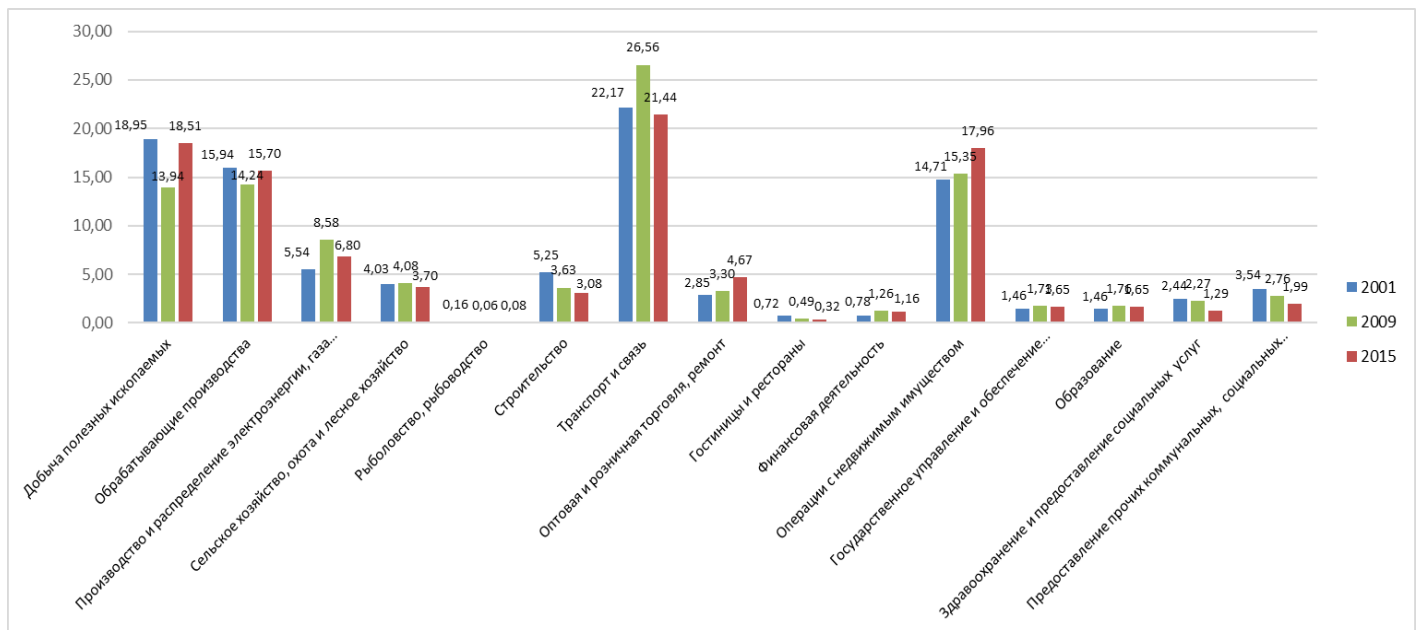

Рис. 3 – Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности, %

Произошло заметное изменение инвестиций в смешанную российскую собственность, удельный вес которой в 2001 г. составлял 25 %, а в 2015 г. – 11 %. Стоит отметить, что в 2015 г. в структуре появляется такой вид собственности, как собственность государственных корпораций, в размере 185,8 млрд. руб. (1 %) (рис. 4).

Изучение структуры инвестиций по видам основных фондов также не выявило сильных сдвигов: здания и сооружения имеют наибольший удельный вес более 40 %; машины, оборудования и транспортные средства – более 34 %; жилища – более 11 % (рис. 5). Структура инвестиций по источникам финансирования показывает, что основным источником (более 50 %) в период с 2001 г. по 2014 г. были привлеченные средства, однако в 2015 г. больший удельный вес имели собственные источники финансирования, которые равнялись 5260,3 млрд. руб. (50,17 %) (рис. 6).

Рассмотрим структуру инвестиций в основной капитал по федеральным округам. Наибольшим удельным весом в 2001 и 2015 гг. обладает Центральный федеральный округ: 27,21 % и 26,13 % соответственно. Самое значительное изменение произошло в Северо-Западном федеральном округе, где за исследуемый период размер инвестиций в основной капитал увеличился в 52 раза, тем самым составив в общем объеме в 2015 г. 17,41 %, по сравнению с 3,66 % в 2001 г. (рис. 7).

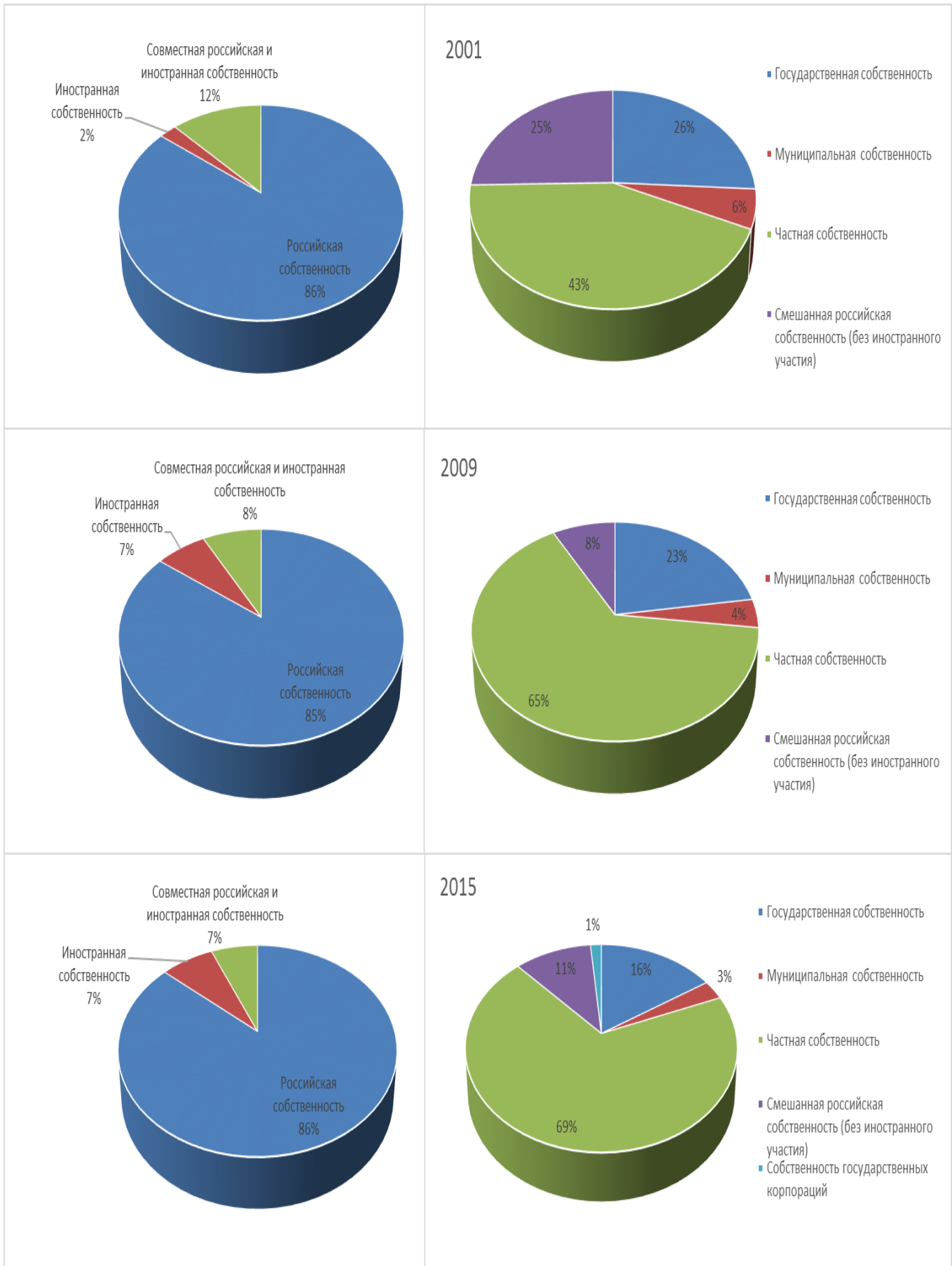

Рис. 4 – Структура инвестиций в основной капитал по видам собственности, %

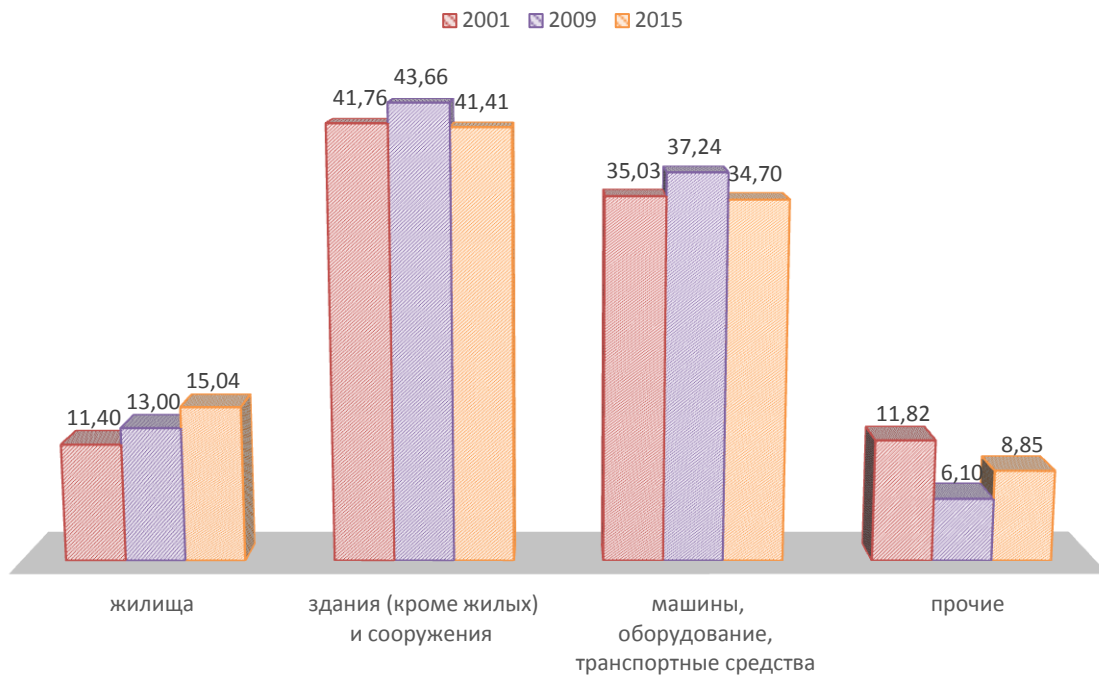

Рис. 5 – Структура инвестиций по видам основных фондов, %

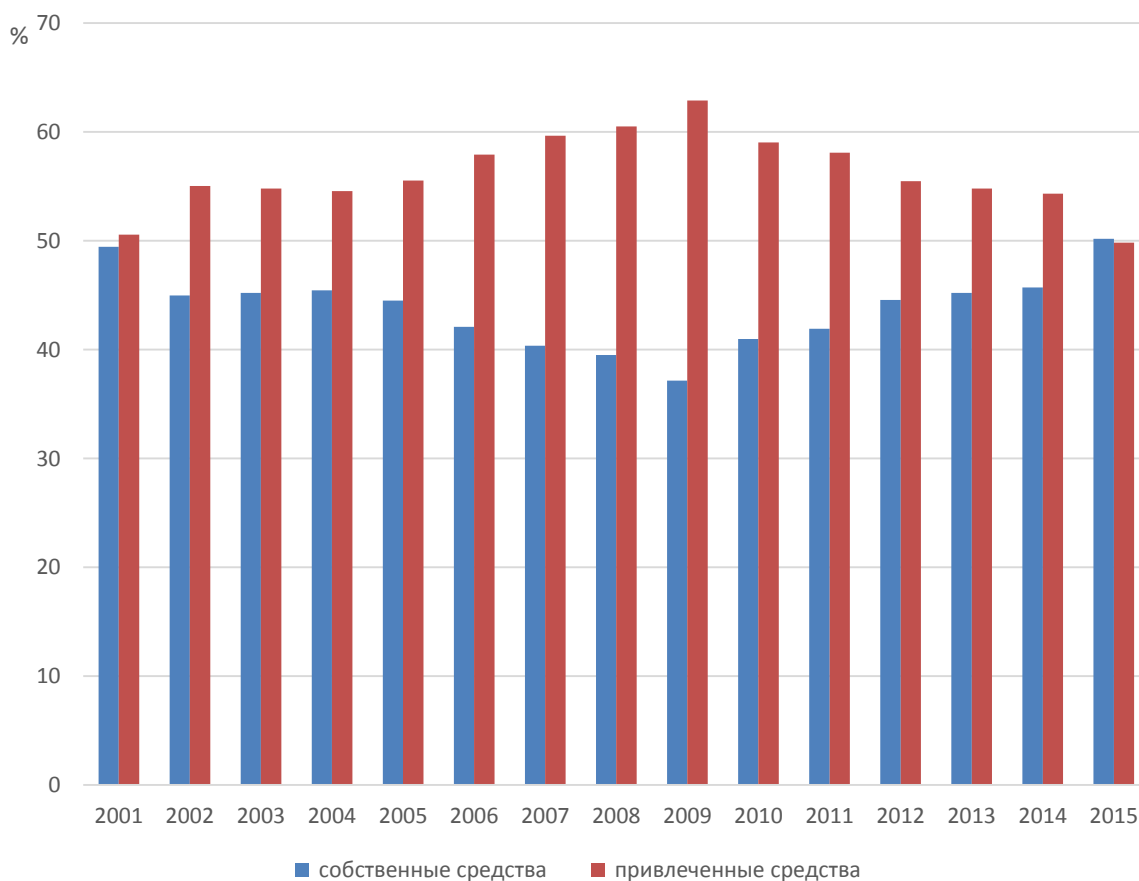

Рис. 6 – Структура по источникам финансирования, %

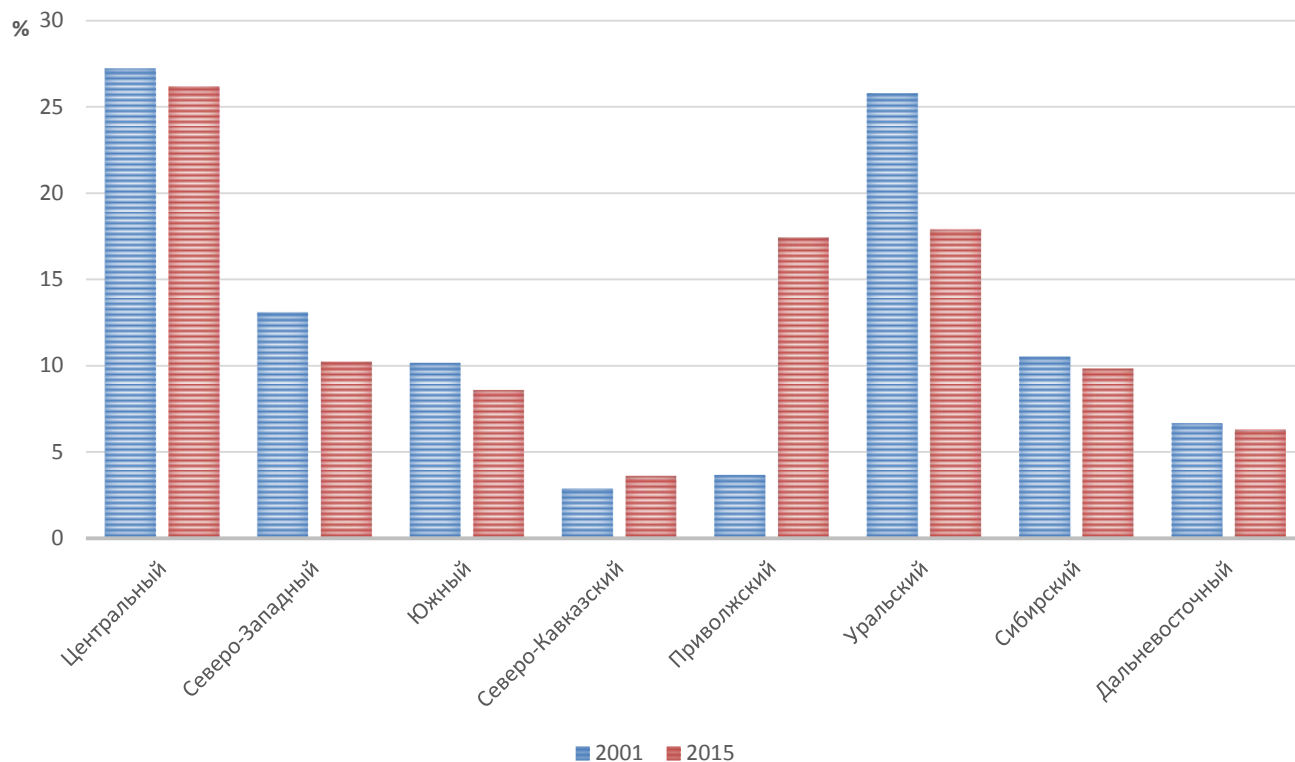

Рис. 7 – Структура инвестиций в основной капитал по федеральным округам, %

Результат анализа структурных сдвигов по федеральным округам показал существенный уровень различий структур (индекс Рябцева 0,198).

В таблице 2 и 3 представлены субъекты РФ, имеющие наибольший и наименьший объем инвестиций в 2001 г. и 2015 г.

Таблица 2 – Объем инвестиций в основной капитал в субъектах РФ в 2001 г., млн. руб.

Субъекты-лидеры по объему инвестиций		Субъекты, имеющие наименьший объем инвестиций	
Субъект	Объем инвестиций, млн. руб.	Субъект	Объем инвестиций, млн. руб.
Тюменская область	267293	Северная Осетия	2266
г. Москва	173839	Республика Башкортостан	1945
Краснодарский край	63395	Карачаево-Черкесская Республика	1749
Республика Мордовия	56385	Чукотский автономный округ	1743
г. Санкт-Петербург	53169	Республика Ингушетия	1548
Московская область	52701	Республика Адыгея	1510
Оренбургская область	37977	Республика Алтай	1130
Красноярский край	33758	Республика Тыва	582
Самарская область	32541	Еврейская автономная область	440
Ленинградская область	32273	Пензенская область	286

Таблица 3 – Объем инвестиций в основной капитал в субъектах РФ в 2015 г., млн. руб.

Лидеры по объему инвестиций		Субъекты, имеющие наименьший объем инвестиций	
Субъект	Объем инвестиций, млн. руб.	Субъект	Объем инвестиций, млн. руб.
Тюменская область	1923344	Камчатский край	25950
г. Москва	1611512	Ивановская область	25651
Московская область	640320	Республика Ингушетия	17995
Республика Татарстан	617180	Республика Калмыкия	16084
Краснодарский край	579908	Республика Адыгея	15548
г. Санкт-Петербург	521293	Карачаево-Черкесская Республика	15304
Красноярский край	394410	Еврейская автономная область	12977
Свердловская область	350442	Республика Тыва	12724
Республика Башкортостан	316718	Республика Алтай	11019
Самарская область	298746	Чукотский автономный округ	8443

Таким образом, «рейтинг» субъектов с наибольшими и наименьшими размерами инвестиций не претерпел серьезных изменений (в лидерах остались Тюменская область, Москва, Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Красноярский край, Самарская область; в отстающих: Ингушетия, Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика, Еврейская автономная область, Тыва, Алтай, Чукотский автономный округ). Стоит отметить, что Республика Башкортостан, которая в 2001 году была в списке субъектов с наименьшими инвестициями, в 2015 г. заняла 9 место по данному показателю (316718 млн. руб.).

Проведем группировку субъектов РФ по объему инвестиций в основной капитал в 2015 г. Применяя формулу Стэрджесса, определяем, что необходимо разделить совокупность на 7 групп с шириной интервала 274037,57. В результате получаем таблицу 4.

Проведенный анализ позволил сформировать основные представления и тенденции развития инвестиций в национальную экономику, что дает возможность конкретизировать применение методов форсайт с учетом достоверной оценки и решения проблем реальных возможностей привлечения инвестиций в экономику страны. В рамках предлагаемых в этой связи методов форсайт следует выделить:

1) метод экспертных панелей - заключается в периодическом сборе данных у одной группы опрошиваемых. Панель складывается из группы специально подобранных людей (эксперты). На основании направлений и цели исследования, возможен выбор различных форматов панелей экспертов.

Таблица 4 – Группировка субъектов РФ по объемам инвестиций в основной капитал, млн. руб

№ гр.	Интервал	Количество субъектов, входящих в группу	Субъекты, входящие в группу
1	5081-279118,57	71	Воронежская обл., Сахалинская обл., Дагестан, Нижегородская обл., Пермский край, Челябинская обл., Иркутская обл., Якутия, Ленинградская обл., Волгоградская обл., Коми, Оренбургская обл., Архангельская обл., Кемеровская обл., Новосибирская обл., Белгородская обл., Саратовская обл., Ставропольский край, Тамбовская обл., Липецкая обл., Приморский край, Астраханская обл., Хабаровский край, Томская обл., Тульская обл., Амурская обл., Мурманская обл., Омская обл., Калужская обл., Алтайский край, Ульяновская обл., Пензенская обл., Вологодская обл., Владимирская обл., Удмуртская Респ., Тверская обл., Забайкальский край, Новгородская обл., Курская обл., Ярославская обл., Калининградская обл., Брянская обл., Чеченская Респ., Смоленская обл., Магаданская обл., Кировская обл., Чувашская Респ., Рязанская обл., Мордовия, Орловская обл., Марий Эл, Бурятия, Карелия, Крым, Кабардино-Балкарская Респ., Хакасия, Курганская обл., Псковская обл., Костромская обл., Северная Осетия, Камчатский край, Ивановская обл., Ингушетия, Калмыкия, Адыгея, Карачаево-Черкесская Респ., Еврейская автономная область, Тыва, Алтай, Чукотский автономный округ, г. Севастополь

Окончание табл. 4 – Группировка субъектов РФ по объемам инвестиций в основной капитал, млн.руб

№ гр.	Интервал	Количество субъектов, входящих в группу	Субъекты, входящие в группу
2	279118,57-553156,14	6	г. Санкт-Петербург, Красноярский край, Свердловская область, Республика Башкортостан, Самарская область, Ростовская область
3	553156,14-827193,71	3	Московская область, Республика Татарстан, Краснодарский край
4	827193,71-1101231,28	0	
5	1101231,28-1375268,85	0	
6	1375268,85-1649306,42	1	г. Москва
7	1649306,42-1923343,99	1	Тюменская область

2) применение сценарного подхода и разработки сценариев, которое позволяет реализовывать такой выбор вариантов изменений, позволяющих в будущем достигнуть ожидаемых результатов [2]. В процессе форсайта анализируются возможные сценарии отдельных направлений развития инвестиционной деятельности, очерчиваются потенциальные горизонты развития.

3) применение метода «дорожного картирования» позволяет просматривать не только вероятные сценарии, но и их потенциальную прибыльность, а также находить наиболее выгодные пути с точки зрения ресурсной затратности и экономической эффективности инвестиций.

В заключение заметим, что форсайт-проекты в данном случае ориентированы не только на получение нового знания в форме рекомендаций, набора сценариев или дорожных карт. Важным результатом является также развитие взаимосвязей между их участниками, формирование единого представления об объекте исследования и разработке ключевых направлений развития процесса привлечения инвестиций в национальную экономику.

Список литературы / References

1. Калужнова Н.Я. Сущность, содержание и методология форсайта: проблема адаптации к уровню региона [Электронный ресурс] / Н.Я. Калужнова // Материалы Первой Всероссийской Интернет-конференции «Форсайт как инновационный инструмент формирования перспективной конкурентоспособности страны и региона в условиях глобализации, 2006. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2007. – С.7-22. URL: http://math.isu.ru/ru/chairs/economym/staff/publ/Kalyuzhnova_essence_and_methodology_of foresight_2006.pdf (дата обращения: 18.10.2016).

2. Технологический форсайт в стратегическом планировании [Электронный ресурс]. - URL: http://knowledge.allbest.ru/management/2c0a65625b3bd78a4c53b88521206d27_0.html

3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru/>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kalyuzhnova N.Y. Sushhnost', sodержanie i metodologija forsajta: problema adaptacii k urovnju regiona [The essence, content and methodology of foresight: the challenge of adapting to the level of the region] / N.Y. Kalyuzhnova // Materialy Pervoj Vserossijskoj Internet-konferencii «Forsajt kak innovacionnyj instrument formirovaniya perspektivnoj konkurentosposobnosti strany i regiona v uslovijah globalizacii, 2006. Irkutsk, Izd-vo IGU, 2007. – P. 7-22. – URL: http://math.isu.ru/ru/chairs/economym/staff/publ/Kalyuzhnova_essence_and_methodology_of foresight_2006.pdf [in Russian].

2. Tehnologicheskij forsajt v strategicheskome planirovanii [Technological foresight in strategic planning] - URL: http://knowledge.allbest.ru/management/2c0a65625b3bd78a4c53b88521206d27_0.html [in Russian].

3. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. - URL: <http://www.gks.ru> [in Russian].

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.184

Сидорова Е.Ю.¹, Зубрилин И.Н.²

¹Доктор экономических наук, профессор

НИТУ МИСИС, г. Москва,

²кандидат экономических наук,

ООО "ТД "Рубеж-центр", руководитель направления отдела продаж, в г. Красноярск

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

В статье исследуется вопрос о раскрытии информации по корпорации. При этом реализация информационной компоненты предполагает формирование системы коммуникации между заинтересованными сторонами. Для поддержания корпоративного управления применяют следующий набор информационных систем: операционно-исполнительная подсистема, подсистема поддержки управленческих решений, административная подсистема, внутрикорпоративные сети. В работе разработана модель корпоративной информационной системы, где в качестве основных блоков выделяют следующие: блок стратегического анализа и моделирования, блок корпоративного планирования, информационно-аналитический блок, организационно-учетный блок, программно-технический блок.

Ключевые слова: корпоративное управление, корпорация, информационная система, корпоративные процессы.

Sidorova E.Y.¹, Zubrilin I.N.²

¹ PhD in Economics, associate Professor, MISiS, Moscow,

² PhD in Economics,

"TD "Rubezh-center, head of the sales Department in Krasnoyarsk

THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION COMPONENT OF CORPORATE GOVERNANCE

Abstract

This article examines the issue of disclosure of information by Corporation. The implementation of information components involves the formation of a system of communication between stakeholders. To maintain corporate governance use the following set of information systems: operational and Executive subsystem, the subsystem of support of administrative decisions, the administrative subsystem, internal network. In work the developed model of the corporate information system, where the main blocks are the following: the unit for strategic analysis and modelling, corporate planning unit, analytical unit, organizational unit account, program and technical unit.

Keywords: corporate governance, corporation, information system, corporate processes.

Одной из важнейших составляющих механизма реализации и развития корпоративного управления является его информационная компонента, представляющая собой корпоративную информационную систему [1].

В условиях корпоративных процессов управление информационным обеспечением должно своевременно и регулярно осуществляться, иметь последовательный характер, обеспечивать беспрепятственный доступ к раскрываемой информации, характеризующейся полнотой, точностью и документальным подтверждением.

Согласно требованиям к корпоративному управлению, предъявляемым организацией экономического сотрудничества и развития (далее - ОЭСР) к своим членам, развитое корпоративное управление предполагает обязательное раскрытие следующей информации о: результатах финансово-хозяйственной деятельности, целевых ориентирах компании, структуре акционерной собственности, факторах риска, существенных вопросах, затрагивающих интересы членов трудового коллектива и стейкхолдеров, структуре и политике корпоративного управления.

Реализация информационной компоненты предполагает формирование системы коммуникации между заинтересованными сторонами. К основным функциям коммуникации в организации относятся: информативная, побудительная, перцептивная, экспрессивная [2]. Для поддержания корпоративного управления применяют следующий набор информационных систем: операционно-исполнительная, поддержки управленческих решений, административная, внутрикорпоративные сети [4].

Типология корпоративных коммуникаций представлена на рисунке 1.

Рис. 1 – Корпоративные коммуникации в организации

Внешние коммуникации возникают между организацией и внешними факторами. Кроме того, отечественные компании также должны добровольно раскрывать существенную информацию помимо информации, предусмотренной законом. Прежде всего, такая информация размещается на WEB-сайте компании, который обеспечивает доступ к информации любому заинтересованному в ней пользователю. На сайте необходимо размещать общую информацию, касающуюся корпоративных процессов. Многие российские общества раскрывают информацию о себе в сети интернет, используя для этого Систему комплексного раскрытия информации и новостей (СКРИН). СКРИН была создана Национальной ассоциацией участников фондового рынка (НАУФОР), а в настоящее время управление этой системой осуществляет группа РТС.

Еще одним каналом добровольного раскрытия информации являются СМИ, несмотря на дополнительные расходы по ее размещению в них. В отличие от Интернета СМИ обеспечивают более широкое распространение информации среди всех категорий населения.

Внутренние коммуникации выстраиваются между структурными элементами системы корпоративного управления по поводу организации управления и контроля деятельности компании. Горизонтальные связи возникают между лицами или организационными подразделениями, находящимися на одном иерархическом уровне. Вертикальные связи строятся между различными иерархическими уровнями организации. Диагональные связи выстраиваются между субъектами, находящимися на различном иерархическом уровне и с различным функциональным назначением. Информация играет крайне важную роль с точки зрения корпоративного управления. Благодаря ей, происходит определение текущего положения предприятия во внешней среде, обмен информацией с финансовым рынком и элементами системы корпоративного управления, привлечение инвесторов.

Совокупности информационных потоков в системе корпоративного управления можно выделить по трём ключевым признакам:

- по отношению к системе корпоративного управления: входящие, исходящие и внутренние информационные потоки;
- по степени публичности: публичная и управленческая информация;
- по предметной направленности: информация для принятия решений о финансировании бизнеса, информация для текущего управления и планирования, информация для освещения текущей практики корпоративного управления.

Дополнительно информационная система выполняет следующие функции: аудит и управленческий контроль, обеспечение поддержки управленческих коммуникаций.

К числу входящих информационных потоков корпоративного управления относят: информацию о характеристиках внешней среды, данные для осуществления финансового и управленческого учёта, прочую информацию о компании.

Среди исходящих информационных потоков корпоративного управления выделяют: консолидированную финансовую отчётность, нефинансовую информацию, данные планирования и бюджетирования, для осуществления текущего и стратегического планирования.

В качестве основных блоков корпоративной информационной системы необходимо выделить следующие: блок стратегического анализа и моделирования, блок корпоративного планирования, информационно-аналитический блок, организационно-учетный блок, программно-технический блок (рисунок 2).

Программно-технический блок представляет собой основу информационной системы и содержит комплекс функциональных модулей для автоматизации задач управления. В него входят: система автоматизации документооборота в рамках корпорации, инструментальные системы обработки информации в базе хранилищ данных

корпоративной информационной системы, программно-технические средства обеспечения безопасности информационной системы, коммуникационные сервисные приложения в виде программного обеспечения удаленного доступа к различным информационным ресурсам и базам данных различных сервисных услуг, офисные программы, специальные системы в виде системы автоматизированного проектирования (САПР), автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУТП), банковских системы и других).

Рис. 2 – Модель корпоративной информационной системы

Блок стратегического анализа и моделирования служит для оценки текущего положения организации, действующих факторов внешней и внутренней среды, оценку рисков, анализ и прогнозирование направлений развития предприятия, определение альтернатив развития компании, выбор стратегического направления развития предприятия, формирование целевых показателей.

Организационно-учетный блок является системой, обеспечивающей координацию, соподчинение и контроль деятельности всех подразделений предприятия и управленческих служб на основе обработки учетных данных в рамках существующей системы документооборота, в которую входит бухгалтерский учет, финансовый учет, управленческий учет.

В его рамках формируется в едином формате информация о финансово-экономических итогах деятельности компании, позволяющей в последующем использовать её в соответствии с требованиями РСБУ и МСФО. В последующем эта информация используется блоком корпоративного планирования, который служит для дальнейшего разделения целевых ориентиров, позволяя создавать показатели для отдельных бизнес-единиц предприятия.

Данный блок позволяет обеспечить взаимосвязь стратегии, планов и бюджетов отдельных подразделений и компании в целом, обеспечить их верификацию. С его помощью осуществляется мониторинг деятельности предприятия.

Информационно-аналитический блок представляет собой систему информационного обеспечения управленческих решений по вопросам оперативного, тактического и стратегического планирования.

Данный блок аккумулирует информацию об уровне корпоративного управления и служит для формирования отчетности о реализации мероприятий в рамках системы корпоративного управления, эффективности реализации процессов развития. Информация данного блока служит для привлечения внешних инвесторов, осуществления информационной поддержки акционеров, членов Совета директоров и прочих стейкхолдеров, формирования предпосылок для роста капитализации.

Подсистема поддержки принятия решений является диалоговой и предназначена для обработки информации и реализации моделей по решению отдельных слабоструктурированных управленческих задач на основе информации о положительном прошлом опыте принятия решений в сходных ситуациях, хранящейся в базе данных. При этом банк моделей позволяет руководителям определить возможность для моделирования ситуации, а банк методов – определить наиболее оптимальный вариант решения проблемы на основе различных методов решения: экономических, правовых, маркетинговых и т.д. [3]

Данная подсистема также обеспечивает снижение трудоемкости осуществления стандартных операций, когда в оформляемый документ различные подразделения вносят необходимые изменения.

В отсутствие информационной системы им каждому изначально пришлось бы по одному и тому же вопросу формировать свои документы.

В целом, корпоративная информационная система как информационная составляющая механизма реализации и развития корпоративного управления служит следующим целям:

- информационное обеспечение системы корпоративного управления и стейкхолдеров;
- организационная проработка системы корпоративного управления, определение обязанностей, прав и полномочий;
- распределение задач в рамках запланированных целевых ориентиров, мониторинг процесса и коррекция процесса;
- регламентация процессов взаимодействия отдельных подразделений;
- определение функциональных требований к информационной системе.
- определение состояния и корректировка развития системы корпоративного управления.

Кроме того, руководители организации получают возможность непосредственного контроля над результатами деятельности каждого подразделения.

Особый интерес в рамках информационной компоненты представляет собой оценка уровня качества системы корпоративного управления. В соответствии с представленной информацией можно сделать вывод о высокой роли информационной компоненты в системе корпоративного управления. Она влияет на качество представления организации во внешней среде, результатах донесения информации об итогах деятельности до потенциальных инвесторов и акционеров, эффективности и скорости реакции Совета директоров и исполнительных органов на изменения, происходящие во внешней и внутренней среде, решения общего собрания акционеров.

Список литературы / References

1. Сидорова Е.Ю. Общемировые тенденции развития корпоративного менеджмента как результат развития экономических систем // Современные проблемы и тенденции развития внутренней и внешней торговли: Сборник научных статей. – Саратов: Издательство «Научная книга», 2009. – С. 12-20.
2. Сидорова Е.Ю., Зубрилин И.Н. Развитие корпоративного управления в условиях обострения конкуренции (Монография). - Lambert, 2016. – 205 с.
3. Сидорова Е.Ю., Романцов А.Н. Направления развития корпоративной культуры в производственной организации // Вестник ПАГС. – 2015. - № 6. – С.54-61.
4. Сидорова Е.Ю., Зубрилин И.Н. Содержание механизма реализации и развития корпоративного управления в социально-экономической системе // «Известия Саратовского университета. Новая серия». Серия «Экономика. Управление. Право». – 2015. - № 3. – С.34-42.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Sidorova E. Ju. Obshhemiroye tendencii razvitija korporativnogo menedzhmenta kak rezul'tat razvitija jekonomicheskikh sistem [Global trends in corporate management as a result of the development of economic systems] // Sovremennye problemy i tendencii razvitija vnutrennej i vneshej trgovli: Sbornik nauchnyh statej [Modern problems and tendencies of development of domestic and foreign trade: Collected articles]. – Saratov: Publishing House «Nauchnaja kniga», 2009. – P. 12-20. [in Russian]
2. Sidorova E. Ju., Zubrilin I.N. Razvitie korporativnogo upravlenija v uslovijah obostrenija konkurencii (Monografija) [The development of corporate governance in conditions of increasing competition]. - Lambert, 2016. – 205 p. [in Russian]
3. Sidorova E. Ju., Romancov A. N. Napravlenija razvitija korporativnoj kul'tury v proizvodstvennoj organizacii [The development of corporate culture in manufacturing organizations] // Vestnik PAGES. – 2015. - № 6. – P.54-61. [in Russian]
4. Sidorova E.Ju., Zubrilin I.N. Soderzhanie mehanizma realizacii i razvitija korporativnogo upravlenija v social'no-jekonomicheskoj sisteme [The content of the mechanism of implementation and development of corporate governance in the socio-economic system] // «Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija». Serija «Jekonomika. Upravlenie. Pravo» ["Proceedings of the University of Saratov. New episode". A series of "Economics. Control. Right"]. – 2015. - № 3. – P.34-42. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.061

Швыдко В.Г.

Кандидат экономических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №14-29-05095

НОВЫЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ: СМЕНА АКЦЕНТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ

Аннотация

В статье проанализирован новый пятилетний план научно-технического развития Японии (2016-2020 гг.) как отражение изменений в подходах японского государства к оценке роли науки и технологических инноваций в экономическом развитии, с одной стороны, и в государственной экономической политике – с другой. Содержание нового документа рассматривается в контексте отхода от прежнего секторального подхода к финансированию НИОКР и смещения акцента на создание благоприятной общей среды для разработки и реализации исследовательским сообществом в сотрудничестве с частным бизнесом социально значимых инноваций. Последние рассматриваются как главный перспективный инструмент повышения национальной конкурентоспособности.

Ключевые слова: Япония, наука и инновации, государственная поддержка.

Shvydko V.G.

PhD in Economics, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

This work is performed with assistance of a grant of the Russian Federal Property Fund No. 14-29-05095

NEW FIVE-YEAR PLAN OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL DEVELOPMENT OF JAPAN: NEW HIGHLIGHTS IN GOVERNMENT POLICY TO PROMOTE SCIENCE AND INNOVATIONS

Abstract

The article considers the new five-year plan for scientific and technological development of Japan (2016-2020) as reflecting changes in Japanese government's assessment of the role of science and technology innovation in economic development and the government's economic policy. The content of the new policy document is viewed in the context of abandoning old sectoral approach to R&D funding and shifting its focus towards creating friendly environment for developing and implementing socially important innovations by the research community in collaboration with the private business. Such innovation is viewed as the main long-term tool to enhance national ability to withstand global competition.

Keywords: Japan, science and innovation, government support.

В январе 2016 г. кабинет министров Японии одобрил и утвердил «Базовый план научно-технического развития» на 2016-2020 финансовые годы – главный документ, формулирующий научно-техническую политику японского государства в среднесрочной перспективе [1]. Это уже пятый по счету документ подобного рода, практика составления которых была определена принятым японским парламентом в 1995 г. Основным законом о науке и технологиях [2]. Данный закон установил, что важнейшие элементы государственной научно-технической политики должны регулярно обсуждаться и корректироваться в соответствии с практикой и находить свое отражение в среднесрочных «базовых планах» научно-технического развития (ст. 9).

В соответствии с этим положением начиная с 1996 г. формируются и утверждаются рассчитанные на пятилетний срок документы, излагающие общие подходы правительства к политике стимулирования научных исследований в системе высшего образования, а также в профессиональных научных учреждениях в государственном и частном секторах. Эти подходы формулируются в достаточно общей, неконкретизированной форме; документы не содержат сколько-нибудь подробных цифровых ориентиров (за исключением желаемого уровня общих расходов на НИОКР), однако дают определенное представление об общих направлениях и принципах финансирования фундаментальной науки и, в определенной степени, прикладных исследований, в соответствии с которыми впоследствии осуществляется распределение выделяемых на эти цели бюджетов. Сравнение содержания этих документов в динамике – от одного пятилетнего горизонта к другому – позволяет увидеть некоторые примечательные сдвиги в сознании и представлениях правительственных экспертов, мнение которых определяет характер использования одного из крупнейших в мире бюджетов стимулирования научных исследований¹.

Япония пользуется заслуженной репутацией одного из мировых лидеров в области промышленных инноваций. Вместе с тем исследовательская база в виде совокупности учреждений науки как в государственном, так и в частном секторе, университетских исследований и работы индивидуальных исследователей и их групп рассматривается экспертами этой страны как не адекватная той роли, которую Япония, по мнению правительства этой страны, должна играть в мировом научно-техническом развитии на долгосрочную перспективу.

Более того, система организации и финансирования НИОКР не обеспечивает достаточно стимулов для привлечения в эту сферу талантливой молодежи и не позволяет в полной мере использовать механизмы международной кооперации. Степень мобильности кадров в этой области – их конкурентное перемещение как между различными учреждениями в рамках сектора научных и образовательных учреждений, так и между этим сектором и бизнес-компаниями – в Японии традиционно находится на низком уровне, что в современных условиях рассматривается как препятствие для повышения эффективности затрат на НИОКР в национальном масштабе. Дополнительную актуальность эта слабость приобретает в условиях возросшей неопределенности, когда относительная перспективность тех или иных направлений исследований с точки зрения генерации общественно

¹ Общий объем государственных расходов на поддержку НИОКР в Японии составляет около 5 трлн. иен в год (приблизительно 50 млрд. долл. по рыночному курсу на конец сентября 2016 г.)

значимых инноваций не может быть надежно спрогнозирована на десятилетия вперед, и достижение большей эффективности требует значительной свободы маневра человеческими ресурсами.

Большим недостатком являются также весьма скромные (по сравнению, например, с США) масштабы сектора венчурного бизнеса, равно как и других форм гибкой связи сектора научных исследований с бизнесом, без чего процесс коммерциализации и диффузии инноваций оказывается крайне затрудненным.

С другой стороны, расходы на НИОКР из государственных источников все последнее десятилетие оставались ниже запланированных ориентиров – 21,1 трлн иен в 2001-2005 ф.г. и 21,7 трлн иен в 2006-2010 ф.г. против 24 и 25 трлн иен соответственно согласно изначально утвержденным пятилетним планам [3].

Более того, все это время они почти не росли, в то время как в европейских странах и США их масштабы заметно увеличились.

Все это побудило правительственных экспертов, привлеченных к разработке нового плана, рассчитанного на период 2016-2020 ф.г., сместить акценты и предложить ряд мер по реформированию государственной системы поощрения и развития исследовательской сферы в Японии.

Первое, что отмечается как авторами документа, так и экспертами, – это смещение фокуса всей научно-технической политики с собственно научных исследований на понятие «инновации». Задача такого смещения была обозначена еще раньше – в четвертом по счету пятилетнем «Базовом плане научно-технического развития», принятом в 2011 г. [4]. Уже в нем была отмечена необходимость перейти от конвенционального подхода в виде обозначения «приоритетных областей» развития науки и технологий к ориентации на решение определенных задач, увязываемых с созданием факторов долгосрочного устойчивого роста экономики и решения социальных проблем японского общества.

Если предшествующие аналогичные документы выделяли четыре «приоритетные» области научно-технического развития («науки о жизни», информационные и телекоммуникационные технологии, науки об окружающей среде и нанотехнологии/наноматериалы) и четыре «стимулируемые» области (производство и использование энергии, новые технологии в обрабатывающей промышленности, инфраструктура и «пограничные» исследования), то четвертый пятилетний план на первый план выдвигал набор основных задач, на решение которых должна быть ориентирована деятельность всего научно-исследовательского комплекса страны. При этом набор задач содержал как общие, достаточно абстрактные установки (обеспечение устойчивого самоподдерживающегося роста экономики, обеспечение стабильности и безопасности, повышение международной конкурентоспособности), так приоритеты более конкретного характера. К числу последних, в частности, могут быть отнесены задачи восстановления страны и ее экономики после разрушительного землетрясения марта 2011 г., предотвращения и минимизации последствий крупномасштабных стихийных бедствий, охраны здоровья населения.

Соответственно, в формулировке задач научно-технической политики прочно вошла категория «инновации», выделенная в качестве целевой функции исследований, пользующихся поддержкой государства. Именно инновации, способствующие выполнению общественных задач, сформулированных стратегическими документами, в первую очередь «базовыми планами», должны, по мысли правительственных чиновников и экспертов, стать связующим звеном между расходами на НИОКР, которые в этом случае рассматриваются как инвестиции, и их общественно значимыми результатами как формой отдачи от этих вложений. Помимо инноваций, выполняющих общие задачи стимулирования экономического развития и роста качества жизни населения, в отдельную категорию были выделены так называемые «зеленые инновации» в энергетике (стимулирование снижения выбросов в атмосферу и поддержка «низкоуглеродной» энергетики) и «жизнеспасающие инновации» (инновационные методы профилактики, диагностики и лечения заболеваний, улучшение качества жизни пожилого населения).

Отражением нового акцента на «инновации» как целевой функции стала и реорганизация Совета по науке и технике при премьер-министре – главного межведомственного органа для обсуждения и анализа государственной научно-технической политики – с переименованием его в Совет по науке, технологиям и инновациям (*Sogo kaгаку гидзюцу инобесээн кайги*). Слово «инновации», добавленное в название этого межведомственного совета, стало ключевым понятием в структуре и формулировках «базовых планов» уже с первой половины 2000-х годов.

Пятый «базовый план» подтверждает и закрепляет этот тренд, подчеркивая роль инноваций в общей картине целеполагания государственной научно-технической политики.

В качестве генеральной задачи документ выдвигает ориентацию развития науки и технологий на обеспечение условий для достижения устойчивого и инклюзивного развития страны в условиях растущей глобальной взаимозависимости. Для этих целей, а также для сохранения роли Японии как одного из глобальных экономических лидеров, национальная система НИОКР, согласно представлениям авторов документа, должна быть «генератором постоянных инноваций» и создателем компонентов для формирования в Японии «суперинтеллектуального общества» (в документе используется также условное наименование такого общества как «общество 5.0»), в котором за счет объединения элементов в рамках масштабных сетей и систем будут максимально оптимизированы процессы производства, дистрибуции и потребления основных видов ресурсов.

В этих целях ставится задача укрепления «базы» науки, технологий и инноваций в виде мер по формированию высококачественного человеческого капитала (интеллектуального ресурса) через совершенствование институциональных и финансовых условий для карьерных исследователей и исследовательских коллективов/учреждений.

Другой задачей называется формирование восходящей спирали роста человеческих ресурсов, знаний и финансовых ресурсов, задействованных для генерации инноваций [1, с.7]. В качестве средств решения этой задачи предлагаются 1) развитие механизмов т.н. «открытых инноваций», 2) поощрение малого и среднего, а также венчурного предпринимательства в инновационной сфере; 3) максимальное использование механизмов защиты прав интеллектуальной собственности и стандартизации в интеллектуальной сфере, 4) критический анализ и совершенствование регулятивной среды; 5) развитие систем инноваций, инициирующих возрождение региональной

экономической активности, б) создание механизмов инноваций, отвечающих потребностям глобальной экономики и общества.

Говоря о той роли, которая в решении названных задач отводится государству, авторы документа подтверждают уже обозначенный в более ранних документах тезис о том, что главными инструментами правительственной политики должно быть 1) развитие человеческого (кадрового) потенциала сферы науки и инноваций через систему высшего и постдипломного образования; 2) увеличение возможностей и повышение функциональности базовых «ячеек» научно-технического и инновационного развития – университетов и научно-исследовательских учреждений путем совершенствования системы их финансирования и ослабления административных ограничений, препятствующих более гибкому и эффективному использованию средств.

Авторы настаивают на том, что правительственная политика не должна диктовать повестку исследований конкретным исследователям или их коллективам, а содержащиеся в нем целевые ориентиры количественного характера относятся лишь к агрегированным данным в масштабе страны и не являются руководством к действию для отдельных субъектов. Документ особо отмечает, что «университеты и государственные исследовательские учреждения, действуя в русле государственной политики и на основе содержания данного документа, должны проявлять инициативы, (...) в основе которых будут лежать их индивидуальные сильные стороны и характеристики» [1, с.8].

Одновременно уходит в прошлое прежний принцип административного определения «приоритетных» областей, основанный на неявной предпосылке о возможности достоверного прогнозирования появления в тех или иных областях и сферах так называемых «прорывных» достижений и технологий. Новый базовый план содержит положение о том, что ответственностью государства является *поддержка исследований в сферах, создающих общие условия или преимущества для конкретных исследовательских проектов*. В частности, под таковыми понимаются математические исследования, разработка новых методов обработки и анализа больших массивов данных, технологии искусственного интеллекта и разработка систем обработки данных на основе искусственного интеллекта, формирование различного рода сетей таких систем («сетевые технологии»), исследования в области кибербезопасности и др. При этом отмечается, что, например, подготовка специалистов по работе с большими массивами данных, нехватка которых остро ощущается как в государственном секторе, так и в частных компаниях, является одной из ключевых для выполнения генеральной стратегической задачи – реализации концепции «сверхинтеллектуального общества».

Эта концепция и постепенное движение к ее реализации, постоянно генерирующее все новые инновации, рассматривается документом как один из главных инструментов сохранения и повышения международной конкуренции Японии в рамках глобализирующейся мировой экономики. К числу сфер, где японские исследователи, по мнению авторов документа, обладают необходимыми заделами и опытом, и где Япония имеет шанс сохранить хорошие позиции в условном глобальном рейтинге инновационной конкурентоспособности, они относят следующие:

- робототехника;
- разработка и улучшение характеристик различного рода сенсорных устройств;
- создание новых инновационных управляющих блоков и систем,
- биотехнологии;
- разработка новых материалов и нанотехнологии;
- технологии, обеспечивающие более эффективное взаимодействие с пользователями (дополненная реальность, инжиниринг эмоциональных восприятий, нейробиология и др.)
- оптические и квантовые технологии, используемые для передачи энергии и информации.

Документ также отмечает, что для сохранения конкурентных позиций национального сектора научных исследований и разработок в этих областях японские организации должны активно участвовать в разработке глобальных и региональных стандартов, а также скоординированных норм и правил, определяющих условия для национальных поставщиков высокотехнологичных товаров и услуг на международных рынках, включая институциональные препятствия для интернационализации соответствующих рынков.

В качестве основных мер институционального характера для укрепления базовых ячеек научно-исследовательского комплекса страны (высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений) новый базовый план предлагает меры по дальнейшему реформированию системы взаимодействия правительства, университетов и научного сообщества.

В числе таковых называется дальнейшая координация университетских программ обучения с меняющимися потребностями экономики и общества и, соответственно, научного (академического) и делового сообщества; увеличение вклада высших учебных заведений в научные исследования; использование более гибких форм финансирования исследований.

Конкретные шаги в этом направлении включают в себя создание научно-деловых советов, организацию конференций, семинаров, круглых столов и т.п. с участием представителей названных сообществ; увеличение и качественное совершенствование финансовой и организационной поддержки для желающих продолжить образование после окончания университетского курса, предоставление им возможностей приобретения дополнительного опыта, в том числе за рубежом, в период обучения. Значительная роль отводится практике международных обменов преподавательского состава, в том числе через более активное привлечение преподавателей вузов из-за рубежа, а также профессиональных исследователей, аспирантов и участников иных форм постдипломного образования.

Одновременно предлагается реформировать систему финансирования государственных университетов для обеспечения большей прозрачности их деятельности и сокращения возможностей использования средств на малоперспективные и не востребуемые обществом исследования. Ставится задача поощрения большей специализации университетов на определенной проблематике, и одновременно – снятия излишних ограничений на использование

средств, предназначенных для их финансирования за счет применения конкурсного финансирования, обладающего большей гибкостью.

Следует также отметить, что одной из особенностей научно-технической политики японского государства после 2013 г., когда произошло значительное обновление имиджа власти после того, как правящую партию возглавил нынешний премьер-министр Синдзо Абэ, является попытка придать ей большую гибкость. Начиная с этого времени, помимо пятилетнего «базового плана», призванного определять стратегическое видение государственной научно-технической политики на пять лет вперед, ежегодно разрабатывается и утверждается «Комплексная стратегия развития науки, технологий и инноваций» (кагаку гидзюцу инобэсэн сого сэнряку), которая, будучи ориентиром для ведомств, имеющих отношение к осуществлению научно-технической и инновационной политики, может менять те или иные акценты «базового плана» в зависимости от текущей ситуации. Соответственно, это может самым непосредственным образом отражаться в другом ежегодном правительственном документе, называемом «План действий по реализации основных мер научно-технической политики». В результате, происходит корректировка ранее запланированных бюджетов в целях оптимизации результатов научно-инновационных проектов, пользующихся финансовой поддержкой государства.

Так, например, «Комплексная стратегия 2015», утвержденная кабинетом министров в июне 2015 года, выделяет следующие пять приоритетных задач: 1) ответ на вызовы, связанные с динамичными структурными изменениями в экономике; 2) поощрение исследований, разработок и инноваций, вносящих вклад в оживление активности в регионах, 3) поощрение исследований, разработок и инноваций, способных использовать стимулирующую роль проведения в Токио Олимпийских игр 2020 г., 4) формирование среды, которая бы обеспечивала бы мультипликацию инноваций по различным цепочкам; 5) формирование механизмов, позволяющих использовать эффект инноваций для решения экономических и социальных проблем [5].

«Комплексная стратегия 2016», подготовленная новым составом Совета по науке, технологиям и инновациям и утвержденная кабинетом министров в мае 2016 г., т.е. спустя четыре месяца после одобрения нового пятилетнего базового плана, хотя и повторяет все его принципиальные моменты, формулирует новые (по сравнению с аналогичными документами более раннего периода) акценты, которыми должны руководствоваться участвующие в реализации научно-технической политики ведомства, в частности администрация и аппарат правительства, министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий; министерство экономики; министерство территориального развития и транспорта, министерство обороны [6].

В особенности, этот документ плотно «привязывает» деятельность всех ведомств, так или иначе причастных к государственной поддержке научно-технического развития, к решению двух «суперзадач» – 1) формированию в Японии «суперинтеллектуального общества» (smart society, Society 5.0) и 2) «восходящей спирали взаимоувязанного роста и развития человеческих, интеллектуальных и финансовых ресурсов».

В качестве главного средства решения этих задач должны выступить две группы технологий - технологии киберпространства (искусственный интеллект, «интернет вещей» (IoT), сетевые технологии; технологии сбора, обработки и анализа больших массивов данных) и «технологии физического пространства» (робототехника, разработка новых устройств и приборов (device development), нанотехнологии, разработка новых материалов, оптоэлектронные и квантовые технологии).

Список литературы/References

1. 科学技術基本計画[Электронный ресурс] – URL: <https://goo.gl/bRBYQE> (дата обращения 23.09.2016).
2. 科学技術基本法[Электронный ресурс] – URL: <https://goo.gl/zDi2X8> (дата обращения 27.09.2016).
3. 第五期科学技術基本計画。参考資料[Электронный ресурс] URL: <https://goo.gl/hvElqn> (дата обращения 27.09.2016).
4. 科学技術基本計画[Электронный ресурс] – URL: <https://goo.gl/flVmyh> (дата обращения 23.09.2016).
5. 科学技術イノベーション総合戦略2015 [Электронный ресурс] – URL: <https://goo.gl/zA12Ew> (дата обращения 27.09.2015).
6. 科学技術イノベーション総合戦略2016[Электронный ресурс] – URL: <https://goo.gl/wgCcOM> (дата обращения 27.09.2016).

Список литературы на английском языке/References in English

1. Kagaku gijutsu kihon keikaku [Basic Plan for Developing Sciences and Technologies] [Electronic resource] – URL: <https://goo.gl/bRBYQE> (accessed: 23.09. 2016). [in Japanese]
2. Kagaku gijutsu kihonho [Basic Law on Science and Technology] [Electronic resource] – URL: <https://goo.gl/zDi2X8> (accessed: 27.09. 2016). [in Japanese]
3. Daigo-ki kagaku gijutsu kihon keikaku. Sanko shiryō. [5th Basic Plan for Developing Sciences and Technologies. Reference data] [Electronic resource] URL: <https://goo.gl/hvElqn> (accessed: 27/09/2016). [in Japanese]
4. Kagaku gijutsu kihon keikaku [Basic Plan for Developing Sciences and Technologies.] [Electronic resource] – URL: <https://goo.gl/flVmyh> (accessed: 23.09. 2016). [in Japanese]
5. Kagaku gijutsu inobeshyon sogo senryaku 2015 [Integrated Strategy to Develop Science, Technology and Innovation 2015] [Electronic resource] URL: <https://goo.gl/zA12Ew> (accessed: 27/09/2015). [in Japanese]
6. Kagaku gijutsu inobeshyon sogo senryaku 2016 [Integrated Strategy to Develop Science, Technology and Innovation 2016] [Electronic resource] –URL: <https://goo.gl/wgCcOM> (accessed: 27/09/2016). [in Japanese]

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / JURISPRUDENCE

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.138

Аюпова А.Р.¹, Хабиров Н.Г.²

¹ORCID: 0000-0002-6820-1605, кандидат физико-математических наук, ²студент,

Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПАТЕНТНОГО ПРАВА

Аннотация

Возникновение института патентного права было естественным следствием научно-технического развития общества и его экономического прогресса. Историю и развитие патентного права можно рассматривать как установление своего рода социального контракта между обществом и автором изобретения, поиск равновесия между его правами и интересами общества. В работе рассмотрена взаимосвязь патентного права и коммерческой тайны. В исследовании выявлены основные проблемы современного российского института патентного права, как в области патентования, так и в области защиты патентных прав.

Ключевые слова: патент, патентное право, коммерческая тайна, защита прав.

Ayupova A.R.¹, Habirov N.G.²

¹ORCID: 0000-0002-1825-0097, PhD in Physics and Mathematics, ²student,

Neftekamsk branch of Bashkir State University

SOME PROBLEMS OF THE RUSSIAN PATENT RIGHTS

Abstract

The appearance of the institute of patent law was a natural consequence of scientific and technological development of the society and its economic progress. The history and development of patent law can be seen as the establishment of a kind of social contract between society and the inventor, the search for balance between his rights and the public interest. The paper examined the relationship of patent law and trade secrets. The study identified the main problems of the modern Russian Institute of patent law in the field of patents and for the protection of patent rights.

Keywords: patent, patent rights, trade secrets, protection of rights.

Сейчас практически каждый день появляются новые и существенно модифицируются существующие изобретения. В связи с этим появляется необходимость в наличии развитых правовых механизмов по защите прав, связанных с созданием и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, то есть объектов интеллектуальной собственности, охраняемых патентом.

Особенно это актуально в России, так как в результате тяжелой экономической ситуации 90-х годов прошлого века наша страна серьезно отстала от наиболее развитых стран во многих областях науки [1], а основой ее экономики на фоне стремительного падения цен на энергоносители до сих пор остается топливно-энергетический комплекс. Поэтому, современные экономические реформы, проводимые руководством страны, в качестве одного из своих приоритетов ставят задачу придания экономике страны инновационного характера, то есть использование передовых разработок отечественных ученых и изобретателей во всех областях экономики.

Таким образом, одним из важнейших условий развития инновационной экономики является наличие развитого института патентного права. По этой причине, в России и за рубежом, сейчас как никогда раньше уделяется значительное внимание обеспечению прав авторов изобретений, полезных моделей, промышленных образцов.

Однако, несмотря на то, что институт патентного права имеет огромное значение для научно-технического и экономического прогресса общества и государства, в нашей стране существует целый ряд проблем в данной области.

Во-первых, общая слаборазвитость патентования в нашей стране. Так, согласно годовому отчету Роспатента за 2014 год в России было подано 40308 заявок на выдачу патента [2]. А, к примеру, в Соединенных Штатах, за тот же период времени, по данным американского Бюро по патентам и товарным знакам, было подано 578802 заявки на получение патента [3]. При этом чуть более половины заявок в Соединенных Штатах приходится на иностранные организации, в то время как в России иностранными заявителями было подано 16236 заявок, что составляет около 40% от общего числа заявок. Значительная часть данных заявлений было подана заявителями из ближайших зарубежных стран, где патентование развито намного хуже, чем в России.

Приведенные данные позволяют судить о динамике выдачи патентов в России. Таким образом, по количеству поданных заявок на получение патента, наша страна более чем в 10 раз отстает от наиболее экономически развитых стран мира. Также и иностранные заявители из стран с развитой культурой патентования не спешат патентовать свои разработки в нашей стране, даже если они ведут свою экономическую деятельность на ее территории. Отсюда напрашивается вывод, что нежелание патентовать свои разработки в нашей стране связано не с отсутствием культуры патентования, а с наличием проблем по получению патента и его защиты. Поэтому, для лучшего понимания ситуации необходимо также рассмотреть статистику в области защиты патентных прав.

По данным Федеральной службы по интеллектуальной собственности в России рассматривается всего около 150 судебных дел в год, связанных с нарушением исключительных прав патентообладателей, хотя можно с уверенностью сказать, что фактов нарушения прав патентообладателей на порядок больше [4]. Для того чтобы понять насколько это маленькая цифра, необходимо понимать то, что в России по данным на январь 2016 года насчитывается более 300 тысяч действующих патентов [5].

Основной причиной отказа изобретателей и патентообладателей от защиты и отстаивания своих прав является сложность процедуры получения патента и процесса защиты патентных прав в связи с несовершенством российского законодательства.

Например, пытаясь упростить процедуру получения патента, многие пользуются недоработкой российского законодательства, а именно схожестью процедуры получения патента на изобретение и на полезную модель. Схожесть процедуры связана с необходимостью подачи одинакового пакета документов для получения патента на изобретение и на полезную модель. Поэтому многие заявители для увеличения шансов на получение патента подают заявки одновременно на изобретение и на полезную модель, а это создает неточности в формуле объектов патентования, допуская их разное толкование. А любую неоднозначность в описании нарушитель сможет использовать для ухода от ответственности за нарушение исключительных прав.

Также в России распространена такая схема патентования: в известные технические решения или модели вносятся небольшие изменения и, пользуясь несовершенством процедуры получения патента, патентуют данную модификацию как новое техническое решение или модель.

Таким образом, подобная российская практика делает возможным одновременное существование нескольких патентов на похожие изделия, путем одновременного патентования объекта как изобретение и как полезная модель, а также патентование модернизированного объекта как новое техническое решение. Все это приводит к снижению значимости патента в глазах российских компаний и лиц, желающих получить патент, или уже являющихся патентообладателями.

Многие современные компании имеют в своей структуре целые научно-исследовательские отделы, которые занимаются созданием новых продуктов и решений, способных обеспечить им конкурентное преимущество. В отношении данной информации обычно устанавливается режим коммерческой тайны, так как деятельность данных подразделений нередко составляет одну из крупнейших статей расходов компаний, а их деятельность часто становится объектом пристального внимания конкурентов, которые стремятся получить доступ к информации о разработках и достижениях всеми возможными способами. Нередко конкуренты прибегают к различным формам недобросовестной конкуренции, таким как промышленный шпионаж, предполагающий незаконный доступ к такой информации. Таким образом, информация об изобретениях, разработках и решениях, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны, достаточно уязвима.

Часто подобная информация, являющаяся коммерческой тайной, одновременно отвечает необходимым условиям патентоспособности. Здесь перед компанией-правообладателем встает выбор между сохранением режима коммерческой тайны в отношении данных разработок и впоследствии риском утечки информации, или раскрытием информации, но получением гарантированной защиты в виде патента.

Для оценки целесообразности патентования объектов, в отношении которых может быть установлен режим коммерческой тайны, в условиях современного законодательства Российской Федерации, необходимо рассмотреть основные отличия и особенности каждого вида защиты, их преимущества и недостатки.

Основное преимущество защиты информации в качестве коммерческой тайны связано с отсутствием временных рамок. Также охрана в режиме коммерческой тайны не требует регистрации в государственном ведомстве, следовательно, суть изобретения не будет раскрыта. Коммерческая тайна не требует финансовых и временных затрат, связанных с процедурой патентования, однако в этом случае могут потребоваться другие затраты, связанные с организацией и соблюдением режима коммерческой тайны.

Несмотря на ряд преимуществ, есть и множество недостатков. В случае установления режима коммерческой тайны обладатель информации не застрахован от неправомерного раскрытия или утечки такой информации, связанной с действиями персонала, конкурентов. Лица, заинтересованные в данных сведениях, могут прибегнуть к различным методам законного раскрытия такой информации. Метод, называемый обратным инжинирингом или обратным проектированием, подразумевает исследование уже готового объекта с целью выявления его существенных деталей, принципа работы. Далее следует организация собственного производства. После получения информации о патентоспособном объекте может последовать подача заявки на получение патента без ведома и согласия первоначального разработчика. В таком случае последним будет очень сложно доказать свои права на запатентованный объект, также это потребует больших временных и финансовых затрат, связанных с судебным процессом.

Таким образом, компания при установлении режима коммерческой тайны в отношении патентоспособного объекта будет обладать исключительным правом на пользование засекреченной разработкой до тех пор, пока информация о ней не будет раскрыта в результате утечки, обратной разработки или промышленного шпионажа.

Избавиться от данных недостатков коммерческой тайны позволит охрана разработки посредством патента. После получения патента разработчик получает гарантированную защиту своего исключительного права на пользование запатентованным объектом. Так компания – разработчик может обезопасить себя от недобросовестной конкуренции. В случае самостоятельной разработки или обратного проектирования подобного изобретения сторонними организациями, то исключительное право, независимо от этого, останется за первоначальным разработчиком.

Основным недостатком такой охраны разработок является то, что срок действия патента ограничен положениями законодательства. Согласно российскому законодательству, в зависимости от объекта, срок действия патента составляет от пяти до двадцати лет. Так как при регистрации разработки в государственном ведомстве раскрываются его существенные характеристики, то после окончания срока действия патента и перехода объекта в общественное достояние, ею сможет воспользоваться любое лицо, и компания – первоначальный разработчик утратит свое конкурентное преимущество. Таким образом, при выборе между охраной посредством коммерческой тайны и охраной посредством патента, компании должны исходить из срока, в течение которого данная разработка будет актуальна.

Несмотря на некоторую схожесть патентной системы и охраны объектов промышленной собственности путем установления режима коммерческой тайны, законодательно они являются взаимоисключающими способами правовой охраны.

Слабая развитость института патентования может стать одним из факторов, тормозящих научно-техническое и экономическое развитие нашей страны, поэтому необходимо уделять большое внимание решению проблем в данной области.

Список литературы / References

1. Глазьев С. Ю. Белая книга. Экономические реформы в России 1991 – 2001 гг. / С. Ю. Глазьев, С. Г. Кара-Мурза, С. А. Батчиков. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. – С.48
2. Отчет о деятельности Роспатента за 2014 год [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). - URL: http://www.rupto.ru/about/reports/2014_1#1.9 (дата обращения: 16.01.2016).
3. U.S. Patent Statistics Chart Calendar Years 1963 - 2014 (Статистика по выдаче патентов в США за 1963 – 2014 год) [Электронный ресурс] // U.S. Patent and Trademark Office (Ведомство по патентам и товарным знакам США). - URL: http://www.uspto.gov/web/offices/ac/ido/oeip/taf/us_stat.htm (дата обращения: 16.01.2016).
4. Результаты рассмотрения арбитражными судами и судами общей юрисдикции судебных дел с участием Роспатента и ФГУ ФИПС за 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). - URL: <http://www.rupto.ru/activities/case/result> (дата обращения: 16.01.2016).
5. Статистика действующих охранных документов [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). - URL: http://www.rupto.ru/about/stat/stat_doc (дата обращения: 16.01.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Glaz'ev S. Ju. Belaja kniga. Jekonomicheskie reformy v Rossii 1991 – 2001 gg. [White paper. Economic reform in Russia 1991-2001] / S. Ju. Glaz'ev, S. G. Kara-Murza, S. A. Batchikov. – М.: Jeksmo: Algoritm, 2003. – P.368. [in Russian]
2. Otchet o dejatel'nosti Rospatenta za 2014 god [The report of activity of Rospatent for 2014] [Electronic resource] // Oficial'nyj Internet-sajt Federal'noj sluzhby po intellektual'noj sobstvennosti (Rospatent). – URL: http://www.rupto.ru/about/reports/2014_1#1.9 (accessed: 16.01.2016). [in Russian]
3. U.S. Patent Statistics Chart Calendar Years 1963 - 2014 (Statistika po vydache patentov v SShA za 1963 – 2014 god) [Electronic resource] // U.S. Patent and Trademark Office (Vedomstvo po patentam i tovarnym znakam SShA). URL: http://www.uspto.gov/web/offices/ac/ido/oeip/taf/us_stat.htm (accessed: 16.01.2016). [in Russian]
4. Rezul'taty rassmotrenija arbitrazhnyimi sudami i sudami obshhej jurisdikcii sudebnyh del s uchastiem Rospatenta i FGU FIPS za 2009 g. [The results of consideration by arbitration courts and courts of General jurisdiction court cases involving Rospatent and FGU FIPS in 2009] [Electronic resource] // Oficial'nyj Internet-sajt Federal'noj sluzhby po intellektual'noj sobstvennosti (Rospatent). - URL: <http://www.rupto.ru/activities/case/result> (accessed: 16.01.2016). [in Russian]
5. Statistika dejstvujushhih ohrannyh dokumentov [Statistics existing security documents] [Electronic resource]// Oficial'nyj Internet-sajt Federal'noj sluzhby po intellektual'noj sobstvennosti (Rospatent). - URL: http://www.rupto.ru/about/stat/stat_doc (accessed: 16.01.2016). [in Russian]

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в систему **OpenAIRE**.

OpenAIRE — европейская поисковая система по академическим материалам открытого доступа. Один из главнейших репозиториев научной информации в Европейском Союзе. Данная база позволяет увеличить цитируемость Ваших материалов в Европе.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.070

Жариков А.А.

ORCID: 0000-0001-5647-1627, Кандидат юридических наук,

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ЗАЩИТА ИДЕИ ПРАВОПОРЯДКА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию взглядов представителей либеральной мысли в дореволюционной России на идею правопорядка. Анализируется периодизация идей либерализма в России. Исследуется правительственный, консервативный и социальный либерализм в условиях становления буржуазных отношений в России. На основе особенностей каждого этапа проводится формальный и сравнительный анализ содержания соответствующих философско-правовых взглядов мыслителей того времени. Особое внимание уделено отношению философов права к идее правопорядка, в частности, сторонника консервативного либерализма Б.Н. Чичерина, а также представителей социального либерализма С.А. Муромцева и Н.М. Коркунова.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, либерализм, философия права, правовой порядок.

Zharikov A.A.

ORCID: 0000-0001-5647-1627, PhD in Law,

North-Western Institute (branch) of the Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (Moscow State Law Academy)

IDEA OF THE LEGAL ORDER PROTECTION BY THE REPRESENTATIVES OF THE LIBERAL PHILOSOPHY OF LAW IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Abstract

The article is devoted to the study by the liberal thought representatives in pre-revolutionary Russia the idea of the legal order. Analyzes the periodization of the ideas of liberalism in Russia. Investigates the governmental, conservative, and social liberalism in the formation of bourgeois relations in Russia. Based on the characteristics of each stage is carried out formal and comparative analysis of the content of the relevant philosophical law views of the thinkers of that time. Special attention is paid to respect by the philosophers of law to the idea of the legal order, in particular, a supporter of the conservative liberalism B. N. Chicherin, as well as representatives of social liberalism S. A. Muromtsev and N.M.Korkunov.

Keywords: pre-revolutionary Russia, liberalism, philosophy of law, legal order.

Либерализм как один из традиционных образов русской общественной мысли, был обусловлен зарождением буржуазных отношений в России XVIII – XIX веков. Все сторонники либерализма принимали во внимание как очевидный социальный факт – отсутствие в России на протяжении ее истории цивилизованного правопорядка.

Развитие русского либерализма характеризуется тремя периодами. Первый период в эпоху правления Екатерины II и Александра I – официальный либерализм, идущий «сверху» – отражавший идеи просвещения и их влияние на монархию, закончился восстанием декабристов. Второй период – консервативный либерализм (соединивший сущности либерализма и консерватизма) породил земские и буржуазные либеральные процессы. Идеейными представителями этого периода стали К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, П.Б. Струве, С.Л. Франк и др. Третий период – социальный либерализм в начале XX века (интегрировавший ценности либерализма и социал-демократии) декларировал стремление гарантировать всем «права на достойные условия жизни». Поддерживали такой подход П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, С.И. Гессен, М.М. Ковалевский, Л.А. Петражицкий, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов и др. [1]

Б.Н. Чичерин утверждал, что главное в духовности человека – это свобода, качественная характеристика разума и сознания людей. Первичные естественные основы, отражаются в психике и воплощаются в поведении. Важнейшим этапом в поступательном развитии отношений в государственно организованном обществе является признание индивида свободной личностью; это знаменует тот этап, при котором общественный и правовой порядок приобретают подлинно человеческие характеристики [2].

Чичерин определял границы порядка и свободы мерой права и закона. Для него «закон правды» и «закон любви» различны. Закон правды обязывает к справедливому распределению результатов поведения каждого лица, но закон любви основывается на способности человека пойти на самопожертвование в интересах другого. Закон любви отличается от закона правды добровольностью и самостоятельностью. Подтверждением игнорирования закона любви – служит коммунизм как идеология принудительного равенства, отрицающая человеческое достоинство и ведущая к фактическому порабощению человека [3].

К сожалению, отстаивая некоторые положения, Б.Н. Чичерин входил в противоречия с исходными началами своей концепции, полагая, что верховная власть имеет право в случаях крайней нужды нарушать законы во имя общего блага, начала изменчивого, подверженного колебаниям [4].

С.Л. Франк считал необходимым в общественных отношениях нацеливаться на достижение равновесия между консерватизмом и животворной силой духа человека. Франк видел состояние общественного порядка как функциональную производную от нравственного уровня людей составляющих общество [1]. Особенным признаком консервативного либерализма провозглашалось служение государства и власти не только нормам права и писаному закону, но и христианской нравственности (определяющему началу подлинной – внутренней свободы).

Теория права С.А. Муромцева служит ярким образцом «социологического позитивизма» в правоведении, базирующемся на основании философских взглядов О. Конта и Г. Спенсера в противостоянии с формализованными идеями «юридического позитивизма». Одним из первых, опережая западную правовую мысль Муромцев,

провозгласил и обосновал социологический подход к изучению права на основе функционально-сравнительной методологии. Исследователь, пользуясь социологическим правопониманием, предпринял попытку обосновать необходимость судебного правотворчества позволяющего постепенно двигаться от режима абсолютной власти к либеральному правовому порядку. Им сформулировано общетеоретическое определение права как реального правопорядка [3]. В этом понимании права как урегулированных правовых отношений, как сложившегося в обществе правового порядка проявляется научная новизна социологической концепции философа права, при этом юридические нормы рассматриваются не как первичный элемент права, а как соответствующий атрибут правопорядка. Такой подход в отечественной юриспруденции служил пропаганде представлений о первопричинах права как сущностей не связанных с волей представителей высшей власти.

С.А. Муромцева полагал, что право – является организованной защитой, потому что в возможности принудительной защиты лежит главное, основное и существенное свойство права. Муромцев проповедовал эволюционное развитие общества, требовал открыть народу путь к участию в делах страны и облекать каждое отдельное отправление государственной жизни в строгие рамки порядка. Поиск новых подходов к решению задач, стоящих перед обществом, подтолкнули С.А. Муромцева к созданию еженедельной газеты «Порядок», где он развивал мысль, что «все государство в его целом как известный порядок жизни должно быть облечено в строгие рамки правил. Прделанная С.А. Муромцевым работа сказала на избрании его председателем первой Государственной думы [4].

Н.М. Коркунов определял право, как устойчивый общественный порядок. Он исходил из парадигмы, что чрезмерное гипертрофированное развитие той или иной составляющей жизни общества ведет к угасанию других составляющих общества, поэтому подчеркивал необходимость сохранения в целостности всех частей. Действенным средством, способствующим взаимодействию различных элементов общества, служит право. Благодаря наличию у права координирующей функции в обществе достигается порядок [3].

Роль и влияние права проявляется в осознании его членами социума в качестве необходимого порядка общественных отношений. Следовательно, право проявляется не в объективном требовании подчинения индивида обществу, но в личностном понимании самого субъекта о должествующем порядке общественных отношений.

Однако, общественная роль права заключается не только в том, что оно предоставляет возможность совместного бытия индивидов, совмещая возможности их поведения, но, главное, право служит решающим фактором прогресса общества [5].

Уже после Октябрьской революции один из идеологов евразийства, бывший до революции либералом, Н.Н. Алексеев в своей работе «Основы философии права» сформулировал вывод о необходимости определения эффективных направлений и инструментов для успешного достижения лучшего по содержанию и форме правового порядка, вместо составления итоговой формулы совершенства общества.

Размышляя об этом, он ссылаясь на талантливого мыслителя И.А. Ильина, начинавшего также как либерал. Ильин утверждал, что право и государство проявляются в субъекте права, в его душе и духе. Причем субъект права это не столько термин, сколько духовно организованная душа. Подлинный субъект права обладает способностями проявлять чувства, желания и мысли в связи с предметной целью права и государства, распространяя эти свои духовные интенции, как на само право, так и на государство (вкуче с государственной властью) – служащих истинными и надежными подходами к этой предметной цели [6].

Н.Н. Алексеев считал, что становление образцового правового состояния может быть лишь при выявлении истинных ценностей охраняемых каждым правопорядком, правильного учета их взаимодействия и иерархии. Необходимо опыт духовного познания претворить в общедоступный опыт, учитывая при этом исторические условия.

Результатом такого опыта правопорядка станет справедливый правопорядок. Правопорядок, воплощающий справедливость, является единственно нормальным состоянием права.

Касаясь положительного права, Алексеев указывал, что система положительного права стремится к совершенству, при наличии совершенства правового субъекта, который правильно переживает и осуществляет правовой опыт и воплощает его результаты [6].

Таким образом, представители как консервативного, так и социального либерализма в дореволюционной России видели в защите правопорядка фундаментальное основание любой государственной власти, отмечая, что власть не должна нарушать наиболее важных прав граждан.

Список литературы / References

1. Гнатюк О.Л. Либерализм в России/О.Л.Гнатюк //Правоведение. – 1995. – № 6. – С. 86 – 95.
2. Чичерин Б.Н. Избранные труды/Б.Н. Чичерин. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. – 555с.
3. Русская философия права: философия веры и нравственности. – СПб.: Алетейя, 1997. –400 с.
4. История русской правовой мысли: биографии, документы, публикации. – М. : Изд-во Остожье, 1998. – 608 с.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права/Н.М.Коркунов. – СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2003. –430 с.
6. Алексеев Н.Н. Основы философии права/Н.Н. Алексеев. – СПб.: Юридический институт, 1998. – 216 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gnatyuk O. L. Liberalism v Rossii [Liberalism in Russia]/O. L. Gnatyuk//Pravovedenie [Jurisprudence]. – 1995. – No. 6. – P. 86 – 95. [in Russian]
2. Chicherin B. N. Izbrannyie trudy [Selected works]/B. N. Chicherin. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1997. – 555 P. [in Russian]
3. Russkaia filosofia prava: filosofia very i нравstvennosti [Russian philosophy of law: philosophy of faith and morals]. – SPb.: Aletheia, 1997. – 400 P. [in Russian]
4. Istorია russkoy pravovoy misli [The history of russian legal thought: biographies, documents, publications]. – М. : Izd-vo Ostozhie, 1998. – 608 P. [in Russian]

5. Korkunov N. M. Lektsii po obschey teorii prava [Lectures on the general theory of law] / N. M. Korkunov. – SPb.: Izd-vo Juridicheskij centr Press, 2003. – 430 P. [in Russian]

6. Alekseev N. N. Osnovy filosofii prava [Fundamentals of philosophy of law] / N. N. Alekseev. – SPb.: Juridicheskij institut, 1998. – 216 P. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.166

Чистанов Т.О.

Аспирант, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова;

**НЕЗАКОННЫЙ СБЫТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ И УСТРОЙСТВ**

Аннотация

Рассмотрены основные проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств в современной России. Целью исследования является рассмотрение поставленной проблемы и предложение эффективных мер противодействия незаконному обороту наркотиков, совершенному с использованием современных телекоммуникационных технологий. В результате проведенного исследования, были предложены меры борьбы путем внесения изменений в уголовное законодательство и создания специальных условий для правоохранительных органов.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, преступное сообщество, мобильные приложения.

Chistanov T.O.

Postgraduate, Khakas State University name of N.F. Katanov;

ILLEGAL SALE OF NARCOTICS THE USE OF TELECOMMUNICATION NETWORKS AND DEVICES

Abstract

The main problems related to drug trafficking with the use of telecommunication networks and devices in modern Russia. The aim of the study is to examine the proposal of the problem and effective measures against illicit drug trafficking, committed with the use of modern telecommunications technology. As a result of the study, it was proposed control measures by amending the criminal law and the establishment of special conditions for law enforcement.

Keywords: drug trafficking, information and telecommunications networks, the Internet, the criminal community, mobile applications.

В России, как и во всем мире, проблема незаконного оборота наркотиков стоит на особом контроле у государства. Но борьба с наркотиками ведется с переменным успехом и на сегодняшний день не в пользу правоохранительных органов. Как отмечается в Указе Президента РФ «О стратегии национальной безопасности РФ», к основным источникам угроз национальной безопасности относится «деятельность транснациональных преступных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ». [4] Таким образом, борьба с незаконным оборотом наркотиков отнесена к приоритетным направлениям деятельности государства.

С каждым годом все интенсивнее усиливается влияние научно-технического прогресса на повседневную жизнь граждан, особенно это проявляется в развитии информационно-телекоммуникационных сетей, различных мобильных приложений, появлении нового программного обеспечения и т.д. Это улучшает качество жизни, но в то же время и повышает эффективность в незаконной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств. Доступ к наркотикам значительно упрощен, любой человек, умеющий пользоваться компьютером, имеет возможность приобрести самые разные виды наркотиков не обладая при этом специальными знаниями и связями в преступной среде. Таким образом, под угрозой находятся не только наркоманы со стажем, но и подростки, решившие попробовать наркотики впервые. Человек, стремящийся к получению легких денег, может с легкостью вступить в ряды преступников. На сегодняшний день лицо наркодилера существенно изменилось, как правило, он представляет собой высокообразованного молодого человека, обладающего широкими познаниями в информационно-телекоммуникационной сфере, ранее не судимого.

Актуальность исследования подтверждается все более участившимися случаями незаконного оборота наркотиков с использованием телекоммуникационной сети Интернет и различных мобильных приложений, позволяющим преступникам в несколько раз увеличить объемы оборота и при этом оставаться вне поля зрения правоохранительных органов. Современные технологии позволяют организовывать незаконный оборот наркотиков на международном, федеральном и межрегиональном уровнях, поэтому организованный характер преступной деятельности в данной сфере осуществляется, как правило, в формах транснациональных организаций и межрегиональных преступных сообществ.

В соответствии с российским законодательством, сбыт наркотических средств, совершенный организованной группой с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей является квалифицирующим признаком в соответствии с п. Б ч. 2 и п. А ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, относится к категории особо тяжких преступлений. [3]

В настоящее время незаконный оборот наркотиков посредством сети Интернет совершается четко продуманными схемами преступной деятельности. Уровень профессионализма участников растет с каждым днем. Современные технологии позволяют полностью исключить встречу фигурантов сделки, а тем более с организатором, обеспечив тем самым бесконтактный способ распространения наркотиков. В связи с этим усложняется процесс проведения

оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на выявление фактов незаконного оборота наркотиков. Как правило, при таких схемах удается поймать и привлечь к уголовной ответственности лишь рядовых участников преступных групп - курьеров и закладчиков, а выявить организаторов на сегодняшний день практически невозможно, что обусловлено использованием участниками современных телекоммуникационных технологий и соблюдением мер конспирации, использования зашифрованных сетевых ресурсов, псевдонимов и кодовых слов. Например, классический способ сбыта наркотических средств на сегодня осуществляется путем оставления их в тайниках, так называемых «закладках», подразумевающий под собой организацию бесконтактного сбыта, когда координация действиями и обмен информацией соучастниками, а также с заказчиком осуществляется посредством телекоммуникационных сетей и мобильных приложений, таких как Telegram, Viber, WhatsApp, Jabber и т.д. Преступные сообщества, создаваемые с целью сбыта наркотических средств, посредством сети Интернет отличаются следующими ролями его участников:

1. Организатор — осуществляет руководство (координирующие функции) преступным сообществом по приобретению, производству, фасовке, сбыту наркотических средств, распределяет доходы, обеспечивает функционирование сетевых ресурсов сбыта, платежных инструментов.

2. Диспетчер — осуществляет функции приема заказов, передает информацию закладчикам и курьерам, информирует заказчиков о местонахождении тайников (закладок).

3. Специалист (хакер) — осуществляет функции по технической организации деятельности сетевых ресурсов преступного сообщества, обеспечивает меры конспирации его участников в сети Интернет и мобильных приложениях связи, а также при получении доходов на электронные и банковские счета.

4. Вербовщик — осуществляет функции по отысканию и вовлечению в преступную деятельность сообщества новых участников, как правило курьеров и закладчиков.

5. Курьер — осуществляет функции по фасовке, транспортировке наркотических средств и передачи их закладчику небольшими партиями.

6. Закладчик — осуществляет функции по созданию тайников «закладок» для заказчика и передает информацию диспетчеру.

Специфика иерархического построения данных преступных сообществ в большинстве случаев исключает личное знакомство его участников, а именно низших звеньев (курьер и закладчик) более высоких участников преступного сообщества. Использование сетевых ресурсов позволяет членам сообщества находиться на больших расстояниях друг от друга, в том числе и в разных странах, что, усложняет деятельность правоохранительных органов по установлению высших звеньев преступных сообществ в данной сфере.

В виду сложившейся сложной ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств необходимо предпринимать меры по контролю за деятельностью интернет-сервисов в сфере телекоммуникаций (Viber, WhatsApp, Telegram, Jabber и т.д.). Во всем мире разработчики мобильных приложений в сфере телекоммуникаций следуют современным тенденциям защиты передаваемой информации, сохранения приватности и невозможности попадания информации в публичный доступ. Правоохранительные органы не имеют возможности отслеживать координатные указания организаторов незаконного оборота, в свою очередь это затрудняет получение информации, которая на стадии предварительного и судебного следствия могла бы стать ключевым доказательством причастности лиц к преступной деятельности. Например, разработчики мессенджера WhatsApp используют технологию сквозного шифрования, которая не позволяет никому другому, включая компанию WhatsApp, прочитать отправленные сообщения. Еще более мощные алгоритмы защиты информации используются в мессенджере Telegram. Кроме шифрования мессенджер Telegram имеет функцию «секретного чата», сообщения в котором удаляются автоматически в зависимости от времени, установленного пользователем, на серверах Telegram переписка тоже не сохраняется. Таким образом, информация, передаваемая между соучастниками незаконного оборота наркотиков надежно защищена и недоступна для правоохранительных органов. Примером судебной практики, является приговор Кировского районного суда г. Омска, в соответствии с которым гр-н К. осужден за приготовление к незаконному сбыту наркотических средств, совершенное с использованием сети Интернет, группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере, вступив для этого в предварительный сговор с неустановленным лицом, занимающимся организацией незаконного сбыта наркотических средств посредством сети Интернет. [1] Исходя из установленных судом обстоятельств, гр-н К. работал «закладчиком» в составе организованной группы, все инструкции получал посредством сети Интернет от неустановленного лица, использующего псевдоним «Марк». Денежные средства за проделанную работу неустановленное лицо переводило посредством сети Интернет на QIWI-кошелек гр-на К. Таким образом, доказана причастность только закладчика, личность организатора не установлена.

Существует множество сайтов и страниц в социальных сетях, занимающихся продажей курительных смесей «Спайсов», синтетических наркотиков, так называемых «Соль», «Шоколад», различных реагентов и т. д., оборот которых запрещен на территории России. Правоохранительными органами предпринимаются меры по борьбе с такой формой сбыта, но зачастую, возникает множество трудностей. Основной из которых является контроль всех Интернет-ресурсов, занимающихся распространением наркотиков. Сотрудники МВД выявили около 9,5 тыс. интернет-сайтов, через которые преступные группы могли распространять наркотики, сообщил руководитель Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России Андрей Храпов. [5]

Одной из мер борьбы с распространением наркотиков в интернете является внесение вышеуказанных сайтов в реестр запрещенных Интернет-ресурсов. В свою очередь, создание сайта по распространению наркотиков не требует большого количества денежных средств и времени, поэтому с каждым днем появляются новые и потребуется немало времени для того, чтобы выявить их существование.

В соответствии с руководящим положением №16 «Руководства для правительств по предупреждению незаконной торговли через Интернет веществами, находящимися под международным контролем» Международный комитет по контролю над наркотиками «рекомендует правительствам постараться собрать информацию о незаконном обороте

наркотиков через Интернет, в том числе о незаконной торговле веществами, находящимися под международным контролем, и рассмотреть возможность создания соответствующих органов по контролю, таких как группы кибер патрулирования». [2]

В целях противодействия сбыту наркотических средств посредством сети Интернет и мобильных приложений связи необходим комплекс мер по оптимизации законодательства с учетом современных способов осуществления организованной преступной деятельности в данной сфере. Необходимо совершенствовать законодательство и усиливать контроль за его соблюдением в сфере телекоммуникационных сетей и мобильных приложений.

В первую очередь, в России необходимо изменить процедуры по созданию Интернет-ресурсов, а именно исключить такую возможность без регистрации достоверных персональных данных, что позволило бы правоохранительным органам идентифицировать личности преступников. В целом, это позволит исключить возможность создания анонимных сайтов, соединений, чатов и т. д., которые могут использоваться с целью незаконного оборота наркотиков.

Кроме этого, на международном уровне необходимо упростить процедуры межгосударственного сотрудничества правоохранительных органов, так как зачастую в преступных целях используются Интернет-ресурсы, находящиеся на территории других государств (США, страны Европы, Китай и т. д.). Крупные преступные организации по незаконному обороту наркотиков с использованием телекоммуникационных сетей, в своем большинстве носят транснациональный характер, вследствие этого возникают проблемы территориальной юрисдикции государств, в лице правоохранительных органов, по расследованию преступлений данной категории. Целесообразно создание межгосударственных комиссий по обмену значимой информацией и дальнейшему расследованию в отношении каждой, вновь выявленной преступной организации, осуществляющей незаконный оборот наркотиков, на территории данных государств.

Целесообразно создание подразделений кибер - патрулирования в системе органов МВД, с привлечением специалистов высочайшего уровня, для выявления и пресечения деятельности по незаконному обороту наркотиков в сети Интернет, анализа текущего состояния нарко - преступности в киберпространстве, идентификации лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков с использованием сети Интернет, путем отслеживания подозрительных денежных потоков и крипто валюты, а также почтовых и электронных отправок, выявления международного нарко - трафика. Кроме этого, уместна имплементация международного опыта борьбы по подрыву экономических основ нарко - преступности, а именно осуществление кибер атак на Интернет-ресурсы, осуществляющие незаконный оборот наркотиков, арест электронных счетов преступников, блокировка их серверов и т. д.

Таким образом, проблема незаконного сбыта наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств, требует деликатного и оперативного решения на законодательном уровне, разработки специальных методик выявления преступных организаций в данной сфере. Кроме этого, необходимо развивать международное сотрудничество по борьбе с транснациональными нарко - организациями.

Список литературы / References

1. Приговор суда № 1-133/2015 1-870/2014 от 10 февраля 2015 г. по делу № 1-133/2015. [Электронный ресурс] / Кировский районный суд г. Омска. - 2015. - URL: <http://sudact.ru/regular/doc/jYUv1KCBGuNH/> (дата обращения 14.10.2016).

2. Руководство для правительств по предупреждению незаконной торговли через Интернет веществами, находящимися под международным контролем. [Электронный ресурс] / МККН ООН. – 2009. – 10 с. – URL: <http://www.ifap.ru/library/book415.pdf> (дата обращения 14.10.2016)

3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон : [Принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.]. – М.: Эксмо, 2016 – 115 с.

4. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации №683. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: указы Президента: [утвержден Президентом 31 декабря 2015 г.]. – М.: Кодекс, 2016. – 12с.

5. Пресс – конференция руководителя ГУНК МВД России 27.09.2016 года. [Электронный ресурс] / Пресс-центр МВД России. – 2016. - URL: <http://izvestia.ru/news/634748#ixzz4MxdYk5an> (дата обращения: 12.10.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Prigovor suda № 1-133/2015 1-870/2014 ot 10 fevralja 2015 g. po delu № 1-133/2015. [The verdict of the court number 1-133 / 2015 1-870 / 2014 dated 10 February 2015, the case number 1-133 / 2015]. [Electronic resource] / Kirovsky District Court of Omsk. - 2015. - URL: <http://sudact.ru/regular/doc/jYUv1KCBGuNH/> (reference date 14/10/2016). [in Russian]

2. Rukovodstvo dlja pravitel'stv po preduprezhdeniju nezakonnoj trgovli cherez Internet veshhestvami, nahodjashhimisja pod mezhdunarodnym kontrolem [Guidelines for Governments on Preventing the Illegal Sale over the Internet of substances under international control]. [Electronic resource] / UN INCB. - 2009. - 10 p. - URL: <http://www.ifap.ru/library/book415.pdf> (accessed 10/14/2016). [in Russian]

3. Rossijskaja Federacija. Zakony. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii [Russian Federation. Laws. The Criminal Code of the Russian Federation: the fader. Law]: [adopted by the State. Duma on May 24, 1996 g. :. approve. Federation Council June 5, 1996]. - M. : Eksmo, 2016 - 115 p. [in Russian]

4. Rossijskaja Federacija. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii №683. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation №683. Russia's National Security Strategy]: President decrees: [approved by the President of December 31, 2015]. - M. : Code 2016 - 12c. [in Russian]

5. Press – konferencija rukovoditelja GUNK MVD Rossii 27.09.2016 goda [Press - conference of the head of the DGCPi Russian Interior Ministry 09/27/2016]. [Electronic resource] / URL: <http://izvestia.ru/news/634748#ixzz4MxdYk5an> (accessed: 12.10.2016). [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.238

Януш Е.В.

Преподаватель кафедры финансового и административного права
Юридического института Иркутского государственного университета

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЮРИДИЧЕСКИЕ УСЛУГИ» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ»

Аннотация

В работе рассматривается одна из актуальных проблем российского законодательства – множественность терминов, требующих унификации. Рассматривается соотношение понятий «юридические услуги» и «юридическая помощь», дана характеристика понятий, приведены критерии сравнения, дан перечень признаков присущих как обоим понятиям, так и каждому в отдельности. Обосновано суждение автора о том, что «юридические услуги» и «юридическая помощь» не являются не только синонимичными понятиями, но и имеют существенные различия.

Ключевые слова: государственная помощь, профессиональная деятельность, юридические услуги, юридическая помощь.

Ianush E.V.

Lecturer, Department of Financial and Administrative Law
Law Institute of Irkutsk State University

ON THE RELATIONS BETWEEN THE CONCEPTS OF "LEGAL SERVICES" AND "LEGAL AID"

Abstract

This paper considers one of the urgent issues of Russian law – the multiplicity of terms that require harmonization. Examines the relationship between the concepts of "legal services" and "legal aid", the characteristic of concepts the comparison criterion given a list of characteristics inherent in the concepts of both and each individually. Justified the judgment of the author that "legal services" and "legal aid" are not only synonymous concepts, but also have essential differences.

Keywords: state aid, professional activity, legal services, legal advice.

Современное российское законодательство не проводит различий между терминами «юридическая услуга» и «юридическая помощь». Это подтверждается и формулировками, применяемыми в Указаниях по заполнению в формах федерального статистического наблюдения показателя «Объем платных услуг населению» (утв. Приказом Росстата от 26.06.2013 N 234 «Об утверждении официальной статистической методологии формирования официальной статистической информации об объеме платных услуг населению в разрезе видов услуг», введены в действие с 1 января 2010 года).

В данном акте говорится, что юридическая помощь принадлежит к услугам *правового характера*. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее по тексту - закон об адвокатуре) установил, что адвокатская деятельность представляет собой именно квалифицированную юридическую помощь, которая оказывается сугубо на профессиональной основе и определенным перечнем субъектов - лицами, получившими статус адвоката. При этом адвокаты на практике оказывают как платные юридические услуги, так и участвуют в государственных программах по оказанию бесплатной юридической помощи населению. В ст. 128 Гражданского кодекса РФ указан такой объект права как оказание юридических **услуг, но ничего не сказано о помощи**. Возможно, отсутствие такого объекта как помощь объясняется тем, что законодатель предполагает эти понятия синонимичными и даже унифицирует их. В Указаниях также не делается разграничения понятий юридической помощи и правовых услуг, их считают либо, по крайней мере, равнозначными либо относят юридическую помощь к услугам правового характера.

Громаднейший объем действующих в Российской Федерации нормативных правовых актов изобилует множеством понятийных конструкций с использованием термина «помощь»[1], иногда заменяемого термином «поддержка»[2]. Следует отметить, что вопрос о тождестве и разнице вышеупомянутых понятий занимает умы не только юристов, но и медиков, ведь есть такая же путаница в понятиях «медицинская помощь» и «медицинская услуга». При этом важно отметить, что законодатель, чаще всего, при употреблении конструкции с понятием «помощь» ведет речь о государственной помощи, безвозмездной поддержке населения, т.е. об особом виде деятельности публичной власти, имеющей строго определенные, законно установленные границы и уровни обеспечения. Как правило, всё, что предоставляется в качестве безвозмездной помощи, поддержки определено четкими стандартами, будь то стандарты качества, объема, порядка оказания помощи, как это имеет место при оказании медицинской помощи. Помощь, поддержка осуществляются только в предусмотренных законом формах и исключительно для достижения и закрепления стабильного состояния общественных отношений.

Реализация государственной помощи вызывает к жизни специфичное правоотношение, одним из участников которого *выступает субъект*, нуждающийся в помощи, субъект, не имеющий возможности иным способом разрешить свою проблему. И с точки зрения этого субъекта государственная помощь требуется тогда, когда он самостоятельно не может справиться с воздействием неблагоприятных факторов, способных причинить вред его жизни, законным интересам. При обращении за такой помощью, граждане осознают, что исход дела зависит, прежде всего, от наличия у противоположной стороны - субъекта оказания помощи специальных познаний, уровня квалификации. Поэтому учитывая специфику возникшего спора, например, о гражданском праве, субъекты охотнее доверяют разрешение спора лицу, имеющему юридическое образование и (желательно) соответствующую специализацию. Однако, и к нашему сожалению, здесь следует констатировать две проблемы: 1) гражданам сложно определить квалификацию субъекта оказания помощи, в силу отсутствия у них специальных познаний; 2) у граждан фактически отсутствует право выбора субъекта оказания помощи, поэтому граждане вынуждены соглашаться и принимать такую помощь, которая по силе субъекту её оказания. И совершенно не важно о какой помощи мы

говорим: медицинской, юридической, социальной, на наш взгляд четкая дифференциация понятий «помощь» и «услуга» важна во всех вышеперечисленных ситуациях.

Таким образом, следует констатировать, что имеет место родовое понятие – «государственная помощь», а такие понятия как «юридическая помощь», «медицинская помощь», «социальная помощь» являются её разновидностями и, следовательно, служат видовыми понятиями.

Для более четкого, наглядного разграничения понятий «помощь» и «услуга» безотносительно какой-либо сферы её оказания, следует определить признаки помощи.

Все признаки «помощи» можно подразделить на группы:

1. Признаки, характеризующие основания для возникновения потребности в «помощи» (эти признаки применимы и для «услуг»): а) наличие негативных факторов; б) наличие вредного воздействия этих факторов; в) наступление вредных, негативных последствий.

2. Признаки, характеризующие порядок и сущность «помощи»: а) наличие специалиста, обладающего профессиональными знаниями, навыками, умениями; б) воспроизводство активной профессиональной деятельности по сбору информации, анализу ситуации, определению приемов, средств, способов в целях предотвращения или минимизации последствий воздействия негативных факторов; в) активное взаимодействие гражданина и субъекта оказания помощи (гражданин предоставляет всю информацию, которую считает относящейся к делу, а субъект оказания помощи помогает правильно определить полноту этой информации); г) наличие определенной, зачастую законодательно рекомендованной формы согласия (соглашения) на оказание помощи, в силу чего, по сути, у граждан есть всего два варианта: принять помощь на предложенных условиях либо отказаться от ее принятия то есть имеет место договор присоединения; д) физическая, материальная, моральная и иная жертвенность при оказании помощи[3].

Отличительными признаками «услуги», характеризующими ее сущность, на наш взгляд, являются: а) реальная способность граждан участвовать в определении объема, качества и порядка предоставления услуги, а также, являясь субъектом экономических отношений (возможно и не подозревая об этом) участие в определении ее цены; б) безусловно, граждане не могут навскидку определить потребительскую стоимость услуги, но могут выбирать субъект оказания услуги исходя из своих материальных возможностей. Если, например, покупатель приобретает продукты питания или автомобиль, то в большинстве случаев он может самостоятельно оценить потребительную стоимость этих товаров. Потребительная стоимость юридической услуги для граждан – категория туманная; в) граждане, а зачастую и сами юристы, не задумываются над тем, что юридическая услуга – это экономический термин, равно как и о том, что качественная юридическая помощь должна осуществляться в рамках определенного стандарта. Получая от юриста, субъекта оказания услуги, первоначальную информацию по своему делу (о возможных вариантах решения проблемы, о трудозатратах, материальных затратах, рисках) каждый гражданин решает для себя готов ли он рисковать, заплатить больше, чтобы снизить риски и пр. Отсюда, понимание о качестве юридической услуги определяется соотношением затрат и результата.

В свою очередь, А.И. Муранов, Т.И. Ильина, Г.К. Шаров отмечают, что эти понятия не имеют различий. Другие российские адвокаты придерживаются иного подхода относительно данных понятий, считая необходимым противопоставлять юридическую помощь юридическим услугам. В литературе прослеживаются попытки теоретического обоснования такого положения. Изучением правового института юридической помощи занимались многие авторы, например М.В. Кратенко, А.С. Плетень, О.Н. Бондарь, В.Ю. Панченко, К.Е. Михайленко, Р.Г. Мельниченко и другие. К.Е. Михайленко рассматривает юридическую помощь в качестве вида содействия, поддержки со стороны органов публичной власти и юристов. Это одна из черт юридической помощи, которая возникает на основе конституционной нормы и имеет правоохранительный и правообеспечительный характер. Д.В. Музюкин называет одной из черт юридической помощи отсутствие коммерческой направленности или отсутствие определяющего значения данной составляющей. Как он пишет в своей работе, «юридическая помощь не является объектом гражданских прав, не обладает товарной формой и меновой стоимостью. Действительно, в экономическом обороте находится поименованный законом объект – оказание юридических услуг. Удовлетворяя объективно существующие интересы и потребности, услуга, в отличие от помощи, носит в первую очередь коммерческий характер»[4]. Очевидно, «юридическая помощь» (должна рассматриваться как добровольное участие в чьей-нибудь работе, направленное на ее облегчение, содействие кому-нибудь; поддержка) представляет собой более широкое понятие, чем «юридические услуги», и включает его в свое содержание; юридическая помощь выше юридических услуг, как причина выше следствия. Поэтому, адвокат оказывает именно юридическую помощь своему доверителю, но данная помощь в подавляющем большинстве случаев несет правовую нагрузку юридической услуги возмездного характера. Как справедливо замечает Г.М. Резник, «...адвокаты работают за деньги. Почему? Потому что адвокаты – это само занятые специалисты, они ни копейки от государства не получают. Исключая защиту по назначению – обременение, которое накладывается на адвокатскую структуру исторически...»[5]. А.А. Салчак, рассматривающий различие юридических услуг и юридической помощи отмечает: «...юридические услуги - это объект гражданско-правовых отношений, и нормы, регламентирующие оказание юридических услуг, составляют гражданско-правовой институт. Предоставление юридической помощи находится в сфере конституционных, социальных правоотношений»[6]. Обратим внимание на тот факт, что право на получение квалифицированной юридической помощи гарантируется каждому человеку. Ю.В. Романец характеризует юридические услуги как «юридически значимые действия, то есть действия, влекущие за собой возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей»[7]. Однако на практике оказание юридических услуг часто не связано с совершением юридически значимых действий, например проведением переговоров, юридическими консультациями. Таким образом, учитывая, что юридические услуги могут представлять как фактические, так и юридические действия, а также их комбинации, следует признать, что данное понятие не охватывает весь спектр рассматриваемого явления.

Обобщая изложенное, можно сформулировать определение понятия «помощь» – это деятельность, направленная на предупреждение, минимизацию либо ликвидацию неблагоприятных последствий, а также вредоносных для отдельного субъекта факторов.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы: 1) юридическая услуга и юридическая помощь в регулировании общественных отношений различны по правовой природе; 2) юридическую помощь оказывает специально уполномоченный субъект, которым является адвокат, а юридические услуги, согласно положениям гражданского процессуального законодательства, дееспособные лица; 3) оказание услуг, в том числе и юридических, является объектом гражданского права; 4) юридическая услуга имеет коммерческий характер, юридическая помощь – социальный; 5) юридическая помощь проявляет в себе публичный интерес, а юридическая услуга – публично-правовое значение.

Примечания:

1. О государственной социальной помощи : федер. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3699 ; О психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании : закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. №33.Ст. 1913.

2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 256-ФЗ (с изм. от 14.12.2015) // Собр. законодательства РФ. 2007. N 1 (часть I). Ст. 19.

3. Легальное определение государственной помощи содержится в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31.(Ч. 1). Ст. 3434, согласно которому под государственной или муниципальной помощью понимается «предоставление федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями преимуществ, которое обеспечивает отдельным хозяйствующим субъектам по сравнению с другими участниками рынка (потенциальными участниками рынка) более выгодные условия деятельности на соответствующем товарном рынке, путем передачи имущества и (или) иных объектов гражданских прав, прав доступа к информации в приоритетном порядке» Между тем, подобное определение государственной помощи является весьма узким, не отражает все аспекты явления и может быть использовано только для целей указанного Федерального закона.

4. Музюкин Д.В. Правовое обеспечение рынка юридических услуг : дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2007. С. 25.

5. Резник Г.М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. № 4. С. 25.

6. Салчак А.А. Договор об оказании юридических услуг: особенности гражданско-правовой ответственности его участников : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 77.

7. Романец Ю.В. Общая характеристика договоров оказания юридических услуг (поручение, комиссия, агентирование) // Законодательство. 2001. № 4. С. 38.

Список литературы / References

1. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 256-ФЗ (с изм. от 14.12.2015) // Собр. законодательства РФ. – 2007. – N 1 (часть I). – Ст. 19.

2. О государственной социальной помощи : федер. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ // Собр. законодательства РФ. - 1999. - № 29. - Ст. 3699.

3. О психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании : закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 // Ведомости Съезда Народных Депутатов РФ и Верховного Совета РФ. - 1992. - № 33. – Ст. 1913.

4. Музюкин Д. В. Правовое обеспечение рынка юридических услуг : дис. ... канд. юрид. наук / Музюкин Денис Викторович. - Новосибирск, 2007. - 190 с.

5. Резник Г. М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» / Г. М. Резник // Адвокат. - 2007. - № 4. - С. 25-27.

6. Романец Ю. В. Общая характеристика договоров оказания юридических услуг (поручение, комиссия, агентирование) / Ю. В. Романец // Законодательство. - 2001. - № 4. - С. 38-41.

7. Салчак А. А. Договор об оказании юридических услуг: особенности гражданско-правовой ответственности его участников : дис. ... канд. юрид. наук / Салчак А. А. - М., 2006. - 197 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. O dopolnitel'nyh merah gosudarstvennoj podderzhki semej, imejushhih detej : feder. zakon ot 29 dek. 2006 g. № 256-FZ (s izm. ot 14.12.2015) [On additional measures of state support for families with children: fader. Law of 29 December. 2006 № 256-FL(rev. On 12.14.2015)] // Sobr. zakonodatel'stva RF [Collection of Legislative Acts of the Russian Federation]. – 2007. – N 1 (part I). – St. 19. [in Russian]

2. O gosudarstvennoj social'noj pomoshhi : feder. zakon ot 17 ijulja 1999 g. № 178-FZ [On state social assistance: fader. Law of 17 July 1999 № 178-FL] // Sobr. zakonodatel'stva RF [Collection of Legislative Acts of the Russian Federation]. - 1999. - № 29. - St. 3699. [in Russian]

3. O psihiatricheskoj pomoshhi i garantii prav grazhdan pri ee okazanii : zakon Rossijskoj Federacii ot 2 ijulja 1992 g. № 3185-1 [On psychiatric care and guarantees of citizens' rights in its provision: the Russian Federation Act of 2 July 1992 number 3185-1] // Vedomosti S#ezda Narodnyh Deputatov RF i Verhovnogo Soveta RF [Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation]. - 1992. - № 33. – St. 1913. [in Russian]

4. Muzjukin D. V. Pravovoe obespechenie rynka juridicheskikh uslug : dis. ... kand. jurid. Nauk [Legal provision of legal services market: dis. ... PhD in Law] / Muzjukin Denis Viktorovich. - Novosibirsk, 2007. - 190 p. [in Russian]

5. Reznik G. M. K voprosu o konstitucionnom soderzhanii ponjatija «kvalificirovannaja juridicheskaja pomoshh'» [To the question of the constitutional content of the concept of "qualified legal assistance"] / G. M. Reznik // Advokat [Lawyer]. - 2007. – № 4. - P. 25-27. [in Russian]

6. Romanec Ju. V. Obshhaja harakteristika dogovorov okazaniya juridicheskikh uslug (poruchenie, komissija, agentirovanie) [General characteristics of contracts for legal services (commission, committee, agency)] / Ju. V. Romanec // Zakonodatel'stvo [Legislation]. - 2001. - № 4. - P. 38-41. [in Russian]

7. Salchak A. A. Dogovor ob okazanii juridicheskikh uslug: osobennosti grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti ego uchastnikov : dis. ... kand. jurid. nauk [Contract for the provision of legal services: features of civil liability of its members: dis. ... PhD in Law] / Salchak A. A. - M., 2006. - 197 p. [in Russian]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.082

Винокурова Л.И.

Кандидат исторических наук,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН, г. Якутск
**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ АРКТИЧЕСКИХ СЕЛ ЯКУТИИ В ЛОКАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ:
1960 – 1970-е ГОДЫ**

Аннотация

В статье рассматриваются локальные источники по истории сельских поселений арктических улусов (районов) Якутии периода 1960-х – 1970-х годов. Отмечается специфический региональный дефицит документальных источников, в свете которого подчеркивается ресурсная ценность выявленных устных источников по истории повседневности арктических сел. В частности, выявленные источники отражают региональные характеристики феномена советской идентичности. Актуализируется включение новых источников в научный дискурс сельской истории Арктики.

Ключевые слова: социальная история, история повседневной жизни, советская повседневность, сельская Якутия, Арктика.

Vinokurova L.I.

PhD in History, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the RAS, Yakutsk

EVERYDAY LIFE OF ARCTIC RURAL SETTLEMENTS OF YAKUTIA IN LOCAL SOURCES: 1960 – 1970s

Abstract

The article considers local sources on the history of the rural settlements in the Arctic ulusy (districts) of Yakutia in 1960 - 1970s. In the light of regional shortage of documentary sources the resource value of the revealed oral sources is underlined. In particular, local sources reflect regional manifestation of the phenomenon of Soviet identity. Inclusion of new sources in a scientific discourse of rural history of the Arctic is staticized.

Keywords: social history, everyday life history, soviet everyday life, rural Yakutia, the Arctic

Исследования по истории повседневности являются активно развивающимся направлением в российской науке, где советская повседневность является одной из наиболее привлекательных тем, разработанных в самых разных ракурсах и в различных хронологических рамках. Следует признать, что в существующей историографии преобладают труды, обращенные на крупные историко-культурные области центра страны и на эпохи, оставившие заметный след в общенациональном развитии. Если по некоторым российским провинциям есть отдельные исследования, то на материалах Якутии на региональном или локальном уровнях работ практически нет.

Исторические, экономические и социологические труды по Якутии содержат ценный корпус аналитического материала по советскому периоду. Но в них не ставилась задача освещения истории советской повседневности, даже в контексте общих социальных аспектов. Сельская жизнь 1960 – 1970-х гг. с ее повседневными реалиями включалась в предмет обобщающих историко-социологических изысканий, а также присутствовала в качестве социального «фона» в работах по аграрной истории [1,2]. Но в этих работах тема сельской повседневности специально не обозначалась. В целом вопросы истории советской повседневности в Якутии только недавно стали затрагиваться в региональных исследованиях.

В изучении истории советской повседневности используются различные источники: неопубликованные архивные материалы и опубликованные документальные тексты, фото- и видеодокументы в сочетании с вещественными артефактами исследуемой эпохи. Востребованы государственные и частные музейные коллекции, зафиксированные нарративы, ресурсы кино и художественной литературы. Сразу отметим, что при изучении повседневности в разных этнокультурных районах Якутии, указанные группы источников представлены неоднородно, соответственно, не могут быть задействованы в равной мере.

С учетом активизации всех возможных источников, нужно признать, что в обследованных нами арктических сельских поселениях особенно скудно с письменными документами периода 1960-х годов. Так, удалось обнаружить только единичные частные письма, почтовые поздравительные открытки, в то же время дневниковых записей или коллекций переписки практически нет. И в архивах в соответствующих фондах республиканских ведомств практически не встречаются письма и обращения из арктической сельской глубинки. Отметим, что в массиве подобных документов 1960-1970-х гг. частного происхождения преобладают корреспонденты из поселений

городского типа. Крайне мало сохранились и фотодокументы повседневной жизни в районах сельской Арктики. Даже в более поздние 1970-е гг. фотографии в частных архивах – это в основном фото на документы, одиночные, парные или семейные снимки «по особому случаю». В архивах районных учреждений также преобладают фото постановочного характера: передовики производства, официальные мероприятия, встречи с руководством на производстве и т.п.

В этом свете особое внимание было уделено сельским устным историям, в первую очередь, историям жизни (life stories) и глубинным интервью со старожилами северных сел Якутии. Обращение к подобным устным текстам как источнику апробировано в науке давно, в нашем исследовании ставилась задача путем перекрестного их анализа с документальными свидетельствами высветить реалии сельской повседневности изучаемого периода. Одновременно фиксировались данные о социальной идентичности и самочувствии на уровне повседневности в локальных сообществах сельской Арктики на полевых материалах по Булуанскому и Верхоянскому улусам республики[3]. Используются также интервью с уроженцами Усть-Янского и Нижнеколымского улусов, записанные в разное время.

Изученные материалы были сгруппированы по следующим признакам: факты и события, свидетельствующие о качестве жизни; оценочная информация о содержании и мотивации труда; характеристики личностного самоощущения в сельских социумах Арктики. Наибольший интерес вызвали две последние группы, т.к. первая в основном дополняла социально-экономическую базу повседневной жизни, в общих чертах реконструируемую по опубликованным и архивным источникам.

Основное содержание историй жизни включает сюжеты о работе, с обязательным упоминанием финансового, материального улучшения условий жизни после реорганизации колхозов в совхозы. Так, типичны высказывания: «в совхозах зарплата была больше, стало возможно для простого человека съездить на курорт, купить себе любую вещь в сельпо»[3]. При этом информанты не упоминают о значительных организационных и финансовых трудностях северных совхозов в 1960 – 1970-е гг.

В изучаемый период удельный вес русского и другого славянского населения в национальной структуре республики превысил долю коренных народов, в арктических малолюдных улусах соотношение изменилось в разы. Но сельское коренное население было занято преимущественно в традиционных отраслях хозяйства. Именно такое этническое разделение труда отражено в повествованиях информантов, вспоминающих свой труд в оленеводстве и промыслах. В них мигранты изучаемого периода чаще всего упоминаются в качестве или неожиданных конкурентов на промысловых участках, или партнеров по негласному советскому «бартеру»: услуги транспорта, бензин в обмен на натуральные продукты.

Содержание интервью и воспоминаний лиц пожилого возраста отражают канву общей советской истории. Личные истории уроженцев арктических сел – представителей малочисленных народов Севера и якутов, наполнены воспоминаниями о военном и послевоенном детстве, о годах работы в колхозе и совхозе, размышлениями о недавних и текущих событиях в республике и стране. Во многом эти истории сравнимы с результатами исследований в селах центральной и южной Якутии. Но очевидно и воздействие на повседневность специфики расселения и этнокультурных особенностей хозяйственных занятий: кочевания как образа жизни, последствий перевода на оседлость, дороговизны и сложности функционирования социальной инфраструктуры в Арктике.

Удивительно наличие в устных историях такой «северной» особенности как относительное нивелирование локальной, родовой идентичности в самоидентификации сельского коренного населения по сравнению с ранее исследованными сельскими общинами. Так, в южных и центральных районах в охваченных малых селах якутов-скотоводов и земледельцев отмечалась четкая локальная самоидентификация, «привязка» к исторической родовой местности. В социальной памяти информантов из арктических сел более выражены элементы регионального сознания – в интервью и неформальных беседах обозначается личная сопричастность к общему вкладу: «я был среди лучших охотников республики», «республика давала валютную пушнину» и т.д.; часто используются понятия «советский народ» и «наша страна»[3]. Постоянным лейтмотивом выступает идея, что труд был занятием уважаемым, престижным. С большим пиететом и в деталях ретранслируются достижения знаменитых оленеводов, промысловиков и табунщиков. В семьях бережно хранятся памятные знаки победителей соцсоревнования, почетные грамоты и благодарности за труд при социализме.

И это, на наш взгляд, объясняет указанное выше забвение трудностей и недостатков в оленеводческих и промысловых совхозах в период 1960-1970-х гг. Кроме известного специалистам ностальгического флера, здесь кроется четко выраженная позитивная оценка социальной сферы того времени. В объемных по содержанию и времени изложениях откровениях информантов явно просматривается субъективное «взвешивание прошлого». При этом позитивная оценка социального содержания перевешивает объективные негативы прошлого. Устные истории насыщены не только репликами типа «мы были уверены в своем будущем и будущем детей», «медицина и образование были бесплатными», но и суждениями «у нас была великая родина», «мы гордились своей страной» и «нас уважали в мире»[3].

Следует указать, что сегодня вне научного дискурса истории сельской повседневности в Якутии еще остаются разные источники. Так, практически не востребован сельский фольклор на языках коренных народов; опыт нашего обращения обнаружил его информативность, в частности, в аспектах взаимоотношений рядовых сельских жителей с официальной властью. Также перспективным направлением может стать выявление и анализ сельских устных текстов в художественных произведениях. Сельская повседневность изучаемого периода отражена, в первую очередь, в массиве якутоязычных литературных рефлексий. Они содержат персонифицированный социальный опыт выходцев именно из сельской местности, поэтому представляют прямой интерес для изучающих историю сельской повседневности. Нами выявлено отражение в художественных произведениях типичных сельских устных источников, когда сюжеты опираются на узнаваемый местный фольклор, родовые и семейные истории периода социализма.

Отдельный почти невостребованный источник по истории повседневности не только сельской, но и всей Арктики – это художественная и мемуарная литература на русском языке, изданная в разное время лицами с опытом

жизни на Якутском Севере. В целом же работа с источниками по истории сельской повседневности требует комплексного и компаративного их анализа с хронологически совпадающими источниками различного происхождения. В случае с малонаселенными арктическими селами Якутии с их разбросанностью на большой территории, с характерным для них отсутствием репрезентативных семейных эпистолярных и фотоархивов – дорог каждый информативный источник. Исследования относительно недавнего советского прошлого в аспектах повседневной жизнедеятельности коренного сельского населения Якутии, безусловно, являются частью реконструкции исторического прошлого Российской Арктики.

Список литературы/ References

1. Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР/ И.А. Аргунов. – Якутск: Кн. *изд-во, 1988. – 232 с.
2. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1946-1970 гг.) / С.И. Ковлеков. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 200 с.
3. Полевые материалы автора за 2007, 2010, 2014 гг. по Булунскому, Усть-Янскому и Верхоянскому улусам Республики Саха(Якутия).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Argunov I.A. Sosialnaya sfera obraza zhizny v Yakutskoy ASSR [Social sphere of a lifestyle in Yakutia] / I.A. Argunov. – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1988. – 232 p. [in Russian]
2. Kovlekov S.I. Selskoe khozyastvo Yakutii (1946 – 1970 gg.) [Agriculture of Yakutia(1946 – 1970)] / S.I. Kovlekov. – Yakutsk: YaNS SO RAN, 1992. – 200 p. [in Russian]
3. Polevye materialy avtora za 2017, 2010, 2014 gg. po Bulunskomu, Ust-Yanskomu I Verkhoyanskomy ulusam Respubliki Sakha (Yakutia) [Field materials of the author of 2007, 2010, 2014 in Bulunsky, Ust-Yansky and Verkhoyansky ulusy of Republic of Sakha (Yakutia)] [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.027

Григорьева Ю.Г.

ORCID: 0000-0003-4267-2465, аспирант,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

**МОНГОЛИЯ И ЮЖНАЯ КОРЕЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ
И ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

Аннотация

Одной из плодотворных систем взаимодействия между государствами на современном этапе является сотрудничество в сфере образования и науки. На основе анализа статистических данных, использования аналитических материалов и научных публикаций в статье даны характеристика и оценка образовательного и научного сотрудничества Монголии и Республики Корея, исследованы провозглашенные принципы, направления и приоритеты политики двух стран в этой области.

Ключевые слова: Монголия, Республика Корея, монголо-корейские отношения, международное сотрудничество.

Grigorieva Y.G.

ORCID: 0000-0003-4267-2465, postgraduate student,

Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS

**MONGOLIA AND SOUTH KOREA: COOPERATION IN THE FIELD OF EDUCATION
AND HUMANITARIAN SCIENCE**

Abstract

One of the fruitful systems of interaction between the states at present time is the cooperation in education and sciences. Based on the analysis of statistical data, using analytical materials and scientific publications in article were given the characteristic and assessment of an educational and scientific cooperation of Mongolia and the Republic of Korea, the proclaimed principles, directions and priorities of the policy of two countries in this area are also investigated.

Keywords: Mongolia, Republic of Korea, Mongolian-Korean relations, international cooperation.

В 2015 г. исполнилось 25 лет установления дипломатических отношений Монголии и Республики Корея. Благодаря географической близости и наличию общих интересов, эти отношения распространяются на широкий спектр областей, в том числе политическую, экономическую, научную и культурную сферы. База двухсторонних договоров и нормативно-правовых актов, на основе которых развиваются научная и образовательная работа между Республикой Корея и Монголией, превышает более 20 документов. Одним из важнейших межгосударственных актов является подписанное в 1991 г. Соглашение о культурном и научно-технологическом сотрудничестве [1, С. 416].

В последнее время активно развивается сотрудничество высших учебных заведений двух стран. Почти все университеты Монголии в той или иной степени взаимодействуют с учебными заведениями Южной Кореи. Идет изучение монгольскими студентами корейского языка, ведутся совместные научные исследования, происходит стандартный обмен студентами, преподавателями и аспирантами.

Сразу же после установления дипломатических отношений между Монголией и Республикой Кореей в 1990 г. в Национальном университете Монголии уже в 1991 г. был создан первый корейский языковой отдел. Сегодня уже в 22 ВУЗах страны преподаются культура, история и политика Республики Корея, а в языковых центрах – лингвистика [6, С. 33].

Монгольские университеты заключили договоры с корейскими ВУЗами о сотрудничестве, в частности, Улан-Баторский университет, Хурээ университет информации и массовых коммуникаций, Монгольский физико-технологический институт, Монгольский университет науки и технологии, Монгольский государственный колледж музыки и танца, Монгольский государственный университет культуры и искусств.

Отдельного внимания при рассмотрении вопроса о монголо-корейском сотрудничестве заслуживает Улан-Баторский университет, созданный на южнокорейские инвестиции в 1995 г. Сейчас в этом ВУЗе обучается около 3 тысяч студентов [3, С. 468]. На его базе проводятся форумы, собирающие ученых-монголоведов из Монголии и Республики Корея. На таких мероприятиях рассматриваются вопросы, касающиеся южнокорейской и монгольской литературы, народного творчества, обсуждаются персонажи литературных произведений и детская литература. Деятельность Улан-Баторского университета содействует укреплению взаимоотношений между двумя странами. Проводимые форумы создают базу для развития сотрудничества в различных сферах жизнедеятельности.

Наиболее плодотворные связи корейские ВУЗы налаживают с монгольскими университетами, в которых открыты корейские отделения. Это университеты «Отгонтэнгэр», «Орхон», «Их Засаг» и Монгольский государственный университет (Центр корееведения), имеющие многосторонние международные связи. Преподаватели и студенты стажировались в Республике Корея, на базе ВУЗов проводятся международные конференции по вопросам корееведения, а также происходит лекционный и научно-информационный обмен, реализуются другие формы сотрудничества. Монгольский государственный университет налажил связи с такими южнокорейскими ВУЗами, как университеты «Корё», «Гванджу», «Кёнги» и Сеульский национальный университет. Совместно с университетами «Ханьянг», «Дэгу» и университетом иностранных языков «Хангук» реализуются программы языковых стажировок монгольских студентов в Южной Корее.

При международном университете «Их Засаг» действует отделение корейского языка и истории, в котором обучаются 350 студентов и осуществляются программы обмена студентами с южнокорейскими университетами [3, С. 454]. Преимуществом, которое предоставляется студентам, обучающимся в «Их Засаг», является возможность работать в размещенных на территории Монголии южнокорейских компаниях. Выпускники этого учебного заведения трудоустраиваются на территории Монголии, Южной Кореи и других стран Юго-Восточной Азии. Международный университет «Их Засаг» сотрудничает с Дальневосточным университетом, Национальным университетом «Канвон» и университетом «Кёнги».

Динамичному развитию монголо-южнокорейского научного сотрудничества способствуют подписание соответствующих соглашений и открытие научных и культурных центров. Центр корееведения при Монгольском государственном университете сосредоточен на развитии плодотворного и тесного сотрудничества в сфере культуры, науки и образования. Эта организация обеспечивает изучение языков, традиций и культуры корейцев на высоком уровне.

Не только ВУЗы, но и средние учебные заведения Монголии проявляют большой интерес к изучению корейской культуры, истории и языка. В 12 начальных и средних школах более тысячи учеников изучают корейский язык [6, С.36]. Единственный иностранный язык, который в Монголии популярнее корейского, это английский. Значительно уступают корейскому языку в популярности японский, китайский и русский. Изучение языка и культуры имеет двусторонний характер. В Республике Корея с 1999 г. работает монгольская школа, получившая в 2014 г. новое здание. На момент открытия в школе было всего восемь учеников, сегодня их уже 160 [2, С.15].

Двустороннее сотрудничество в сфере науки и образования реализуется через организацию мероприятий соответствующей направленности. Среди них «дни корейского языка и культуры», семинары по знакомству с национальной корейской культурой и углублению языковых знаний, симпозиумы писателей, а также международные конференции по изучению культурных связей и корееведению.

Национальная наука, образование и наукоемкое производство требуют развития, что привело к осознанию роли сотрудничества между государствами и привлечения инвестиций из-за рубежа для освоения современных информационных технологий и производства конкурентоспособной продукции. Именно это подтолкнуло монгольскую и южнокорейскую стороны к принятию в 2003 г. во время встречи на высшем уровне совместного решения о развитии научно-технического сотрудничества и проведении исследований в сфере информационных технологий.

Со стороны правительств Республики Корея и Монголии проявляется поддержка проведения совместных исследований, конференций и семинаров. Идет процесс увеличения объемов межгосударственного обмена студентами и преподавателями.

В 1991 г. Монголию посетила делегация из научно-исследовательского института Восточной Азии «Сокандэ». Совместно с действующим при Монгольской академии общественных наук научно-исследовательским центром востоковедения была проведена Первая монголо-корейская конференция. Таким образом был дан толчок к развитию межгосударственного научного обмена. На протяжении двух лет происходили совместные обсуждения и посещения соседей, в результате чего сотрудничество было налажено. Следующая научная конференция проходила в 1993 г. в Южной Корее, а в 1995 г. – в Монголии.

На август 1992 г. пригласили активизация научных обменов между Монголией и Республикой Кореей. Такие обмены позволили проводить двусторонние исследования в сфере изучения этнического происхождения, культуры, религии и корреляции языков. Было принято совместное решение о десятилетней (1992-2001 гг.) направленности научных исследований по изучению вопросов региональной экономики, науки, технологий, природных ресурсов, истории искусства, палеоантропологии, антропологии, культурологи, лингвистики, этнологии, истории и археологии [4].

В результате первых совместных исследований, проведенных в 1992-1993 гг., были найдены ценные артефакты времен палеолита, неолита, бронзового века. Важным событием стало открытие четырех гробниц, в одной из которых была могила Долмуджи [7, С. 64], найдены различные виды оружия, многочисленные человеческие останки.

Проведены исследования бумажных фабрик периода правления династии Юань, на которых трудились плененные монголами корейцы. Подобные научные исследования теперь проводятся ежегодно.

В сентябре 1993 г. была проведена II монголо-корейская конференция, организованная Академией Наук Монголии совместно с Университетом «Согандэ». При последнем действует институт Восточной Азии, на базе которого и состоялась конференция.

Юбилейным для монголо-корейского сотрудничества в сфере науки и образования стал 1995 г., когда исполнилась 1000 лет обмену между двумя странами в соответствующих отраслях. Началом этих процессов считается указанный в древних летописях 995 г. (или 14 год правления Сонджона), когда для изучения языка в Монголию были отправлены 10 корейских студентов [2, С.21].

Министерство науки Монголии и Министерство науки и образования Республики Корея в 2011 г. приняли совместную программу научных исследований, которая стала основой для активизации научного сотрудничества [12, С. 59]. III научная конференция была организована исследовательским обществом «Нового азиатского порядка» и прошла в Монголии в 2013 г. В ней приняли участие студенты отделения монголоведения университета «Дангук».

В следующем году по инициативе Корейского института оборонного анализа (KIDA) был проведен монголо-корейский научный форум в Сеуле. Монгольской стороной были представлены доклады о том, какую роль играет Монголия в решении кризиса Корейского полуострова, а также о безопасности и окружающей среде в Северо-Восточной Азии [2, С. 17]. Участники форума обменялись мнениями о состоянии и перспективах сотрудничества в сфере технологии, науки и образования, достигли договоренности в путях дальнейшего развития сотрудничества и расширения сфер, в которых корейские и монгольские ученые будут работать совместно. Решено было подобные форумы проводить поочередно в Республике Корея и Монголии один раз в два года.

Научная конференция студентов «Знание» была проведена в Сеуле в 2013 г. Организатором мероприятия стала южнокорейская Ассоциация монгольских студентов. Около 140 участников конференции приняли участие в заседаниях по естественным и социальным наукам [6, С. 38].

В октябре 2015 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования Республики Корея и Министерством культуры, науки и образования Монголии. Документ стал продолжением программы сотрудничества в сфере образования на 2006-2015 гг. В нем были заложены нормы, направленные на усиления сотрудничества в сфере образования. Это был не единственный двусторонний документ, регламентирующий вопросы сотрудничества, принятый в 2015 г. Академии наук Южной Кореи и Монголии подписали Меморандум о взаимопонимании, в соответствии с которым запланировано проведение совместных встреч, обмен учеными и научные стажировки [5].

Многочисленные описанные факты сотрудничества не свидетельствуют об отсутствии проблем и слабых сторон в отношениях между странами. Далека от совершенства система реализации договоров, заключенных между университетами, на практике. Монгольские университеты не пользуются популярностью у южнокорейских студентов в осуществлении взаимных обменов, а также при выборе обучения за границей. Иными словами, интерес в реализации совместных образовательных проектов проявляется в основном монгольской стороной.

На данном этапе система образования Монголии находится на этапе реформирования. Система образования, которая сформировалась в стране, не устраивает монгольское общество. Направлений, в которых следует двигаться для решения этой проблемы, несколько. Необходимо открыть научно-исследовательские учреждения мирового уровня. Система образования Южной Кореи может стать отличным примером для развития монгольской, поскольку соответствует лучшим мировым образцам. Кроме того, в Корею отношение к образованию гораздо более уважительное, чем в Монголии, что проявляется как в отношении к нему общества, так и в политике правительства, которое выделяет все больше средств на развитие этой сферы. В результате Южная Корея занимает лидирующие позиции в мире по количеству населения с законченным средним образованием.

Система монгольского образования проходит период модернизации. Этот процесс нашел отражение в государственных документах, в частности, в Концепции модернизации образования в Монголии на период с 2006 по 2015 г. [8, С. 132-133] Законодательная база монгольской государственной политики в сфере образования проработана достаточно основательно, в ее основе лежат нормы Конституции. Направления, в которых происходит дальнейшая реформа образования, следующие: компьютеризация, гуманизация, гуманитаризация и демократизация. Образование становится главным фактором развития Монголии, которая пытается стать частью мировой образовательной системы, имея перед собой пример Южной Кореи.

Список литературы / References

1. Agreement on Cultural, Scientific and Technological Cooperation between the Government of the Republic of Korea and the Government of Mongolia. / Treaties and International Agreements: Registered or Filed and Recorded with the Secretaria. – New York, 2002. – P.480.
2. Han Y. Factors affecting school adjustment of international students in Korea universities – with a focus on Mongol students. / Y.Han // Graduate Thesis. – Wanju-Gun, 2015. – P. 12-23.
3. Kim M. The present status of Korean language education in Mongolia and proposal of enhancement / M. Kim // Korean Language and Literature Education.- Seoul, 2011. - №5. - P. 451-477.
4. Korea-Mongolia Joint Statement. Ulaanbaatar, 1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.mofa.go.kr/webmodule/htsboard/> (27.04.2016)
5. Memorandum of Understanding between the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Ministry of Culture, Education and Science of Mongolia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mofa.go.kr/webmodule/> (27.09.2016)
6. Purev-Ochir A. Issues in the development of Korean language materials in Mongolia / A. Purev-Ochir // Graduate Thesis. – Wanju-Gun, 2015. – P. 32-41.
7. Амгалан Ж. Современная Монголия / Ж. Амгалан. - Чита: Забайк. гос. гум.-пед. ун-т, 2006. - 120 с.

8. Боловсролын шинэчлэлийн онол арга зүйн асуудлууд / Ред. Н.Бэгз. - Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2006. - 145 с.
9. Закон об образовании с дополнениями и изменениями от 2002 г. / Государственный вестник образования. № 19(256). - Улан-Батор: Администрация Великого государственного Хурала, 2002. - 54 с.
10. Супрунова Л.Л. Образование в Монголии: трудности и достижения переходного периода / Л.Л. Супрунова // Педагогика. – Москва, 2006. - № 2. - С. 101-112.
11. Томских А.А. Высшее образование Монголии (отраслевой и территориальный аспект) / А.А. Томских // В мире научных открытий. - Красноярск: Научно-инновационный центр. 2010. - № 6(3). - С. 191-195.
12. Цэдэв Н. Высшее образование в Монголии / Н. Цэдэв // Вестник Московского университета. – Москва, 2013. - № 3. - С. 51-62.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Agreement on Cultural, Scientific and Technological Cooperation between the Government of the Republic of Korea and the Government of Mongolia. / Treaties and International Agreements: Registered or Filed and Recorded with the Secretaria. – New York, 2002. - P.480.
2. Han Y. Factors affecting school adjustment of international students in Korea universities – with a focus on Mongol students. / Y.Han // Graduate Thesis. - Wanjungun, 2015. - P. 12-23.
3. Kim M. The present status of Korean language education in Mongolia and proposal of enhancement / M. Kim // Korean Language and Literature Education.- Seoul, 2011. - №5. - P. 451-477.
4. Korea-Mongolia Joint Statement. Ulaanbaatar, 1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.mofa.go.kr/webmodule/htsboard/> (27.04.2016)
5. Memorandum of Understanding between the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Ministry of Culture, Education and Science of Mongolia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mofa.go.kr/webmodule/> (27.09.2016)
6. Purev-Ochir A. Issues in the development of Korean language materials in Mongolia / A. Purev-Ochir // Graduate Thesis. - Wanjungun, 2015. - P. 32-41.
7. Amgalan Zh. Sovremennaja Mongolija [Modern Mongolia] / Zh. Amgalan. Chita: Zabajk. gos. gum.-ped. un-t, 2006. - 120 p. [in Russian]
8. Bolovsrolyn шинэчлэлийн онол арга зүйн асуудлууд [Education Reform Theoretical and Methodological Problems] / Ред. Н.Бэгз. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2006. 145 p. [in Russian]
9. Zakon ob obrazovanii s dopolnenijami i izmenenijami ot 2002 g. [Education Amendment Act 2002] // Gosudarstvennyj vestnik obrazovanija. № 19(256). - Ulan-Bator: Administracija Velikogo gosudarstvennogo Hurala, 2002.- 54 p. [in Russian]
10. Suprunova L.L. Obrazovanie v Mongolii: trudnosti i dostizhenija perehodnogo perioda [Education in Mongolia: Challenges and Achievements of the Transition Period] / L.L. Suprunova // Pedagogika [Pedagogy]. 2006. - № 2. P. 101-112. [in Russian]
11. Tomskih A.A. Vysshee obrazovanie Mongolii (otraslevoj i territorial'nyj aspekt) [Higher education in Mongolia (sectoral and territorial aspect)] / A.A. Tomskih // V mire nauchnyh otkrytij [World Of Discovery]. - Krasnojarsk, 2010. - № 6(3). - P. 191-195. [in Russian]
12. Cjedjev N. Vysshee obrazovanie v Mongolii [Higher education in Mongolia] / N. Cjedjev // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of the Moscow university]. - 2013. - № 3. - P. 51-62. [in Russian]

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в базу данных WorldCat.

WorldCat — крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. База создается совместными усилиями более чем 72 тыс. библиотек из 170 стран мира в рамках организации OCLC.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.175

Долгиева М.Б.

ORCID: 0000-0002-1808-9205, Кандидат исторических наук, Ингушский государственный университет, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

НАУЧНО - ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСНОВОПОЛОЖНИКА ИНГУШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ З.К. МАЛЬСАГОВА

Аннотация

В статье рассматривается научно - просветительская деятельность известного ингушского ученого начала XX века. Значительное внимание в работе уделяется научной, педагогической и творческой деятельности З.К. Мальсагова. Анализируются его прогрессивные взгляды по вопросам распространения образования, науки, ликвидации неграмотности среди ингушей. Освещаются успехи научных экспедиций, в горную Ингушетию в составе которых был и З.К. Мальсагов. В исследовании говорится о его вкладе в процесс становления и дальнейшего развития театрального искусства в Ингушетии.

Ключевые слова: просветитель, образование, письменность, алфавит, школы, наука, этнография, фольклор, экспедиция, словарь, грамматика, театр, литературное общество.

Dolgieva M.B.

ORCID:0000-0002-1808-9205, PhD in History

Ingush State University, Ingush Research Institute of the Humanities. CH.E. Ahrieva

RESEARCH AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE FOUNDER OF THE INGUSH ALPHABET Z. MALSAGOV

Abstract

The article deals with scientific and educational activities of well-known Ingush scholar of the early XX century. Great attention is paid to scientific, pedagogical and creative activities of Z. Malsagov. The article analyzes his progressive views on the problems of education, science, literacy among the Ingush. It also reveals the successes of scientific expeditions in the mountains of Ingushetia in which Z. K. Malsagov took an active part. The study says about his contribution to the process of formation and further development of theatrical art in Ingushetia.

Keywords: educator, education, writing, alphabet, school, science, Ethnography, folklore, expedition, vocabulary, grammar, theatre, literary society.

Одним из видных представителей общественной мысли и просвещения Ингушетии в первой половине XX века был **Заурбек Куразович Мальсагов** – представитель качественно нового этапа просветительской мысли Ингушетии. Он относится к наиболее крупным ингушским ученым и общественно-политическим деятелям Кавказа XX века.

З.К. Мальсагов является выдающимся деятелем культуры и одним из идеологов ингушского просвещения рассматриваемого периода. Его разносторонняя общественная, научная и педагогическая деятельность по праву выделяют его из всех просветителей начала XX века.

Его жизненный и творческий путь совпали с периодом, когда одно историческое событие сменяло другое. Несмотря на то, что большую часть своей жизни З. К. Мальсагов находился в интонациональной среде, родился в г. Темир - хан - Шуре, образование получил в г. Благовещенске он всегда стремился жить интересами и проблемами ингушского народа и в меру своих сил решал их, претворяя свои прогрессивные мысли в жизнь.

З.К. Мальсагов предстает перед нами как разносторонне развитая многогранная личность. Круг его интересов включал многие проблемы - этнография, фольклор, образование, языкознание, этнокультурология, литература, театральное искусство и т.д.

Он стоял у истоков ингушской науки и был основателем современной ингушской письменности. В период своей трудовой деятельности Заурбек Куразович занимал разные должности в системе народного образования. Он был комиссаром просвещения Горской республики, а в период существования Ингушской Автономной области заведовал областным отделом народного образования.

Автор-составитель трудов З.К. Мальсагова, профессор И.А. Дахкильгов пишет: «Народ был ему искренне благодарен. Так, жители селения Барсуки писали в газету «Сердало»: «Мы посылаем привет благодарности Заурбеку Мальсагову, ум которого сумел создать нашу ингушскую письменность...» [2].

Огромный вклад внес Заурбек Куразович в развитии научной мысли Ингушетии. Его учителями были известные ученые: Н.Я. Марр, И.Ю. Крачковский и др. Близким другом и единомышленником ученого был академик А.Н. Генко.

Из воспоминаний дочери А.Н. Генко известно, что З.К. Мальсагов оказывал большую помощь ее отцу в организации экспедиций [1].

Он, так же как и его учителя являл собой уникальный тип ученого-энциклопедиста, соединившего в своей исследовательской методологии знания не одной, а нескольких родственных наук, изучающих историю и культуру человечества [6]. Не случайно его называли «лучшим знатоком чечено-ингушской этнографии и языка»[5].

С 1930 по 1935 гг. З.К. Мальсагов сначала возглавлял Ингушский институт краеведения, а после объединения с Чечней и Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт. За несколько лет институт под его руководством выпустил ряд журналов и литературных сборников, два терминологических сборника, 5 томов «Известий»[2].

Первая ингушская грамматика на основе работы П.К. Услара, была составлена З.К. Мальсаговым. В течение двух лет 1925-1926 гг. этот труд вышел на русском и ингушском языках. Весьма ценен приложенный к грамматике ингушско - русский словарь, содержащий около 3500 слов.

Доцента Северо-Кавказского пединститута З.К. Мальсагова включили в комиссию, созданной при Академии наук, с целью изучения национального состава страны. Он привлекал крупнейших ученых страны для разработки важнейших вопросов и проблем в области языка, литературы, истории, и сам принимал активное участие в их изучении. С этой целью, в период его работы в Ингушском научно-исследовательском институте краеведения им были организованы языковые, фольклорные, археологические и этнографические экспедиции.

В научных экспедициях 1920-1922 гг., 1927 г. проходивших в Джейрахском и Мецхальском районах Ингушетии под началом известного лингвиста Н.Ф. Яковлева принимали участие Л.П. Семенов, В.И. Пожидаев, З.К. Мальсагов и др.

С целью изучения и научного осмысления истории, языка и культуры бацбийцев (*потомки ингушских переселенцев из горного общества Вабуа – Д.М*) Заурбек Куразович в 1932 г. в составе экспедиции посетил Горную Тушеттию.

В ходе этой экспедиции он записал песни, загадки, материалы о происхождении бацбийцев, хронологические термины и термины скотоводства, спряжение пяти наиболее употребительных глаголов с примерами [3]. Результатом его деятельности в составе экспедиций были подготовленные им труды: «Бацбийский язык», «Ауховский диалект» и др.

З.К. Мальсагов является автором многих серьезных исследований по изучению нахского языка, современной ингушской лингвистике и фольклористике. Это такие работы как: «Общечеченская письменность». «Культурная работа в Чечне и Ингушии», «К вопросу о классных элементах в нахском языке» и т.д.

Творческое наследие З.К. Мальсагова, прежде всего, лингвистические труды ученого и сегодня привлекают внимание исследователей. Благодаря его научной деятельности были заложены основы ингушской письменности.

Созданные им алфавит и грамматика ингушского языка до сих пор используют в своих научных изысканиях языковеды.

В своих трудах З.К. Мальсагов упор делал на просветительские идеи, призывал приобщаться к культуре и науке других народов, осваивать различные ремесла. Вся его творческая и научная деятельность была направлена на повышение уровня грамотности ингушского народа.

При его содействии были открыты школы в Ингушетии. В 1923-1926 гг. З. Мальсагов организовывал и подготавливал ускоренные курсы учителей во многих селениях (Хамхи, Галашки и др.) [2].

В рассматриваемый период в учреждениях народного образования Ингушетии отсутствовала необходимая учебная литература.

Заурбек Мальсагов подготовил и издал необходимые для школ учебники (буквари, задачки, книги для чтения, пособия на ингушском языке и т.д.).

Он все время следил за развитием школьного процесса и развернул широкую публицистическую деятельность в различных изданиях. Немало его статей, посвященных постановке школьного дела было опубликовано в газете «Сердало»: «Школа селения Барсуки», «Большой долг перед нами», «Как обстоит дело просвещения к 7 годовщине?», «Борьба за культуру» и др. [2].

Весомый вклад он внес в развитии ингушской литературы и фольклористики. Благодаря его деятельности в Ингушетии был создан свой театр. Заурбек записывал фольклор ингушей и призывал это делать других ученых.

Он активно занимался переводческой деятельностью. Им были переведены на ингушский язык многие произведения русских классиков.

В области литературы он был переводчиком, критиком, исследователем. Но прежде всего драматургом [2].

Он заложил основы драматургии и театрального искусства в Ингушетии. З.К. Мальсаговым на ингушском языке были написаны пьесы «Joh jodajar» (Похищение девушки) и «Рхæ» (Месть. 1927). Эти были первые произведения в области ингушской драматургии.

Пьеса «Рхæ», подготовленная в соавторстве с Ибрагимом Мальсаговым, впервые была поставлена на сцене Владикавказского театра. В пьесе «Joh jodajar» (Похищение девушки) автор показал, каково было положение женщины в ингушском обществе, а также ее борьбу за свои права. Все его пьесы символизировали рождение нового человека, способного отстоять не только свое будущее, но и будущее других.

Насыщенной была общественно-политическая жизнь З.К. Мальсагова. Он участвовал в работе многих форумов, посвященных различным вопросам, в том числе изучению истории и культуры ингушей и других народов Кавказа.

Первая общенациональная газета ингушей «Сердало» была подготовлена и отредактирована З. К. Мальсаговым.

Одновременно З. Мальсагов добился создания печатной базы, редакции и корреспондентского актива первой ингушской газеты «Сердало» [2].

«Сегодня вышел первый номер нашей родной газеты на родном языке - говорилось в обращении «Грудовые ингуши», опубликованном на первой полосе - так будем же ценить значение этого дня. Теперь перед нами лежит светлый путь, путь разума. Необъяснимо велика в этом деле роль газеты, выходящей на родном языке» [4].

Большую работу он провел по ликвидации неграмотности в Ингушетии. Выступая в декабре 1923 г. во Владикавказе с докладом на конференции, посвященной ликвидации неграмотности З. К. Мальсагов сказал: «что первые шаги по ликвидации неграмотности среди ингушского населения уже сделаны. В частности принят алфавит на латинской основе и выпущена ингушская газета «Сердало» [2].

Большой вклад внес З. Мальсагов в создании в 1924 г. «Ингушского литературного общества». Эта была первая просветительская организация в Ингушской Автономной области. Он был председателем литературного общества и научного музея. За короткое время Литературное общество объединило весь культурный цвет Ингушетии, и пробудило среди широких масс населения интерес к родной письменности: лишь за первый год существования Общества его членами было произведено около 20 печатных листов записей ингушского словесного творчества. На их основе Общество составило «Словарь ингушского языка», включавший до 5.000 слов, выполнило ряд работ по переводу и изданию школьной и научно-популярной литературы.

На «учредительном съезде Северокавказской горской краеведческой ассоциации», который состоялся в Махачкале в сентябре-октябре 1924 г. З.К. Мальсагов член президиума этого форума выступил с докладом «О деятельности Ингушского литературного общества» [2].

В 1927 году состоялась 1-я практическая конференция членов литературного общества, в ходе работы которой было избрано правление, ревизионная комиссия и намечены планы дальнейшей деятельности Общества.

Все выше сказанное позволяет нам сделать вывод, что не было практически ни одной области, в которую он не внес бы свой значительный вклад.

Таким образом, З.К. Мальсагов огромную часть своей энергии посвящал проблемам ингушей, активно участвуя в их общественной, политической и культурной жизни.

Список литературы / References

1. Генко Г.А. Кавказовед Анатолий Нестерович Генко. /Г.А.Генко /Материалы Международной конференции «Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа», Магас. 2016. - С.77
2. Дахкильгов И.А. Ингушская литература (период развития до 40-х гг.). Грозный. 1975. - С.52-54;117
3. Джамбулатова З.К. Развитие печати в Чечено-Ингушетии (1920-1941 гг.)/ З.К. Джамбулатова // Известия ЧИНИИЯЛ. - Т. VI. - Вып. I. Грозный. -1965. – С.46
4. Мальсагов А. У. Его делам не позабыться // Газ. «Сердало» от 13 февраля 1990. – С.4
5. Ханоев М. Профессор Д.Д. Мальсагов // «Путь Ленина». - № 65 от 31. 05. 1996. – С.3
6. Яндиева М.Д. Ингушские смыслы в художественно-интеллектуальном наследии XX века. Магас. 2007. – С.417

Список литературы на английском языке / References in English

1. Genko G.A. Kavkazoved Anatolij Nesterovich Genko. //Materialy Mezhdunarodnoj konferencii «Ingushetija v kontekste nauchnyh problem i perspektiv izuchenija Kavkaza», [The materials of the International conference "Ingushetia in the context of scientific problems and perspectives of studying Caucasus]. / G.A.Genko //Magas. 2016. – P.77. [in Russian]
2. Dahkil'gov I.A. Ingushskaja literatura (period razvitija do 40-h gg.). [Ingush literature (the period of development up to 40)] / I.A. Dahkil'gov// Groznyj. 1975. - P.52-54;117 [in Russian]
3. Dzhambulatova Z.K. Razvitie pečati v Checheno-Ingushetii (1920-1941 gg.) [The development of printing in Checheno-Ingushetiya (1920-1941)] / Z.K . Dzhambulatova Izvestija ChINIJaL. T. VI. Vyp.I. Groznyj. 1965. - P.46 [in Russian]
4. Mal'sagov A. U. Ego delam ne pozabyt'sja. [His deeds will never be forgotten] / A. U. Mal'sagov // Gaz. «Serdalo» ot 13 fevralja 1990. P-4 [in Russian]
5. Hanoev M. Professor D.D. Mal'sagov. [Professor D.D. Malsagov] / M. Hanoev // «Put' Lenina», № 65 ot 31. 05. 1996. P-3 [in Russian]
6. Jandieva M.D. Ingushskie smysly v hudozhestvenno-intellektual'nom nasledii XX veka. [Ingush senses in artistic-intellectual heritage of the XX century]/ M.D. Jandieva // Magas. 2007. – P.417 [in Russian]

В контакте

Получить актуальную информацию, задать вопросы и узнать свежие новости о Международном научно-исследовательском журнале Вы сможете на официальной странице ВКонтакте

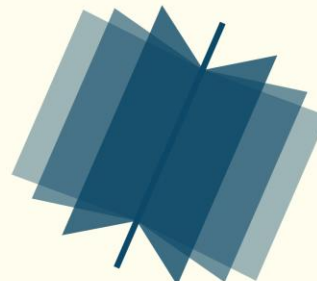
<http://vk.com/public43173774>

Опубликовать статью ВАК / Научный журнал

О компании:

Почта: editors@research-journal.org

МНИЖ предоставляет возможность опубликовать свои научные достижения аспирантам, преподавателям вузов, студентам, лицам, имеющим ученую степень, общественным деятелям, деятелям культуры и образования, политикам, экономистам России, стран СНГ и дальнего зарубежья.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.164

Дубовиков А.М.

Доктор исторических наук,

Поволжский государственный университет сервиса (г. Тольятти)

**ГЕНЕРАЛ М. И. ИВАНИН ОБ УРАЛЬСКИХ КАЗАКАХ,
УЧАСТНИКАХ ХИВИНСКОГО ПОХОДА 1839-1840 ГГ.****Аннотация**

Генерал Михаил Игнатьевич Иванин написал книгу о походе на Хивинское ханство русского отряда во главе с Оренбургским военным губернатором генералом В. А. Перовским (конец 1839 – начало 1840 года). Книга вышла в свет спустя более тридцати лет после того похода, в котором её автор принял личное участие, будучи подполковником российского Генштаба. Ссылаясь на личные материалы мемуарного характера и другие документы, Игнатьев, шаг за шагом, подробно воспроизвёл продвижение русского отряда к границам Хивинского ханства в условиях зимы 1839-1840 годов, суровой даже для южных широт казахской степи. Определённый исследовательский интерес представляют характеристики, данные им различным подразделениям отряда В.А. Перовского, принявшим участие в том походе. Среди его участников были различные воинские формирования «Отдельного Оренбургского корпуса», но именно уральские казаки заслужили особого внимания Иванина, заслуженно признавшего их лучшей частью всего экспедиционного корпуса. Сегодня, когда проблема межэтнических отношений нередко связывается с историческими аспектами, когда тема формирования территории и границ бывшей Российской империи часто используется в спекулятивных политических целях, очень важен непредвзятый и объективный взгляд на подобные проблемы.

Ключевые слова: Хивинский поход, Хивинское ханство, генерал Перовский, полковник Бизянов, уральские казаки.

Dubovikov A.M.

PhD in of History,

Volga region state University of service (Tolyatti)

**GENERAL M. I. IVANIN ABOUT the URAL COSSACKS, THE PARTICIPANTS IN THE KHIVA CAMPAIGN
OF 1839-1840 YEARS.****Abstract**

General Mikhail Ignatievich Ivaniv wrote a book about the campaign against the khanate of Khiva the Russian squad led the Orenburg military Governor V. A. General Perovski (late 1839 – early 1840). The book was published after more than thirty years after this campaign, in which the author was personally involved, as a Colonel of the Russian General staff. Referring to personal stuff, memoirs and other documents, Ignatiev, step by step, detail reproduced promotion of the Russian detachment to the borders of the khanate of Khiva in the winter of 1839-1840 years, severe even for the South of the Kazakh steppe. Particular research interest are the characteristics of the various units of the detachment of V. A. Perovsky, who took part in the campaign. Among the participants were various military units "a Separate Orenburg corps", but that Ural Cossacks deserve special attention Ivanin, is deservedly recognized for their best part of the whole expeditionary force. Today, when the problem of interethnic relations is often associated with the historical aspects, when the topic of shaping the territory and borders of the former Russian Empire are often used for speculative political purposes, it is very important to be impartial and objective perspective on such problems.

Keywords: Khiva campaign, the khanate of Khiva, General Cooper, Colonel Bazanov, Ural Cossacks.

Книга «Описание зимнего похода в Хиву 1839-1840 гг.» была написана Михаилом Игнатьевичем Иваниным. Её автор начал военную службу (после кадетского корпуса) в 1822 году, в возрасте 21 года. В 33 года, окончив военную академию и получив капитанский, он поступил на службу под начало Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского, во главе с которым и был предпринят хивинский поход 1839-1840 годов. Участником того похода был и подполковник Генштаба Иванин. После похода он продолжил службу в крае, включая Мангышлакское приставство, которое, однако, находилось в ведении Кавказского наместника. Позже он был членом временного совета по управлению Внутренней (Букеевской) Ордой, а затем возглавил его, будучи полковником Генштаба. Данный орган был создан после упразднения во Внутренней Орде ханской власти после смерти хана Джангира и размаха беспорядков, апогеем которых стало восстание, поднятое в 30-е годы Исатаем Таймановым. После руководства Внутренней Ордой, Иванин проходил службу на Кавказе в генеральском чине. Последние 10 лет своей жизни он занимался вопросами перевозки войск с помощью железнодорожного транспорта, параллельно публикуя научные труды разной тематики, но, преимущественно, по военной истории. Их можно найти в «Военном сборнике», «Морском сборнике», «Русском инвалиде», «Записках географического общества», «Инженерном журнале», «Отечественных записках» и других изданиях. Умер в 1874 году в чине генерал-лейтенанта. Тогда же вышла и его книга о хивинском походе.

В ней он отметил, что, хотя накануне похода численность войск Оренбургского корпуса превышала 100 тысяч (116.719 офицеров и нижних чинов) [1, С.57], боеспособных подразделений в корпусе было мало. Основную массу составляли иррегулярные части – Оренбургское и Уральское казачьи войска, а также близкие к ним по статусу Башкирское и Мещеряцкое войска и Ставропольский калмыцкий полк. Башкиры, мещеряки и калмыки, будучи «иногородцами» по сути, были не столь надёжны, как казаки, но значительно превосходили их по численности. В Башкирском войске числились 74656 человек, состоящих на службе, включая 1362 офицера. Это 2/3 всего корпуса, а вместе с мещеряками и калмыками – 3/4. Уральское казачество насчитывало лишь 3620 нижних чинов и 87 офицеров, состоящих на службе, составляя лишь 1/30 часть корпуса. Оренбургское казачье войско значительно превосходило Уральское по численности, имея на службе 12005 нижних чинов и 190 офицеров. Кроме того, в Оренбургском

ведении имелись казачьи подразделения, формально не входившие в войско: Отдельный Оренбургский казачий полк (1302 человека) и Оренбургский неперменный казачий полк (816 человек) [1, С.56]. То есть, оренбургских казаков было вчетверо больше, чем уральских. При этом офицеров было больше лишь в 2,5 раза, а боевые качества и «благонадёжность» уральских офицеров были значительно выше, ибо это были потомственные местные казаки, тогда как офицерский состав Оренбургского войска был довольно пёстрым: от бывших «регулярных» до ссыльных поляков.

Состав регулярных частей также не отличался ни боевыми качествами, ни благонадёжностью. Службу на Оренбургской линии тогда несли семь полков, в которых числилось 2127 поляков, 1649 штрафников (ссыльных и наказанных) и лишь 582 обычных «рекрута» [1, С.58]. То есть, лишь 15% личного состава можно условно считать «благонадёжными». Иванин был более сдержан, заявив, что «2/3 линейной пехоты была ненадежна» [1, С.59]. Всего же, с учётом этапных и инвалидных команд, регулярные войска Оренбургского корпуса насчитывали 200 офицеров и 10515 нижних чинов [1, С.57], то есть, менее 1/10 всех войск края.

Первоначально для хивинского похода планировалось набрать 5 тысяч человек, почти половину предполагали использовать для хозяйственных и тыловых работ при опорных пунктах. Атаковать противника должен был, максимум, трёхтысячный отряд [1, С.53]. План похода разрабатывался несколько лет и был вновь утверждён в феврале 1839 года. Отряд планировалось увеличить до 5958 нижних чинов и 173 офицеров. Уральское и Оренбургское казачества должны были выставить по одному полку, не считая 32 гурьевских казаков. Входившие в Уральское войско, они проживали в низовье Урала (Северный Каспий) и считались лучшими гребцами и мореходами, которых следовало использовать в качестве водных грузоперевозчиков [1, С.47]. Позже состав экспедиционного корпуса снова скорректировали. Вместо одного полка уральских казаков было затребовано два – 38 офицеров, 40 урядников, 1100 рядовых, всего 1178 человек. Удвоено и число гурьевских казаков, с их учётом численность уральцев возросла до 1242 человек. Напротив, число оренбургских казаков сократилось до трёх сотен, а вместо башкирского полка в состав экспедиции была включена лишь сотня [1, С.60]. Изменения легко объяснимы. Уральское войско признавалось всеми наиболее боеспособной единицей. При отборе башкир использовали лишь 9-й и 16-й кантоны, как более пригодные [1, С.59]. Так, в отряде Перовского уральцы составили примерно четвертую (притом – лучшую) часть. При этом среди казаков они составили 3/4 (с учётом башкир – 2/3).

При офицерах-уральцах не было денщиков, тогда как в оренбургских двух сотнях их было 11, не говоря про регулярные части [1, С.205]. Иванин, сравнивая уральцев с другими участниками похода, писал, что оренбургские казаки из удалённых от линии станиц «потеряли воинственность и потому не могли быть употреблены для экспедиции» [1, С.58]. Не в лучшую сторону, по его мнению, отличался и 1-й Оренбургский полк, сформированный из линейных батальонов («не вполне удовлетворителен, и для предстоящего похода мало полезен») [1, С.57]. Главную причину плохого качества пехоты Иванин видел в том, что в оренбургских батальонах «не бывало ни парадов, ни разводов, ни учений», а потому они «совершенно потеряли навык к военным трудам, к перенесению лишений». При этом их солдаты, «проводя почти всю свою службу на месте», обзаведясь семьями и хозяйством, «сделались более земледельцами и купцами, нежели солдатами» [1, С.169]. Также Иванин отметил «недостаток боевых, опытных и сведущих офицеров» в линейных батальонах, а потому не сомневается, что их состав «мало благоприятствовал успехам» [1, С.58]. В конце книги он в очередной раз заметил, что «следовало или взять войска кавказские, или действующие, но никак не линейные батальоны Оренбургского корпуса» [1, С.169]. Война на Кавказе была в разгаре, и кавказские части имели богатый боевой опыт. Про «кинородческие» подразделения Иванин писал: «Что же касается до Башкирского, Мещеряцкого и Калмыцкого войск, то они, по недостатку в обучении и невоинственности, мало годились для похода» [1, С.59].

Иное дело – уральцы. Участок границы, охраняемый ими, был гораздо опаснее того, что охраняли оренбургские казаки и линейные батальоны. В низовье Урала нападения случались намного чаще, а их виновниками в большинстве случаев были казаки рода «адай», считавшегося самыми непокорными. Причём, уральцы охраняли свой участок гораздо меньшими силами, чем оренбуржцы. «Уральские казаки, хотя не составляют регулярной конницы, но по знанию степи и степных походов, привычке к трудам и непогодам, и постоянному отражению хищнических набегов при охранении своих пределов, могут считаться хорошими воинами для степных походов и необходимым конным войском для экспедиции в Хиву», - писал Иванин [1, С.57-58]. И если в других формированиях можно было отобрать для похода лучших, то у уральцев такой возможности не было. Неся службу на своей линии, а также на Кавказе, уральцы выставили в поход треть служащего состава. Для сравнения: оренбургские казаки – около 3%, башкиры – 0,2%. «Так как Уральские казаки обязаны охранять свою линию на значительном протяжении (до 600 верст), то из 3,5 тысяч их с трудом можно было отделить для похода два уральских полка», - заметил Иванин [1, С.59]. Приведём ещё одну цитату: «Если принять еще во внимание, что Уральское войско, выставившее перед тем на службу внутрь империи несколько полков, и для Хивинской экспедиции набрало казаков не по выбору, а какие случились, тогда как в прочих войсках высылали более крепких и здоровых людей, то нельзя не удивляться крепости и сносливости уральских казаков в походе, и не отдать им полной справедливости, что они в подобных походах незаменимы». И если «позволительно было сомневаться в стойкости и мужестве оренбургской пехоты», то «об Уральских казаках и сомнения не могло быть» [1, С.189]. К отряду Перовского присоединился подполковник Айчуваков – султан-правитель Западной Орды с 250 джигитами [1, С.59].

В экспедиционном корпусе было четыре генерала. Кроме Перовского (генерал-адъютанта) это были: начальник 22-й пехотной дивизии (генерал-лейтенант Толмачёв), командующий Оренбургским казачьим войском (генерал-майор Подуров), а также командующий Башкирским и Мещеряцким войсками (генерал-майор Циолковский) [1, С.93, 206].

Уральские казаки должны были выступить не из Оренбурга (как все остальные), а из Калмыковской крепости. Расположенная в низовье Урала, она входила в число укреплений Нижнеуральской линии, службу на которой несли уральцы. Отсюда они самостоятельно выдвинулись в казахскую степь во главе с полковником Бизяновым, которого Иванин назвал «заслуженным старым воякой» [1, С.60-61, 93], но одна из сотен выдвигалась из Оренбурга вместе с основными силами [1, С.74]. Оттуда поочередно (с 14 по 17 ноября) выступили четыре колонны, следуя одна за

другой. Уральская сотня вошла в 3-ю (главную) колонну, в которой следовал весь штаб, походная церковь, госпиталь и ряд команд – ракетная, мортирная, парковая, понтонная, лодочная и др. [1, С.90]. Позже, выступая из Эмбенского укрепления, Перовский поменял состав колонн и их командиров. Костяк первой колонны составили уральские казаки, а её начальником стал их полковник Бизянов. Штабной колонной, по-прежнему, осталась третья [1, С.134].

Для ночлега оборудовался лагерь, в плане имевший квадрат. Ночевали в кибитках, аналогичных казахским юртам. Кони привязывались, верблюды укладывались на подстилки, вьюки складывались в определённом порядке. Уральская сотня ночевала сразу за передним фасом, откуда нападения были наиболее вероятны. Вьюки складывались перед кибитками так, чтобы могли, быть использованы как заграждения. Ружья и пики устанавливались в виде пирамид. Здесь же были коновязи. На заднем фасе в качестве заграждений раскладывались понтоны и лодки, там же располагалась их прислуга из гурьевских казаков, у боковых фасов располагались оренбургские казаки, а по краям фасов располагалась пехота. В центре лагеря находился штаб Перовского с денщиками и адъютантами, а также церковный обоз, госпиталь, «маркитанты» и т.п. В центре находились и кибитки верблюдовожатых (казахов, которым Перовский не доверял, подозревая их в симпатиях к хивинцам, окружив казаками и солдатами). Из наиболее крупных вьюков строилась стена лагеря, при которой находилась охрана и орудия, готовые к стрельбе. Охрана имела и у других объектов – оружия, орудий, коновязей. Часовые дежурили и вне лагеря [1, С.105-107].

В походе уральцы продемонстрировали свой традиционный интерес к рыболовству. На одной из стоянок, из-за мины, случайно пробившей лёд озера, на его поверхность было выброшено много рыбы, узнав о наличии которой, уральцы стали часто заниматься подлёдным ловом [1, С.131]. Несмотря на холод, нехватку топлива, монтаж кибиток, ранний подъём, навьючивание верблюдов, уральцы не унывали. Иванин свидетельствует, что на стоянках они любили затягивать песни [1, С.115]. Описывая быт лагеря, он отметил «ржание коней, звуки языков и наречий: киргизского, башкирского, уральского, чисто русского». Затем все это «сливалось вместе и составляло дикий, нестройный шум, далеко раздававшийся в степи» [1, С.113]. Уральский казачий говор не ускользнул от внимания подполковника.

Из Акбулака Перовский отправил 150 уральских казаков во главе с Бизяновым и штабс-капитаном Рехенбергом в предгорье Усть-Урта для рекогносцировки местности [1, С.133-134]. Иванин счёл это формальностью, ибо вопрос о возвращении был уже решён [1, С.192], чему многие были рады. Но не все. «Уральские казаки более всех жалели, что не удалось побить басурманов», - пишет он [1, С.141]. Желание продолжить поход было и у ряда офицеров, включая автора книги: «Мы имели более тысячи уральских казаков, у которых лошади были не изнурены, люди бодры, больных между ними было мало; если бы к ним прибавить отряд поручика Ерофеева, который с двумястами человек отбил от двух или трёх тысяч хивинцев, ... да отобрать еще охотников человек 500 пехоты, ... то ... очень возможно было идти в Хиву» [1, С.192-193]. Проблема снабжения отряда стояла бы не так остро, если бы отряд достиг берегов Арала, поскольку «отряд, составленный почти наполовину из уральских казаков, по ремеслу своему искусных рыболовов, без сомнения нашел бы возможность, к имевшемуся у нас продовольствию, прибавить еще и рыбу» [1, С.194].

В конце марта около половины уральских казаков, находившихся при отряде, были посланы для наказания казахских родов, которые, подавшись хивинской агитации, отказались поставить верблюдов русским. А главные виновники, представители рода «адай», вместе с туркменами разграбили и сожгли суда, доставлявшие грузы русским, напали на Мангышлакское укрепление, захватили и передали хивинцам поручика Аитова, посланного к казахам с поручением. Вместе с джигитами султана Айчувакова, уральцы, «настигнув адаевцев, ... побили из них 450 человек и собрали от них несколько сот верблюдов». После той «командировки» отряд Бизянова вернулся в Калмыковскую крепость, откуда и начинался его путь. Изъятых верблюдов Перовскому доставил Айчуваков [1, С.149-150]. Тот рейд вызвал у Иванина неподдельное восхищение уральцами [1, С.193-194].

Несмотря на низкую оценку, данную оренбуржцам Иваниним, он признал, что тяжести похода научили их многому. Однако за эти уроки они дорого заплатили, потеряв многих товарищей не от пуль и сабель, а от холода и болезней, ибо «больными были большею частью пехотные линейные солдаты, непривыкшие к трудностям походной жизни» [1, С.128]. Ощутимы были и потери оренбургских казаков. Согласно рапорту от 1 апреля, в отряде находились 598 уральцев (15 офицеров, 583 нижних чина). Столько же было отправлено для наказания казахов – 20 офицеров, 578 нижних чинов. Больных уральцев (при отряде и госпитале) было 14. Умерли (с ноября по март) – 7 (офицер и 6 рядовых). Оренбургских казаков было намного меньше, но у них умерли 124 человека (во 2-м линейном батальоне – 311, по отряду в целом – 761) [1, С.248-249]. К моменту возвращения войск в места постоянной дислокации, в пехоте умерли двое из семи, в Оренбургском войске – каждый четвёртый, в Уральском – восьмидесятый [1, С.162]. Приведённые выше цифры свидетельствуют, что потери, понесённые уральцами из-за холода и болезней, несравнимы с потерями, понесёнными другими участниками похода. «Так как все эти войска терпели одинаковые труды, получали одну и ту же пищу, то разность в содержании числа больных и умерших ... происходила от ... способности войск к степным походам», - заключает Иванин. [1, С.147]. И добавляет: «Уральские казаки менее всех пострадали, несмотря на то, что более прочих войск употреблялись на работы и перенесли более трудностей. К этому надобно прибавить, что, не смотря на изнурительные труды, требовавшие поддержки сил мясною пищею, Уральские казаки в походе соблюдали посты во всей строгости» [1, С.155].

«Усилению болезней еще содействовала и несоответствующая зимнему походу одежда», - уверял Иванин [1, С.171]. По его мнению, на полушубках, сшитых для похода, явно сэкономили. Это была свалявшаяся шерсть, которую «наподобие ваты настегивали на холст» [1, С.62]. По сути, это были «кителя, подбитые джебагой», которая «на первых же переходах отпоролась и опустилась к низу кителей, отчего эти кителя вовсе не грели». По мнению Иванина, солдатам, вместо «огромных четырёххаршинных онучей» (просушка которых в зимних условиях затруднена) следовало дать валенки. Шерстяные нагрудники, одевавшиеся на голое тело, помогали лишь в «разведении насекомых» [1, С.171]. К тому времени в казачьих войсках давно была введена форменная одежда, но уральцев это не коснулось. Форму они носили лишь в городской команде и в столичной лейб-гвардии, а в степные походы отправлялись в привычной одежде, соответствующей погоде. «Уральские казаки, более опытные и имевшие более

способов, оделись лучше прочих», - пишет Иванин, поясняя: «Поверх рубашки была стеганная на верблюжьей шерсти фуфайка, потом полушубок из молодых мерлушек, доходивший несколько ниже колен; сверх обыкновенных штанов, другие стеганные на верблюжьей шерсти, а сверх их кожаные киргизские шаровары, длинные сапоги с большими онучами, полушубок подпоясывался ремнем. Сверх полушубка саксачий (годовалых баранов шкуры) тулуп, а поверх его киргизская доха из лошадиных шкур, подпоясанная ремнем, баранья шапка и башлык, а про запас киргизский малахай на случай буранов» [1, С.74].

Высокие боевые качества уральцев Иванин связывает с их крепким здоровьем: «Содержание по всему протяжению Уральской линии кордонной стражи и рыболовство по Уралу и взморью, производимые уральскими казаками круглый год, более всего способствуют укреплению здоровья уральских казаков, приучая их к перенесению трудов и изменчивости климата» [1, С.147-148]. То есть, главную причину выносливости уральцев Иванин видит в особенности их образа жизни и повседневного быта: «Так как Уральские казаки и у себя дома живут зиму и лето постоянно в трудах и на открытом воздухе, между тем как оренбургская пехота не бывала до хивинской экспедиции нигде в походах и даже не делала больших передвижений, то необыкновенная выносливость Уральских казаков в Хивинском походе, и развитие худосочных и воспалительных болезней и сильная смертность в пехоте, служат самым верным доказательством, что для людей, предназначенных для военной службы, надлежащее воспитание и в мирное время род жизни, способствующий к развитию телесных сил и приучающий к перенесению непогоды, стужи, жара, лишений, телесных трудов и т.д., будут самой верной порукой переносчивости их в военное время, что уменьшит число госпиталей и смертность от болезней» [1, С.155].

Список литературы / References

1. Иванин М.И. Описание зимнего похода в Хиву 1839-1840 гг. – СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1874. – 267 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ivanin M. I. Opisaniie zimnego pohoda v Hivu 1839-1840 gg. [Description of a winter trek to Khiva in 1839-1840]. – St. Petersburg: Printing partnership «Obschestvennaya polza», 1874. – 267 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.139

Морозов С.В.

Доктор исторических наук, Новокузнецкий институт-филиал
Кемеровского государственного университета

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКО-ЯПОНСКОМ ВОЕННОМ СОГЛАШЕНИИ 1931 Г.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос польско-японского военного соглашения 1931 г., о котором до настоящего времени не принято упоминать в польской историографии. Это соглашение было неотъемлемой частью тайного польско-японского военно-политического сотрудничества, осуществлявшегося в течение 1931 – 1935 гг., основной целью которого была совместная польско-германско-японская агрессия против СССР до к. 1935 г. В данной статье польско-японское военное соглашение насчитывает четыре упоминания. В качестве источника используются донесения советской разведки из «личного архива И.В. Сталина».

Ключевые слова: СССР, Пилсудский, польско-японское военное соглашение 1931 г.

Morozov S.V.

PhD in History, Novokuznetsk branch-institute, Kemerovo State University

TO A QUESTION ABOUT POLISH-JAPANESE MILITARY AGREEMENT 1931

Abstract

The article deals with the question of the Polish-Japanese military agreement of 1931, which has not yet been decided to mention in the Polish historiography. The agreement was part of a secret Polish-Japanese military and political cooperation, carried out during 1931 - 1935, the main aim of which was a joint Polish-German-Japanese aggression against the USSR up to 1935. In this article, the Polish-Japanese military cooperation agreement. It has four references. The source is a Soviet intelligence reports of "personal archive IV Stalin".

Keywords: USSR, Pilsudski, Polish-Japanese military agreement 1931.

Вопрос о польско-японском военном соглашении 1931 г. является частью научной проблемы – польско-японского военно-политического сотрудничества 1931 – 1935 гг. Одним из первых ее затронул в 2002 г. академик Г.Н. Севостьянов, а затем к ней обратился автор настоящей статьи в 2004 г. [1, с. 151; 2, с. 199 – 208]. Позднее она неоднократно затрагивалась им в ряде статей в более широком ракурсе – изучении планов польско-германско-японской агрессии против СССР, вынашиваемых в течение 1934 – 1935 гг. [3, 4, 5, 6].

Для польской историографии проблема польско-японского военно-политического сотрудничества в течение 1931–1935 гг., как и вопрос польско-японского военного соглашения 1931 г. был и по настоящую пору является terra incognita. Япония во внешней политике так называемой Второй Речи Посполиты² в качестве темы исследования начала присутствовать в нач. 1980-х гг. сначала одновременно с китайской тематикой в статье М. Новак-Келбиковой, а затем самостоятельно в кратком очерке К. Ватанабе [7, s. 241 – 253; 8, s. 27 – 35]. В течение 1990 – нач. 2000-х гг. японское направление в польской внешней политике межвоенного периода нашло отражение в ряде работ Э. Палаш-Рутковской, наиболее основательная из которых «История польско-японских отношений 1904 – 1945» вышла в

² Термин «Вторая Речь Посполита» используется в польской историографии применительно к истории межвоенного периода, то есть 1918 – 1939 гг.

соавторстве с А.Т. Ромер. Однако интересующее нас военно-политическое сотрудничество там присутствовало лишь эпизодически³ [9; 10, s. 3–18; 11; 12]. Для информации следует упомянуть книгу Х. Курома, А. Пеплоньского «Между Варшавой и Токио. Польско-японское сотрудничество в области разведки 1904 – 1944». Однако, в ней нашли отражение общеизвестные места и факты, ее источниковая база оставляет желать лучшего, и упоминаний об интересующей нас проблеме там придется долго искать [13].

В качестве одного из редчайших исключений, подтверждающих, что японское направление все-таки имело отношение к некоторым построениям главного зодчего польской внешней политики первой половины 1930-х гг. Ю. Пилсудского, удалось отыскать в работе одного из наиболее авторитетных историков времен народной Польши М. Войчеховского «Польско-германские отношения. 1933 – 1938». В донесении американского посла в Москве У. Буллита, датированном июлем 1934 г., он обнаружил запись, что польский вождь не спешил присоединиться к Восточному пакту, так как выжидал начало японо-советской войны и хотел сохранить на востоке свободу рук: «Маршал все еще вдохновлен воздвижением амбиций и мечтой восстановить былое величие Польши» [14, s. 163; 15, p. 504].

Это документальное свидетельство, представляется необычайно значимым, так как позволяет выстроить цепочку к проблеме тайного польско-японского военно-политического сотрудничества против СССР в течение 1931 – 1935 гг., одним из звеньев которой было польско-японское военное соглашение 1931 г. Основным источником будут выступать донесения советской разведки из так называемого «личного архива И.В. Сталина».

Впервые оно было упомянуто в донесении ИНО ОГПУ 19 марта 1932 г. Со ссылкой на источник во французском генштабе, генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина информировали, что осенью 1931 г. Варшаву посетили два японских офицера. В результате было подписано письменное соглашение между японским Генеральным штабом и Главным штабом Войска Польского. В соответствии с ним «Польша обязана быть готовой оттянуть на себя силы большевиков, когда японцы начнут продвигаться на территории СССР» [16, л. 65].

Визиту японских генштабистов не следовало удивляться, так как еще в июле 1904 г. во время русско-японской войны Пилсудский посетил Токио, где предлагал польскую поддержку, в частности путем проведения диверсий на транссибирской магистрали. Продолжению сотрудничества в 1930-е гг. не следовало удивляться, так как заветной целью маршала, было восстановление «былого величия Польши» или построение так называемой Великой Польши. Ее ядро должна была составить Польша в границах 1772 г., то есть включавшая Белоруссию, Украину и Литву, вокруг которого предстояло сформироваться федерации в составе прибалтийских государств, Финляндии, закавказских и северокавказских народов, а России предстояло откатиться за Урал [17, s. 82 – 86; 18, s. 139 – 158].

16 марта 1934 г. лондонское агентство «Уик» заявило, среди прочего, что за последние 2 недели Япония внезапно выступила с угрозами в отношении СССР. После подписания осенью 1931 г. польско-японского соглашения и повышения к концу 1933 г. японской активности на Дальнем Востоке сложились объективные условия для польско-японского военно-политического сотрудничества. 8 июля 1934 г. в Польшу с трехдневным визитом прибыл брат японского императора принц Кайо, доставивший маршалу Пилсудскому личное послание бывшего военного министра С. Араки, который сообщил, что нападение на СССР можно осуществить в любой момент, используя в качестве вероятного пловца КВЖД. Араки далее сообщал, «что японцы медлят начинать войну, только по причине состояния японской авиации. Для ее усиления Японии нужно подождать с войной до марта – апреля 1935 года. Но если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации» [19, Д. 3 – 1; 20, с. 827 – 828; 21, л. 80 – 86].

В течение 1934 – весны 1935 гг. польско-японское военное соглашение упоминалось в донесениях разведки трижды. В сентябрьском донесении шла речь о том, что в октябре в Берлин должна была приехать японская военная миссия во главе с генералом Нагато «для пересмотра польско-японского военного соглашения 1931 г. и для заключения нового соглашения». В декабрьском донесении сообщалось, что, по словам начальника польского Главного штаба генерала Я. Гонсиоровского, японская военная миссия по пересмотру польско-японского военного соглашения 1931 г. применительно к новым военно-политическим условиям действительно в начале октября приезжала в германскую столицу. Сам генерал в первой половине октября ездил в Берлин, пробыв там 2 дня, однако переговоры результатов не дали [19, л. 81; 20, л. 41 – 42].

Наконец в апреле 1935 г. на стол генсека попал доклад неизвестного автора «История одной коалиции и ее планы», добытый разведкой из архива известного русского эмигранта А.И. Гучкова. Он был полностью посвящен планам польско-германо-японского трио напасть на СССР. Среди прочего там было сказано и о польско-японском «договоре о взаимной поддержке», который был заключен, якобы, в Токио при деятельном участии польского военного атташе полковника Рейхмана⁴, «ныне занимающего пост министра торговли в Варшаве» [21, л. 80].

Таким образом, архивные документы свидетельствуют, что в течение 1931 – 1935 гг. имело место тайное польско-японское военно-политическое сотрудничество. Польско-японское военное соглашение 1931 г. четыре раза упоминается в донесениях советской разведки из «личного архива И.В. Сталина». Возможно, процесс рассекретивания архивных документов сделает информацию о нем более существенной.

³ В частности, в 1923 г. в Токио был командирован на три месяца специалист по дешифровке капитан Ян Ко-валевский, который обучил офицеров II отдела японского Главного штаба искусству взламывать советские шифры. Позднее в Варшаву для повышения квалификации в искусстве дешифровки были посланы два офицера, которые позднее имели отношение к польско-японскому сотрудничеству относительно СССР.

⁴ Хенрик Фляяр-Рейхман – польский политик из пилсудчиковского лагеря, дипломат и государственный деятель, дипломированный майор сухопутных войск, вице-министр, а также министр промышленности и торговли, депутат Сейма. В 1928 – 1932 гг. военный атташе в Токио.

Список литературы / References

1. Севостьянов Г.Н. Москва – Вашингтон: Дипломатические отношения, 1933 – 1936 / Г.Н. Севостьянов. Москва, 2002. – 540 с.
2. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933 – 1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004. – 528 с.
3. Морозов С.В. Из довоенного досье // Международная жизнь. 2007. № 1 – 2. С. 194 – 213.
4. Морозов С.В. 1934 – весна 1935 гг.: Польша, Япония и Германия против СССР – война, которую удалось предотвратить // От Киевской Руси до России XXI в.: вехи российской истории, государственности, общества и культуры. Международная научная конференция, посвященная 1150-летию Российской государственности. Витебск, 2012. С. 153 – 156.
5. Морозов С.В. Несостоявшееся «трио»: Польша, Япония, Германия против СССР (1934 – весна 1935 гг.) // Х чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925 – 1995): сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции. г. Новокузнецк, 22 – 23 апреля, 2014 г. Новокузнецк, 2014. С. 162 – 192.
6. Морозов С.В. «Лебединая песня» маршала, которой так и не суждено было прозвучать // Великая Победа. Интернет-проект. Под общ.ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. II. МГИМО (Университет) МИД России; РВИО; 2015. С. 52 – 72. Режим доступа: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghdii> (дата обращения 12.07.2016).
7. Nowak-Kiełbikowa M. Japonia i Chiny w dyplomacji II Rzeczypospolitej // Dzieje najnowsze. 1981. № 1 – 2. S. 241 – 253.
8. Watanabe K. Stosunki dyplomatyczne Polski i Japonii w okresie międzywojennym // Dzieje najnowsze. 1992. № 4. S. 27 – 35.
9. Pałasz-Rutkowska E. Polityka Japonii wobec Polski 1918 – 1941. Warszawa, 1998. – 252 s.
10. Pałasz-Rutkowska E. Polska – Japonia – Mandżukuo. Sprawa uznania Mandżukuo przez Polskę // Przegląd Orientalistyczny. 2006. № 1 – 2. S. 3 – 18.
11. Pałasz-Rutkowska E., Romer A.T. Historia stosunków polsko-japońskich 1904 – 1945, Warszawa, 2009. – 384 s.
12. Raporty porucznika Aleksandra Mazarakiiego z działalności Japońskiej Misji Wojskowej w Polsce oraz z wydarzeń na Syberii i na Dalekim Wschodzie. Grudzień 1919 – lipiec 1920, oprac. Marian Zgórniak, Wojciech Rojek, Jacek Solarz. Kraków, 2012. – 102 s.
13. Kuromiya H., Peplowski A. Między Warszawą a Tokio. Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904 – 1944, Toruń, 2009. – 529 s.
14. Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933 – 1938. Poznań, 1965. – 574 s.
15. Foreign Relations of the United States. 1934. Vol. I. Washington, 1951. – 1030 p.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Док. 5.
17. Garlicki A. Józef Piłsudski 1867 – 1935. W., 1990. – 784 s.
18. Maciejewski M. Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918 – 1939. Pod red. Marszałka M., Sadowskiego M. Wrocław, 2009. S. 139 – 158.
19. Научный архив Института российской истории Российской академии наук. Ф. 22. Оп. 1. 1934.
20. Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М., 1971. – 879 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Док. 10.
22. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Док. 4.
23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Док. 12.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Sevost'janov G.N. Moskva – Vashington: Diplomaticheskie otnoshenija, 1933 – 1936 [Moscow – Washington: Diplomatic Relations, 1933 – 1936] / G.N. Sevost'janov. Moscow, 2002. – 540 p. [in Russian]
2. Morozov S.V. Pol'sko-chehoslovackie otnoshenija. 1933 – 1939. Chto skryvalos' za politikoj «ravnoudalennosti» ministra J. Beka [Polish-Czechoslovak relations. 1933 – 1939. What was behind the policy of "equidistance" by Minister J. Beck] / S.V. Morozov. Moscow, 2004. – 528 p. [in Russian]
3. Morozov S.V. Iz dovoennogo dos'e [From the pre-war dossier] / S.V. Morozov // // Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]. 2007. № 1 – 2. P. 194 – 213. [in Russian]
4. Morozov S.V. 1934 – vesna 1935 gg.: Pol'sha, Japonija i Germanija protiv SSSR – vojna, kotoruju udalos' predotvratit' [1934 – Spring 1935: Poland, Japan and Germany against the Soviet Union – a war that was averted] / S.V. Morozov // Ot Kievskoj Rusi do Rossii XXI v.: vехи rossijskoj istorii, gosudarstvennosti, obshhestva i kul'tury. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, posvjashhennaja 1150-letiju Rossijskoj gosudarstvennosti [From Kievan Rus to Russia in XXI century: milestones of Russian history, the state, society and culture. International scientific conference dedicated to the 1150-th anniversary of Russian statehood]. Vitebsk, 2012. P. 153 – 156. [in Russian]
5. Morozov S.V. Nesostojavsheesja «trio»: Pol'sha, Japonija, Germanija protiv SSSR (1934 – vesna 1935 gg.) [Abortive "trio": Poland, Japan, Germany against the Soviet Union (1934 – Spring 1935)] / S.V. Morozov // // X chtenija, posvjashhennye pamjati R.L. Javorskogo (1925 – 1995): sbornik statej po materialam Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii. g. Novokuzneck, 22 – 23 aprilja, 2014 g. [X readings in memory of R.L. Javorski (1925 – 1995): a collection of articles based on the All-Russian (with international participation) scientific conference. Novokuznetsk, 22 – 23 April 2014]. Novokuznetsk, 2014. P. 162 – 192. [in Russian]
6. Morozov S.V. «Lebedinaja pesnja» marshala, kotoroj tak i ne suzhdeno bylo prozvuchat' [Marshal's "Swan Song", which was never meant to sound] / S.V. Morozov // // Velikaja Pobeda. Internet-proekt. Pod obshh.red. S.E. Naryshkina, A.V. Torkunova. T. II. MGI MO (Universitet) MID Rossii; RVI O; [The Great Victory. Internet-project. Edited by S.E. Naryshkin,

- A.V. Torkunov. Vol. II. MGIMO (University) of the MFA of Russia; The Russian military-historical society]; 2015. P. 52 – 72. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-tragiedii> (accessed: 12.07.2016). [in Russian]
7. Nowak-Kiełbikowa M. Japonia i Chiny w dyplomacji II Rzeczypospolitej [Japan and China diplomacy in the Second Republic] / M. Nowak-Kiełbikowa // Dzieje najnowsze [Contemporary History]. 1981. № 1 – 2. P. 241 – 253. [in Polish]
8. Watanabe K. Stosunki dyplomatyczne Polski i Japonii w okresie międzywojennym [Diplomatic relations between Polish and Japan in the interwar period] / K. Watanabe // Dzieje najnowsze [Contemporary History]. 1992. № 4. P. 27 – 35. [in Polish]
9. Pałasz-Rutkowska E. Polityka Japonii wobec Polski 1918 – 1941 [Japan's policy towards Polish 1918 – 1941] / E. Pałasz-Rutkowska. Warszawa, 1998. – 252 p. [in Polish]
10. Pałasz-Rutkowska E. Polska – Japonia – Mandżukuo. Sprawa uznanania Mandżukuo przez Polskę [Poland – Japan – Manchukuo. The recognition of Manchukuo by Poland] / E. Pałasz-Rutkowska // Przegląd Orientalistyczny [Overview of Oriental]. 2006. № 1 – 2. P. 3 – 18. [in Polish]
11. Pałasz-Rutkowska E., Romer A.T. Historia stosunków polsko-japońskich 1904 – 1945 [History of Polish-Japanese relations 1904 – 1945] / E. Pałasz-Rutkowska. Warszawa, 2009. – 384 p. [in Polish]
12. Raporty porucznika Aleksandra Mazarakiiego z działalności Japońskiej Misji Wojskowej w Polsce oraz z wydarzeń na Syberii i na Dalekim Wschodzie. Grudzień 1919 – lipiec 1920 [Lieutenant Alexander Mazaraki's Reports about the activities of the Japanese Military Mission in Poland and the events in Siberia and the Far East. December 1919 – July 1920], edited by Marian Zgórniak, Wojciech Rojek, Jacek Solarz / M. Zgórniak, W. Rojek, J. Solarz. Kraków, 2012. – 102 p. [in Polish]
13. Kuromiya H., Pepłoński A. Między Warszawą a Tokio. Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904 – 1944 [Between Warsaw and Tokyo. Polish-Japanese intelligence cooperation 1904 – 1944] / H. Kuromiya, A. Pepłoński. Toruń, 2009. – 529 p. [in Polish]
14. Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933 – 1938 [Polish-German relations. 1933 – 1938] / M. Wojciechowski. Poznań, 1965. – 574 p. [in Polish]
15. Foreign Relations of the United States. 1934. Washington, 1951. Vol. I. – 1030 p.
16. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. Fond 558. Opis. 11. D. 185. [Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 558. Inventory 11. Case 185. Document 5]. [in Russian]
17. Garlicki A. Józef Piłsudski 1867 – 1935 [Józef Piłsudski 1867 – 1935] / A. Garlicki. Warszawa, 1990. – 784 p. [in Polish]
18. Maciejewski M. Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej [Federated concepts of Piłsudskiites at the dawn of the Second Republic] / M. Maciejewski // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918 – 1939 [The independent routes: Polish political and legal thought in the years 1918 – 1939. Edited by M. Marszał, M. Sadowski]. Wrocław, 2009. P. 139 – 158. [in Polish]
19. Nauchnyj arhiv Instituta rossijskoj istorii Rossijskoj akademii nauk. Fond 22. Opis' 1. 1934. [Scientific archive of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. Fund 22. Inventory 1. 1934]. [in Russian]
20. Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. XVII. Moscow, 1971. – 879 p. [in Russian]
21. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. Fond 558. Opis. 11. D. 187. Dok. 10. [Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 558. Inventory 11. Case 187. Document 10]. [in Russian]
22. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. Fond 558. Opis. 11. D. 188. Dok. 4. [Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 558. Inventory 11. Case 188. Document 4]. [in Russian]
23. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. Fond 558. Opis. 11. D. 188. Dok. 12. [Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 558. Inventory 11. Case 188. Document 12]. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.008

Сизенко А.Г.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры Философии и социально-гуманитарных дисциплин Академии строительства и архитектуры, Донской Государственный технический университет (АСА ДГТУ)
ПОДГОТОВКА ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ К ВИЗИТАМ ВЫСОЧАЙШИХ ОСОБ ДОМА РОМАНОВЫХ XIX–НАЧАЛО XX ВВ.

Аннотация

Данная статья посвящена подготовке территории Донской земли к предстоящим визитам Высочайших Особ Дома Романовых в XIX – начале XX вв. Впервые в отечественной историографии дается подробный материал о всех проводимых мероприятиях. Благодаря широкой источниковой базе удалось восстановить масштаб работ, их уровень, какие для этой цели были задействованы административные и экономические ресурсы. Статья дает возможность увидеть, как в самые короткие сроки, решались вопросы фактически государственной важности.

Ключевые слова: войско Донское, Романовы, Новочеркасск, Ростов-на-Дону.

Sizenko A.G.

Associate Professor of historical sciences Department of Philosophy and socio-humanitarian disciplines of the Academy of Construction and Architecture, Don State Technical University

PREPARATION OF THE DON LAND TO THE VISITS OF THE HIGHEST PERSONS OF THE ROMANOV DYNASTY XIX – EARLY XX CENTURIES.

Abstract

This article deals with the preparation of the territory of the Don land for the upcoming visits of the Highest Persons of the Romanov dynasty in the XIX – early XX centuries. For the first time in domestic historiography is given, detailed information on all activities undertaken. Due to the wide source base managed to restore the scope of work, level, which for this purpose were involved in administrative and economic resources. The article gives the opportunity to see how in a very short time, and solved issues are of national importance.

Keywords: Don army, Romanovs, Novocherkassk, Rostov-on-don.

Подготовка любого населенного пункта к приезду главы государства или его замов актуальна на любом историческом этапе. А как же к подобным событиям готовилась администрация территории Дона в XIX–начале XX вв.?

Одним из необходимых мероприятий предстоящих визитов на Дон Высочайших Особ Дома Романовых, стало приведение в надлежащий вид дорог, мостов, домов, общественных зданий и церквей, лошадей и чистых комнат на почтовых станциях. Этим работам отводилось первостепенное значение.

В середине марта 1818 г. начальник штаба Его Величества генерал-адъютант князь П.М. Волконский уведомил Войскового Наказного Атамана войска Донского генерал-лейтенанта Н.В. Иловайского 5-го о предстоящем путешествии Александра I через землю донских казаков. Предписывалось приготовить на станциях необходимое количество лошадей, смиренных, объезженных и привычных к свету факелов, поскольку Государь многие переезды планировал именно в ночное время суток [1, д. 332, л. 24].

Конвой Его Величества от почтовой станции к станции состоял бы из определенных: офицера, двух урядников и сорока казаков, одетых в парадный мундир при полном вооружении и на добротных лошадях. Генерал-майор Т.Д. Греков, на всякий случай, подобрал еще и сорок казаков калмыков из состава Атаманского полка [1, д. 332, л. 13-13об].

Перед вторым посещением территории войска Донского Александром I в 1825 г. исполняющему должность войскового дворянского депутата полковнику С.С. Кутейникову поручили в самый короткий срок обследовать дорогу от Коровьего брода до границы с Екатеринославской губернией. При этом составить подробное описание «...мостов, гатей, косогулов, рытвин и крутизней» [6, д. 124, л. 7]. Для устранения всех неисправностей Войсковая канцелярия настоятельно советовала Кутейникову использовать крестьян местных помещиков, «...чтобы в высылке людей, ... не могло быть не только никакой медлительности, но и чтобы исполнялись все требования его с крайней поспешностью...» [6, д. 124, л. 8об].

Помощниками С.С. Кутейникова стали подполковник Исаев, землемер Косоротов, а также три отставных чиновника и один штаб-офицер. Ускорить процесс осмотра местности и ремонта дорог возможно было за счет предоставленной летучей кареты.

После того, как все приводилось в порядок и надлежащий вид, на всем пути следования расставлялись казачьи караулы. В их задачу входило никого не попускать и отправлять в объезд всех желающих.

Главным условием подготовки к встрече Высокого Гостя – обеспечение почтовых станций всем необходимым и в первую очередь лучшими лошадьми и кормом на несколько дней [5, д. 278, л. 1-1об]. Например, во время переезда Александра I из Таганрога в Новочеркасск и обратно потребовалось 77 лошадей, общей стоимостью прогонных денег из войсковой суммы 94 руб. 70 коп. [6, д. 1129, л. 1-2об].

Предстоящий визит на Дон Императора Николая I и наследника престола Цесаревича Александра Николаевича в октябре 1837 г. сопровождался уже стандартной подготовкой: общий ремонт дорог, мостов, улиц в городе Новочеркасске.

Во время следования императора по территории войска, на каждой станции подготовили сменных лошадей, караул сопровождения и значительный запас факелов, для освещения пути при проезде Государя ночью [4, д. 37, л. 24об].

В Новочеркасске, в дни пребывания императора и наследника престола, общественные здания должны были освещаться. Все расходы оплачивались представителями донского Торгового общества, как и «...освещение при

гостином ряде и лавок, базарных площадей Войсковое правление оставляет на попечение Торгового общества, в полной уверенности, что оно явит достойным себя образом знак усердия своего» [4, д. 36, л. 653-654об.]. Сделки с поставщиками проверяли полицейские, а количество осветительных плашек заказывали с таким расчетом, чтобы их хватило и для городских фонарей до конца года.

Изначально планировалось, что Александр Николаевич посетит некоторые крупные и значимые станицы. В связи с этим Наказной Атаман войска Донского М.Г. Власов разослал предписания сыскным начальникам 1-го и 2-го Донских, Донецкого, Черкасского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов о мерах к подготовке населенных пунктов. Что же надо было сделать? Навести чистоту на улицах, общественные здания покрасить, «...при станичных въездах иметь на столбах верные таблицы числа дворов и народонаселения» [1, д. 476, л. 27об.]. В каждой станице для Высокого Гостя приготовить квартиру, как и еще девять домов для свиты Его Высочества. Следовало избегать чтобы в них не находились люди с «...прилипчивыми болезнями» [1, д. 476, л. 28]. Станичный атаман определял по одному офицеру, уряднику и 25 казаков в караул и конвой к Александру Николаевичу. Женщинам и детям, явившимся встретить Высочайшую особу, надлежало опрятно одеться, а мужчинам, в том числе и отставным казакам, явиться при полном параде и саблей. Всем без исключения жителям не только не запрещалось всюду следовать за Наследником престола, наоборот приветствовалось «...дать полную свободу изъявлять им радость и показать Его Высочеству, какое счастье для нас зреть Августейшую Его особу в недрах своих жилищ» [1, д. 476, л. 31]. Правда стоит отметить, что из-за изменения маршрута путешествия, Александр Николаевич массово так и не посетил донские станицы, ограничившись лишь станицей Аксайской, где встретился со своим отцом Императором Николаем I.

После визита на Дон Наследника Цесаревича Николая Александровича в 1863 г. войсковой Наказный Атаман П.Х. Граббе в приказе по войску объявил, что все население соблюдало порядок, стремясь достойно встретить Высокого Гостя [7, д. 1069, л. 83]. Однако в действительности оказалось не везде так хорошо и благополучно. Так в апреле 1866 г., перед несостоявшимся посещением войска Донского и г. Ростова-на-Дону Наследником престола Александром Александровичем, городской голова г. Ростова-на-Дону А.М. Байков рекомендовал предводителю дворянства Ростовского уезда И.М. Коваленскому поддерживать порядок во время визита, «...чтобы избежать тем неприятных столкновений, которые были при проезде Государя Наследника в 1863 году» [2, д. 92, л. 1]. Какие это были столкновения, не указывалось. Однако во время визита в Ростов-на-Дону в 1869 г. Наследник Цесаревич Александр Александрович в своем дневнике сделал следующую запись: «...народу было ужасно много и давка порядочная» [8, д. 303, л. 30].

По случаю проезда через территорию войска Их Императорских Высочеств Великого князя Михаила Николаевича с супругой Ольгой Федоровной, в ноябре 1866 г., сыскной начальник Черкасского округа войсковой старшина Ф.А. Шурупов осмотрел почтовые станции по Московско-Тифлисскому тракту. Нашел он их в крайне неудовлетворительном состоянии. Штукатурка наружных стен обсыпалась, внутри домов побелка произведена по голым кирпичам. Некоторые печи вообще не работали, другая же часть печей не закрывалась, создавая возможность пожара. Главная дорога тракта, через каменную мостовую – центральную Успенскую улицу, в станице Аксайской разрушена до такой степени, что проехать по ней невозможно было не только тяжелым, но даже легким экипажам [1, д. 788, л. 29-30]. Исправлять все пришлось за несколько дней.

В 1872 г., задолго до приезда в Новочеркасск Александра II, город начали украшать и придавать ему праздничный вид. На пути въезда, в трех местах поставили арки: около железнодорожной станции, в начале Крещенского бульвара и перед Соборной площадью. Около обычного собрания Войскового Круга раскинули полотняный намет на четырех копьях. По линии к дворянскому дому соорудили амфитеатром места для публики. Они состояли из трех уступов, на которых могло поместиться до 1,5 тысяч человек. Передняя сторона мест была ограждена перилами перевитыми гирляндами из дубовых листьев. Линию амфитеатра, напротив Платовского проспекта, прерывала большая картина. На ее вершине высилась корона в иллюминированных лучах, а по бокам горело несколько звезд. Внизу на картине был представлен земной шар, выходящий из облаков, с надписью: «РОССИЯ». Над земным шаром изображен крылатый гений с пальмовой ветвью, рогом изобилия в руках, высыпавший на землю свертки реформ, совершенных в последнее царствование: «освобождение крестьян», «новый суд», «возобновление Черноморского флота» и т.д. [9, с.51]. Все эти работы были произведены по желанию и на средства Донского торгового общества, а воплощены в жизнь по собственным рисункам инженер – капитана Воробьева.

В Александровском саду высилась большая пирамида из разноцветных огней с вензелем Государя Императора, а на концах главной аллеи – по одному щиту с вензелями Наследника Цесаревича и Великого князя Владимира Александровича. На щитах горело 1365 огней в 96 шарах и 1269 стаканах.

Во время отъезда императорской четы из Новочеркаска Крещенский спуск освещали электрическим солнцем и бенгальскими огнями, горевшими на всем его протяжении [9, с. 62].

Перед визитом в Новочеркасск в 1887 г. Императора Александра III с семьей, столица Донского казачества и вовсе оказалась не готова. За два месяца до торжественных мероприятий полковник Х.А. Казин известил рапортом Временный комитет по управлению г. Новочеркасском, что на него возложена обязанность произвести капитальный ремонт в городе. Каков же был размах работ полковника Х.А. Казина: ремонт Соборной площади, Институтского спуска, Марининской улицы от Атаманского до Ермаковского проспекта, от Прибылянской улицы до Александровского переулка и т.д., а также замостить проход в Александровский сад, привести в порядок сквер перед Атаманским домом [3, д. 319, л. 47]. Помимо этого, в задачу полковника Х.А. Казина входила уборка строительного мусора в центре города, покраска масляной краской фонарных столбов и парковых решеток, побелка стен оранжереи и теплиц, наконец, исправить входы на большой курган, где стояло орудие. Все работы завершились к 1 мая 1887 г.

Устройство декоративной части и иллюминации Новочеркаска было поручено управляющему горной частью инженеру Вагнеру. Роскошно был освещен садик у Атаманского дома, бордюры дорожек усыпаны множеством мелких горящих шариков. Перед въездом в город были возведены две арки. Первая арка, построенная по проекту инженера – архитектора Кюнцеля, от обществ 1-й и 2-й Новочеркасских станиц, устроена в начале Крещенской улицы

в классической форме. Обитая белым полотном, напоминавшим мрамор, богато украшенная разнообразным казачьим оружием. Драпировка арки состояла из рыболовных сетей, букетов живых цветов и множеством развевающихся флагов. Вторая арка от Донского Торгового общества построена перед собором в конце Крещенской улицы. Проект и исполнение арки принадлежал гражданскому инженеру Зуеву. Состояла она из полу циркуля, опирающегося на четыре грациозные колонны. Шелковые поверхности служили для надписей, сделанные из выпуклых золотых букв на синем казачьем фоне. Верх арки, со стороны въезда, венчался Государственным гербом и надписью: «Добро пожаловать, Великий Государь!». С другой стороны, находился герб войска Донского и надпись: «Привет Донских торговых казаков» [10, с. 68].

Насколько удалось подготовить г. Новочеркасск к посещению Высочайших особ, говорит выдержка из приказа по войску Донскому от 9 мая 1887 г. «Государь Император ... изволил обратить особенное внимание на блестящее состояние края, примерную чистоту в городе и спокойное, непринужденное соблюдение порядка и благочиния» [11].

Подготовка к предстоящему посещению Николая II в 1904 г. началась более чем за год. С этой целью пригласили бывшего члена московской корпорационной думской комиссии донского дворянина, участвовавшего в проведении двух коронаций в Москве с личными изобретениями, Н.П. Полушкина. Свои соображения Н.П. Полушкин изложил в докладной записке к Войсковому Наказному Атаману войска Донского К.К. Максимовичу с таким заключением: «Основываясь на опыте, на известных знаниях нашей толпы и применяясь к потребностям тех мер, которые должны в дни грядущих событий 1904 года уяснить народу суть этих событий» [3, д. 951, л. 53].

На Ермаковском бульваре в Новочеркасске, напротив Собора, предполагалось установить экран диаметром в 20 на 400 квадратных аршин. Народу, на специально изготовленном аппарате, планировалось показать подвиги донцов с иллюстрациями, отображающими посещения императоров и наследников престола донской столицы. Это делалось для того, чтобы осознание заботы о славе предков высоко, по мнению Н.П. Полушкина, подняло самосознание, самоуважение, служившее залогом порядка и безупречного поведения многочисленной толпы [3, д. 951, л. 53]. Все наглядные пособия предоставляли для фотокопий Войсковой штаб, Областное правление, Войсковой музей и т.д.

Войсковая администрация с высокой долей вероятности прогнозировала возможные беспорядки, замешательства и давку, поскольку помимо населения Новочеркаска и депутатов планировался приезд всех желающих из близлежащих станиц Старочеркасской, Кривянской, Бесергеновской, Грушевской, Аксайской, Ольгинской и Хомутовской. В вечернее и ночное время столица освещалась параболическими маячными прожекторами, установленными на самых высоких зданиях: на Соборе, Атаманском доме, на пожарной каланче и на Кадетском корпусе. Такая иллюминация оградила бы обывателей, да и всех приезжих «...при наплыве ростовских гастролирующих воров, жуликов и ночных громил, которые всегда ..., обкрадывают не только карманы, но и покинутые ради торжества дома» [3, д. 951, л. 53].

Чтобы сильная жара не испортила впечатления от радостного визита, в дворцовом саду, в комнатах Атаманского дворца, а также в аллее Александровского сада устанавливались охлаждающие фонтаны. Все владельцы магазинов гостиных рядов, по приказу комитета по управлению городом Новочеркасском, приводили в надлежащий вид фасады вступени.

К сожалению, все приготовления оказались напрасными, поскольку Николай II прибыл только в Персиановский лагерь для смотра казачьих войск отправлявшихся на Русско-японскую войну 1904-1905 гг.

Таким образом, перед предстоящими визитами на Донскую землю Высочайших Особ Дома Романовых войсковая администрация пыталась всесторонне подготовиться к торжественным мероприятиям. Учитывались не только насущные проблемы, но и опыт предыдущих посещений, как например, в 1869 г.

Список литературы / References

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО): Ф. 46. Оп. 1.
2. ГАРО. Ф. 99. Оп. 1.
3. ГАРО. Ф. 227. Оп. 1.
4. ГАРО. Ф. 301. Оп. 8.
5. ГАРО. Ф. 338. Оп. 3.
6. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1.
7. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 677. Оп. 1.
9. О посещении Государя Императора войска Донского 12, 13 и 14 Августа 1872 года. Сборник сведений касающихся пребывания Государя Императора в Области войска Донского. – Новочеркасск, 1872. – 64 с.
10. О посещении Их Императорскими Величествами с Наследником Цесаревичем Августейшим Атаманом всех казачьих войск города Новочеркаска – 5, 6 и 7 мая 1887 года. – Новочеркасск, 1888. – 101 с.
11. Приказы по войску Донскому за 1887 год. Б/м, б/д.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO) [The State Archives of the Rostov region]: F. 46. Op.1. [in Russian]
2. GARO. F. 99. Op. 1. [in Russian]
3. GARO. F. 227. Op. 1. [in Russian]
4. GARO. F. 301. Op. 8. [in Russian]
5. GARO. F. 338. Op. 3. [in Russian]
6. GARO. F. 341. Op. 1. [in Russian]
7. GARO. F. 344. Op. 1. [in Russian]
8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [The State Archive of the Russian Federation]: F. 677. Op. 1. [in Russian]

9. О poseshhenii Gosudarja Imperatora vojska Donskogo 12, 13 i 14 Avgusta 1872 goda. Sbornik svedenij kasajushhihsja prebyvanija Gosudarja Imperatora v Oblasti vojska Donskogo [On the visit of the Emperor of the Don 12, 13 and 14 August 1872. Collection of information relating to the residence of the Emperor in the Don Host]. – Novoherkassk, 1872. – 64 P. [in Russian]

10. О poseshhenii Ih Imperatorskimi Velichestvami s Naslednikom Cesarevichem Avgustejshim Atamanom vseh kazach'ih vojsk goroda Novoherkasska – 5, 6 i 7 maja 1887 goda [About the visit of Their Imperial Majesties with Tsarevich Most August Ataman of the Cossack troops of the city of Novoherkassk - 5, 6 and 7 May 1887]. – Novoherkassk, 1888. – 101 P. [in Russian]

11. Prikazy po vojsku Donskomu za 1887 god [Orders for the Don Cossacks for 1887]. B/m, b/d. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.112

Чедурова Е.М.¹, Собожников Н.А.²

¹Доктор исторических наук, профессор, ²студент,
Горно-Алтайский государственный университет

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ, ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация

Статья посвящена проблеме перспектив участия Российской Империи в Первой мировой войне. На основе обобщённых данных даётся очерк военно-экономического положения государства в 1909-1917 гг. наряду с освещением роли сибирского региона. Затрагиваются вопросы структурной корреляции промышленных групп в имперской экономике, состояния промышленности и сельского хозяйства, соотношения боевых потенциалов с союзниками по Антанте и противниками в Тройственном союзе. Освещаются особенности деятельности иностранного монополистического капитала. Авторами делается вывод об изначально невыгодных условиях участия России в Первой мировой войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, промышленность, иностранный капитал, кооперация.

Chedurova E.M.¹, Sobozhnikov N.A.²

¹PhD in History, Professor, ²student,
Gorno-Altai State University, Gorno-Altai State University

RUSSIA IN THE WORLD WAR I: PERSPECTIVES, MILITARY-ECONOMIC VIEW

Abstract

Article is devoted to a problem of prospects of participation of the Russian Empire in World War I. On the basis of the generalized data the sketch of military-economic position of the state in 1909-1917 along with illumination of a role of the Siberian region is given. The questions of structural correlation of industrial groups in imperial economy, conditions of the industry and agricultural industry, a ratio of fighting potentials with allies on the Entente and opponents in the Tripartite alliance are raised. Features of activity of the foreign monopolistic capital are lit. Authors draw a conclusion about initially unprofitable conditions of participation of Russia in World War I.

Keywords: World War I, Siberia, industry, foreign capital, cooperation.

Первая мировая война являет собой одно из важнейших событий российской истории, приведшее к глобальным социальным, экономическим и политическим изменениям. Но необходима ли была эта война России, сулила ли она какие-либо выгоды или изначально являлась бесперспективной? Какова в ней роль Сибири? Чтобы ответить на данные вопросы следует дать очерк военно-экономического положения 1909-1917 гг., рассмотрев его в общероссийском масштабе 1909-1913 гг. и региональном сибирском в контекстуальных рамках.

На 1909-1913 гг. приходилось время хозяйственного подъёма российской экономики, начало видимых изменений структурного соотношения групп «А» и «Б» в промышленности [1, С. 79]:

Значительный скачок в количественном и темповом отношении для группы «Б» приходился на 1910 г., после чего темпы роста постоянно замедлялись. В то же время для группы «А» характерны стабильное увеличение темпов роста и тенденция к дальнейшему преобладанию в производстве валового продукта. Это подтверждается следующим изменением погодного коэффициента соотношения двух групп, полученного путём деления стоимости продукции группы «Б» на стоимость продукции группы «А» с 1907 г. по 1913 г. следующим образом: 1,977; 1,972; 2,167; 2,121; 1,752; 1,560.

Исходя из этих данных, можно говорить о начале индустриализации российской экономики занимавшей 5 места в мире с одной стороны, и соотношение с передовыми капиталистическими странами по базовым отраслям показывает недостаточность темпов роста – с другой. Данные статистики второго пятилетнего плана [2, С. 21] сообщают следующее соотношение положения в мире отраслей российской индустрии на 1913 г.: по выработке электроэнергии 15-е место, добыче каменного угля 6-е, выплавке меди 7-е, машиностроению 4-е. Соотношение промышленных сил по важнейшим отраслям, касающихся военно-промышленного комплекса с вероятным противником (Германия) и союзниками, как имеющимися (Англия, Франция), так и потенциальными (США) нуждалось в скорейшем изменении в российскую пользу. Так, по выплавке чугуна и стали Россия уступала: Англии в 6 раз, Франции в 4, США в 11, Германии в 8. По добыче каменного и бурого угля – в 31; 5; 26; 15 раз соответственно [3, С. 9-10]. Следовательно, возникала объективная необходимость проведения комплексных мероприятий направленных на повышение производительности труда в угледобыче, чугунном и сталелитейном производстве, развитие машиностроения, инфраструктуры ввиду недостаточной развитости железнодорожной транспортной сети и невозможности дальнейшего экономического роста в связи с естественным пределом пропускной способности путей. Тем не менее

модернизация носила односторонний характер, что было связано не в последнюю очередь с активностью иностранного капитала, используемого для стимуляции стратегических отраслей промышленности [4, С. 33]. Тому были причины: частные иностранные инвестиции направлялись в монополизированные отрасли, имевшие зачастую налоговые льготы из-за возможности быстрого получения значительных дивидендов в размере не менее 10%. Поэтому наиболее привлекательными для вложений являлись металлургическая, угольная, нефтяные отрасли [5, С. 483-485].

В годы экономического подъёма Сибирь активно интегрировалась в промышленно-капиталистическую систему России. Благодаря введению в эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали значительно возросла привлекательность региона для экспорта в него капитала. Наиболее развитой были пищевая и горнодобывающая промышленность, направление инвестиций в которой шло преимущественно в золотодобычу, медеплавильное производство, и преобладающую в отрасли угледобычу, представленную акционерным обществом «Копи Кузбасса». Монополия контролировала выплавку чугуна и стали поставляемых для постройки Транссибирской железнодорожной магистрали [6, С. 1089-1090]. Но главным объектом экспорта капитала была золотодобыча, монопольное положение в которой занимали прииски «Лензолота» англо-русской «Лена-Голдфилдс» [7, С. 79] (1/2 сибирского и 1/3 российского объёма добычи) [8, С. 345]. Несмотря на включение Сибири в общероссийский промышленный подъём, её общая доля промышленности группы «А» достигала всего около 1,5% [9, С. 426], что делало невозможным использование столь обширного региона в качестве резервной индустриальной базы в случае потери таковой в западных районах страны.

В лучшем положении находилась лёгкая обрабатывающая промышленность, особенно пищевая. Переселение в Сибирь в промежутке 1906-1913 гг. более 3 млн. человек способствовало увеличению посевных площадей, составивших 5,8 млн десятин к 1912 г., и сбора зерновых, достигшего в Западной её части более 155 млн пудов [10, С. 34]. Это ускорило темпы роста мукомольной промышленности, крупные центры которой располагались в Омске, Новониколаевске, Благовещенске [8, С. 343]. Маслодельное производство, носившее кооперативный характер, наиболее полное и передовое в техническом оснащении было представлено Союзом сибирских маслодельных артелей под председательством А.Н. Балакшина, осуществляло экспорт своей продукции за границу, в том числе и Великобританию в размере более 1 млн. пудов [11, С. 57].

Обе промышленные группы имели долю в размере 3,5 % от общероссийской и занимали 1% рабочих. [9, С. 426]. Следовательно, в случае большой войны сибирская лёгкая промышленность могла оказать помощь фронту исключительно в решении продовольственной проблемы.

Рассмотрев промышленный потенциал Российской Империи, следует сделать обзор военной составляющей к началу Первой мировой войны.

Закрепление артиллерии в качестве основной ударной силы на поле боя в начале XX в. требует её приоритетного рассмотрения. К 1914 г. Россия располагала 7088 орудиями различных типов, в то время как австро-германский блок на восточном направлении 13476, соотношение тяжёлой артиллерии 240 против 1396 [12, С. 113–114]. Так, VII сибирский корпус, имея в своём распоряжении 78 пушек, занимал позицию в 120 вёрст вдоль линии фронта, вместо положенных 10-12. Нехватка пушек компенсировалась в 1916 г. повышенным расходом снарядов, но не более 18 млн. штук в год при идеальном состоянии всех орудий. На практике, артиллерия зачастую выходила из строя преждевременно и восстанавливать её численность без импорта не представлялось возможным. По той причине, что тех же 76 мм пушек русская промышленность могла производить не более 3 тыс. штук в год [13, С. 600-602]. Также перед началом войны в армии отсутствовали зенитные орудия, бомбомёты и миномёты.

В русской императорской армии существовал недостаток и тяжёлого пехотного вооружения. Так, производство станковых пулемётов уступало почти в 14 раз Англии, в 5 – Франции, в 13 – Германии. В 1915 г. отечественная промышленность покрывала потребность в винтовках всего на 50%. А на период с 1 июля 1916 г. по 1 июля 1917 г. было выпущено 1814 тыс. штук из требуемых 6 млн. Заказы на недостающее вооружение приходилось размещать на рынках союзных и нейтральных стран [14, С. 73], в частности в США на заводах фирм «Вестингауз» и «Ремингтон» в 1916 г [15].

Другая проблема снабжения касалась обмундирования. В 1911 г. в России производилось 5,6 фунта хлопка, что было в 8,5 раз меньше Германии и Франции, в 2 раза чем в Австро-Венгрии [14, С. 71]. Беря во внимание вышесказанное, мы можем констатировать проблему восполнения значительных боевых потерь личного состава русской армии.

Исходя из приведённых данных, мы можем говорить о недостаточной подготовленности Российской Империи к большой победоносной войне, где требовалось превосходство над врагом не только в численности личного состава, но и в вооружении. Закономерно, что скорое вступление России в войну могло удовлетворять интересы монополистического капитала, страдавшего «патриотической истерией» по балканскому вопросу и вопросу черноморских проливов [16, С. 45].

Однако дело имело под собой рациональную экономическую основу. Надеясь на быструю войну, связанный с высшей бюрократией отечественный и иностранный монополистический капитал рассчитывал на получение выгодных военных заказов. Кампания создавала предпосылку возможности оказания политического влияния на правящую элиту со стороны Англии и Франции, в связи с их высокой долей участия в экономической жизни страны. Так, в горной промышленности, в 1913-1914 гг. он распределялся следующим образом (в млн. руб.): Франции принадлежало 38,5-20,8; Англии – 50,7-51,0; Германии – 5,6-0 [17, С. 20]. Контролю высшей бюрократии способствовали внешний займ в размере 525 млн. рублей в 1909 г. [4, С. 33] при общей сумме задолженности около 4,2 млрд на 1 января 1914 г. [3, С. 19], участие прямых инвестиций в 2125,1 млн. руб., а в 1915 г. 2205,9 [17, С. 13]. Русскую же буржуазию не устраивал торговый договор с Германией 1904 г. [18], вводивший значительные пошлины на русский зерновой импорт, и конкуренция в экспансии капитала на территории Закавказья и Ближнего Востока.

Начавшаяся Первая мировая война (28 июля 1914 г. – 11 ноября 1918 г.), подчинила структуры и ресурсы участвовавших в ней стран, унесла жизни более 11 млн. человек., в том числе, около 1 млн. 750 тыс. чел. наших соотечественников. Вступление России в войну 19 июля 1914 г. заметно изменило многое в привычной жизни

населения, в частности в Западной Сибири. Несмотря на региональный колорит протекавших экономических и социально-политических процессов на территории Сибири, будет уместно рассматривать влияние войны на российскую действительность на её примере.

К 1916 г. центрами культурного развития и общественно-политической жизни в Сибири являлись города, численность населения которых на 1916 г. составляла более 1 млн. чел. то есть 7,14%, уменьшившись на 3,26% вследствие мобилизаций [19, С. 60]. Так, в сибирских городах сложилась следующая социальная структура. Крестьяне, включая различных выходцев из числа военных, мелких торговцев от кооперации, мещан; высленцы – из военнопленных, интернированных, беженцев; интеллигенция; буржуазия и духовенство. Политические ссыльные – компенсировавшие свою немногочисленность чрезвычайной активностью, насчитывающие 7,5 тыс. чел., представленные эсерами, меньшевиками, большевиками [20, С. 286]. Ухудшение экономического положения напрямую повлияло на чувствительность масс к революционной пропаганде.

С началом войны в Сибири произошли изменения в промышленности, характеризующиеся её милитаризацией. К лету 1914 г. в регионе насчитывалось 288 предприятий ВПК с 46,4 тыс. рабочих, а к 1917 г. их количество увеличивается до 933. Но основную долю составляли малые (481) и средние (152) предприятия, относившиеся к отраслям лёгкой промышленности. Крупные же предприятия (45) с 52,6 тыс. рабочих имели большее значение. В войну, в сибирской экономике закрепились высокая концентрация производств, совмещённая со значительным влиянием монополий. Наиболее активными в этом отношении были «Копикуз», «Лензолото», «Новая центральная Сибирь», «Сибирская медь», АО «Тетюхе», «Сибирский синдикат», АО Антрабасских медных копей, Русско-Азиатская корпорация. Их целью было получение наибольших прибылей, поэтому монополисты перебрасывали капиталы на военные отрасли производства, прибегали к искусственному дефициту, выбирая устаревшие способы выплавки металла, при которых недополучали до 27% меди необходимой фронту [8, С. 436-441]. Несмотря на серьёзные позиции индустрии, Сибирь как и остальная Россия, по-прежнему оставалась аграрным краем.

Война влияла и на экономическое положение крестьян. Увеличились посевные площади, хотя к 1915 г. наметилось их сокращение, но уже в 1916 г. они вновь выросли (с 7463 тыс. дес. в 1913 г. до 8720 тыс. дес. в 1917 г.), что объясняется некоторым снижением урожайности и ростом рынка сбыта. К 1916 г. Сибирь превращается в житницу страны, но проблемы на железнодорожном транспорте привели к хозяйственному кризису. Его итогом стало исчезновение мелких хозяйств и их интеграция в более крупные хозяйственные субъекты с целью выживания. Особенностью сибирской кооперации в условиях рыночной экономики была помощь государству в урегулировании хаоса в аграрном секторе. В это время были образованы Новониколаевский и Алтайский кредитные союзы. Основными направлениями их деятельности было обеспечение продовольствием армии и помощь крестьянским хозяйствам с помощью залоговых операций на заготовку или производство различных с/х продуктов. С 1 августа 1914 г. по 1 августа 1915 г. в центр было отправлено пшеницы и ржи 41,8 млн. пуд., овса и ячменя – 9,7 млн. пуд., при запасах около 230 млн. пуд [21, С. 159]. Правительство также пошло на дополнительный контракт для налаживания мясоснабжения. Было принято решение о замене говядины свининой. В связи с этим было объявлено о выдаче ссуд всем, кто будет откармливать свиней для армейских нужд, сдаваемых замороженными тушами от 50 штук на всех железнодорожных станциях от Тюмени и Кургана до Омска и Новониколаевска. Активное участие в нелёгком мясном деле принял Союз сибирских маслодельных артелей. Он заготовил к 1917 г. для нужд армии 326,3 тыс. пуд. свинины, 164 тыс. заячьих тушек, 150 тыс. пуд. иных видов мяса, 123,2 тыс. пуд. сала, 36 тыс. сырых кож, 2,5 тыс. штук дичи, 298 пудов копчёностей [21, С. 160].

Таким образом, Первая мировая война явилась великим бедствием для Российской Империи, частью которой была и Западная Сибирь, ощутившая на себе в полной мере тяжесть лишений в условиях военного времени. Её эпилогом стал распад не рассчитавшей свои силы империи, подчинённой интересам монополистического капитала, что привело кровопролитной гражданской войне.

Список литературы / References

1. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны / В.И. Бовыкин. – М.: РОСПЭН, 2001. – 320 с.
2. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933-1937). – М., 1934. – Т. 1. – 739 с.
3. Развитие советской экономики / под ред. А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 663 с.
4. Баев О.В. Внешний государственный долг России в годы премьерства П.А. Столыпина (1906-1911) / О.В. Баев // Вестник КемГУ. – 2012. – №3. – С. 30–35.
5. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР / С.Г. Струмилин. – М.: «Наука», 1966. – 514 с.
6. Сибирская советская энциклопедия / под ред. М.К. Азадовского. – Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. – Т. 2. – 1152 с.
7. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832-1917): Ист.-экон. Очерк / С.Ф. Хроленок. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 307 с.
8. История Сибири с древнейших времён до наших дней / под ред. А.П. Окладникова. – Л.: «Наука», 1968. – Т. 3. – 530 с.
9. Азиатская Россия / под ред. Г.В. Глинки. – СПб.: Изд. Пересел. управления Гл. упр. землеустр. и землед, 1914. – Т. 2. – 638 с.
10. Пахомчик С.А. Хозяйственное освоение Сибири в период столыпинской реформы начала XX в. / С.А. Пахомчик, Р.В. Фракин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2009. – №4(8). – С. 31-36.
11. Горюшкин Л.М. Иностраный капитал в Сибири: история и современность / Л.М. Горюшкин // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII-XX вв.): Сборник научных трудов. РАН. Сибирское отделение. Институт истории. – Новосибирск, 1995. – С. 47–70.

12. Барсуков Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении / Е.З. Барсуков. – М.-Л.: Воениздат, 1926. – 217 с.
13. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в Первую мировую войну / А.А. Маниковский. – М.: Воениздат, 1937. – 718 с.
14. Маевский И.В. К вопросу о зависимости России в период Первой мировой войны / И.В. Маевский // Вопросы истории. – 1957. – №1. – С. 69–77.
15. Современное стрелковое оружие мира – Мосин. [Электронный ресурс]: Современное Стрелковое Оружие и Боеприпасы. Энциклопедия стрелкового оружия XX и XXI веков. URL: <http://world.guns.ru/rifle/repeating-rifle/rus/mosin-g.html> (дата обращения: 22.01.16).
16. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914-1917) / В.С. Дякин. – Л.: «Наука», 1967. – 362 с.
17. Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве дореволюционной России / П.В. Оль. – Л., 1925. – 35 с.
18. Максимов И.П. Русско-немецкий торговый договор 1904 года / И.П. Максимов // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2011. – №3-4. – С. 123–127.
19. Собожников Н.А. Судьба сибирского региона в контексте Первой мировой войны / Н.А. Собожников, Е.М. Чедурова // Мир Евразии. – 2015. – №2(29). – С. 60–65.
20. Шиловский М.В. Социально-политические процессы в сибирском городе во время Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1915 г.) / М.В. Шиловский // Современное сибирское сибиреведение XVII – начала XX вв.: сборник научных трудов – Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2005. – С. 284–295.
21. Чедурова Е.М. Кооперация в годы Первой мировой войны / Е.М. Чедурова // Вопросы истории: сборник научных статей. – Вып. 4. Бийск, 2001. – С. 159–163.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bovykin V.I. Finansovyy kapital v Rossii nakanune Pervoj mirovoj vojny [The financial capital in Russia on the eve of World War I] / V.I. Bovykin. – М.: ROСПEN, 2001. – 320 p. [in Russian]
2. Vtoroj pjatiletnij plan razvitija narodnogo hozjajstva SSSR (1933-1937) [Second five-year development plan for the national economy of the USSR (1933-1937)]. – М, 1934. – Т. 1. – 739 p. [in Russian]
3. Razvitie sovetskoj jekonomiki [Development of the Soviet economy] / under the editorship of A.A. Arutinyan and B.L. Markus. – М.: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo [State social and economic publishing house], 1940. – 663 p. [in Russian]
4. Bayev O.V. Vneshnij gosudarstvennyj dolg Rossii v gody prem'erstva P.A. Stolypina (1906-1911) [A capital export national debt of Russia in days of premiership P.A. Stolypina (1906-1911)] / O.V. Bayev // Vestnik KemGU [The Messenger of KEMGU]. – 2012. – № 3. – P. 30-35. [in Russian]
5. Strumilin S.G. Oчерки jekonomicheskoi istorii Rossii i SSSR [Sketches of economic history of Russia and USSR] / S.G. Strumilin. – М.: «Science», 1966. – 514 p. [in Russian]
6. Sibirskaja sovetskaja jenciklopedija [The Siberian Soviet encyclopedia] / under the editorship of M.K. Azadovsky. – Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZ [West Siberian office of OGIZ], 1932. – Т. 2. – 1152 p. [in Russian]
7. Hrolenok. S.F. Zolotopromyshlennost' Sibiri (1832-1917): Ist.-jekon. Oчерk [Gold mining of Siberia (1832-1917): Historical and economic sketch] / S.F. Hrolenok. – Irkutsk: Irkut publishing house University, 1990. – 307 p. [in Russian]
8. Istorija Sibiri s drevnejshih vremjon do nashih dnei [History of Siberia since the most ancient times up to now] / under the editorship of A.P. Okladnikov. – Л.: «Science», 1968. – Т. 3. – 530 p. [in Russian]
9. Aziatskaja Rossija [Asian Russia] / under the editorship of G.V. Glinka. – SPb.: Izd. Peresel. upravlenija Gl. upr. zemleustr. i zemled [Prod. Changed. managements of HI. exercise land management and agriculture], 1914. – Т. 2. – 638 p. [in Russian]
10. Pakhomchik S.A. Hozjajstvennoe osvoenie Sibiri v period stolypinskoj reformy nachala XX v. [Economic development of Siberia during Stolypin reform of the beginning of the 20th century] / S.A. Pakhomchik, R.V. Frakin // The Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. [Messenger of the Tomsk state university. History]. – 2009. – №4(8). – Page 31-36. [in Russian]
11. Goryushkin L.M. Inostrannyj kapital v Sibiri: istorija i sovremennost' [The foreign capital in Siberia: history and present] / L.M. Goryushkin // Zarubezhnye jekonomicheskie i kul'turnye svjazi Sibiri (XVIII-XX vv.): Sbornik nauchnyh trudov. RAN. Sibirskoe otdelenie. Institut istorii. [Foreign economic and cultural ties of Siberia (the 18-20th centuries): Collection of scientific works. RAS. Siberian office. Institute of history]. – Novosibirsk, 1995. – P. 47-70. [in Russian]
12. Barsukov E.Z. Podgotovka Rossii k mirovoj vojne v artillerijskom otnoshenii [Preparation of Russia for world war in the artillery relation] / E.Z. Barsukov. – М.-Л.: Voenizdat, 1926. – 217 p. [in Russian]
13. Manikovskij A.A. Boevoe snabzhenie russkoj armii v Pervuju mirovuju vojnu [Fighting supply of the Russian army in World War I] / A.A. Manikovskij. – М.: Voenizdat, 1937. – 718 p. [in Russian]
14. Mayevskij I.V. K voprosu o zavisimosti Rossii v period Pervoj mirovoj vojny [To a question of dependence of Russia in the period of World War I] / I.V. Mayevskij // Voprosy istorii [The History Questions] – 1957. – №1. – Page 69-77. [in Russian]
15. Sovremennoe strelkovoe oruzhie mira – Mosin.: Sovremennoe Strelkovoe Oruzhie i Boepriпасы. Jenciklopedija strelkovogo oruzhija HH i HHI vekov. [Modern small arms of the world – Mosin. [Electronic resource]: Modern Small Arms and Ammunition. Encyclopedia of small arms XX and the XXI centuries]. URL: <http://world.guns.ru/rifle/repeating-rifle/rus/mosin-r.html> (date of the address: 22.01.16). [in Russian]
16. Dyakin V.S. Russkaja burzhuazija i carizm v gody Pervoj mirovoj vojny (1914-1917) [The Russian bourgeoisie and a tsarism in the years of World War I (1914-1917)] / V.S. Dyakin. – Л.: «Science», 1967. – 362 p. [in Russian]
17. Ol P.V. Inostrannye kapitaly v narodnom hozjajstve dorevoljucionnoj Rossii [The foreign capitals in the national economy of pre-revolutionary Russia] / P.V. Ol. – Л., 1925. – 35 p. [in Russian]

18. Maximov, I.P. Russko-nemeckij trgovyj dogovor 1904 goda [Russian-German commercial treaty of 1904 years] / Nominative Maximov // Slovo.ru: Baltijskij accent [Slovo.ru: Baltic accent]. – 2011. – №3-4. – P. 123-127. [in Russian]
19. Sobozhnikov N.A. Sud'ba sibirskogo regiona v kontekste Pervoj mirovoj vojny [Destiny of the Siberian region in the context of World War I] / N.A. Sobozhnikov, E.M. Chedurova // Mir Evrazii [The World of Eurasia]. – 2015. – №2(29). – P. 60-65. [in Russian]
20. Shilovsky M.V. Social'no-politicheskie processy v sibirskom gorode vo vremja Pervoj mirovoj vojny (ijul' 1914 – fevral' 1915 g.) [Socio-political processes in the Siberian city during World War I (July, 1914 – February, 1915)] / M.V. Shilovsky // Sovremennoe sibirskoe sibirivedenie XVII – nachala XX vv.: sbornik nauchnyh trudov [The Modern Siberian sibirivedeniye of XVII – the beginning of the 20th centuries: the collection of scientific works] – Barnaul: Publishing house of «Az Bouck», 2005. – P. 284-295. [in Russian]
21. Chedurova E.M. Kooperacija v gody Pervoj mirovoj vojny [Cooperation in days of World War I] / E.M. Chedurova // Voprosy istorii: sbornik nauchnyh statej. [History Questions: collection of scientific articles]. – Issue 4. Biysk, 2001. – P. 159-163. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.086

Чиркин С.А.

Кандидат исторических наук, Вятская государственная сельскохозяйственная академия
МЕЛКИЙ КРЕДИТ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Аннотация

В статье рассматриваются особенности ростовщического капитала в Вятской губернии в XVIII и в начале XIX века как важного фактора становления здесь капиталистической кредитной системы. Приводятся проявления ростовщичества в городской среде и в среде крестьянства. Отмечаются последствия засилья ростовщичества для развития предпринимательской инициативы и благосостояния крестьянства. Делается вывод о том, что преобладание в Вятской губернии вплоть до начала XIX века ростовщического капитала сдерживало развитие городского предпринимательства и экономически подавляло крестьянское население, что делало необходимым развитие организованных форм кредитования.

Ключевые слова: Вятская губерния, купечество, крестьянство, ростовщичество, торговля.

Chirkin S.A.

PhD in History, Vyatka State Agricultural Academy

THE SMALL CREDIT IN THE VYATKA PROVINCE IN THE XVIII – EARLY XIX CENTURY

Abstract

The article observes the features of the usurious capital in the Vyatka province in the XVIII and early XIX century, as an important factor in the formation of a capitalist credit system in the region. The manifestations of usury among the citizens and the peasants are demonstrated. There consequences of the domination of usury for the development of entrepreneurial initiatives and the welfare of the peasantry are observed. It is concluded that the prevalence of the usurious capital in the Vyatka province until the beginning of the XIX century has hampered the development of urban entrepreneurship and economically suppressed the peasant population. Hence it made necessary the development of organized credit.

Keywords: Vyatka province, merchants, peasantry, usury, trade.

В данной статье на материалах Вятской губернии будет рассмотрен такой важнейший фактор становления региональной капиталистической кредитной системы как преобладавший здесь вплоть до начала XIX века ростовщический капитал.

Известно, что города Вятской губернии на рубеже XVIII и XIX веков ещё не имели собственных капиталов, несмотря на то, что правительство с 1785 года дало всем российским городам возможность образовывать собственные капиталы и выделило на это одиннадцать миллионов рублей. В результате, потребность городского населения в кредите здесь удовлетворялась, в основном, путём займов у ростовщиков на кабальных условиях.

О злоупотреблениях со стороны ростовщиков слободской купец Ксенофонт Анфилов в 1808 году говорил следующее: «Купцы малокапитальные... имея в деньгах нужду для оборотов по торговле, а более для сохранения своего кредита, который есть душа торговли, – по необходимости должны искать пособия в деньгах у частных интересантов и должны получать оное не иначе, как с высокими процентами, которые их подавляют. Мастерские, ремесленники и всякие промышленники... принуждены искать пособия у тех же интересантов и на том же основании, и тут закон в рассуждении процентов всегда остаётся безгласен, ибо займы таковые обыкновенно делаются таким образом, что излишние сверх указанных проценты в актах должников включаются вместе с занимаемым капиталом, и, следовательно, всегда они от глаз правительства закрыты...» [6, С. 217-218].

Действительно, ростовщичество обогащало лишь небольшую прослойку «интересантов». Так, вятский купец Рязанцев, который предоставлял ссуды под заёмные крепостные письма разным лицам, в своём завещании сообщал наследникам о том, что некоторые крепостные письма, хранившиеся у него, «были писаны в займу вдвое в давних летах, и по иным были уплаты» [2].

Можно предположить, что к концу XVIII века в Вятке сложились в своём роде семейные банкирские конторы – ростовщические купеческие династии подобные Рязанцевым. Не имея значительных капиталов, эти банкирские дома предоставляли «микрокредиты», и, одновременно, могли торговать и заниматься производством.

При дороговизне заёмных денег банкротства средних и мелких вятских купцов и мещан в течение XVIII века были неизбежны. По указанию П.Н. Луппова, на протяжении лишь 7 лет в Вятке объявили о своей несостоятельности

43 купца (1789-1796). Таких обанкротившихся заёмщиков вятский магистрат чаще всего отдавал кому-то из местных обывателей в службу с целью погасить их долги из заработной платы, и это получило название «отдать в зажив» [2, С. 175].

Через отдачу в зажив некоторые купцы старались приобрести работников. В работе В.П. Юрьева приведены следующие факты. Вятский мещанин Д. Суетин, задолжавший 1 451 рубль, был отдан заседателю П. Карякину на 60 лет по 24 рубля в год. Другой должник И. Киреев, имевший долга 1 035 рублей был отдан в зажив Архангельскому купцу И. Ласкину на 42 года по 25 рублей в год. Разорившийся купец С. Репин, задолжавший 2 341 рубль, после нескольких перемещений из одних рук в другие, был, наконец, определён работником к секретарю вятского магистрата А. Шкляеву на 195 лет [7, С. 134-135].

Курьёзных случаев со временем становилось меньше. В целом же ростовщичество в городах Вятской губернии стало изживать себя лишь в эпоху буржуазных реформ 1860-х годов с появлением сети кредитных учреждений.

Гораздо более долгим был век ростовщичества в деревне. Ещё в конце XIX века в вятской деревне имели место примитивные и запутанные формы кредита («кулацкого», по терминологии того времени), сложившиеся, вероятно, в более ранний период.

Этот кредит существовал в двух видах – как заём хлеба и как заём денег. Примечательно, что «хлебный кредит» был более распространён, чем «денежный» [3, С. 121-124].

Заём хлеба принимал следующие формы.

Наиболее тяжёлым для крестьян был заём «по цене», т.е. покупка хлеба в кредит. Весной крестьяне покупали в кредит рожь, муку, пшеницу. При этом цены устанавливались выше рыночных, и хлеб отпускался лишь под залог одежды, холста. Сроком возвращения займа был Покров, 1 октября, а в случае просрочки должник терял заклад или выплачивал дополнительные проценты. Долги выплачивались, в основном, по той цене, которую назначал кредитор. Иными словами, крестьянин брал хлеб по завышенной цене, а отдавал хлеб крайне дёшево. Порой долг возвращался не хлебом и не деньгами, а путём сдачи луга в аренду или трудом, оплачиваемым ниже существовавших цен, что являлось ещё более обременительным для крестьянина.

Ещё одной разновидностью кредита был такой заём, при котором долг возвращался хлебом и другими выплатами – подневным трудом, деньгами, сдачей собственной земли в аренду и т.д. Такая форма кредитования была крайне невыгодна для крестьян тем, что возратить хлеб следовало строго к новому севу ржи. В результате, стремясь как можно скорее погасить долг, крестьянин откладывал свой посев, что нередко приводило к потере урожая. Ещё труднее было тем, кто вместо выплаты процентов, отработывал на кредитора определённое число подёнщин, и это в то время, когда нужно было жать и сеять собственный хлеб [1].

Заём денег также существовал в нескольких видах.

Например, с уплатой неявных процентов, когда заёмщик возвращал долг деньгами, однако проценты выплачивал и деньгами, и натуральной платой – соломой, подневной работой по заниженной цене, сдачей сенокоса в аренду т.д. Такой вид кредита считался наиболее кабальным. Или же – займ под залог коров и овец. Получив весной деньги в кредит, крестьянин формально закладывал корову кредитору, но фактически пользовался ей, а осенью выплачивал долг и проценты. В том случае, когда заёмщик не мог уплатить долг, кредитор забирал у него корову. Однако мог и оставить с платой за пользование ей около 2-3 рублей в год. Так появилось много коров и овец, принадлежавших деревенским ростовщикам, но находившихся в пользовании у крестьян [4, С. 330-331].

При любой форме займа происходило угощение кредитора должником. При этом расходы на угощение нередко становились «вторым займом». «...Часто приходилось слышать, что крестьяне вынуждены бывают ходить по несколько раз к кулаку-соседу с просьбой о ссуде и каждый раз необходимо приносить вино для угощения. Намереваясь просить у кулака в кредит денег, крестьянин угощает его в первый раз “питейно” для того, чтобы “задобрить”; потом, купивши вина, отправляется во второй раз уже в дом кулака и здесь, угощая последнего, высказывает свою просьбу и получает просимую сумму. Если же кулаку кажется мало этого угощения, то он скажет, что “подумаю”, или “сейчас нет денег, приди после”! Тогда крестьянину необходимо сходить еще раз (а может и два) и, понятно, не с пустыми руками. Таким образом, чтобы занять 10-20 рублей, приходится издерживать на одно угощение иногда по 1-3 рубля» [5].

Вятские статистики в 80-е годы XIX века отмечали, что активной других прибегали к кредиту хлебом и деньгами дворяне середняков, что, по их мнению, было свидетельством подступающей нужды, упадка середняцких домохозяйств. В среднем обремененными кредитом были около 20% дворов в каждом уезде.

Таким образом, засилье в Вятской губернии вплоть до начала XIX века ростовщического капитала сдерживало развитие городского предпринимательства и экономически подавляло крестьянское население, что делало необходимым развитие здесь организованных форм кредитования.

Список литературы / References

1. Кулацкий кредит в Глазовском уезде // Северный вестник. – 1888. – № 3. – С. 77-78.
2. Луппов П. Н. История города Вятки / П. Н. Луппов. – Киров : Кировское книжное издательство, 1958. – 215 с.
3. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 3. Орловский уезд. – Вятка, 1887. – 468 с.
4. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 12. Общая сводка по губернии. – Вятка, 1900. – 611 с.
5. Народный кредит в Глазовском уезде (подворно-статистическое исследование) // Волжский вестник. – 1888. – № 27. – С. 2.
6. Слободской уезд Вятской губернии в географическом и экономическом отношении. – Вятка : Губернская типография, 1881. – 326 с.
7. Юрьев В. П. Вятка в царствование Екатерины II / В. П. Юрьев. – Вятка, 1885. – 245 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kulatskiy kredit v Glazovskom uезде [The credit by wealthy peasants in the Glazov district] // Severniy vestnik [The Northern bulletin]. – 1888. – № 3. – P. 77-78. [in Russian]

2. Luppov P. N. Istoriya goroda Vyatki [The history of the city of Vyatka] / P. N. Luppov. – Kirov : Kirov book publisher, 1958. – 215 p. [in Russian]
3. Materialy po statistike Vyatskoy gubernii. T. 3. Orlovsky uезд [The materials on statistics of the Vyatka province. V. 3. Orlov district]. – Vyatka, 1887. – 468 p. [in Russian]
4. Materialy po statistike Vyatskoy gubernii. T. 12. Obshaya svodka po gubernii [The materials on the statistics of the Vyatka province. V. 12. Summary]. – Vyatka, 1900. – 611 p. [in Russian]
5. Narodniy kredit v Glazovskom uезде (podvorno-statisticheskoe issledovanie) [The peasant's credit in the Glazov district (household-statistical research)] // Volzhskiy vestnik [The Volga bulletin]. – 1888. – № 27. – P. 2. [in Russian]
6. Slobodskoy uезд Vyatskoy gubernii v geograficheskom i ekonomicheskom otnosheniyah [The Slobodskoy district of the Vyatka province in the geographical and economic relations]. – Vyatka : Provincial printing house, 1881. – 326 p. [in Russian]
7. Yuriev V. P. Vyatka v tsarstvovanie Ekateriny II [Vyatka in the reign of Catherine II] / V. P. Yuriev. – Vyatka, 1885. – 245 p. [in Russian]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / POLITOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.029

Байрамкулов Н.И.

Аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Охарактеризована реализация государственной образовательной политики в Российской Федерации и обозначены проблемы развития и реформирования современного отечественного образования, средней и высшей школ. Проведено исследование философии образования как важного политического фактора в периоды социальных трансформаций происходящих в современном обществе и его истории, и трансформации собственно образования на современном этапе. Проанализировано функционирование системы образования в поликультурном стране, в которой, кроме традиционных, образование имеет специфические функции, направленные на удовлетворение этнокультурных потребностей людей, является инструментом обеспечения межэтнического и межконфессионального согласия.

Ключевые слова: политика, образование, социальные трансформации, Россия, межэтническое согласие, культура, школа, вуз.

Bairamkulov N.I.

Postgraduate student, Financial University under the Government of Russia

PROBLEMS OF RUSSIAN POLICY IN THE FIELD OF EDUCATION

Abstract

Characterized by the realization of the state educational policy in the Russian Federation and marked problems of development and reform of modern national education, middle and high schools. A study of the philosophy of education as an important political factor in the period of social transformation taking place in modern society and its history, and the actual transformation of education at the present stage. Analyzed the functioning of the country in a multicultural education system in which, in addition to traditional education has specific features to meet the ethnic and cultural needs of the people, is an instrument of inter-ethnic and inter-confessional accord.

Keywords: politics, education, social transformation, Russian, inter-ethnic harmony, culture, school, university.

Новый этап социально-экономического развития страны ставит перед системой образования новые стратегические задачи. Указ Президента России № 599 и Постановление Правительства России № 211 направлены на вхождение к 2020 году не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов, согласно мировому рейтингу университетов.

К ключевым мероприятиям, направленным на продвижение школ в рейтингах, относятся реализация совместных образовательных программ с различными вузами, привлечение вузовских профессоров для обучения наших учеников, развитие международной академической мобильности для учеников и учителей и др.

При этом совершенно очевидно, что эти изменения касаются только современных школ в крупных российских городах, в которых учатся хорошо обеспеченные дети. Без должной работы с малообеспеченными слоями населения такие реформы приведут к ограничению доступности образования, к дальнейшей и без того опасной поляризации в обществе, к социальным и иным конфликтам.

К сожалению, переход к капитализму привел к тому, что государственное участие в образовании, впрочем, как и во всей социальной сфере, неуклонно сокращается. При этом итоги социологических опросов свидетельствуют, что стабильно высока (74–76%) доля тех, кто считает, что управлять образованием должно только и исключительно государство⁵.

Однако в российском правительстве все еще сохранилось трепетное отношение к «невидимой руке рынка», и частных предпринимателей по-прежнему читают наиболее эффективными собственниками. Приватизируют даже то, что не должно подлежать никакой «приватизации». Система среднего профессионального образования серьезно

⁵Двадцать лет реформ глазами россиянина: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2 011. С. 177.

пострадала от такого подхода. ПТУ, которые сейчас красиво называют «колледжами», передали в 2005 г. из федеральной в региональную собственность, и в результате каждое десятое здание сейчас является объектом судебного разбирательства между различными хозяйствующими субъектами. В Минобрнауки спохватились, что государство может лишиться квалифицированных рабочих рук, и в ключевых показателях появилась задача «повышения престижа рабочих профессий». Разумеется, лучше поздно, чем никогда, но в данном случае может быть уже «слишком поздно».

В высшей школе есть свои проблемы, которые также можно назвать системными. Так, 60% студентов вузов учатся платно. Финансовые преграды в получении высшего образования касаются прежде всего представителей малообеспеченных слоев населения. Сейчас на государственном уровне постепенно приходит понимание того, что ограничение доступа к образованию по финансовым возможностям – это недопустимо для государства, официально именующего себя «социальным». Поэтому появляются программы поддержки талантливой молодежи и т.д. Однако что делать тем, кто к «талантам» не относится, но тем не менее желает учиться и продолжать образование? Открытия и прорывы в науке и технике делают гении и таланты, но реализуют эти открытия, переводят их в плоскость практического использования «крепкие середняки». И ставить им препоны на пути к получению образования – недальновидно и непрактично, не говоря уже о морально-этических изъятиях «рыночного» подхода в этой сфере. При существующем порядке вещей будет сохраняться дифференциация в доступе к образованию и социальное неравенство в обществе в целом.

По мнению реформаторов, образование – это всего лишь сфера услуг. Тогда получается, что учитель, педагог – это не более чем «обслуживающий персонал». Такое положение дел усугубляется низким престижем и низкой заработной платой в образовательной сфере. До последнего времени специалисты в образовании входили в пять наиболее низкооплачиваемых работников. В настоящее время по поручению президента ведется работа по приведению заработной платы учителей к среднему уровню по региону. Однако есть еще и работники дошкольных учреждений, и преподаватели вузов, которые также получают весьма скромную плату за свой труд.

Важным фактором, который негативно влияет на качество образования, является также и тот факт, что ни у обучающихся, ни у обучаемых нет мотивации на конечный результат своей работы.

Важная проблема современного российского образования – это отсутствие должного внимания к социализации и воспитанию учащихся.

Основной канал социализации детей, подростков и молодежи – это, разумеется, семья. Однако институт семьи в современном мире переживает непростые времена.

Как считают современные ученые, например, в работах И.С. Кона, можно встретить утверждение, что «гендер» не обязательно должен быть привязан к физиологическому полу человека. И.С. Кон считал, что в современном обществе происходит настоящая революция, вернее, три революции в одной: сексуальная, гендерная и семейная⁶.

Начало положила сексуальная революция, которая легитимировала добрые и внебрачные половые отношения и эмансипировала сексуальность от репродукции. За ней последовала гендерная революция, которая, по словам Кона, характеризуется «разрушением традиционной системы гендерного разделения труда, ослаблением дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности»⁷.

В таких условиях должна возрастать роль учителя – не только как преподавателя определенных предметов, но как духовно-нравственного наставника, который может помочь подрастающему человеку разобраться в сложностях стремительно трансформирующегося общества и выбрать верные нравственные ориентиры.

К сожалению, в современных условиях это встречается нечасто. В глазах общественного мнения авторитет педагога сейчас не слишком высок. Причина этого – так называемый «рыночный подход», когда Учитель с большой буквы был низведен до «лица, оказывающего образовательные услуги». Каким может быть авторитет обслуживающего персонала? Вопрос риторический. Приходится констатировать, что такое отношение к учителю, являясь элементом государственной образовательной политики, является одновременно и маркером того, насколько государство ценит труд педагога и в моральном, и в материальном смысле.

Формирование российской гражданской идентичности возможно только при наличии целостной инновационной системы поликультурного образования, учитывающей государственные интересы, национальные и этнокультурные особенности населения, условия межкультурного диалога наций и задачи проектирования межэтнической и межконфессиональной гармонии.

Анализ состояния проблемы в практике обычных российских школ показывает, что межкультурное образование сегодня – не данность, а необходимость как на уровне учителя (недостаточное осознание важности специальных усилий по воспитанию терпимости к культурным различиям и отсутствие необходимых методических умений), так и на уровне образовательного учреждения (в плане методического оснащения, в том числе, соответствующими по содержанию учебниками гуманитарного цикла).

Поэтому важной составляющей современного высшего профессионального образования должна стать выработка у будущих специалистов навыков межкультурной компетенции. Эти навыки должны способствовать пониманию представителей других культур и народов, урегулированию конфликтных ситуаций, а также послужат основой для межнационального и межэтнического общения граждан Российской Федерации как внутри государства, так и за его пределами.

⁶Кон И.С. Российский гендерный порядок: искусство, литература, массовая культура. Лекция на международной конференции в СПбГУ 19.11.2010. / Кон И.С., Избранные статьи и лекции. СПб.: Питер, 2012 – С. 210

⁷ Там же. – С. 212

Список литературы / References

1. Ламажаа, Ч. К. Социальная трансформация / Ч. К. Ламажаа // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1.
2. Данилов, А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации: монография / А.Н. Данилов. – Минск: ООО Харвест, 1998. – 567 с.
3. Кондратьев В.М. Образование в эпоху перемен / В.М. Кондратьев, Л.Ф. Мотронина // Философия образования. — 2009. — № 1
4. Кутырёв В.А. Философский образ нашего времени (Безжизненные миры постчеловечества) / В.А. Кутырёв. – Смоленск, 2006. — 246 с.
5. Ануфриев Е.А. Политическая социализация личности как проблема современной политологии. // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2007. № 3.
6. Кон И.С. Российский гендерный порядок: искусство, литература, массовая культура. Лекция на международной конференции в СПбГУ 19.11.2010. / Кон И.С.,. Избранные статьи и лекции. СПб.: Питер, 2012

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lamazhaa, Ch. K. Social'naja transformacija [Social transformation] / СК Lamazhaa // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]. - 2011. - № 1. [in Russian]
2. Danilov, A.N. Perehodoное obshhestvo: problemy sistemnoj transformacii [Transitional society: problems of systemic transformation] / Monografija [Monograph] / AN Danilov. - Minsk: Harvest Ltd., 1998. - 567 p. [in Russian]
3. Kondrat'ev V.M. Obrazovanie v jepohu peremen [Education in an Era of Change] / VM Kondratyev, LF Motronina // Filosofija obrazovaniija [Philosophy of Education]. - 2009. - № 1 [in Russian]
4. Kutyryov V.A. Filosofskij obraz nashego vremeni (Bezzhiznennye miry postchelovechestva) [The philosophical way of our time (lifeless worlds posthumanity)] / VA Kutyryev. - Smolensk, 2006. - 246 p. [in Russian]
5. Anufriev E.A. Politicheskaja socializacija lichnosti kak problema sovremennoj politologii [The political socialization of the person as a problem of modern political science.] // Vestnik MGU. Serija 18. Sociologija i politologija. [Vestnik MSU. Series 18. Sociology and political science]. 2007. № 3. [in Russian]
6. Kon I.S. Rossijskij gendernyj porjadok: iskusstvo, literatura, massovaja kul'tura. Lekcija na mezhdunarodnoj konferencii v SPbGU 19.11.2010 [Russian gender order: art, literature, popular culture. Lecture at an international conference in St. Petersburg State University 19.11.2010.] / Kon IS ., Izbrannye stat'i i lekcii [Selected articles and lectures.] SPb .: Peter, 2012 [in Russian]

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Science Index

*Мы настоятельно рекомендуем всем нашим авторам зарегистрироваться в системе **Science Index РИНЦ**.*

Таким образом, авторы могут более детально контролировать список своих публикаций, не только в нашем журнале, но и во всех научных изданиях, входящих в РИНЦ. Регистрация в системе также позволит узнать индекс научного цитирования автора и его публикаций.

Подробную инструкцию по регистрации в системе Science Index РИНЦ Вы можете найти на нашем сайте <http://research-journal.org/> в разделе «Полезно знать».

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.127

Клюев Ю.В.

ORCID: 0000-0002-1990-9885, Кандидат филологических наук, Доцент
Санкт-Петербургский государственный университет,

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАССМЕДИАДИСКУРСА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Аннотация

В категории «политическая толерантность» выделены ее демографические и экономические переменные. Выявлены причины интолерантности и проявлений агрессии в российских СМИ. К основным критериям, обеспечивающим толерантность политического массмедиадискурса, отнесены их творческие компоненты, находящие отражение в журналистских текстах, а именно: оригинальность выступлений автора и героев публикации, самобытность стиля текста, способы привлечения интереса и внимания аудитории. Мера реализации толерантного политического массмедиадискурса может проявляться в общих представлениях людей о политике и сатирическом осмыслении политической действительности. Автор статьи делает вывод, что уровень толерантности как состояние качества социального взаимодействия способствует или не способствует равносному развитию общественных отношений, предоставляет площадки для обсуждений и артикуляции событий и явлений, их политического комментирования, создает широкие возможности репрезентации политических позиций, формирует общественное мнение.

Ключевые слова: журналистика, толерантность, интолерантность, политический массмедиадискурс, социальное взаимодействие.

Klyuev Yu.V.

ORCID: 0000-0002-1990-9885, PhD in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg State University,

**TOLERANCE OF THE POLITICAL MASS MEDIA DISCOURSE
IN SOCIAL INTERACTION**

Abstract

In the "political tolerance" category, its demographic and economic variables are marked. The reasons of intolerance and aggression demonstration in the Russian mass media are established. The main criteria of tolerance in political mass media discourse are discourse's creative components reflected in journalistic texts, namely: creativity of an author's speeches and writings' characters, identity of an author's style, ways to attract audience's interest and attention. The efficiency of the tolerant political mass media discourse realization can be seen in people's perception of politics and their satirical judgment of the political reality. The author of the article draws a conclusion that tolerance level as a sign of quality of social interaction contributes or does not contribute to the development of public relations; it, also, provides platforms for discussions, events articulation and political commenting on the events, gives a great opportunity to represent political positions and forms the public opinion.

Keywords: journalism, tolerance, intolerance, political mass media discourse, social interaction.

Introduction

Political science dictionaries say that tolerance as a characteristic of communication and self-determination refers to culture: tolerant political culture means respect for any political manifestations which do not contradict current legislation. Tolerance in politics can be considered as the result of resolution of many social contradictions on a global social level and the result of democracy development in the form of rule-of-law state [1].

In sociology, the concept of tolerance includes the following characteristics: forbearance to other people's way of life, behavior, customs, feelings, opinions, ideas and beliefs; endurance to the negative emotional factors; lack or weakening of reaction to some unfavorable factor as a result of decrease of sensitivity to this factor's effect [2].

The aim of this article: on modern theoretical and empirical material to study criteria, and also social, political and communicative characteristics of tolerance to analyses effects of tolerant interaction in the context of modern political mass media of a discourse.

Material and methods

Researchers of mass communication have found approaches and directions in the study of social tolerance which assist the understanding of its theoretical and practical value for communication theory and journalism practical usefulness. T. Romanova marks that tolerance is a very complex, vague and controversial concept which is considered as necessary and impossible at the same time. Being tolerant means to not only refuse from prejudice and hatred, but something much more compound: to give up the desire to eliminate, destroy someone else's view while keeping those ideas which gave rise to this desire [3, p. 44].

The importance of T. Romanova's study is that she has identified the difference between the concepts of tolerance and political correctness: tolerance is the content, the principle, the basis of certain social direction (tolerance implies the presence of some ideas and opinions to be followed), and political correctness is a form (including speech form) of manifestation of this social direction; political correctness can be considered one of communication features of nonconflicting verbal behavior, along with politeness and tact. Tolerance determines what to do, but it does not give instructions on how to do. On the contrary, political correctness, above all, is the "handbook" on how to implement certain idea in practice. This is the principle of tolerance that is the ideological basis of political correctness and politically correct language. Tolerance and political correctness can be taken into consideration as linguocultural phenomena and social directives. Intolerant and politically incorrect statements are always someone's personal assessment [3, p. 44].

Tolerance in the socio-cultural, ethnic and artistic perspective was the subject of the study of I. Blokhin. He suggested considering the main principles of journalism as the criteria of professional tolerance. These principles are as follows: accuracy of the matters investigated; consideration of the facts and analysis of events in terms of certain socio-political, moral and psychological situation; solving the selectivity problem while choosing facts and events from wide range of them. According to the researcher, social tolerance or intolerance qualities show up because of the fact that journalists get to coverage of social interaction problems and act as agents of public interests groups. Tolerance as a principle of journalism should not be in conflict with other professional norms, such as honesty, objectivity and social responsibility. Tolerance assumes, first of all, respect, including self-respect and respect to the audience [4, p. 124, 125].

V. Sidorov studied the concept of tolerance in the categories of acceptable and unacceptable things. In his view, tolerance is accordance of the impact of some environmental factor unfavorable for the organism (i.e., a maximum dose of some injection which the organism is capable to deal with and absorb) to the minimum value of the body's resistance to the effects of particular negative factor. As a consequence, in the discourse of tolerance, the leading position should be taken not by "tolerance – intolerance" antonyms, but by a completely different pair of units, such as "valid – invalid" [5, p. 89].

Y. Prokhorov connects the concept of tolerance to the possibility of wider informing of citizens about the current situations with the help of the media, and at that, he regards pluralism as an additional feature of tolerance: pluralism and tolerance complement each other if there are a variety of forces, including the field of mass information forces. Awareness is full only when personal point of view shows up on the background of other people's standpoints which are sincerely taken into account and not ignored [6, p. 200].

However, to take a different point of view into consideration in a tolerant communication does not mean to unconditionally accept it as the way of their own thinking and behavior. Considering different standpoint in the news and analytical journalism assumes the ability to broadcast what was said in the media in the case if this viewpoint's disclosure does not violate the law. In journalism and author's commenting on politics, other points of view are considered, however, they mostly are brought out beyond a firm political position of the speaker, because speaker's main objective is to demonstrate their understanding of the issue and to present the topic to the audience so that the topic would correspond to their own settings and outlook.

Such understanding of the category considered coincides with the definition of political tolerance suggested by D. Gavra and Y. Rodionova. They believe that political tolerance is the ability and willingness to accept legitimate forms of political operating for the politician who has completely different, hostile for an individual political values. Thus, an individual (supposed to be tolerant) expresses negative attitude towards another political group (party, movement), but opposes the restriction of the freedom of its political activity [7, p. 125]. The age and education were determined by scientists as significant demographic and economic units of political tolerance, whereas citizens' income level, according to the study, has a much smaller effect on the level of their tolerance/intolerance.

D. Gavra and Y. Rodionova classified the following categories as the indicators of manifestation of politically socialized individual's intolerance: mind set to unkind attitude, antipathy towards some group up to the ban to its participation in election campaign, to demonstrations holding or to its existence. Considering the political tolerance as one of the components of national culture, mentioned researchers noted that political tolerance means readiness to let a political opponent candidly express their opinions and fight for the power and influence. This concept is not a synonym for permissiveness; on the contrary, it is, above all, closely related to deliberate willingness to enable equal competition between political opponents within the rules established by the law. In the countries where democracy has existed for several centuries, political tolerance is one of the most important indicators of society democratization [7, p. 124].

Modern Russian journalism environment, unfortunately, is the evidence of the processes that characterize the content of the media works and the way these works function in intolerant forms of social interaction. This tendency was showed by D. Strovsky in the following way: it is the media that, like no other social institution, is able to accumulate different points of view in all the issues of everyday life, to impart some dynamics to this discussion and intensify it, to activate feedback between the discourse agents and the general audience. Meanwhile, today, the Russian media show a completely different approach. It is characterized with uncompromising viewpoints, categorical assessments, subjective character of interpretation of facts and events and other manifestations; all these in total not only block formation of public tolerance, but also create an aggressive information environment affecting millions of people. And the fact that such information is prevalent makes an unfavorable effect on these people's state and causes distorted perception of the reality [8, p. 135].

In addition, D. Strovsky characterized the problems negatively affecting the forming of a fully developed culture of tolerance in the country's media. To his mind, the main causes of intolerance and aggression manifestations in journalists conduct during their activities are: 1) traditional rejection of tolerance by the Russian society; 2) lack of respect for the law as the legal condition for development of social cohesion and tolerance; 3) neglect of the people forming tolerance [8, p. 136]. It is essential to admit that stated problems of tolerance development in Russia remain crucial. Their solution is in the public experience field, in stereotypes overcoming, in growth of political culture, in expanding democratization process including the media sphere.

Results

Since the understanding of the tolerance effects is ambiguous, let us put forward central controversial and provocative characteristics of social tolerance manifested in the work of today's mass media as the basic concept:

- deliberate distraction of the audience's attention from the problems and contradictions of the actuality;
- an effective political dialogue and polylogue;
- imitation of political dialogue and polylogue;
- regulation of public relations or society manipulation;
- focus of authorities' attention on an alternative political discourse, interpretation and analysis of it, with the possibility of adjusting of the official political discourse.

Tolerance between the elite and the common society representatives on the socio-psychological level can be understood as a set for a multi-level systematic interaction of members of the ruling (managing) class with the class of subordinates (controlled people). The basis of such interaction can be provided by the social communications structure. The leading role in the organizing and making tolerant social interaction possible belongs to the structures and the leaders of executive and legislative authorities on each level (federal, regional authorities, municipal authorities).

In a society, means of communication is the tool of tolerance, and leaders of a state are initiators, inspirers, organizers of social dialogue. State leaders are interested in keeping and strengthening the power by monitoring public impressions, feelings and reactions. A society needs a dialogue to be aware of social transformations and to influence the goings-on. One of the main social mechanisms that provide a tolerant social interaction is a public political discourse which can be understood as: 1) an open political debate; 2) specific or open (world, national, regional, local) political background; 3) united (global or national) sphere that ensures the operating of the political space.

The efficiency of a political discourse is defined by its reasonable and logical directives to the object of influence. Political discourse in the public administration system can lead to some result, making and execution of certain decisions. Political discourse in social interaction is a regulator of social relations, it helps to carry out public dialogue, form the audience's mood and regulate the social development process. Ambiguity or intolerance of political discourse causes social interaction breakdown.

In crisis times, means of communication can play role of relationships arbiter and assist tolerant or intolerant social interaction. Passing over in silence, absence of response to social irritants demonstrates deep depression in journalism, its indifference to disclosure, study and public presentation of vital issues.

Humanism orientation of journalism, creativity of journalism texts and identity of authors' style can be effective ways for the tolerance development. In this perspective, the focus should be on the study of creative works used by journalists in modern mass media and, as a result, the effects of their impact on the audience. The influence of the creative factor expressed in today's media through the diverse manifestations of a free individual in the process of exploring and representing the reality is the emphasis of general social mood and attitudes (people's values and the actual movement of the society towards progress and the common good).

Moral criteria of the state and development of an individual, such as the truth, conscience, compassion, mutual aid together are the key component of the achievement of artistic success in the mass media for a humanistic oriented author. S. Korkonosenko believes that these keynotes of the axiological sphere of the Russian society put in the spotlight a person who in their media work develops multidimensional immaterial, mental creation. Such free individual gains in importance for a society, because the results of this person's creative self-development become the main resource of the social progress. Giving credit for the great traditions of humanism and existentialism in the European scientific thought, yet we have regard to the fact that just in the Russian mentality, a creative spirituality prevails over rationality. And here, personal wealth and development are less painted with individualism (which is, in fact, the transformation of rationalism, in its pragmatic version), while their confluence with collectivism and aspiration for the common good are seen more clearly [9, p. 306, 292].

Such approach enables the prospect of an appropriate work of political journalism which core is free creator who takes part in public communication processes and notes the course of social development along with the activities of social and political agents. Opportunities for creativity in today's political journalism are diverse, and the tolerance characteristic considered is reflected in them. Tolerance or intolerance quality becomes inherent for the particular communication participant, and it reveals itself in the content of this participant's texts through the subjective view of the political reality and comparison of the subjective view with the social actuality. Forming of a journalist's political consciousness and political culture happens in this way, on the basis of free creativity, at the same time, the journalist correlates their view of the political processes with the public interest.

In other cases, when the mental work on the correlation of interests of the individual and society is not carried out and interconnection and interdependence between them is not set, tolerance level in the free creation process decreases to the indicators of openly demonstrated hatred and tendency to the destruction of a different point of view. Chiefly, it happens verbally, for example, there is a plenty of abusive words in the comments on the politicians' actions in the Internet; and in other social circumstances, intolerance appears not only verbally but also physically with an assault, fighting or killing. These extreme manifestations of a conflict, unfortunately, have become real phenomena of today's social and political actuality. Journalism and mass media form the political media culture of communication space participants and social and political players, as well as they show the patterns of political behavior to the audience, and it all is due to their work and participation of public opinion leaders, political and economic elite's representatives, civil society in their work.

Cognitive analysis. The media work shows that the main criteria for a tolerant political discourse in the media are the creative components reflected in the journalism texts, such as: creativity of an author and a work's characters, identity of an author's style and ways to draw attention and interest of the audience. These ways are vitality, or even sensationalism, irony and sarcasm, plot, composition and dramatic characteristics of a text.

Following statements of people about politics and authorities can serve as examples of tolerant political discourse realization: "I have still kept the old habit of not talking about authorities. I think it's okay as long as we sit here, talk and have the opportunity to travel abroad and share our thoughts at least in the Internet" [10, p. 2]. The power in the original mythology is represented by court. Born and nourished by gods, people, also, need care and their relationships imply regulation from the top-down. To judge people means to give each of them their own place, to determine an area and frames for everyone. This is the power of the court (authorities). It is not the ruler who needs power but the commanded people themselves. The power is a reward and blessing not for the leaders but for the people. The motif when someone is called for assuming power on the assumption that the future ruler assumes it reasoning from mercy and indulgence to the future subjects is widespread in the mythology [11, p. 29-30].

Political discourse can acquire ironic and humorous forms towards state political leaders. The fact that irony can be used as a journalistic method and is included in the public communication in general contributes to the understanding and tolerant

social interaction between people and authority. A text can be neutral, and in a neutral text, the function of irony is performed by the facts reflected in a journalist's work in some special way. On the contrary, the wicked humor (sarcasm) disorganizes public political interaction. The irony in political communication is a sign of acceptance of the government, and sarcasm, as a rule, contains a sign of its disapproval, expressed in impolite, often, insulting or even slanderous interpretation of actual or potential actions of the officials.

Satirical political texts may be of more moderate character and so acquire attributes of feuilleton, a work criticizing just certain drawbacks. It is supposed that the drawbacks in the criticism feuilletons can be eliminated by the criticized individuals on their own. Vague boundaries between a lampoon and a feuilleton are a feature of political satire. Often, authors of satirical works turn from discussion of particular political issue (political irony) to discussion of personal qualities: advantages, disadvantages of political opponents' appearance which results in a direct insult to the certain individual. Words with a strong negative emotional coloring are used in the text. Ethics of communication in a public political discourse is often not respected.

V. Dem'yankov notes that deriding of the opponent in political debate is one of the ways to destroy them. In general, according to many theorists (e.g., Henri Bergson), laughing is a sign of subconscious desire to humiliate the opponent, and thus to regulate, improve their behavior. This idea has been deliberately used in political debate ever since the Roman Empire time. This is confirmed by Cicero's diatribes in which even not related to the politics intimate characteristics of the opponent are ridiculed. Deriding is in between ethical and improper conduct. Public considers offensive humor as suitable only in the most crucial period, and normally, it is inappropriate [12, p. 32].

Discussion

Entry into a political dialogue does not mean its certain success. The responsibility for the information given to the society rests with politicians, state officials, journalists and experts. Public discourse can be canceled, paused and can lead to some unexpected results, regardless of the purpose of political interaction members initiating and participating in it. An extent of social interaction tolerance depends on the success or failure of the dialogue. In the Western democracy, the regulation of free information flow on the basis of informational and political pluralism stabilizes and strengthens the democratic system of a state. The implementation of the pluralism concept in Russia is a quite difficult task, mainly, for the lack of experience and development of democratic traditions. The approach of informational pluralism enables widespread use of methods of political struggle between different participants of political interaction (paradigm: interaction considered from various points of view). Information and communication pluralism allows to strengthen visible part of political discussions, but does not mean weakness of political will of state institutions concerned with making decisions in favor of not certain participants but the whole society in order to ensure the sustainability of their own functioning and self-preservation.

Intolerance, the reverse side of tolerance, is a result of a psychological reaction; it is a specific response of the communication member to the critical, unsolved, "frozen" problems of social interaction. Any physical violence is a priori intolerant. Intolerant behavior of an individual causes a response intolerant behavior of another interaction party. Intolerance reaction occurs in the situations when the conflicting parties exhausted other interaction means, first of all, consensus and negotiation ones which are implemented through public communication and discussions.

The aspects of the study of tolerance as a complex moral, psychological and political phenomenon remain significant to the scientific understanding. In the humanities knowledge field, set of tolerance problems is of an interdisciplinary character. Not only content characteristic of tolerant ethnic, social and political behavior and interaction studied by researchers is important, but also the overall effect of processes and events described in the media.

Conclusion

In democracy, a society's common interests are produced in mutually agreed free and legitimate actions of the authorities and citizens. These actions are carried out with the constant operation of public institutions and political parties that act within the existing legislation and treat each other in a tolerant manner. An efficient way of social development is maximum cooperation of all social and political forces evincing interests in different spheres of society life. Public discourse of the essential topics in the media, selection and centralization of ideas with the aim of solving crucial issues help the authorities to effectively respond to the society's requests and needs and to carry out public management.

Democracy implies social key decisions making, especially in providing political diversity and unlimited personality development. In this process, mass media plays a significant role of the public mood maintenance assistant and gives the information to the government about the most vital problems that require immediate resolutions. Adequately responding to the publicly raised questions, the authorities can take account of the results of social interaction and make efficient decisions with the view of continuous and sustainable development of society and the state. In this case, the decisions have public and state significance, are recognized on different levels of institution development, and the procedure for the adoption of specific solutions and ways to implement them are in the powers of the authorities.

Список литературы / References

1. Толерантность. Словарь по политологии. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2001. – 285 с.
2. Толерантность. Социология: Энциклопедия. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1312 с.
3. Романова Т.В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. – 2015. – №2 (52). – С. 39-49.
4. Блохин И.Н. Толерантность как принцип журналистской деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – Вып. 3. – Ч. I. – С. 120-126.
5. Сидоров В.А. Толерантность: «образ действий» в политической культуре журналиста // Толерантность. Журналистика, политика, культура: материалы межфакультетского теоретического семинара, 18 ноября 2002 года. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2003. – С. 87-102.
6. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. – Москва: Аспект Пресс, 2011. – 352 с.
7. Гавра Д.П., Родионова Е.В. Социальные характеристики политической толерантности взрослого населения Санкт-Петербурга (по данным эмпирического исследования) // Толерантность. Журналистика, политика, культура:

материалы межфакультетского теоретического семинара, 18 ноября 2002 года. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2003. – С. 123-144.

8. Стровский Д.Л. Социальный диалог в журналистике как условие формирования ее толерантности // Дискурс-ПИ. – 2003. – Вып. №1. – Т. 3. – С. 135-136.

9. Корконосенко С.Г., Кудрявцева М.Е., Слуцкий П.А. Свобода личности в массовой коммуникации. – Санкт-Петербург: СПбГЭТУ, Новый век, 2010. – 308 с.

10. Рябко В. БГ: «Бог всегда в нас»: Интервью с музыкантом Борисом Гребенщиковым // Gaudeamus. – 2008. – № 2. – 16 января.

11. Сапронов П.А. Власть как культурно-историческая реальность // Вода живая: Санкт-Петербургский церковный вестник. – 2007. – № 5. – С. 28-31.

12. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32-43.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Slovar' po politologii [The dictionary on political science]. – Rostov-na-Donu: RGU, 2001. – 285 p. [in Russian].

2. Sociologiya: Enciklopediya [Sociology: Encyclopedia]. – Minsk: Knizhnyj dom, 2003. – 1312 p. [in Russian].

3. Romanova T.V. Tolerantnost' i politkorrektnost': analiticheskij obzor sovremennogo sostoyaniya problemy (lingvisticheskij aspekt) [Tolerance and political correctness: analytical review of the current state of the problem (linguistic aspect)]. // Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. – 2015. – №2 (52). – P. 39-49. [in Russian].

4. Blohin I.N. Tolerantnost' kak princip zhurnalistskoj deyatel'nosti [Tolerance as principle of journalistic activity]. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism]. – 2008. – Вып. 3. – Ч. I. – P. 120-126. [in Russian].

5. Sidorov V.A. Tolerantnost': "obraz dejstvij" v politicheskoy kul'ture zhurnalista [Tolerance: "line of action" in political culture of the journalist]. // Tolerantnost'. Zhurnalistika, politika, kul'tura: materialy mezhfakul'tetskogo teoreticheskogo seminar. 18 noyabrya 2002 goda [Tolerance. Journalism, policy, culture: materials of an interfaculty theoretical seminar. November 18, 2002]. – Sankt-Peterburg: SPbGU. – 2003. – P. 87-102. [in Russian].

6. Prohorov E.P. Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki [Introduction to the theory of journalism]. – Moskva: Aspekt Press, 2011. – 352 p. [in Russian].

7. Gavra D.P., Rodionova E.V. Social'nye harakteristiki politicheskoy tolerantnosti vzroslogo naseleniya Sankt-Peterburga (po dannym ehmpiricheskogo issledovaniya) [Social characteristics of political tolerance of adult population of St. Petersburg (according to empirical research)]. // Tolerantnost'. Zhurnalistika, politika, kul'tura: materialy mezhfakul'tetskogo teoreticheskogo seminar. 18 noyabrya 2002 goda [Tolerance. Journalism, policy, culture: materials of an interfaculty theoretical seminar. November 18, 2002]. – Sankt-Peterburg: SPbGU. – 2003. – P. 123-144. [in Russian].

8. Strovskij D.L. Social'nyj dialog v zhurnalistike kak uslovie formirovaniya ee tolerantnosti [Social dialogue in journalism as a condition of formation of its tolerance]. // Diskurs-PI [Discourse PI]. – 2003. – Вып. №1. – Т. 3. – P. 135-136. [in Russian].

9. Koronosenko S.G., Kudryavceva M.E., Sluckij P.A. Svoboda lichnosti v massovoj kommunikacii [Personal freedom in mass communication]. – Sankt-Peterburg: SPbGETU, Novyj vek, 2010. – 308 p. [in Russian].

10. Ryabko V. BG: "Bog vseгда v nas": Interv'y u muzykanta Borisom Grebenshchikovym [BG: "God always in us": Interview to the musician Boris Grebenshchikov]. // Gaudeamus. – 2008. – № 2. – 16 yanvarya. [in Russian].

11. Saproнов P.A. Vlast' kak kul'turno-istoricheskaya real'nost' [Power as cultural and historical reality]. // Voda zhivaya: Sankt-Peterburgskij cerkovnyj vestnik [Water of life: St. Petersburg church vestnik]. – 2007. – № 5. – P. 28-31. [in Russian].

12. Dem'yankov V.Z. Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as subject of political philology]. // Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya [Political science. Political discourse: History and modern researches]. – 2002. – № 3. – P. 32-43. [in Russian].

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.123

Павлова С.А.¹, Павлов И.Е.², Чибизова А.М.³

¹Доктор биологических наук, профессор кафедры управления природопользованием и охраны окружающей среды, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

²Институт общественных наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, консультант Совета Федерации РФ

³студент, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет управления персоналом и государственной службы, Москва

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления развития современной Российской науки с учетом исторической преемственности. Отмечается, что в современный период политика государства в области развития науки и образования базируется на принципах, которые были заложены Петром I. Поэтому анализ динамики в области науки в историческом ключе и его прогнозирование особенно важны в нынешнее время. В статье проанализированы материалы Федеральной целевой программы развития образования в России до 2020 года.

Ключевые слова: федеральная целевая программа, фундаментальная наука, образование, политика, эпоха Петра I.

Pavlova S.A.¹, Pavlov I.E.², Chibizova A.M.³

¹PhD in Biology, the professor of chair of management of wildlife management and preservations of the environment, Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation

²Institute of social sciences, Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, the adviser of the Federation Council of the Russian Federation

³student, Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, student at the faculty of management and public service. Moscow

MODERN REALITIES OF DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION IN RUSSIA

Abstract

In article the basic directions of development of a modern Russian science taking into account historical continuity are considered. It is noticed that during the modern period of the politician of the state in the field of science and education development is based on principles which have been put by Peter I. Therefore, the analysis of the dynamics of science in the historical vein and its prediction are especially important at the present time. In article materials of the Federal target program of a development of education in Russia till 2020 are analyzed.

Keywords: the federal purpose program, fundamental science, education, politic, era of Peter I.

In the Russian Federation the Federal target program of a development of education on 2016 - is accepted 2020. The state customers of the Program are the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal Agency of supervision in an education sphere and sciences. The program is confirmed by the governmental order of the Russian Federation from May, 23rd, 2015 N 497. Now in the Russian Federation the great attention is given to development of fundamental scientific directions. The fundamental science creates necessary base for creation of applied innovative technologies which form comfortable for life of people inhabitancy.

Preconditions of origin of a science are covered in the person, in its cognitive activity. The scientific directions created by the person, allow not only to understand the world surrounding the person in all its complexities and details, but also are tools of its converting activity. Now, when the person has understood that natural resources exhaustible, he has reflected not only on their safety, but also began to develop programs of rational use of resources of environment and practically to introduce innovative technologies in actions for their renewal. It would be impossible, if the person did not know fundamental laws of development of the nature, a society and human activity. Consider that each ten-fifteen years the volume, already available knowledge at mankind, increases, at least, twice.

In the history of Russia some periods of recession and lifting of scientific activity are marked. Formation of a modern science in the Russian Federation consider as the historical precondition of development of scientific knowledge and connect from scientifically-practical activities outstanding scientists. Addressing, by Peter I epoch, the policy role, in science development is clear to become. Peter I - the reformer which prediction of the future development of Russia became clear not only to Russian society, but also politicians of foreign countries [1; 2]. The modern scientific organization with gratitude remembers Peter's reforms and follows its precepts.

During its epoch, Russia was in a difficult economic and political situation:

- Considerable backlog from the European countries in the economic and military plan.
- The people - the patriarchal Middle Ages.
- The control system of the state and army - is not generated.
- Cultural isolation.
- Not studied earths, the seas and resources.
- An impoverishment of citizens as a result of requisitions.
- Church split.
- Backlog in a science.

These preconditions influenced statehood system. To keep the state, Peter's reforms were necessary. Under its management full-scale transformation of almost all aspects of life has been spent to Russia: economy, politicians, social, cultural and educational activity. For realization of reforms in life, experts were required the well educated. That the Russian person has got good education, Peter offered some aspects of formation. So, in Russia have appeared « user wizards» -

«European formed graduates». Invited for training of Russian people, foreign scientists not only prepared experts in Russia, but also selected the most capable which then by order of the tsar, have been awarded abuse to get education at the best schools of thought of Europe. Very soon Peter I has understood that such foreign training not always brings positive result. The nobility tried to attach children in the European institutions. And they had no "draught" for training and did not know a foreign language.

In Russia began to organize averages and the higher schools. In them were engaged in preparation of teachers and experts for various spheres of public life. In 1701 in the Suharevsky tower the school mathematical and scholarship sciences »which became the ancestor of Sea academy in St.-Petersburg, created already in 1715 has opened«. In 1707 the Medical school has opened. For needs of a mining industry began to open mountain and engineering educational institutions. In first half of XVIII-th century there has been begun work on drawing up of "the Atlas of the All-Russia empire». Geographical features of Russia and its sea borders formed geopolitical aspects of the state on international scene and have caused necessary development of shipbuilding and preparation of experts of navigation. In provinces organized schools. During Peter's epoch was three kinds of schools - 46 diocese, preparing clerics, 42 numerical - for preparation of officials, and in garrisons - schools for children of military men. During the period with 1703 for 1715 in Moscow "Grammar school" in which trained in foreign languages was formed.

The education system needed highly skilled teachers and in textbooks in Russian. Under the direction of Peter I in 1708 the new civil font and the beginning actively has been entered to develop publishing, to the public left more than 600 names of books and editions, book-trade has begun. In 1714 under Peter I decree in Petersburg the state library first in Russia has started to work. Its occurrence met the developed requirements of cultural life of the country. It consisted of books and manuscripts of imperial libraries and the former Pharmaceutical order. In 1725 the library has been transferred in conducting the Petersburg Academy of Sciences, and its replenishment by the literature was carried out at the expense of the academic scientific editions, purchase of books and presented. Opening of the Petersburg Academy of Sciences became achievement of Russian science and education of a Petrovsky epoch.

Peter I all life, in word and deed, has proved that the science does a policy of the state. During a difficult epoch of the state development, science and education helps to generate correct understanding of that occurs and forms a civic stand.

In programs of modern parties of the Russian Federation it is given particular attention to the Russian science and education.

The communist party of the Russian Federation formulates the position, leaning against historical experience and achievements of a domestic and world science. In its understanding, the science is a direct productive force of a society. One of the party main tasks consists in formation of outlook of a modern society in the field of necessary development of branches fundamental and applied sciences, and in necessity of preparation the highly educated people. Only on the basis of achievements of scientific and technical revolution national economy reconstruction, for the purpose of satisfaction of requirement of the future generations is possible. The power should provide the accelerated development of education and cultures.

Party «United Russia» activity is directed on preservation and development of the best traditions of the Russian science, engineering school, creation of worthy conditions for realization to Russia to scientific activity, support of young and talented scientists.

Liberal-democratic party Russia in the party programs, is paid attention by that the budgetary policy of the state should be directed on optimum financing of scientifically-practical workings out as economy modernization is impossible without successes in a science - a maximum of the end results at reasonable expenses of the budget.

Supporters of party «Fair Russia» consider that a priority direction of a state policy is system support of fundamental science. They consider that introduction in economy of high technologies, including the information will allow to lift national economy, but it cannot be carried out without mental potential reproduction. They see necessity for expansion of the program of support of the major system resources of innovative development of the country: domestic schools of thought, science cities, techno parks, techno policy, "incubators" of the newest technologies, territories of advancing development, building on their basis effective innovative system.

Leading parties of the Russian Federation stand on a common position - necessity of support and development of an is fundamental-practical science and formation improvement of quality. They have supported necessity of realization of the state Federal target program of a development of education on 2016 - 2020 (a Fig. 1). The program will be realized in 2016 - 2020 in 2 stages [3]:

The first stage - 2016 - 2017 - approbation and introduction of models and a series of measures, begun within the limits of the Federal target program of a development of education on 2011 - 2015.

As a result:

- To provide flexible both effective updating and updating of introduced models and spent actions taking into account the occurred changes standard-legal grounds and developing enforcement experts;
- Will finish the building of objects begun within the limits of the Federal target program of a development of education on 2011 - 2015.

The second stage - 2018 - 2020 - basic changes of structure of the educational organizations in system of higher education and average vocational training.

As a result:

- To introduce in practice new mechanisms of functioning of the education system, focused on perspective intermediate term and long-term forecasts of social and economic development of the Russian Federation;
- To extend new educational programs of a magistracy and postgraduate study and technology of their realization;
- To provide distribution and practical introduction of new technologies of the general (including preschool) and additional education;
- To realize effective mechanisms of involving of pupils and students in social practice.

It is necessary to enter the all-Russian independent system of an estimation of quality of formation and educational results into educational practice. It should be based on principles of professional public participation. It is necessary to provide efficient control an education system and to realize investment projects on building of objects of a social, study-laboratory, sports, economic and municipal infrastructure.

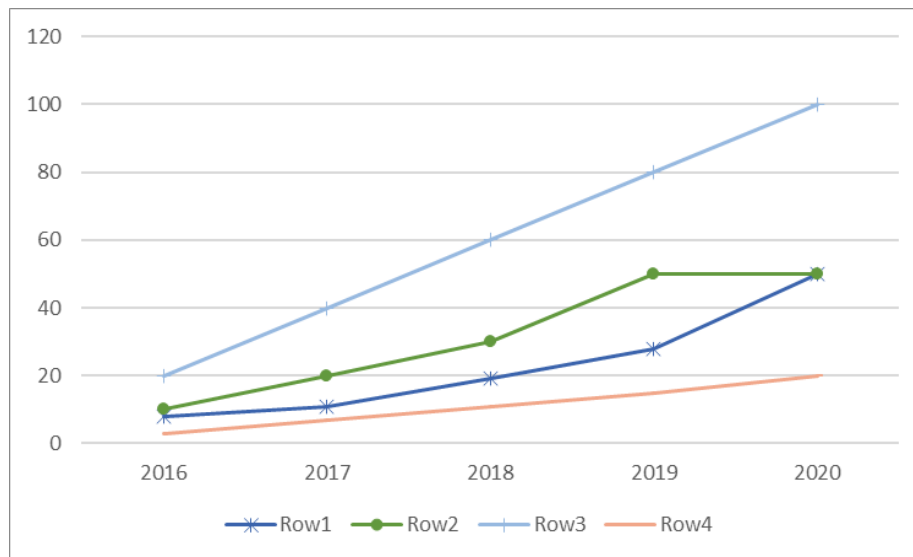

Fig. 1 – Expected planned result of performance ФЦП on the basic indicators

Designations:

A row number 1. A share of the educational organizations of higher education in which individual curricula on selection to a basis, in total of the educational organizations of higher education (calculation from 50 percent are introduced).

A row number 2. A share of the average professional educational organizations in which a professional training by trades 50 most perspective and claimed on a labor market and the specialties demanding average vocational training, in total of the average professional educational organizations (calculation from 100 Percent is carried out).

A row number 3. A share of the educational organizations realizing adapted educational programs in which modern material conditions according to the federal state educational standard of formation trained with the limited possibilities of health, in total of the organizations realizing adapted educational programs (calculation from 20 percent are created).

A row number 4. A share of regional education systems in which estimated tools (on the basis of international) with a view of carrying out of the internal regional analysis and an estimation of quality of formation, in total of regional education systems (calculation from 100 percent are developed and extended for use).

According to the settlement data under the federal target program of a development of education in Russia on 2015 - the increase in all indicators put in the program 2020 is provided. Thus, it is noticed that the highest indicators will be reached in 2020 (a Fig. 1). In ФЦП indicators have Great value:

- A share of the educational organizations of higher education in which individual curricula on selection to a basis, in total of the educational organizations of higher education are introduced.

- A share of the average professional educational organizations in which a professional training by trades 50 most perspective and claimed on a labor market and the specialties demanding average vocational training, in total of the average professional educational organizations is carried out.

- A share of the educational organizations realizing adapted educational programs in which modern material conditions according to the federal state educational standard of formation trained with the limited possibilities of health, in total of the organizations realizing adapted educational programs are created.

- A share of regional education systems in which estimated tools (on the basis of international) with a view of carrying out of the internal regional analysis and an estimation of quality of formation, in total of regional education systems are developed and extended for use.

Thus, it is defined that the great value in the modern policy of a development of education and a science to be taken away to preparation of highly formed shots, improvement of quality of system of regional training and the socially-adapted programs, taking into account specificity of a professional training - people with the limited possibilities of health. Socially focused programs have humanitarian value.

In modern Russia are created new educational cluster, new schools of thought are formed. Formation is accessible for all comers. Library of Academy of Sciences in St.-Petersburg as continuation of Petrovsky undertakings, in the present is one of the most oldest library centers and architectural monuments in the field of culture. It is considered one of full-scale libraries of the world who totals more 19 million names of books. Except funds, the Library of Academy of Sciences contains special sectors in more than 40 academic institutes and the establishments entering into the St.-Petersburg center of science of the Russian Academy of Sciences. Its merit is the meeting of books on all branches of knowledge and the domestic literature almost in full. Funds of a foreign material on natural and physical and mathematical sciences are great. Constantly there is a book-exchange to 99 countries of the world. The Russian scientists glorify the Russian science. They work in many countries of the world are Nobel winners, these are schools of thought. Russia has all historical and modern preconditions for development of branches of fundamental science. The policy of the state is directed on maintenance of a domestic science and directed on formation improvement of quality.

Список литературы / References

1. Анисимов, Е. В. Время Петровских реформ XVIII в., 1-я четверть [Текст] / Е. В. Анисимов. - Л. : Лениздат, 1989. - 496 с. : ил. - (Историческая б-ка "Хроника трех столетий". Петербург - Петроград - Ленинград).
2. А. Н. Сахаров История России с начала XVIII до конца XIX века / Л.В. Милов, П.Н. Зырянов, А.Н. Боханов; отв. ред. А.Н. Сахаров. — М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. — 544 с., илл.
3. Российская Федерация. Постановление Правительства РФ от 23.05.2015 N 497 О Федеральной целевой программе развития образования на 2016 - 2020 годы : [утверждено Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2015 г. N 497.]. – М. : 2015. – 89 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anisimov, E. V. Vremja Petrovskih reform XVIII v., 1-ja chetvert' [Time of Petrovsky transformations] / E. V. Anisimov. - L. : Lenizdat, 1989. - 496 p. : il. - (Istoricheskaja b-ka "Hronika treh stoletij". Peterburg - Petrograd - Leningrad). [in Russian]
2. A.N. Saharov Istorija Rossii s nachala XVIII do konca XIX veka [History of Russia from the beginning XVIII till the end of a XIX-th century] / L.V. Milov, P.N. Zyrjanov, A.N. Bohanov; отв. red. A.N. Saharov. — М.: ООО «Izdatel'stvo AST-LTD», 1998. — 544 p., ill. [in Russian]
3. Rossijskaja Federacija. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.05.2015 N 497 O Federal'noj celevoj programme razvitiya obrazovanija na 2016 - 2020 gody [Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation from 23.05.2015 No. 497 The Federal target program of a development of education on 2016 - 2020]: [approved by the Approved by the government of the Russian Federation from May 23, 2015 No. 497.]. – М. : 2015. – 89 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.095

Томбу Д.В.

ORCID 0000-0002-1817-7424, Кандидат социологических наук,
Московский педагогический государственный университет

**О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛЬЗЕ ЧЕЛОВЕКА ПОТРЕБЛЯЮЩЕГО:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация

В статье акцентируется внимание на сохраняющейся в социально-политических науках тенденции отождествления экономических и политических интересов. Делается вывод о том что Человек Потребляющий являясь продуктом совместных идеологических и научных усилий, на протяжении последних столетий, используется исключительно для освещения негативных тенденций. Тогда как по мнению автора социально-типичная модель человека потребляющего, освобожденная от аксиологической нагрузки может претендовать на роль концепта, аккумулирующего результаты научной рефлексии по поводу происходящих в социально-политической сфере изменений.

Ключевые слова: идеология, социально-политическая теория, человек потребляющий, потребление, экономические интересы, политические интересы, политический рынок.

Tombu D.V.

ORCID 0000-0002-1817-7424, PhD in Social Sciences, Associate Professor, Political and Social Sciences Chair, Moscow State Pedagogical University sociology

ABOUT THE THEORETICAL AND PRACTICAL BENEFITS OF HOMO CONSUMING: THE PROBLEM

Abstract

In the following article the attention is concentrated on the tendency of identification of economical and political interests, remaining in social-political sciences. The conclusion drawn is that the Consuming Person, being a product of cooperative ideological and scientific efforts, is used for the highlighting of the negative trends only over the last centuries. While, according to the author, social-typical model of the Consuming Person that is released from axiological load can claim for the role of the concept accumulating the results of the scientific reflection in relation to the changes happening in the social-political area.

Keywords: ideology, social and political theory, a homo consuming, consumption, economic interests, political interests, the political market.

Проблематика социального типа личности, востребованного и сформированного современным обществом потребления является предметом постоянного внимания со стороны антропологов, социологов, культурологов, и лишь эпизодически – представителей политических наук. При этом среди последних, наблюдается огромный интерес к исследованиям связанным с темой мягкой силы как во внешнеполитических процессах, так и во внутренних. Если принять во внимание что в основе концепта «мягкой силы», фиксирующего смену инструментов властвования, лежат прежде всего социокультурные доминанты: ценности, идеи, символы, визуальные и когнитивные соблазны и т.п., то необходимость определения базового контемпорального типа личности становится очевидной. Использование модели «человека потребляющего» позволяет концептуально связать результаты научной рефлексии отражающей изменения в сфере политического.

Возрастающий дефицит в понимании общей картины происходящих изменений, а главное, их негативная оценка, как результат анализа современных состояний, таких политических феноменов как политическая культура, социализация; политическое сознание и поведении; формы и степень политической активности и т.п. становятся все очевиднее. На наш взгляд, это обусловлено в том числе нежеланием расстаться с до сих пор господствующей в

социальных науках гуманитарной парадигмой Нового времени, с ее концепциями демократического гражданина и принять как данность (социальную тотальность) человека Потребляющего. Парадоксальность сложившейся ситуации заключается в том, что Консерватизм, Либерализм и Социализм, предлагая на уровне теории и практики казалось бы разные формы и способы социальной регламентации, опираются на одну и ту же исходную категорию - экономического интереса, легализовав в нем личную выгоду, алчность, эгоизм. Человек Потребляющий – продукт несомненно совместных идеологических и научных усилий, настаивавших на взаимообразной детерминированности экономических и политических интересов на протяжении последних столетий.

Современный этап развития социально-политических теорий породил немало количество прикладных дисциплин, настаивающих на предсказуемости и предопределенности экономических, а значит и политических в указанном выше нарративе интересов человека. Политический менеджмент, политический маркетинг, политический бенчмаркинг, политическая имиджология, политическая реклама и т.п.. В их предметном поле, мы не обнаруживаем того самого Человека потребляющего, во имя, благодаря и для, которого, они собственно говоря и сформировались. «Но понимание связи между теориями и служит средством достижения цели: восстановить связь близких по сути идейных формаций, развивавшихся изолированно друг от друга. Несмотря на изоляцию, разные идеологии идут к созданию целостного образа.» [5, С.51-52]. На этот «целостный «образ», на наш взгляд, вполне может претендовать социально-типическая модель человека потребляющего, без всякой аксиологической нагрузки.

Возникновение политического рынка – пожалуй самый яркий и очевидный пример торжества практического и теоретического слияния экономических и политических интересов и пространство действия Человека потребляющего. Один из наименее свободных рынков, цитируя П. Бурдьё, «пути» которого «тяготеют» прежде всего над доминируемыми и «где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция: проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей» и тем более рискующие попасть впросак, чем более удалены они от места производства..., чем более они лишены социальной компетентности в политике и инструментов, необходимых для производства политических выступлений и акций». [1, С.182, 185].

«Времена, когда демократия действительно служила адекватным средством принятия эффективных политических решений, минули и не возвратятся, как бы нам этого ни хотелось» - утверждают Ян Зодерквист, Александр Бард в своей «нашумевшей» несколько лет назад книге «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма» [2]. Вывод без сомнения дискуссионный. Если считать критерием эффективности укрепление государственности и, именно так понимать аристотелевское всеобщее благо, старательно подгоняя его под разные варианты и нюансы этатизма, то демократические механизмы по-прежнему справляются. А если установление, воспроизводство и защиту выбранного и провозглашенного в качестве «идеального» типа экономических отношений (рыночных, централизованных, смешанных) как эффективного способа решения всех социальных проблем, то такого времени, в истории, пожалуй, еще не было. И видимо, имеет смысл принять как данность, что и не будет: «...социальные проблемы невозможно решить ни религиозными, ни моральными, ни экономическими, ни политическими средствами. Главной причиной такой невозможности являются социальные институты и группы, профессионально занятые в сфере экономики, религии, морали, политики и производства идеологий». [3, С.153].

Нельзя не отметить, что деструктивной роли социальных, политических институтов; профессиональных, экспертных сообществ уделяется гораздо меньше исследовательского внимания, чем обнаружению различного рода негативных тенденций в образе жизни управляемых слоев населения. Анализ бесконечных вариантов политических технологий и манипуляций довлеющих над условно свободным выбором потребителей абсолютно во всех сферах жизни (современный рынок не столько конкуренция сколько монополия) очевидно преобладает над анализом интересов власть имущих.

Парадокс заключается в том, что чем больше и изощреннее современного человека втягивают во всевозможные потребительские практики, ныне, используя все могущество информационных технологий, тем интенсивнее осуждаются происходящие с ним трансформации, тем большим обвинениям в без духовности, материалистичности, эгоизме, аморальности, социальном кочевничестве, аполитичности и т.п., он подвергается, и прежде всего, со стороны социо-гуманитарных наук. Возможно, такое положение вещей отражает никогда не исчезавший сервиллизм социальных теоретиков в отношениях с политическими элитами. А может быть, и подготовку к внедрению в общественное сознание новых культурных паттернов, необходимых для успокоения населения в условиях обостряющегося экономического кризиса, снижения уровня благосостояния.

Концентрация усилий на анализе и оценках поведения подвластных групп проще и методологически, и технически, и по мере ответственности, особенно на уровне прогнозов об опасности распространения идеологии потребительства. Самой не понятной здесь представляется активность, демонстрируемая, религиозно настроенной частью научного сообщества. Не в недрах ли Христианства при помощи последователей Кальвина поиск индивидуального спасения трансформировался в том числе в одобряемое стремление к мирским благам и составил знаменитый благодаря М. Веберу «Дух капитализма» – вопрос конечно риторический. На практике же, все религиозные организации активнейшим образом включены в современные практики потребления: в материальные, технологические, в информационные. Электронные разбрызгиватели святой, воды и исповедь по скайпу, активная коммерческая деятельность – дань потребностям современной паствы и необходимое условие сохранения и воспроизводства самой Церкви. И в этом нет ничего дурного и предосудительного, как и в самом потреблении/потребительстве/человеке потребляющем.

Без потребителя-избирателя-налогоплательщика, экономическое и политическое существование государства, социума невозможно. Без потребления различных товаров, услуг, информации и тем самым удовлетворения самых разных потребностей включая духовные, религиозные, нравственные, человек не может ни развиваться, ни общаться, ни растить и воспитывать детей, ни испытывать, столь востребованное сегодня в России чувство патриотизма, ни просто жить. Довольно сложно (если не бессмысленно) сравнивать страны по степени реализации в них

универсальных принципов свободы, равенства, справедливости, тогда как дифференциация стран по критериям качества жизни, экономической эффективности, возможности самореализации – свершившийся факт. «Если расположить страны на этой шкале, то на вершине окажутся государства, не требующие ни иррациональной лояльности, ни патриотической идеологии» [3, С.149], ни борьбы с «ужасами» потребления.

Поразительно, но на сегодняшний день в самом, подробном, развернутом интереснейшем анализе генезиса Человека потребляющего, выполненного Т. Хагуровым, потребитель рассматривается как девиантологическая проблема современности и противопоставляется «человеку нормальному» [4, С. 299-301], Невежество, алчность, коррупция, совершаемые во имя всего этого преступления, встречаются и у человека «экономического» «организационного», «играющего», «политического», при всех видах экономики и формах политического правления. Может быть, имеет смысл отнести к человеку потребляющему как к самому современному социальному типу, распространенному не только в подвластных, но, и во властных группах, с более пристальным и менее негативным вниманием и особенно в контексте социально-политических наук.

Список литературы/ References

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. [Электронный ресурс] <http://profilib.com/chtenie/5150/aleksandr-bard-netokratiya-novaya-pravyaschaya-elita-i-zhizn-posle-kapitalizma.php> (дата обращения 20.10.2016).
2. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. - 336с.
3. Макаренко В. П. Теория неожиданных последствий Альберта Хиршмана. //Terra Economicus. Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2009. – Том 7. - №4. – С.130-153.
4. Хагуров Т. «Человек потребляющий». Антропологическая девиантология массовой культуры. [Электронный ресурс] http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Khagurov-Chelovek_potreblyayuschiy.pdf (дата обращения 20.10.2016).
5. Хиршман А. Рыночное общество: противоположные точки зрения. [Электронный ресурс] http://ecsocman.hse.ru/data/090/900/1216/007_hirshman.pdf (дата обращения 20.10.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bard A., Zoderkvist A. Netokratiya. Novaya pravyashaya elita izhizn posle kapitalizma Netokratiya. [The new ruling elite and life after capitalism] [Electronic resource] – URL: <http://profilib.com/chtenie/5150/aleksandr-bard-netokratiya-novaya-pravyaschaya-elita-i-zhizn-posle-kapitalizma.php> (data obrashhenija 20.10.2016). [in Russian]
2. Bourdieu P. Sosiologija politiki. [Sociology of politics] М.: Socio-Logos, 1993. 336s. [in Russian]
3. Makarenko V. P. Teorija neozidanih posledstvij Alberta Hirshmana. [The theory of unintended consequences Albert Hirschman] //Terra Economics. Econom. vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta – 2009. – Tom 7. - №4. – S.130-153. [in Russian]
4. Khagurov T. Chelovek potrebyayuschiy. Antropologicheskaja deviantologija masovoi kulturi. [A person consumes. Anthropological deviantology of the mass culture.] [Electronic resource]. – URL: <https://goo.gl/bQx3mv> (data obrashhenija 20.10.2016). [in Russian]
5. Hirshman A. Rinochnoe obshestvo: protivopozhnie tochki zrenjia. [Market Society: opposing viewpoints].– URL: http://ecsocman.hse.ru/data/090/900/1216/007_hirshman.pdf [Electronic resource] (data obrashhenija 20.10.2016). [in Russian]

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.145

Исмаилова Л.М.

Кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА

Аннотация

В данной работе раскрывается понятие профессиональная культура, проводится анализ ценностей, как условие и средство жизнедеятельности человека и общества. Рассмотрены основные аспекты, способствующие формированию культуры специалиста по социальной работе. Влияние культуры общества и всего комплекса социальных факторов на становление профессиональной культуры социального работника и взаимосвязь с другими компонентами культуры личности. Обозначена роль учебно-воспитательного процесса в формировании профессиональной культуры специалиста социальной работы. Сделан анализ социальных факторов влияющих на становление профессиональной культуры социального работника.

Ключевые слова: социальная работа, профессиональная культура, ценности, личность, общество, специалист.

Ismailova L.M.

PhD in Philosophy, associate Professor of Department of theory and technology of social work,
Chechen state University

PROFESSIONAL CULTURE OF SOCIAL WORKER

Abstract

In the present work reveals the concept of professional culture, the analysis of values as a condition and tool of human activity and society. Considered the main aspects that contribute to shaping the culture of the masters in social work. The influence of culture and social factors on the formation of professional culture of social worker and the relationship with other components of the culture of the individual. The role of the educational process in forming of professional culture of a specialist of social work. The analysis of social factors influencing the formation of professional culture of social worker.

Keywords: social work, professional culture, values, personality, society, specialist.

Реализация государственной политики в социальной сфере является приоритетной задачей развития Чеченской Республики. Социальная работа сегодня еще находится на этапе своего становления, существующая система социальной защиты населения создана с учетом специфики социальной политики региона, учитывая потребности граждан в социальных услугах. Изучение специфической профессиональной компоненты социальной работы важно для понимания её смысла. Возросшее внимание к развитию личностного, делового потенциала участников общественного производства активизировало исследование проблем формирования характеристик личности, приоритетных для её социального и профессионального самоопределения: гибкости, мобильности, готовности к самопознанию. Анализ философской, социологической, психолого-педагогической литературы свидетельствует о том, что не выработана ещё четкая трактовка понятия профессиональная культура. Несомненно, разработанные с 2013 года профессиональные стандарты оказывают своеобразную помощь специалистам в профессиональной деятельности, повышая тем самым эффективность и качество труда. Актуальным проявлением в современных социально-экономических условиях становится способность осмысления значимости профессиональной культуры и особенно её личностного компонента.

Безусловно, профессиональный компонент характеризуется компетентностью, высоким уровнем организации труда, рациональным распределением рабочего времени, ритмичностью, слаженностью. Нравственный компонент проявляется в сознательности, самодисциплине, гуманном отношении и богатстве духовной культуры. Нередко исследователи вводят понятие профессионально-нравственная культура труда, стремясь в самом термине акцентировать внимание на единстве профессионального и социально-нравственного аспектов в проявлении личностной культуры.

Профессиональная культура складывается из профессиональных качеств, которые приобретаются в процессе обучения студентом в образовательном учреждении и личностно-индивидуальных качеств человека, свойственных только ему.

Социальная работа как динамичная система многогранна, а методы и технологии, применяемые на практике социальной работы, носят интегрированный характер. Являясь специфическим видом социальной деятельности, она практически затрагивает все стороны общественного бытия, играя важную роль в совершенствовании человека и стремлении к благополучию. Как правило, желая достигнуть благополучного состояния, человек исходит из соображений предпочтительности, важности того нового, что представляет собой ценность.

Характеризуя понятие ценности, можно сказать, что это фундаментальные принципы, то есть то, что личность ставит превыше всего в своей жизни. Без сомнения можно сказать, что ценности закладываются еще на ранних этапах развития личности, начиная с раннего детства в семье, а затем по мере его развития и становления в социальных институтах. Проблема усвоения общечеловеческих ценностей в индивидуальном осознании относится к числу важнейших, так как личность – субъект культуры, и в своей деятельности, поступках, мыслях он опирается на общечеловеческие нравственные ценности, которые является фундаментальной основой всякой культуры.

Изучая ценности индивида, мы можем определить уровень его духовной зрелости и степень усвояемости личностью всего богатства человеческой культуры. Следовательно, о системе ценностей личности можно судить по его поведению. Решающее влияние на формирование общечеловеческих ценностей оказывает определение личностью

своего места в системе общественных отношений. Здесь имеют большое значение социальные, человеческие отношения, складывающиеся в рамках формальных и неформальных структур.

Если говорить о самом процессе подготовки специалиста к профессиональной деятельности в современных рыночных условиях, то следует отметить влияние направленности как интегральное свойство личности. Творческая направленность, есть важнейшая сторона личности конкурентоспособного специалиста, определяющего его социальную направленность и нравственную ценность. Она относится к числу сложных структур, определяющих общее и частное направление деятельности человека в разнообразных производственных и жизненных ситуациях. От специалиста нашего времени требуется в первую очередь, не столько возможность извлечь из памяти основные знания, усвоенные во время обучения в вузе, сколько умение объективно оценивать новые факты, явления с которыми он будет сталкиваться в своей профессиональной деятельности. Готовность и способность к разумному отбору, восприятию, внутренней переработке и дальнейшему использованию полученных знаний. Все большее значение в профессиональной культуре социального работника сегодня приобретает умение отделять в полученной информации главное и второстепенное, существенное и несущественное, а так же владеть принципами и методами. Решение такой задачи, как реализация цели подготовки специалистов на основе интеграции науки, производства и образования, ставит перед собой профессорско-преподавательский коллектив кафедры теории и технологии социальной работы Чеченского государственного университета. Обучаясь в нашем университете, будущий выпускник получает фундаментальную подготовку, овладевает общим методологическим подходом к созданию новых идей профессиональной деятельности социального работника, вооружается методами самосовершенствования и непрерывного самообразования.

Определенно важную роль в развитии творческой, следовательно, профессиональной направленности студентов играет педагог. При этом под профессиональной направленностью студента подразумевается формирование личности специалиста, его идейных взглядов, развитие его творческих способностей, мышления, умения работать самостоятельно. Творческие способности, насколько нам известно, из педагогического опыта, наиболее эффективно развиваются через личные переживания студента, связанные с его отношением к деятельности, что достигается с помощью целенаправленных воздействий, осуществляемых в ходе единого учебно-воспитательного процесса. Одновременно большое значение следует придавать эмоциональному фактору, играющему особую роль в учебной и научной деятельности. С этой целью по инициативе самих студентов на кафедре теории и технологии социальной работы создан и функционирует студенческий кружок «Соционом», целью которого является вовлечения студентов в социальную активность, формирование социальной компетентности будущих специалистов. Студенческий кружок работает по нескольким направлениям, во-первых это научная деятельность, которая включает участие студентов в научно-практических конференциях посвящённых проблемам социальной работы, организации и проведении круглого стола, где обсуждаются актуальные вопросы и темы. Следующим направлением является благотворительность, так например, ежегодно студенты готовят на Новый год развлекательную программу и устраивают праздник детям с ограниченными возможностями из реабилитационного центра г. Грозного. Рассматривая данный вопрос с точки зрения регионального аспекта, нужно отметить, что в Чеченской республике практически нет детских домов и домов престарелых, так как это противоречит национальному менталитету. Работают реабилитационные центры по оказанию социальной помощи населению, действуют общественные фонды, такие как Региональный общенациональный фонд имени героя России Ахмата Кадырова, а та же общественные фонды «Хайра», «Милостыня», «Рохьма». Проводят работу с населением благотворительные организации «Машар», «Даймохк». Несомненно, является значимой роль религии в формировании профессиональной культуры социального работника, как было уже сказано, с раннего детства в семье закладываются и передаются из поколения в поколение национальные традиции и обычаи, это почитать стариков, уважать старших, любить родных и близких. Таким образом, воспитывая необходимые этой профессии качества доброты, уважения, толерантности. Если кто и остаётся одиноким к старости, то каждый родственник считает своим долгом позаботиться о нем и помочь. В связи с этим чувство сострадания, заботы проявляются не только к близкому человеку, но и ко всем оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Рассматривая современную социальную работу в целом как формирующуюся, особую систему деятельности, можно отметить, что в складывающейся системе все еще не хватает подготовленных кадров социальных работников, а новой системы, которая удовлетворяла бы острые и неотложные потребности большого количества людей, до сих пор не создано. Понимание взаимосвязи системы социальной работы с другими социальными системами и системой общества в целом поднимает социальную работу на высокий уровень общественной культуры. Чем и объясняется повышенное внимание к профессиональной культуре социального работника. В сфере профессиональной социальной работы нравственные отношения определяют в значительной степени характер выполнения тех профессиональных обязанностей, которые возложены на специалистов по роду их деятельности. Эти нравственные отношения характеризуют содержание профессиональной морали в социальной работе.[1, с. 92].

Итак, мы проанализировали аксиологические аспекты профессиональной культуры социального работника. Выделили роль учебно-воспитательного процесса в формировании профессиональной культуры специалиста по социальной работе. Перечислили различные факторы, влияющие на становление профессиональной культуры социального работника, как личного характера, так и общественного, характерные для данного этапа развития общества. Резюмируя выше изложенное, остается добавить, что профессиональная культура социального работника выражается не только в компетентности как специалиста, но и гуманной позиции личности, обладающей способностью понять и принять другого, проявить сопереживание и уважение, что очень важно для эффективной профессиональной деятельности. А положительные результаты вдохновляют, определяют чувство комфортности, удовлетворенности своей деятельностью.

Список литературы/ References

1. Профессионально-этические основы социальной работы: учебник для студ. высш. учеб. Заведений / Г.П.Медведева.-М.: Издательский центр «Академия», 2007.-272 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Professional'no-jeticheskie osnovy social'noj raboty: uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb. Zavedenij [Professional and ethical basics of social work: textbook for stud. ouch. proc. Institutions] / G.P.Medvedeva.-M.: Izdatel'skij centr «Akademija»,[Publishing center "Academy], 2007.-272 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.088

Ковтун Г.С.

ORCID: 0000-0002-9422-3920, кандидат философских наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РОССИИ: БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

Данная статья посвящена библиометрическому анализу диссертационных исследований экологического туризма в России. Обоснованы его необходимость и значимость для дальнейших исследований в данной области. Приведены результаты библиометрического анализа диссертационных исследований экологического туризма, представленных на соискание ученой степени кандидата или доктора наук, защищенных в России и утвержденных ВАК (1999-2015 гг.). Дана характеристика их структуры и динамики. Высказано предположение о возможных направлениях дальнейших исследований данного феномена.

Ключевые слова: экотуризм, диссертационные исследования, библиометрический анализ.

Kovtun G.S.

PhD in Philosophy, associate professor, Far-Eastern Federal University

THE DISSERTATION RESEARCH OF ECOLOGICAL TOURISM IN RUSSIA: A BIBLIOMETRIC ANALYSIS

Abstract

This article is dedicated to bibliometric analysis of dissertation research of ecological tourism in Russia. Substantiates its necessity and importance for further research in this area. The results of the bibliometric analysis of the dissertation research of ecological tourism, presented for the degree of candidate or doctor of sciences, protected in Russia and approved by HAC (1999-2015). The characteristic of their structure and dynamics. It is suggested possible directions for further research of this phenomenon.

Keywords: ecotourism, dissertation research, bibliometric analysis.

Экологический туризм (далее – экотуризм) – явление для нашей страны относительно новое. Его распространение в России нередко связывают с началом реализации двух проектов, направленных на развитие экотуризма в Водлзерском национальном парке и в заповедниках Приморского края, и датируют 1995-1996 гг. [1, С. 5.]. На это время приходится и появление первых публикаций, а затем и первых диссертационных работ, посвященных исследованию феномена экотуризма. Сегодня, по прошествии двадцати лет, назрела необходимость обобщения результатов исследовательской деятельности российских ученых в данной сфере, без которого немислимо ее дальнейшее развитие. В связи с этим особую значимость приобретает осуществление библиометрического анализа – количественной оценки различных элементов документального информационного потока, представляющих собой «объективированные результаты» научной деятельности: статей, монографий, диссертаций, посвященных феномену экотуризма.

Центральным элементом информационного потока являются диссертации – уникальный научный неопубликованный документ – и их отпечатанные на правах рукописи авторефераты. Библиометрический анализ диссертаций и/или их авторефератов, который осуществляют представители различных наук в своей области знания, сегодня не редкость [2], [3]. Не являются исключением и диссертационные исследования в области туризма и/или их авторефераты, также ставшие объектом библиометрического анализа [4]. Что же касается публикаций, специально посвященных библиометрическому анализу диссертационных исследований экологического туризма в России, то они, либо отсутствуют, либо не известны автору.

Цель данной статьи – выявление структуры и динамики диссертационных исследований экологического туризма в России путем использования методов библиометрического анализа.

В соответствии с этим, в качестве объекта исследования были избраны диссертационные исследования экологического туризма, представленные на соискание ученой степени кандидата или доктора наук, защищенные в России и утвержденные ВАК. Для отбора диссертаций использовалась поисковая система электронного каталога Российской государственной библиотеки (РГБ). Отбор диссертаций производился по ключевому словосочетанию (термину) «экологический туризм». Затем из всего массива данных (107 наименований) были отобраны диссертации только российских авторов (диссертации соискателей-иностранцев были исключены), в которых термин «экологический туризм» присутствовал в формулировке темы диссертации и/или наименования ее раздела. В результате отбора осталось 48 диссертаций, в 23 из которых термин «экологический туризм» присутствовал в формулировке темы диссертации (диссертации, посвященные исследованию экотуризма) и в 25 — в наименовании ее раздела (диссертации, в которых исследование экотуризма являлось лишь фрагментом работы) [4]. Именно эти диссертации, разделенные на две группы (два вида), и стали объектом дальнейшего библиометрического анализа:

отобранный массив данных был классифицирован по трем основаниям: отрасль науки, по которой соискатель претендовал на получение ученой степени, место защиты и год защиты.

Классификация данных на основании отрасли науки, по которой соискатель претендовал на получение ученой степени, позволила выявить отраслевую структуру диссертационных исследований экотуризма в России. Все диссертационные исследования были представлены по восьми отраслям: экономические науки, географические науки, педагогические науки, биологические науки, сельскохозяйственные науки, социологические науки, исторические науки, культурология. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Отраслевая структура диссертационных исследований экотуризма в России (1999-2015 гг.)

Отрасль науки	Диссертации, полностью посвященные исследованию экотуризма, (%)	Диссертации, в которых исследование экотуризма — фрагмент текста, (%)	Всего по отрасли:
Экономические науки	8 (34,78)	10 (40)	18 (37,5)
Географические науки	7 (30,43)	11 (44)	18 (37,5)
Педагогические науки	3 (13,04)	2 (8)	5 (10,41)
Биологические науки	1 (4,35)	1 (4)	2 (4,16)
Сельскохозяйственные науки	1 (4,35)	1 (4)	2 (4,16)
Социологические науки	1 (4,35)	-	1 (2,09)
Исторические науки	1 (4,35)	-	1 (2,09)
Культурология	1(4,35)	-	1 (2,09)
Всего:	23 (100)	25 (100)	48 (100)

Все диссертации по экономическим наукам были защищены по двум специальностям: 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (соответственно принятому разделению – 7 и 10) и 08.00.01 – экономическая теория (соответственно – 1 и 0). Среди специальностей по географическим наукам были представлены: 25.00.36 – географическая экология (соответственно – 3 и 5), 25.00.24 – экономическая, социальная и политическая география (соответственно – 3 и 3), 25.00.23 – физическая география и биогеография, география почв и геохимия ландшафтов (соответственно – 1 и 3). Педагогические науки представляли две специальности: 13.00.05 – теория, методика и организация социально-культурной деятельности (соответственно – 1 и 2), 13.00.08 – теория и методика профессионального образования (соответственно – 2 и 0). Биологические науки – две специальности: 05.13.01 – системный анализ, управление и обработка информации (в биологии) – соответственно 1 и 0, 03.00.16 – экология (соответственно – 0 и 1). Сельскохозяйственные науки – две специальности: 06.03.02 – лесоустройство и лесная таксация (соответственно – 1 и 0), 03.00.16 – экология (соответственно – 0 и 1). Социологические науки – одна специальность: 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы (соответственно – 1 и 0). Исторические науки – одна специальность: 07.00.02 – отечественная история (соответственно – 1 и 0). Культурология – одна специальность: 24.00.03 – музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (соответственно – 1 и 0).

Таким образом, диссертационные исследования экологического туризма в России в указанный период осуществлялись в рамках 8 отраслей и связанных с ними 14 специальностей. Большая часть исследований (75%) приходится на экономические и географические науки. Вслед за ними с большим отставанием идут педагогические науки (10,41%). Что же касается оставшихся 5 отраслей (биологических, сельскохозяйственных, социологических, исторических наук и культурологии), то исследования экотуризма в них представлены 1-2 диссертационными работами.

В результате классификации массива данных на основании места защиты диссертации было выявлено вполне естественное для России распределение: безусловным лидером по числу защит является Москва (13 / 26,5%), за ней, правда, на этот раз с большим отставанием идет Санкт-Петербург (7 / 14,3%). Далее следуют Иркутск (3 / 6,1%), Сочи (3 / 6,1%), Астрахань (2 / 4,1%), Владивосток (2 / 4,1%), Улан-Удэ (2 / 4,1%), Хабаровск (2 / 4,1%). По одной защите диссертаций прошло в таких городах, как Барнаул, Брянск, Волгоград, Воронеж, Ижевск, Кисловодск, Кострома, Краснодар, Орел, Саранск, Смоленск, Ставрополь, Уфа, Ярославль.

Таким образом, в географическую структуру защит диссертационных исследований экотуризма, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, входит еще 20 российских городов. Хотя Москва и является абсолютным лидером по числу защит, однако, следует отметить, что первая защита диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата экономических наук, которая была посвящена экологическому туризму, состоялась в Иркутске (1999). Первая и единственная диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата культурологии, была защищена в Улан-Удэ (2006), а кандидата исторических наук — в Ижевске (2006). Первая и пока единственная диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора экономических наук, которая содержала в себе раздел, посвященный экотуризму, была защищена в Хабаровске (2009). В целом временная структура диссертационных исследований экотуризма, основанная на годе защиты, представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Временная структура диссертационных исследований экотуризма в России (1999-2015 гг.)

Год защиты	Диссертации, полностью посвященные исследованию экотуризма	Диссертации, в которых исследование экотуризма — фрагмент текста	Всего за год:
1999	1 (канд. экон. наук)	-	1 / 0 (1)
2000	-	-	0 / 0 (0)
2001	-	-	0 / 0 (0)
2002	1 (канд. экон. наук), 1 (канд. пед. наук)	1 (канд. геогр. наук), 1 (д-р пед. наук)	2 / 2 (4)
2003	1 (канд. экон. наук), 1 (канд. геогр. наук)	1 (канд. геогр. наук)	2 / 1 (3)
2004	1 (канд. геогр. наук)	2 (канд. экон. наук), 1 (канд. с-х. наук)	1 / 3 (4)
2005	1 (канд. экон. наук), 1 (канд. с-х. наук)	1 (канд. экон. наук), 2 (канд. геогр. наук), 1 (канд. пед. наук)	2 / 4 (6)
2006	1 (канд. экон. наук), 1 (канд. геогр. наук), 1 (канд. ист. наук), 1 (к.культурологии)	1 (канд. геогр. наук)	4 / 1 (5)
2007	1 (канд. геогр. наук)	4 (канд. геогр. наук)	1 / 4 (5)
2008	1 (канд. биол. наук)	3 (канд. экон. наук), 1 (канд. геогр. наук)	1 / 4 (5)
2009	1 (канд. экон. наук), 1 (канд. пед. наук)	1 (д-р экон. наук), 3 (канд. экон. наук), 1 (канд. геогр. наук), 1 (канд. биол. наук)	2 / 6 (8)
2010	1 (канд. экон. наук), 1 (канд. геогр. наук), 1 (канд. пед. наук)	-	3 / 0 (3)
2011	-	-	0 / 0 (0)
2012	1 (канд. экон. наук)	-	1 / 0 (1)
2013	1 (канд. геогр. наук)	-	1 / 0 (1)
2014	-	-	0 / 0 (0)
2015	1 (канд. геогр. наук), 1 (канд. социол. наук)	-	2 / 0 (2)
Всего диссертаций:	23	25	23/25 (48)

Из таблицы 2 видно, что после защиты диссертации, предметом исследования которой впервые в России стал экологический туризм (1999), наступает некоторое «затишье» на целых два года. Следующие защиты диссертаций (соответственно принятому делению – 2 и 2) приходятся на 2002 г. Динамика защит диссертаций, целиком посвященных исследованию экотуризма (1 вид), и динамика защит диссертаций, в которых исследование экотуризма является лишь фрагментом работы (2 вид), различны между собой. Так, динамика защит диссертаций 1 вида носит «волнообразный» характер, повышаясь каждые 3-4 года при общей тенденции к снижению: пиковые значения приходятся на 2006 (4), 2010 (3), 2015 (2). Динамика защит диссертаций 2 вида также носит «волнообразный» характер (1 год спада сменяется 2-3 годами роста) с тенденцией к полному прекращению: пиковые значения приходятся на 2005 (4) и 2009 (6), а затем защиты вплоть до 2015 г. полностью прекращаются.

Таким образом, предпринятый в статье библиометрический анализ диссертационных исследований экологического туризма в России, позволяет сделать ряд выводов. За период с 1999 по 2015 гг. в России было защищено 46 диссертаций, представленных на соискание ученой степени кандидата и 2 — доктора наук, посвященных исследованию данного феномена. Отраслевая структура диссертационных исследований представлена 8 отраслями и 14 связанными с ними специальностями, среди которых доминируют экономические и географические науки (75% от общего числа защит). В аутсайдерах оказались 3 отрасли (социологические, исторические науки и культурология), в которых защищено лишь по 1 диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата наук. Географическая структура защит диссертационных исследований экотуризма, включает в себя, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, еще 20 российских городов. Лидером по числу защит является Москва (26,5% от общего числа защит). Общая динамика защит диссертационных исследований экотуризма в России носит «волнообразный» характер с тенденцией к снижению. Анализ факторов, влияющих на эту динамику, выходит далеко за рамки данной статьи и нуждается в специальном исследовании. Осмелимся лишь высказать предположение: возможно будущее не за экономическими и географическими исследованиями данного феномена, а за гуманитарными и социальными.

Список литературы / References

1. Экологический туризм на пути в Россию. Принципы, рекомендации и зарубежный опыт. - Тула: Гриф и К, 2002. - 284 с.
2. Петров, К. В. Библиометрический анализ потока книг и диссертаций о философском наследии Гегеля / К. В. Петров // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. - 2013. - Т. 197. - С. 108-111.
3. Пронькина, А. В. Феномен массовой культуры в диссертационных исследованиях (2000-2015 гг.): библиометрический анализ / А. В. Пронькина // Общество: философия, история, культура. - 2016. - №4. - С. 127-129.
4. Мирошниченко, П. Н. Основные направления диссертационных исследований туризма / П. Н. Мирошниченко // Социально-гуманитарные проблемы современности: сборник научных трудов / Под общ. ред. А. П. Германович: ЮРГУЭС. Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2007. - С. 123-128
5. Электронный каталог диссертаций, все диссертации защищенные в России и утвержденные ВАК [Электронный ресурс] URL: <http://www.dslib.net/catalogue.html> (дата обращения: 22.09.16).

Список литературы на английском языке / References in English

1. EHkologicheskij turizm na puti v Rossiyu. Principy, rekomendacii i zarubezhnyj opyt [Ecotourism on the way to Russia. Principles, guidelines and international experience]. - Tula: Grif i K, 2002. - 284 p. [in Russian]
2. Petrov, K. V. Bibliometričeskij analiz potoka knig i dissertacij o filosofskom nasledii Gegelâ [The bibliometric analysis of the flow of books and theses of the philosophical heritage of Hegel] / K. V. Petrov // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture]. - 2013. - T. 197. - P. 108-111. [in Russian]
3. Pron'kina, A. V. Fenomen massovoj kul'tury v dissertacionnyh issledovaniyah (2000-2015 gg.): bibliometričeskij analiz [The phenomenon of mass culture in the dissertation research (2000-2015 gg.): Bibliometric analysis] / A. V. Pron'kina // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: Philosophy, History, Culture]. - 2016. - №4. - P. 127-129. [in Russian]
4. Mirosnichenko, P. N. Osnovnye napravleniya dissertacionnyh issledovanij turizma [The main directions of research thesis tourism] / P. N. Mirosnichenko // Social'no-gumanitarnye problemy sovremennosti: sbornik nauchnyh trudov / edited by A. P. Germanovich: YURGUEHS. - SHAhty: Izd-vo YURGUEHS, 2007. - P. 123-128. [in Russian]
5. EHlektronnyj katalog dissertacij, vse dissertacii zashchishchennye v Rossii i utverzhdennye VAK [Electronic Catalogue of theses, dissertations all protected in Russia and approved by HAC] [Electronic resours]. - URL: <http://www.dslib.net/catalogue.html> (accessed: 22.09.16). [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.062

Тагибова А.А.

ORCID: 0000-0002-6731-5395, Аспирант,

Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ МОНИТОРИНГА СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В КОРПОРАЦИИ

Аннотация

В данной статье рассмотрены методы организации мониторинга социального конфликта в корпорации. Выявлено насколько многофакторность феномена социального конфликта ответственности обуславливает многоаспектность подходов к его исследованию. Показано, что для выявления, исследования и анализа феномена социокультурного конфликта в корпорации необходимым является комплексный, системный подход, при котором используются методики различного направления. Проанализировано, что изучение особенностей социокультурного конфликта может быть проведено посредством использования так называемых социометрических вопросов.

Ключевые слова: социокультурный конфликт, диагностика взаимоотношений, конфликтология, системно-структурный анализ, социальное явление, механизм регуляции, субъекты/объекты конфликта, социометрическое исследование, взаимоотношения, системная концепция.

Tagibova A.A.

ORCID: 0000-0002-6731-5395, Postgraduate,

Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University

METHODS OF SOCIAL CONFLICT MONITORING ORGANIZATION IN A CORPORATION

Abstract

The article looks into methods of social conflict monitoring organization in a corporation. It reveals to what extent factor multiplicity of a social conflict responsibility phenomenon determines the aspect diversity of approaches to its research. The article shows that a complex, systematic approach using techniques of various directions is necessary to identify, study and analyze a social and cultural conflict phenomenon in a corporation. The analysis indicates that research on social and cultural conflict features can be conducted by means of so-called sociometric questions.

Keywords: social and cultural conflict, relationship diagnostics, conflictology, systematic and structural analysis, social phenomenon, regulation mechanism, conflict subjects / conflict objects, sociometric research, relations, system concept.

Позиционирование конфликта как социального явления в социокультурном поле корпорации и механизмы его регулирования, разрешений и профилактики представляют собой взаимосвязанные явления. Историческая природа социального конфликта напрямую связана, а точнее, зависит от ценностно-смысловых установок личности, социальных групп и общества в целом и определяет основные тренды и вектор социального развития.

Значимым фактором исследования конфликтов выступает такой показатель как духовно-нравственный кризис современного российского общества, последствия которого оказывают свое влияние на все сферы жизнедеятельности,

в том числе и на производственную сферу. С одной стороны, этот процесс объективен, так как российское общество, как и вся современная цивилизация, находится на этапе транзита от традиционного индустриального общества к обществу постиндустриальному, информационному. Происходит мощная трансформация ценностно-смысловых установок. В этих условиях организации социальные группы, индивиды также находятся в условиях нравственных противоречий и духовно-нравственного конфликта. С другой стороны, феномен социального конфликта выступает как объект манипуляции посредством ценностно-смысловых установок корпоративной культуры и обуславливается позитивными факторами, прежде всего, способностью консолидировать общество и социальные группы, интегрировать их на основе базовых ценностей и культурных установок.

В условиях корпоративных взаимодействий мы говорим о феномене корпоративной культуры, потенциал и ценностные ресурсы которой способны оказывать как сильное культурно-нравственное, так мощнейшее психологическое воздействие на индивидов, социальные группы и социальные системы в целом. В любом случае, социальный конфликт представляет собой сложное и многогранное явление, сущностные концепты которого лежат, прежде всего, в плоскости социального, культурного и психологического аспектов, которые позволяют выявить источники конфликтов, обеспечить эффективность его регулирования и разрешения. Кроме того, изучение социального конфликта в корпорации имеет прогностический характер, так как от выявления потенциальных конфликтных зон напрямую зависит развитие корпорации.

Исследование социального конфликта предполагает выработку механизмов регуляции данного социального явления, разработку конкретных механизмов (формальных и неформальных), которые обеспечат высокий уровень лояльности и ответственности членов корпорации, как за личностное поведение, так и за события, участниками или очевидцами которых они являются. Сложность и многофакторность феномена **социального конфликта ответственности** обуславливает многоаспектность подходов к его исследованию. На сегодняшний день в отечественной и зарубежной конфликтологии оформился системный подход, который предоставляет наиболее эффективные методы изучения социальных конфликтов и, прежде всего, в социальном поле корпоративных взаимодействий. Вместе с тем, единой системы и комплексного подхода к исследованию конфликтов, который объединял бы методы социального, культурного и психоэмоционального аспектов конфликтных противоречий, нет. Этому есть объективное объяснение, которое лежит в плоскости факторов.

Первый фактор имеет отношение к **масштабам участия в конфликтах** (классификация разновидностей конфликтов), которые предполагают взаимодействие разнообразных и различных по своим сущностным характеристикам категорий субъектов конфликта, их статусов и ролей, возраста и опыта, уровня профессионализма, интересов, ценностных установок и т.п. Кроме того, каждая категория субъектов конфликта имеет свои психоэмоциональные особенности и, соответственно, свою реакцию на объект конфликта.

Вторым, немаловажным фактором является **фактор социокультурного характера**, который обуславливается культурной многогранностью субъектов конфликтов, представленной многочисленными индивидами, социальными группами, со своими ценностно-смысловыми установками, поведенческими стереотипами.

Третий фактор, обуславливающий сложность походов к исследованию социального конфликта в корпорации, определяется **характером психоэмоциональной нагрузки**, которую привносит каждый из субъектов конфликта и которая имеет определяющее влияние на все стадии конфликта и механизмы его разрешения.

Основным фактором и концептом изучения социокультурного конфликта в корпорациях выступает целеполагание исследований. В зависимости от того, какую именно цель преследует изучение данного явления, производится подбор инструментария, то есть подбор тех или иных методик, критериев и инструментов анализа получаемых данных.

В настоящее время проблематика феномена социального конфликта является объектом исследования порядка двадцати областей научного знания. Исследования же феномена социокультурного конфликта значительно расширяет и углубляет рамки исследований, в том числе в областях культурологических и особенно психологических и социопсихологических знаний. Перечисленные выше факторы, объективные по своей сути, делают исследования социокультурного конфликта в корпорации крайне сложным. Данная сложность, многоплановость и актуальность исследований предполагает четкое определение и уточнение спектра компонентов, индикаторов, показателей и уровней изучения данного феномена.

Исходя из многогранности феномена конфликта, совершенно справедливо звучит утверждение А.Я. Анцупова о необходимости формировать системную концепцию конфликтов на основе имеющихся научных знаний. **Концепция должна быть** способна сформировать основы исследования всей системы конфликтного взаимодействия. Так же она должна объединить практические наработки, которые имеются в разных науках и в результате помочь конфликтологии окончательно выйти на междисциплинарный уровень.[1]

В данном контексте для исследования социокультурного конфликта в корпорации был избран метод системно-структурного анализа, который рассматривает конфликт с учетом:

1. **Структурных** особенностей конфликта, что позволит выявить все элементы конфликта, определяющих его структуру как исходя из объективных факторов, так и факторов, имеющих субъективные особенности;
2. **Функциональных** особенностей конфликта, позволяющий выявить весь спектр взаимодействий субъектов и объектов конфликта, определить функциональную нагрузку конфликта, возможные модели его разрешения и последствия этих разрешений;
3. **Информационных** особенностей конфликта, определяющих не только степень информированности субъектов конфликта, но и все проблемные и ресурсные зоны информационно-коммуникативных связей в корпорации;
4. **Ситуационных** особенностей конфликта, позволяющих выявить, проанализировать и дать оценку самому конфликту, как определенного рода ситуации в деятельностном поле корпорации, а также выявить и оценить весь спектр источников, закономерностей и тенденций конфликтных противоречий, которые существуют в социокультурном поле корпорации в их ретроспективе.

Исследование социокультурного конфликта как явления жизнедеятельности корпорации представляет собой многоуровневую систему, которая изучает всю совокупность конфликта, и, прежде всего, на уровне:

- ✓ индивида/группы – субъектов конфликта. На этом уровне выявляются основные подструктуры конфликта – его участники, объект, факторы, определяющие их внешнюю позицию поведения;
- ✓ социальной среды конфликта. Определяется на этом уровне социокультурный плацдарм конфликта, позволяющий определить характеристики структурных элементов конфликта, что позволяет провести более глубокий анализ конфликта;
- ✓ внутренней среды корпорации в целом. На этом уровне выявляется полная структура конфликта, и, прежде всего, его источников и объектов конфликта, предпосылок поведения субъектов конфликта, степень коммуникативных взаимодействий, влияющих на сущность конфликтного процесса;
- ✓ внешней среды корпорации. На этом уровне возможно выявление тех внешних факторов социокультурного характера, которые могут иметь определяющее влияние на структуру корпоративного конфликта, а также выявление элементов внешней среды, во взаимосвязи с которыми находятся структурные элементы конфликта и, прежде всего, его субъекты.

Каждый из представленных уровней обусловлен широким спектром объективных и субъективных факторов социального, психологического и культурного характера, а также рефлексией субъектов конфликта, которая напрямую отражает особенности социокультурного поля жизнедеятельности корпорации, системы корпоративного управления, организационных характеристик и определяет степень участия субъектов конфликта и особенности конфликтного процесса (длительность, степень напряженности, масштабы участия и т.п.).

В данном контексте рефлексия субъектов социокультурного конфликта является важной особенностью, несущей в себя глубинные психоэмоциональные характеристики, которые выступают значимым функциональным компонентом, определяющим готовность/неготовность индивида стать субъектом конфликта. Рефлексию как психологическую способность индивида обращать внимание на собственные взаимодействия (в том числе и конфликтные) с другими людьми, социальными группами, социальной системой в целом на уровне Я, то есть внутренней готовности индивида к действию, наиболее точно определяет С.Л. Рубинштейн: «С появлением рефлексии связано философское отношение к жизни. Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее, для суждения о ней. С этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни, связанного с ним общего отношения к жизни. Другими словами, личность как субъект жизни в каждой ситуации действует в соответствии с необходимостью реализации смысла жизни, что требует от нее большой сознательности и ответственности».[9]

Компонентами личностной рефлексии являются: эмоциональный, мотивационный, когнитивный и поведенческий. Данные компоненты определяют характеристики личностных критериев субъектов конфликтов и выступают показателями их эмоциональных и поведенческих установок для реализации личностных потребностей, интересов и целей в процессе конфликтной ситуации.

Групповая рефлексия субъектов социокультурного конфликта имеет более сложный и многогранный характер, который обуславливается всей совокупностью личностных характеристик членов той или иной группы интересов, участвующих в конфликте. Групповая рефлексия, по своей сути и содержанию, представляет собой комплексную структурно-динамическую организацию/систему, структурообразующими элементами которой являются определенные качества. К ним относятся взаимодействие и взаимопонимание, а так же взаимосогласование, рефлексия личностная и интеллектуальная. Эти компоненты обеспечивают уровень, а так же содержание групповой активности. Для гарантии эффективности решения задач конфликта компоненты так же очень важны. Основным условием для функционирования групповой рефлексии социокультурного конфликта является преобладающее положение коллективистической позиции, выражаемое в разделении параметров позиций, векторов направленности и сложившихся контактов, а также в реализации субъектами социокультурного конфликта своих стратегий в контексте возможных моделей интеграции (*модель «единство-интеграция»*) и дезориентации (*модель «единство-дифференциация»*).

Компоненты и критерии выступают показателями готовности и способности индивида и/или социальной группы стать субъектом социокультурного конфликта. В данном контексте эффективной представляется система показателей/индикаторов, предложенная А.Я. Анцуповым и С.В. Баклановским [2] и позволяющая выявить вышеизложенные компоненты и критерии. (Рисунок 1.)

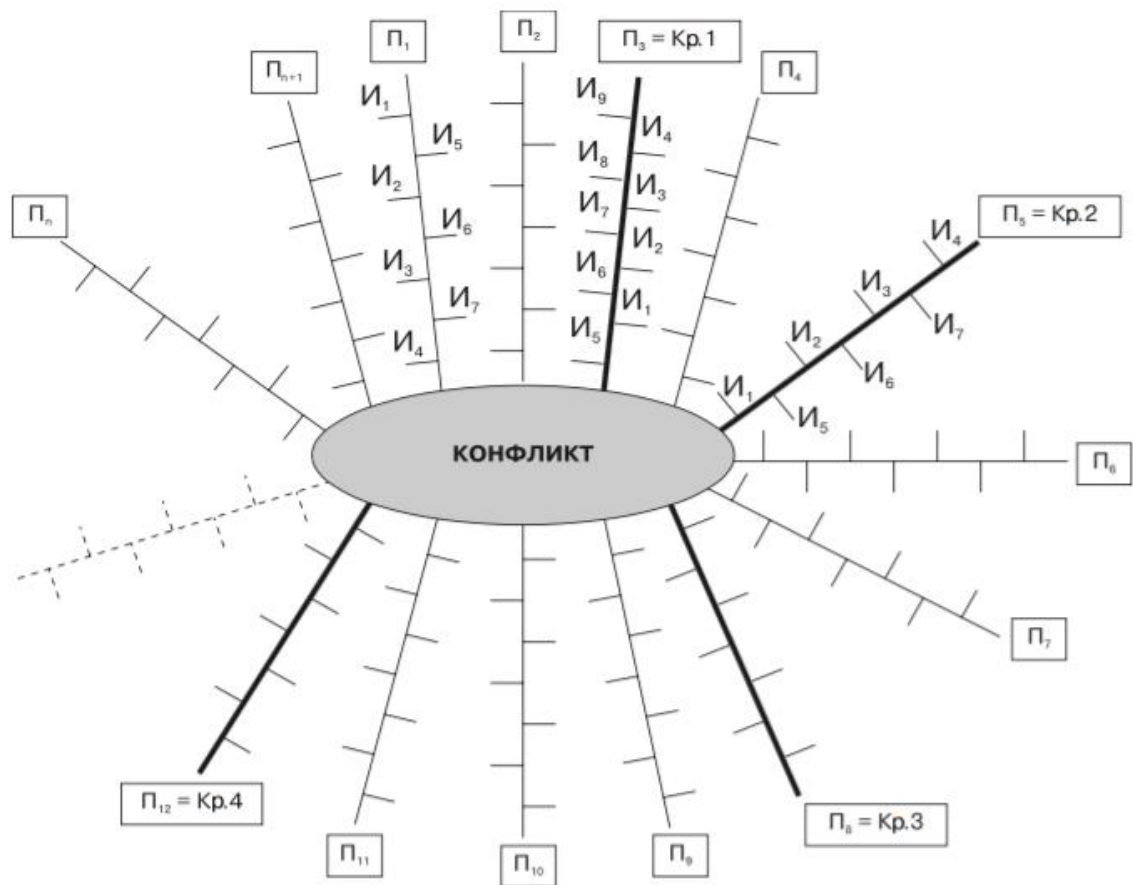

Рис. 1 – Система показателей, критериев и индикаторов оценки конфликта

Показатели, позволяющие выявить наиболее существенные стороны конфликта, являются *критериями или критериальными показателями* - $\Pi_3 = \text{Кр.1}$, $\Pi_5 = \text{Кр.2}$, $\Pi_8 = \text{Кр.3}$ и $\Pi_{12} = \text{Кр.4}$

Показатели или критерии, характеристики которых изменяются непосредственно, то есть существуют признаки изменения их непосредственного восприятия, по которым идет оценка показателя или критерия называются индикаторами. Показатель или критерий может быть оценен несколькими индикаторами.

Для выявления, исследования и анализа феномена социокультурного конфликта в корпорации необходимым является комплексный, системный подход, при котором используются методики различного направления – методы исследования ценностно-смысловых установок, методы исследования процесса и динамики социокультурного конфликта, а также методы исследования рефлексии субъектов социокультурного конфликта.

Проведенный анализ многочисленной литературы по теме методов исследования конфликтов в организации позволяет с точки зрения синтеза двух подходов к изучению социокультурного конфликта утверждать, что наиболее эффективными являются следующие методики:

1. Диагностика стратегий поведения в конфликте – тест-опросник «Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению Томаса Киллмена». [7]
2. Методика диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна; [8]
3. Методы социометрической диагностики; [5]
4. Тест Г. Айзенка по определению темперамента; [6]
5. Методика А.Я. Анцупова (Модульный социотест (МСА)). [3]

Раскроем ниже содержание данных методик в целях обоснования их использования при выявлении особенностей социокультурного конфликта в корпорациях.

1. Опросник Томаса-Киллмена предназначен для изучения личностной предрасположенности субъекта исследования к конфликтному поведению, а так же для выявления персональных стилей разрешения конфликта. Н.В. Гришиной тест был адаптирован для России. [4] Автор, описывая типы поведения людей в ситуациях конфликта применяет, двухмерную модель их регулирования. Главными измерениями в модели являются кооперация и напористость. Кооперация связана с вниманием человека к интересам других участников конфликта, а напористость определяется защитой собственных интересов. Кооперацией и напористостью определяют способы решения конфликтных ситуаций:

- ✓ соревнование (конкуренция), как достижение своих интересов в ущерб другой стороны;
- ✓ приспособление, то есть принесение собственных интересов в определенную жертву ради определенной выгоды;
- ✓ компромисс;

- ✓ избегание, характеризуемое отсутствием стремления к кооперации и тенденции достижения поставленных целей;
- ✓ сотрудничество, при котором участники возникшей ситуации приходят к альтернативному решению приемлемому для всех сторон.

В опроснике раскрывается каждый из перечисленных вариантов 12-ью характеристиками о возможном поведении индивида в возникшей конфликтной ситуации. Характеристики представлены в различных сочетаниях, которые сформированы по 30 пар. В каждой паре респонденту то характеризующее суждение, которое наиболее точно отражает его поведение. В основе опросник заложены следующие идеи: ни один из субъектов конфликта не достигнет успеха, если будет его избегать; при использовании конкуренции, приспособления и компромисса в конфликтной ситуации возможен либо выигрыш одного участника и проигрыш другого, или оба не проигрывают в случае принятия компромиссного решения; две стороны конфликтной ситуации могут оказаться в выигрыше только в случае использования способа сотрудничества.

2. Методика диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна. Эта методика применяется для оценки правдивости высказываний респондентов. При проведении оценки согласно критериям, чем выше показатель итогов «мотивация одобрения» получают участники, следовательно, тем выше у них наблюдается способность представлять себя перед обществом, как индивида соответствующего социальным нормам и требованиям. Низкие показатели характеризуют респондента неспособного принять традиционные коллективные нормы, или как обладающего повышенной требовательностью к себе.

3. Методы социометрической диагностики. Данные методы представляют собой высокоэффективный способ исследования отношений в сфере эмоций внутри небольшой по размерам социальной группы, представляющей собой определенный способ количественной оценки групповых взаимоотношений. Данные методы помогают выявить как отрицательные так и положительные взаимодействия в группе, таким образом определяя личные предпочтения с кем из сотрудников на данный момент сформированного коллектива будет наиболее комфортнее сотрудничать, а кого бы хотелось избегать в процессе работы. Этот метод позволяет определить имеющуюся популярность, или наоборот непопулярность субъектов коллектива, исследовать типологию поведения людей в условиях социума в процессе коллективного взаимодействия, раскрыть неформальную структуру группы, так же рассчитать степень социально-психологической совместимости ее субъектов, что является важным для исследований конфликтов социокультурного характера.

Исследование в группе с помощью социометрической технологии выстроено на положении выбора принятия или отвержения респондентами возможных партнеров для совместной деятельности, или проведения вне рабочего времени. Опираясь на количество полученных положительных или отрицательных показателей выбора от других участников группы, можно определить популярность и авторитет человека. Учитывая общее количество членов коллектива при социометрическом исследовании, и число теоретических вариантов возможного выбора, а также число действительных выборов, как односторонних, так и взаимных, проведенных сотрудниками в коллективе, то можно вычислить интеграцию и степень сплоченности коллектива.

Изучение особенностей социокультурного конфликта может быть проведено посредством использования так называемых социометрических вопросов. Социометрический вопрос отличается от обычного тем, что ответом на него является не значение признака, измеренное в шкале, например, номинальной, порядковой или метрической, а фамилия или идентификационный номер того или иного члена группы. Результаты социометрического исследования проводятся посредством фиксирования выбора в заготовленных социоматрицах. Затем подсчитывается количество индивидуальных и взаимных выборов.

Определение показателей социометрического исследования и их интерпретация является следующим этапом работы. Показателями социометрического исследования выступают:

- ✓ **Социометрический статус в системе межличностных взаимоотношений.**

Социометрический статус определяется числом полученных участником выборов. Участники могут быть отнесены в зависимости от этого к одной из 4-х статусных категорий:

1. «Звезды»- 5 и более выборов;
2. «Предпочитаемые» - 3-4 выбора;
3. «Принятые» - 1-2 выбора;
4. «Отверженные» - 0 выборов.

1-ая и 2-ая статусная группы являются благоприятными.

Исходя из этого, можно определить статус каждого субъекта группы, то есть степень желанности его в межличностных отношениях. Это позволяет оценить эмоциональный климат группы в целом, и для каждого сотрудника в частности.

- ✓ **Уровень благополучия взаимоотношений.**

Уровень благополучия взаимоотношений определяется как высокий, если большинство в группе попадает в (1 и 2) статусные категории. При одинаковом соотношении категорий обозначается как средний уровень. При преобладании с неблагоприятным статусом уровень определяется как низкий, характеризующий неблагоприятие большинства в межличностных отношениях.

- ✓ **Индекс изолированности (ИИ).**

Группа обладает хорошим уровнем благополучия, если в ней нет изолированных сотрудников или их показатель достигает 5-6%. Когда показатель 15-25%, то группа является менее благополучной.

4. Тест Г. Айзенка по определению темперамент. Тест выявляет один из четырех типов темперамента человека:

- сангвиник;
- холерик;

- флегматик;
- меланхолик.

5. **Модульный социотест А.Я. Анцупова.** Социотест используется для комплексной диагностики межличностных взаимоотношений, в том числе и конфликтов в группе. Имея модульную структуру, он включает в себя две базовые и несколько дополнительных измерительных шкал. Исходя из целей исследования, опросный лист состоит из семи-девяти вопросов. Методика позволяет оценить *реальную* деятельность и взаимоотношения каждого участника коллектива, за достаточно длительное время, что способствует объективности. Так же тест учитывает все взаимоотношения в группе, выявляя и конфликты и общий характер взаимоотношений и возможности коллектива, лидеров и аутсайдеров. 10-балльная оценочная шкала теста повышает точность оценок.

Список литературы/ References

1. Анцупов А. Я., Баклановский С. В. Конфликтология в схемах и комментариях: Учебное пособие. - 2-е изд., пере- раб. – СПб.: Питер, 2009. - С. 49.
2. Анцупов А. Я., Баклановский С. В. Конфликтология в схемах и комментариях: Учебное пособие. - 2-е изд., пере-раб. – СПб.: Питер, 2009.- С. 58.
3. Анцупов А. Я., Баклановский С. В. Конфликтология в схемах и комментариях: Учебное пособие. - 2-е изд., пере- раб. – СПб.: Питер, 2009. - С. 76-79.
4. Гришина Н. В. Психология конфликта. - 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – С. 164-172
5. Гусев С. Когда эмоции берут верх. Конфликт в трудовом коллективе и его разрешение // Служба кадров, 2001. - № 4. - С. 47-49.
6. Личностный опросник Г. Айзенка. (Тест на темперамент EPI. Диагностика самооценки по Айзенку. Методика определения темперамента URL:: <http://psycabi.net/testy/369-lichnostnyj-oprosnik-g-ajzenka-test-na-temperament-epi-diaagnostika-samoocenki-po-ajzenku-metodika-opredeleniya-temperamenta> (дата обращения: 27.04.2016)
7. Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению Томаса-Киллмена. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/test_tomasa_-_tipy_povedeniya_v_konflikte. (дата обращения 21.04.2016)
8. Методика диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна. URL: <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/05.html>. (дата обращения; 21.04.2016)
9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. - СПб.: Питер, 2003. - С. 366- 367.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ancupov A. Ja., Baklanovskij S. V. Konfliktologija v shemah i kommentarijah: Uchebnoe posobie. - 2-e izd., pere-rab. [Conflictology in charts and comments: Study manual. – 2nd edition, reworked] – SPb.: Piter, 2009. - P. 49. [in Russian]
2. Ancupov A. Ja., Baklanovskij S. V. Konfliktologija v shemah i kommentarijah: Uchebnoe posobie. – 2-e izd., pere-rab. [Conflictology in charts and comments: Study manual. – 2nd edition, reworked] – SPb.: Piter, 2009.- P. 58. [in Russian]
3. Ancupov A. Ja., Baklanovskij S. V. Konfliktologija v shemah i kommentarijah: Uchebnoe posobie. - 2-e izd., pere-rab. [Conflictology in charts and comments: Study manual. – 2nd edition, reworked] – SPb.: Piter, 2009. - P. 76-79. [in Russian]
4. Grishina N. V. Psihologija konflikta. - 2-e izd. [Conflict psychology. – 2nd edition] – SPb.: Piter, 2008. – P. 164-172 [in Russian]
5. Gusev S. Kogda jemocii berut verh. Konflikt v trudovom kollektive i ego razreshenie [When emotions get the upper hand. Conflict in the workplace and its solution] // Sluzhba kadrov [Human Resources Department], 2001. - № 4. - P. 47-49. [in Russian]
6. Lichnostnyj oprosnik G. Ajzenka. (Test na temperament EPI. Diagnostika samoocenki po Ajzenku. Metodika opredelenija temperamenta URL [G. Ajzenka Individual Questionnaire: EPI temper test. Ajzena self-esteem diagnostics. Methodology of temper determination] <http://psycabi.net/testy/369-lichnostnyj-oprosnik-g-ajzenka-test-na-temperament-epi-diaagnostika-samoocenki-po-ajzenku-metodika-opredeleniya-temperamenta> (date - 27.04.2016) [in Russian]
7. Metodika diagnostiki predraspolozhennosti lichnosti k konfliktnomu povedeniju Tomasa-Killmena. [Thomas-Killmen individual conflict propensity diagnostics technique] URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/test_tomasa_-_tipy_povedeniya_v_konflikte. (date – 21.04.2016) [in Russian]
8. Metodika diagnostiki samoocenki motivacii odobrenija D. Marlou i D. Krauna. [D. Marlou and D. Krauna approval motivation self-esteem diagnostics technique] URL: <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/05.html>. (date – 21.04.2016) [in Russian]
9. Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. [Existence and conscientiousness. A person and the world] - SPb.: Piter, 2003. - P. 366- 367. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.057

Ткаченко О.В.

ORCID: 0000-0003-1389-1415, Кандидат социологических наук,
Волгоградский государственный медицинский университет

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ И ТРЕБОВАНИЯ ОБЩЕСТВА РИСКА

Аннотация

Представленная статья посвящена изучению роли потребительской социализации в процессе выбора региональными покупателями стратегий поведения на рынке товаров и услуг. На основе научного опыта и опираясь на данные социологического исследования, проведенного в г. Волгограде, автор выделяет два основных направления потребительской социализации. Первое, характерное для современных потребителей, ориентируется на пассивное принятие социально одобряемых моделей потребления, нивелируя личностный потенциал человека в отношении самостоятельного выбора и покупки без риска. Второе направление способствует выработке навыков, умений и знаний для самостоятельного поведения на рынке товаров и услуг с целью минимизации риска осуществить необдуманную, импульсивную и некачественную покупку, которая приведет к потере значимых для человека ресурсов: здоровья, денег, душевного равновесия.

Ключевые слова: потребительская социализация, риск в потребительской сфере, потребительские практики, агенты потребительской социализации.

Tkachenko O.V.

ORCID: 0000-0003-1389-1415, PhD in Sociology,
Volgograd State Medical University

CONSUMER SOCIALIZATION: MODERN PRACTICES IN THE CONDITIONS OF RISK SOCIETY

Abstract

The article is devoted to the study of the role of consumer socialization in the process of selecting regional by the buyer's strategies of behavior in the market of goods and services. On the basis of academic excellence and based on the data of a sociological research conducted in the Volgograd, the author identifies two main areas of consumer socialization. The first characteristic of modern consumers is focused on a passive acceptance of socially approved patterns of consumption, reducing the personal capacity of individuals to self-select and purchase without risk. The second direction contributes to the development of skills, abilities and knowledge for self-orientation on the market of goods and services with the aim of minimizing the risk to carry out rash, impulsive and substandard purchase, which will result in the loss of significant resources: health, money, peace of mind.

Keywords: consumer socialization, risk in consumption, consumer practices, agents of consumer socialization.

Каждый человек как биосоциальное существо является продуктом социализации – процесса социального взаимодействия, в ходе которого люди приобретают знания, собственное мнение, ценности, и существующие модели поведения для активного участия в жизни общества. Социализация протекает во всех базовых сферах человеческой жизнедеятельности, в том числе и в потреблении. Говоря о потребительской социализации можно выделить несколько подходов к пониманию ее особенности. В традиционном подходе под потребительской социализацией подразумевается процесс овладения определенными правилами, навыками, позволяющими включаться в процесс потребления. Но, входя в различные социальные группы и исполняя разные социальные роли, человек постоянно с помощью овладения потребительскими нормами, правилами, ценностями может не только удовлетворять прямые потребности, но и адаптироваться в нужные социальные группы. Таким образом, с одной стороны мы рассматриваем социализацию как процесс потребления (научения основным правилам, нормам, символам, кодам), а другой – потребление как фактор успешной адаптации (применение этих навыков для успешной социализации) [1].

На современном этапе развития общества процесс потребительской социализации осуществляется в условиях риска и неопределенности. Рисковые свойства современного потребительского поведения в целом и потребительской культуры в частности возникли не внезапно. Особенность культуры и субкультуры зависит от социальных и исторических условий. Процесс усвоения потребительской культуры, а именно каждого из представленных элементов начинается с детского периода [1]. Для адаптации к требованиям общества родители обучают детей правилам приема пищи, общения, поведения. Дети узнают, что принято считать полезным продуктом, а что может принести существенный вред здоровью. Стоит отметить, что в традиционном обществе процесс овладения азами потребительской культуры не представлялся сложным и не занимал большую часть жизни индивида. Современная ситуация требует постоянной и полной отдачи человека в процессе потребительской социализации, которая продолжается на протяжении всей его жизни.

Современное общество изобилия и риска диктует свои правила протекания процесса социализации и помогает человеку не просто адаптироваться в социуме, но и с помощью потребительского поведения удовлетворять потребности разного уровня от витальных до социальных.

Современные условия риска и неопределенности внесли свои коррективы не только в форму, но и в цели и направления потребительской социализации. Общество риска требует от потребителя внимательного подхода к выбору товаров, критического отношения к агентам влияния, источникам информации и ответственного подхода к своим ресурсам – деньгам и здоровью.

Результаты анкетирования, проведенного в 2015 г. среди жителей города Волгограда на тему «Качество современных товаров и услуг в оценках региональных потребителей», показывают ориентацию на рискованные стратегии потребительского поведения покупателей региона. Так, потребительскому поведению волгоградцев характерны следующие позиции [2]:

1. восприятие некачественного товара как нормы современной покупки (58,7%);
2. «слепое доверие» к производителям товаров и услуг (37,8%);
3. ориентация на мнение не профессиональных советчиков (17,9%);
4. пренебрежение состоянием физического здоровья (58,1%), например, при покупке со скидкой или выбор дешевых, но заведомо менее качественных товаров;
5. сохранение финансового благополучия в ущерб физическому и психологическому здоровью (41,6%).

Стоит отметить, что ориентация волгоградских покупателей на рискованные стратегии тесно связаны с существующей моделью потребительской социализации.

Данную модель можно охарактеризовать как пассивное принятие человеком транслируемых обществом умений, навыков и знаний в сфере потребления. Здесь стоит особенно выделить теорию социального научения Б.Г. Ребзуева и А.А. Савельевой [3] в рамках которой рассматривается результат влияния агентов и институтов социализации на становление стратегий потребительского поведения. С одной стороны, данная модель обеспечивает овладение человеком необходимыми нормами и правилами поведения на рынке товаров и услуг. С другой стороны, пассивное принятие «навязываемых» потребительских схем не способствует развитию самостоятельной ориентации на рынке товаров и услуг, и часто нивелирует личностные желания и интересы потребителя.

Склонность большинства региональных потребителей к данной модели, приводит к необдуманным и импульсивным покупкам, возникшим под воздействием рекламы и совета значимой социальной группы. Так, согласно результатам анкетирования, выявляется связь между возрастом покупателей и доверием с их стороны к определенным агентам влияния. Семья является значимым советчиком для покупателей от 25 до 45 лет (39,6%), а друзьям доверяют молодые потребители от 18 до 25 лет (46,8%) и только люди в возрасте от 46 лет и старше ориентируются на себя и свой опыт (57,8%). Потребительские практики, осуществляемые под влиянием социума, а не индивидуальных потребностей человека способствует увеличению вероятности возникновения риска потери денег, здоровья без реального результата.

Итогом пассивной модели потребительской социализации является процесс определение своего социально-экономического статуса [4]. Выявление такого положения ограничивает возможности потребительской социализации правилами, традициями и нормами только экономически доступной группы [5]. Подобное распределение человека по уровню дохода, является еще одним фактором риска. Начиная с детства, ребенок осваивает ограниченный круг знаний и навыков, что не позволяет сформировать навыки принятия рациональных решений, как в повседневных потребительских практиках, так и в нестандартных ситуациях на рынке товаров и услуг. Подобная потребительская дифференциация в будущем ведет к развитию компенсаторных механизмов, в качестве которого выступает показное потребление, что, с точки зрения Э. Пуринтона, способствует удовлетворению не истинных, а мнимых потребностей [6], то есть риску дополнительных экономических вложений. Например, необоснованная покупка дорогих продуктов питания (покупатели от 35 до 45 лет, 62,1%), демонстративный выбор гаджетов последних моделей (покупатели от 18 до 25 лет, 41,7%).

Однако негативное воздействие существующих рискованных стратегий потребительского поведения может быть минимизировано, если ориентироваться на другую, зарубежную модель социализации, согласно которой необходимо формировать активную позицию человека в процессе выбора, принятия решения и покупки необходимых товаров и услуг.

Так, по мнению Д. Риддера [7] потребительская социализация начинается с раннего детства (в 2-3 года) и протекает до совершеннолетия. В рамках данного процесса человек овладевает не только базовыми навыками, знаниями и умениями, но учиться сохранять самостоятельную позицию при наличии готовых схем выбора и покупки. Такой посыл, исходящий от основных агентов социализации: семьи, общества, государства, позволяет человеку не только ориентироваться на личные желания, потребности и интересы, но и сформировать навыки относительно безопасных потребительских практик. В процессе потребительской социализации человек приобретает знания о современных рекламных технологиях и методах их воздействия, овладевает навыками экономии и планирования расходов, обучается правилам выбора подходящей стратегии поведения в соответствии с обычной или нестандартной ситуацией на рынке.

Результатом активной потребительской социализации является выработка гибких стратегий потребительского поведения, которые обеспечат не только удовлетворение личностных потребностей, но и минимизируют вероятность возникновения риска некачественной, необдуманной и ненужной покупки.

Таким образом, можно выделить два вектора потребительской социализации: рискованный и относительно безопасный. Первый, характерный для современных региональных потребителей, представляет собой пассивный процесс адаптации к потребительским предпочтениям значимой социальной группы. В ходе потребительской социализации люди формируются в социально-экономические группы, ограничивая тем самым возможности человека, его самостоятельность, веру в свои силы и способности правильно выбрать и приобрести необходимый товар. Второй - активный процесс овладения навыками ориентации на современном рынке товаров и услуг, который позволяет потребителю накопить необходимый опыт, приобрести ресурсы не только для удовлетворения возникающих потребностей, но и предпринять все возможные меры для снижения вероятности возникновения риска некачественной, импульсивной покупке.

Список литературы/ References

1. Аврамова Б. М., Логинов Д. М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. - 2002. - № 5. - С. 24– 34.
2. Василенко И.В., Ткаченко О.В. Рациональность и риски потребительского поведения современных россиян//Экономика, социология и право – социологический взгляд. - 2016. - №7. - С. 55-63.
3. Ребзуев Б.Г., Савельева А.А. Потребительская социализация подростков//Вопросы психологии. - 2006. - №1. - С. 45-50.

4. Радина Н.К. Психологические аспекты социализации личности: к вопросу о моделях классификации видов социализации// Психологическая наука и образование. - 2005. - №1. - С. 45-50.
5. Хашенко В.А. Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования// Психологический журнал. - 2004. - Т. 25. - № 5. - С. 32-49.
6. Purinton E. F. Compensatory Or Conspicuous Consumption? American Society of Business and Behavioral Sciences 16th Annual Conference, Las Vegas, 2009. - №1. - P. 145-149.
7. Roedder D.J. Consumer socialization of children: A retrospective look at twenty-five years of research// Journal of Consumer Research. - 1999. - Vol. 26. - №3. - P. 183-213.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Avroamova B. M., Loginov D. M. Social'no-jekonomicheskaja adaptacija: resursy i vozmozhnosti [Social-economic adaptation: resources and perspectives]// Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social science and modernity]. - 2002. - № 5. - P. 24- 34. [in Russian]
2. Vasilenko I.V., Tkachenko O.V. Racional'nost' i riski potrebitel'skogo povedeniya sovremennyh rossijan [Rationality and risk of modern consumer behavior in Russia] // Jekonomika, sociologija i pravo – sociologicheskij vzgljad [Economic, sociology and law]. - 2016. - №7. - P. 55-63. [in Russian]
3. Rebzuev B.G., Savel'eva A.A. Potrebitel'skaja socializacija podrostkov [Teen-agers consumer socialization] // Voprosy psihologii [Questions of psychology]. - 2006. - №1. - P. 45-50. [in Russian]
4. Radina N.K. Psihologicheskie aspekty socializacii lichnosti: k voprosu o modeljah klassifikacii vidov socializacii [Philosophy aspects of socialization: to question of socialization types]// Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological science and education]. - 2005. - №1. - P. 45-50. [in Russian]
5. Hashhenko V.A. Jekonomicheskaja identichnost' lichnosti: psihologicheskie determinanty formirovaniya [Economic identify of person: psychological determinations to form] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological magazine]. - 2004. - Т. 25. - № 5. - P. 32-49. [in Russian]

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.188

Айзятгов Ф.А.¹, Бакаева Ж.Ю.²

¹Доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономических дисциплин,
Саранский кооперативный институт,

²доктор философских наук, профессор факультета довузовской подготовки,
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

МЕТОДОЛОГИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье исследуется проблема принятия решений с учетом мотивационной, поведенческой сущности личности. Мировосприятие определяется мотивациями, мотивационным поведением и отношением к цели. Мироотношение характеризуется более практическим элементом мотивационного отношения, а именно актуализации таких отношений в конкретной сфере культуры (например, экономической). Мироощущение определяется выделением национального кода в структуре мотивационного отношения и поведения к объектам современной действительности.

Ключевые слова: мироощущение, мироотношение, информационное общество, личность, адаптация, мотивация, поведение, национальный код, объекты, современная действительность.

Bakaeva Zh.Yu.¹, Azyatov F.A.²

¹PhD in Philosophy, professor, Saransk Cooperative Institute

²PhD in Philosophy, professor, Department of Pre-University Training National Research,
Mordovia State University named after N.P. Ogarev

THE METHODOLOGY OF DECISION-MAKING IN COMMUNICATORY SOCIETY SYSTEM

Abstract

The article examines the decision-making problem, considering motivational, behavioural essence of life. World perception is defined by motivations, motivational behavior and attitude to an aim. World relation is characterized by a more practical element of motivational relation, viz actualization of these relations in a particular culture sphere (for example, economical). World sensation is defined by national code detachment in the structure of motivational relation and behavior towards modern reality objects.

Keywords: world sensation, informational society, personality, adaptation, motivation, behavior, national code, objects, modern reality.

Исследуя проблему принятия решений в обществе с методологических позиций, как одну из основных влияющих на социум следует, по нашему мнению, в качестве объекта принять поведенческую сущность личности, то есть индивидуума в соответствии с изменяющимися условиями реальной действительности. С этих позиций важным представляется осмысление процессов происходящих в обществе на этапе реализации рыночной парадигмы начиная с 90-х годов двадцатого века в нашей стране. С началом этапа реформирования национальной экономики до настоящего времени в обществе наблюдаются процессы утери существовавших в дореформенный период морально-нравственных, социо-культурных, научно-просветительских и иных ценностей, принятых в

обществе и отличающих нацию и определяющих ее позиционирование в мире. С началом этапа реформирования национальной экономики доминантным стал феномен деформации личностных установок в системе «личность – индивидуальность» в связи с появлением и стимулированием иного мотивационного поведения членов общества. Появление соблазна улучшения материального положения за счет других членов общества предоставляемого и декларируемого рыночной парадигмой на фоне появления класса богатых привело к деформации личностных установок и норм морально-этического поведения у значительной части общества, что явилось основанием диверсификации поведения личности во всех сферах обществ: политике, экономике, науке, культуре, межличностном общении. Так, например: 1. Кино как важнейшее из искусств стало инструментом фиксации реальной действительности (что видно по абсолютному большинству художественных фильмов) без нравственной оценки процессов происходящих в обществе; 2. Телевидение через рекламу и прочие инструменты влияния позиционировало богатство как мерило счастливой жизни общества в целом и каждого его индивидуума. Несмотря на то, что материальное богатство не является гарантом счастья и удовлетворения жизнью потому, что личности для этого необходим достаточный уровень удовлетворения материальных, духовных, нравственных и других потребностей без абсолютизации материального богатства; 3. Морально-нравственные ценности принятые в обществе в дореформенный период кардинально поменялись, что явилось следствием катастрофических последствий в политике, экономике, культуре, науке и во всех других сферах. Так в политике нормой становится игнорирование интересов членов общества и демократических ценностей. Осуществление деятельности в рамках материальной, социальной и духовной культуры сопряжено с постановкой цели, определения методов по ее осуществлению и этапов реализации с возможностью прогнозирования результатов. Первый этап определенной деятельности предполагает определение цели, исходя из взаимодействия трех составляющих компонентов мировоззрения: мировосприятия, мироотношения и мироощущения. Целеполагание формируется под влиянием основных философских категорий как мироощущение, мировосприятие, мироотношение. Мировосприятие, мироотношение и мироощущение - это единство чувства, воли и разума.

Целеполагание в определенной мере определяется совокупностью восприятия действительности с целью определения акцента мотивационных отношений. Однако, мотивационное отношение, рассматриваемое с позиций его содержательно-специфической определенности, существует в форме социально-экономической материальности, не имеющей чувственной предметности. Проявляется же мотивационное отношение в форме предметных результатов процесса экономической деятельности. В процессе существования мотивационных отношений их взаимодействующими сторонами выступают субъекты материального производства. Для процесса же проявления исследуемого отношения характерным является то, что его взаимодействующие стороны представлены в форме опредмеченных результатов труда субъектов материального производства, вследствие чего само производственное отношение как бы скрывается (а значит, его сущность в определенной мере искажается) за другого рода экономическими отношениями.

Необходимо отметить, что именно в осуществляется скачок от осуществления любой деятельности к конкретному ее проявлению, например в экономической сфере это определено рамками мотивационных процессов и определяется экономическим тип индивидуальности по концепции Э. Шпрангера. В самом общем плане экономическим человеком является тот, кто во всех жизненных связях на первое место ставит полезность, т.е. смысл его действий заключается в самой деятельности, и ее полезном эффекте. Все для него становится средством поддержания жизни, борьбы за существование и наилучшего устройства своей жизни. Он экономит материал, силы, время - только бы извлечь из этого максимальную пользу [3, с. 56-57].

Мироощущение рассматривается как информационный код дискурса национальной культуры, так как изучение культуры любого народа сопряжено с созданием определенного "культурного каркаса мира", определяющего мировоззрение отдельного индивида. Разнообразие культур может придать новые краски самобытности народа, который делается богаче в этническом и интеллектуальном плане, впитывая ценности тех народов, с которыми непосредственно и постоянно связан. Экономическая сфера предполагает выделение в экономиках различных стран определенного национального кода. Т.е. определенной закономерности по которой будет развиваться экономика данной страны, а также выделение некоторых национальных особенностей.

Устойчивое развитие общества обеспечивается наличием творческого потенциала людей. Этот потенциал тем мощнее, чем у большего количества людей есть возможность развивать свои способности, самосовершенствоваться, самореализоваться. Значит, люди должны иметь равный доступ к благам и ресурсам, должен соблюдаться нравственный принцип справедливости, иначе правило честного соблюдения равенства возможностей.

Риски в построении оптимальных алгоритмов в решении вопросов управления играют определенную роль. Так как в раскручивании социально-экономических систем общества современного общества определяющим является цивилизационные риски и их диагностика («органом восприятия») - лишь наука в силах «увидеть» риски пестицидов, холестерина, сахара, нитратов и т. д.), а разработка новых, более совершенных средств защиты от них. В современной ситуации становится ясно, что прогресс не снижает, а увеличивает риск, связанный с практическим использованием управленческих решений. Чем более акцентируется практическая сторона построения алгоритма в достижение определенной управленческой цели, тем дальше ее экзотные возможности оказываются от решения конкретных практических ситуаций, требующих в оценке риска не упускать план целого. Причем снижение способности оценить риск сопровождается стремительно растущей его ценой.

Итак, на первом этапе выстраивания методологических основ реализации определенных программ действия необходимо выделить формирование целеполагание как результат взаимодействия мировосприятия, мироотношения, и мироощущения. Мировосприятие определяется мотивациями, мотивационным поведением и отношением к цели. Мироотношение характеризуется более практическим элементом мотивационного отношения, а именно актуализации таких отношений в конкретной сфере культуры (например, экономической). Мироощущение определяется выделением национального кода в структуре мотивационного отношения и поведения к объектам современной

действительности. Второй этап в построении алгоритма и подходу к решению и достижению поставленной цели характеризуется методологическими путями, методами. Основополагающими подходами являются системные, структурно-функциональный, энтропийный и информационный. Два первых подхода определяют характеристики систем и функции элементов взаимодействующих между собой. Третий подход способствует нахождению устойчивого положения в различных сферах современного общества. Информационный подход выделяет дисбаланс в нахождении устойчивости между смысловыми, семантическими и прагматическими помехами в пропускной способности информационных каналов. Третий этап в построении алгоритмов в решении вопросов управления по достижению определенной цели является влияние рискологических и случайных факторов, а также установление истинности информации в процессе ее получения, хранения и переработки субъектом. Прогресс не снижает, а увеличивает риск. Истинности информации представлена первопорядковостью языка, т.е. логические представления рассматриваются в большей степени первым уровнем познания.

Список литературы/ References

1. Борщев В. Б. Сборник «Научно-техническая информация» / В.Б. Борщев // Серия 2, 1999. - №8. - с. 37-41.
2. Нарский И. С. Современный позитивизм / И.С. Нарский. - М., 1961. - 240 с.
3. Шахназаров Г. Х. Цена свободы / Г.Х. Шахназаров. - М., 1993. - 300 с.
4. Gruhle H. W. Verstehende Psychology / H.W. Gruhle. - Stuttgart, 1948. - 136 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Borshchev, V.B. Sbornik «Nauchno-tekhnicheskaya informaciya» [The collection "Scientific and Technical Information"] / V.B. Borshchev // Series 2, 1999. - №8. - P. 37-41. [in Russian]
2. Narskij, I.S. Sovremennuy positivism [Modern positivism] / I.S. Narskij. - M., 1961. - 240 p. [in Russian]
3. Shahnazarov G. H. Cena svobody [The price of freedom] / G. H. Shahnazarov. - M., 1993. - 300 s.
4. Gruhle, H.W. Verstehende Psychology / H.W. Gruhle. - Stuttgart, 1948. - 136 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.137

Борисенко О.А.¹, Малышев Е.А.²

¹ORCID: 0000-0002-5281-444X, Кандидат философских наук,
Забайкальский государственный университет,

²ORCID: 0000-0002-7465-6681, Доктор экономических наук,
Забайкальский государственный университет

ШОС КАК СИНТЕЗ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУР

Аннотация

Анализируя Шанхайскую организацию сотрудничества в рамках синтеза глобальной и региональной культ, в научной работе отмечается, что ШОС является международным региональным образованием, что позволяет государствам-участникам устанавливать экономические, правовые, культурные связи, определять сферы общих интересов, сохранять культурную идентичность, формировать условия для безопасности, структурировать институциональную систему, транслировать опыт национальных культур на содружество стран и цивилизаций. Таким образом, сказанное позволяет заключить, что ШОС создает новую форму культуры – международная региональная культура.

Ключевые слова: ШОС, Китай, Россия, культура, диалог, политический диалог, глобализация, глобальность.

Borisenko O.A.¹, Malyshev E.A.²

¹ORCID: 0000-0002-5281-444X, PhD in philosophy,
Transbaikal state university,

²ORCID 0000-0002-7465-6681, PhD in economy,
Transbaikal state university

SCO AS SYNTHESIS OF GLOBAL AND REGIONAL CULTURES

Abstract

Analyzing Shanghai Cooperation Organization in the framework of the synthesis of global and regional cult in scientific work indicates that the SCO is an international regional education that enables States Parties to establish economic, legal, cultural relations, identify areas of common interest, to preserve cultural identity, create conditions for security, to structure the institutional system to broadcast the experience of national cultures in the community of nations and civilizations. Thus, the above leads to the conclusion that the SCO is creating a new form of culture - international regional culture.

Keywords: SCO, China, Russia, Culture, dialogue, political dialogue, globalization, globality.

По мнению академика В.С. Степина, глобализация – это процесс, который завершил эпоху модернизации. Он отмечает, что в индустриальную и постиндустриальную эпоху западные культурные ценности, прежде всего технологии и связанные с ними знания, трансплантировались в традиционалистские общества и переворачивали, перепахивали их почву[1]. Это позволяет заключить, что данная позиция объясняет тот факт, что столкновение между культурами может привести к большим серьезным проблемам, не только на национальном, но и на международном уровне[2]. Но в рамках деятельности ШОС мы видим обратную картину, которая дает понять, что общества с различными национальными культурами, различные цивилизациями могут совместно выстраивать программу действий, задачами которой является не только безопасность азиатского и евроазиатского региона, но и его культурное развитие

Китайские ученые, говоря о глобализации, отмечают следующее: глобализация является предпосылкой для глобализации культуры, а глобализация экономики это основа глобализации культуры. Все взгляды китайских ученых сводятся к тому, что глобализация культуры определяется движущей силой данного процесса и целью.

Формирование ШОС является закономерным актом объективно-исторического процесса, который перерос национальные границы, став «точкой отсчета» в международной деятельности стран Азии и Евразии, что является одним из факторов глобализации. Так как деятельность ШОС переросла национальные границы, став целенаправленной и сознательно организованной во благо всего человечества, то она приобрела характер глобальной. Профессор Социального института Китая Чан Юйши исходит из того, что процесс глобализации только стимулирует процесс формирования многообразия национальных культур[3].

Говорить о ШОС в контексте глобальной культуры дают основание следующие факторы. Это: соблюдение норм общечеловеческой морали; поиск единого правового, экономического, политического, культурного пространства; постановка целей и задач, обеспечивающих как национальную, так и совместную безопасность. Все это четко представлено в Хартии ШОС.

В работах западных исследователей при осмыслении глобальной культуры акцент больше делается на слово «культура». Так, например, Р. Робертсон, вводя понятие «глобальная культура», обосновывает, это тем, что именно культура способна играть роль глобального контекста[4], в котором и можно осмыслить ценностный анализ происходящих в современном мире изменений[5]. Можно заметить, что именно в период ее становления на мировой арене усилилась тенденция укрепления традиций, сохранения этнической самобытности.

С развитием глобализации как процесса стало четко видно ее влияние на культуру, на поведение людей, на их мировосприятие. Это говорит о том, что многие процессы и явления, протекающие в рамках одной страны или международных отношений нескольких стран, переросли свои локальные границы, став выразителем общечеловеческих отношений, что является одним из факторов глобальной культуры. А с другой стороны, стоит заметить, что глобализация влечет за собой трансформацию национальных культур, не приводя их к унификации, а модернизируя, наполняя новым содержанием. Об этом наиболее ярко говорят такие явления как вестернизация или «макдонализация» мира. Можно согласиться с тем, что они представлены как феномены глобальной культуры.

Последние два столетия, это время больших перемен в жизни человечества. Современный мир открываем картину, где во всех мировых процессах главенствующую роль занимает культура, будь то вопросы политики или экономики, где, не зная тонкостей межкультурных коммуникаций и диалога культур, нельзя получить желаемый результат. Для решения, возникающих проблем создаются организации, деятельность которых строго регламентирована. Одним из примеров является созданная в 2001 году Шанхайская организация сотрудничества, которая смогла в себе уникально сплотить государства с разными религиями, культурой и цивилизационным уровнем. Она создавалась как союз государств Азии и Евразии, основываясь на принципах «шанхайского духа», что позволило сформировать глобальную культуру, опираясь на политический диалог. Он способствует реализации деятельности ШОС, которая охватывает область безопасности, военную деятельность, экономику, культурное сотрудничество, при этом все регламентировано принципами консенсуса и взаимного доверия.

В нашем случае Шанхайская организация сотрудничества является частью глобального мира и может быть осмыслена как проявление глобальной культуры. Основанием для этого является целенаправленная деятельность ШОС по обеспечению мира во всем мире. Необходимо также заметить, что в основе ШОС лежит политический диалог как вид диалога культур, который в условиях глобализации, «выражая интересы национальных культур, решая проблему неконфликтного, толерантного сосуществования, из области теоретического осмысления переходит в практическую»[6].

Говоря о ШОС, мы связываем такие понятия как «глобальная культура и «региональная культура» в связи с синтезом сферы деятельности ШОС (региональное объединение) и поставленными целями в реализации ее деятельности.

Если глобальная культура осмысливается как культура международной сферы деятельности, то региональная как культура представлена в двух плоскостях. Это и культура, объединяющая особенности и специфику национальных культур в пространстве трансграничья, и это культура локального характера, характеризующаяся особенностями менталитета, проявляющегося в рамках культурного пространства[7].

Так как региональная культура это не только синтез различных культур, но и процесс формирования новой, которая возникает в условиях глобализации, то ШОС в этом случае, как региональная международная организация, является показателем ее проявления, где политический диалог становится одним из механизмов совместного разрешения поставленных вопросов, а культурный диалог – проявлением межкультурного взаимодействия на различных уровнях. При этом необходимо заметить, что ШОС является одним из примеров, где диалог протекает не только между различными национальными культурами, но и между цивилизациями. Этот факт является не только порождением глобализации, но и одним из показателей глобальной культуры.

В условиях глобализации диалог культур проявляет себя как универсальное, необходимое средство выстраивания всех форм сотрудничества и эффективный способ предотвращения культурной конфронтации[6]. Помимо этого, он выступает как парламентар, а так же дает почву для создания международных организаций.

Если поставить вопрос о целеобусловленности рассмотрения ШОС как фактора глобализирующейся культуры, то ответ на него возможен, ориентируясь на мнение В.С. Степина, что Китай представляет новое поле осмысления культурного диалога[8], о чем и говорит культурная составляющая программ развития ШОС.

Политика гуманизирующейся культуры в условиях развития современного Китая построена по образцу всей китайской политики – на основе учения Дэн Сяопина: спокойно наблюдать, реагировать на происходящие изменения, делать конкретные дела, укреплять свои позиции. Вышесказанное позволяет отметить, что осмысление Шанхайской организации сотрудничества через явления глобальной и региональной культур представляет собой одну из первых попыток исследования их «точек пересечения» в условиях современного миропорядка.

Список литературы/ References

1. Степин В.С. / Круглый стол «Диалог культур и партнерство цивилизаций» // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Международные Лихачевские научные чтения, 14–15 мая 2009 г. - СПб: Изд-во СПбГУП, 2009. – С.212
2. Борисенко О.А. «Межцивилизационное становление ШОС» Вестник Бурятского государственного университета Выпуск 6 Философия, социология, политология, культурология. Улан-Уде, 2010 с. 223-226
3. Бянкин К.Ю. Проблема глобализации культуры в работах современных китайских ученых //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 34-37
4. Robertson, R. Glocalization. Social theory and global culture. London, Sage, 1992. – p. 23
5. Культурный диалог в бизнесе и в политике: учеб.пособие / О.А. Борисенко; Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2014. – 180 с.
6. Борисенко О.А. Политический диалог как вид диалога культур в условиях глобализации : на примере Шанхайской Организации Сотрудничества : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Борисенко Ольга Андреевна; [Место защиты: Забайк. гос. ун-т].- Чита, 2011.- 180 с.
7. Фомина М.Н. К полиэтническому пространству: векторы диалога / Личность. Культура. Общество. 2003. Т.5. № 1-2 (15-16) - С.569-571
8. Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. № 2 . 2011. – С.12

Список литературы на английском языке / References in English

1. Stepin V.S. / Kruglyj stol «Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij» [Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations] // Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij : IX Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija [Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: XI International Likhachev scientific readings], 14–15 maja 2009 g. - SPb: Izd-vo SPbGUP, 2009. – S.212 [in Russian]
2. Borisenko O.A. «Mezhcivilizacionnoe stanovlenie ShOS» Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta Vypusk 6 Filosofija, sociologija, politologija, kul'turologija. [Intercivilizational becoming SCO "Bulletin of the Buryat State University Issue 6 philosophy, sociology, political science, cultural studies] Ulan-Ude, 2010 s. 223-226 [in Russian]
3. Bjankin K.Ju. problema globalizacii kul'tury v rabotah sovremennyh kitajskih uchenyh [The problem of globalization of culture in the works of modern Chinese scholars] //Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice] Tambov: Gramota, 2014. № 9 (47): v 2-h ch. Ch. I. C. 34-37 [in Russian]
4. Robertson, R. Glocalization. Social theory and global culture. London, Sage, 1992. – r. 23 [in English]
5. Kul'turnyj dialog v biznese i v politike: ucheb.posobie [Cultural dialogue in business and in politics: a tutorial] / O.A. Borisenko; Zabajkal. gos. un-t. – Chita: ZabGU, 2014. – 180 s. [in Russian]
6. Borisenko O.A. Politicheskij dialog kak vid dialoga kul'tur v uslovijah globalizacii : na primere Shanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva : dissertacija ... kandidata filosofskih nauk [Political dialogue as a form of dialogue between cultures in the conditions of globalization: the case of the Shanghai Cooperation Organization: the dissertation ... The candidate of philosophical sciences]: 09.00.13 / Borisenko Ol'ga Andreevna; [Mesto zashhity: Zabajk. gos. un-t].- Chita, 2011.- 180 s. [in Russian]
7. Fomina M.N. K polijetnicheskomu prostranstvu: vektory dialoga [By Polytechnic space: vectors dialogue]/ Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo.[Personality. Culture. Society] 2003. T.5. № 1-2 (15-16) - S.569-571 [in Russian]
8. Stepin V.S. Globalizacija i dialog kul'tur: problema cennostej [Globalization and Dialogue of Cultures: the problem of values]// Vek globalizacii. [The age of globalization]№ 2 . 2011. – S.12 [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.130

Евдокимов А.И.

ORCID: 0000-0002-0271-3202, аспирант,

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-6746.2015.6

**НАРРАТИВЫ ВОСПРИЯТИЯ МИГРАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ (НА ПРИМЕРЕ
ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ)**

Аннотация

Данная работа посвящена определению факторов и нарративов, способствующих формированию негативных и позитивных отношений к миграции в региональном социуме. На основании анализа результатов массового социологического исследования на территории трех республик Южной Сибири (Алтай, Тыва, Хакасия) делается вывод, что такие характеристики как возраст, материальное положение, уровень образования и характер межэтнических отношений, являются основными компонентами функционирования модели восприятия мигрантов из стран Центральной Азии представителями принимающего сообщества.

Ключевые слова: миграция, региональный социум, идентичность, Южная Сибирь, этничность.

Evdokimov A.I.

ORCID: 0000-0002-0271-3202, Postgraduate student,

The Khakas State University named after N. F. Katanov

The study was supported by the RF President Grant MK-6746.2015.6

**NARRATIVES OF PERCEPTION OF MIGRATION IN THE REGIONAL SOCIETY (THE CASE
OF CENTRAL ASIAN MIGRATION IN THE REPUBLICS OF SOUTHERN SIBERIA)**

Abstract

This work is dedicated to determining the factors and narratives that contribute to the formation of positive and negative attitudes towards migration in regional society. Based on the results of the analysis of mass sociological study on the territory of the three republics of Southern Siberia (Altai, Tyva, Khakassia), We concluded the main characteristics of the model of migrant perception of Central Asia in the host community. We emphasized such components as age, financial status, education level and nature of inter-ethnic relations.

Keywords: migration, regional society, identity, Southern Siberia, ethnicity.

В современном мире такой когда-то неоднозначный феномен как «миграция» превратился в повседневный социальный процесс, охватывающий все сферы общественной жизни. Миграция проявляется себя на международном уровне в качестве одного из основных компонентов «глобализации», практически воплощая собой постулаты теоретиков данного направления о размывании национальных границ и смешении разнообразных этносов и народов во всех частях мира. Миграция является важной частью национальной политики отдельных государств, которые используют ее в качестве инструмента решения как сиюминутных проблем, так и долгосрочных задач. Наконец, миграция является неотъемлемым компонентом трансформации и модернизации регионального социума, фактором актуализации различных уровней социальной идентичности его субъектов.

Под идентичностью в нашем случае понимается определенный «способ классификации окружающего мира, в основе которого лежит (коллективное) представление индивидов о себе, формирующееся в процессе взаимодействия с окружающей действительностью как продукт социальной, экономической и политической активности индивидов в сходных условиях жизни» [2]. Идентичность – не статическая структура, поэтому в зависимости от внешних условий, в ней актуализируются те или иные элементы, которые определяют отношение субъектов к окружающей действительности.

В исследованиях отечественных авторов можно выделить несколько подходов, характеризующих влияние миграционного фактора на идентичность субъектов регионального социума.

Во-первых, это исследования, в которых миграция связывается с таким компонентом структуры идентичности, как этническая идентичность.

Так Ш.С. Сулейманова и Е.Л. Рябова считают, что в современном мире все этнические общности находятся под воздействием со стороны других этносов и народов. Это воздействие помогает актуализироваться собственной этнической идентичности, а значит, положительным образом влияет на этническое многообразие в социуме [9]. Миграция выступает в качестве важной составляющей этого процесса, поэтому принимающее сообщество должно относиться к мигрантам гибко и способствовать их адаптации в новой среде.

Альтернативной точки зрения придерживается Ю.В. Мухлынкина, определяя массовую миграцию как угрозу этнической идентичности. Исследователь использует понятие «маргинальной этнической идентичности», под которым понимает невозможность мигрантов занять стабильное место в принимающем сообществе, невозможность инкорпорироваться в региональный социум. Мигрант «никогда не сможет совершенно порвать (даже если ему будет дана такая возможность) со своим прошлым и его традициями и никогда не будет принят в новое общество, в котором он пытается найти для себя место» [5]. Миграция в данном случае негативно сказывается как на этнической идентичности самих мигрантов, так и членов принимающего сообщества.

Е.А. Самсонкина и В.Н. Муха занимают промежуточную позицию в определении характера влияния миграции на этническую идентичность и выделяют ряд факторов, которые этому способствуют: «моно-полиэтничность среды проживания, социокультурная дистанция между взаимодействующими этносами, принадлежность к этническому большинству или меньшинству, степень дискриминации меньшинства» [6].

Другая группа исследователей воспринимает миграцию как фактор актуализации межэтнических отношений внутри регионального социума.

Миграция представляет собой естественный процесс, в ходе которого возникновение конфликтов связывается не с различием мировоззренческих установок, этнической принадлежности, религии или образа жизни, а с предписыванием межэтнического характера обычным бытовым проблемам и ссорам. Это происходит в результате того, что мигранты действуют согласно модели аккультурационных ориентаций, которая с одной стороны, направлена на сохранение самобытной культуры, а с другой, на взаимодействие с представителями принимающего сообщества [10].

Э.Н. Соболев связывает миграцию и межэтнические отношения экономическими взаимодействиями между приезжими и представителями принимающих сообществ. Чем таких взаимодействий больше, тем больше уровень межэтнической напряженности. Рассматривая пример китайцев на Дальнем Востоке, он делает вывод о возможности снятия напряженности между мигрантами и местными жителями. Это происходит в следствие того, что китайцы хотя и живут обособленно, но не противопоставляют свои социокультурные установки сложившемуся в принимающем сообществе укладу жизни [7].

Ю.М. Аксютин выделяет ряд условий, которые влияют на повышение уровня конфликтности межэтнических отношений [1]. Во-первых, это происходит, когда миграционный нажим начинает затрагивать мировоззренчески и экзистенциально значимые ценности представителей принимающего сообщества. Во-вторых, когда характер межэтнических отношений начинает принимать эмоциональную окраску. В-третьих, когда напряженность межэтнических отношений используется в качестве средства достижения определенных целей заинтересованных сторон (как со стороны мигрантов, так и принимающего сообщества).

Так на примере Республики Хакасия Е.А. Ерохина отметила различия в восприятии межэтнических взаимодействий у разных этносов принимающего сообщества. У представителей хакасского этноса проявляются негативные взгляды в оценках влияния мигрантов из стран Центральной Азии и Китая на стабильность межэтнических отношений в регионе, в то время как русские оценивают это влияние стабильно положительно [3].

С целью эмпирической проверки описанных выше позиций и определения нарративов восприятия мигрантов из стран Центральной Азии (как самой многочисленной и влиятельной миграционной группы), в июне-сентябре 2016 года на территории республик Алтай, Тыва и Хакасия сотрудниками Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова было проведено массовое социологическое исследование [8]. Для проведения массового опроса использовалась целевая, непропорциональная, стратифицированная выборка. Всего было опрошено 1000 человек, из них: в Республике Алтай – 190 чел., в Республике Тыва – 290 чел., в Республике Хакасия – 520 чел. Опрос проводился среди представителей разных этнических, половозрастных и социально-профессиональных групп.

Результаты исследования показали, что восприятие мигрантов из стран Центральной Азии представителями принимающего сообщества Саяно-Алтая определяется набором факторов, которые позволяют утверждать о влиянии миграционного фактора на структуру социальной идентичности жителей Республики Алтай, Тыва и Хакасия.

Среди общего количества респондентов только 13,5% отметили, что положительно относятся к приезду мигрантов из стран Центральной Азии, 35% ответили, что им безразлично, 36,9% выразили свое отрицательное отношение, 14,6% затруднились ответить. Это свидетельствует о преобладании негативного восприятия центрально-азиатской миграции в регионах Южной Сибири.

Детальный анализ ответов респондентов позволяет выделить некоторые факторы, способствующие трансформации негативного отношения к мигрантам в нейтральную и позитивную сторону. Одним из таких факторов является уровень материального благосостояния жителей регионов. У респондентов с низким уровнем материального положения в большей степени проявляется негативное отношение к мигрантам - 41,4% респондентов. Кроме того, среди них 21,4% респондентов затруднились определить свою позицию по отношению приезжих из Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Киргизии. Обратная ситуация наблюдается в ответах респондентов с высоким уровнем материального положения - 25% - положительно и всего 12,5% затруднились ответить.

Похожие тенденции наблюдаются в ответах респондентов с разным уровнем образования. Процент положительного отношения к мигрантам из стран Центральной Азии растет по мере повышения уровня образования. Наиболее низкий показатель проявляется среди респондентов с образованием ниже среднего – 7,1%, у респондентов со средним профессиональным образованием увеличивается до 11%, а у респондентов с высшим образованием достигает 14,9%. Процент затруднившихся ответить соответственным образом падает с 28,6% (ниже среднего) до 13,4% (среднее профессиональное) и 15,1% (высшее).

Возраст респондентов представляется особым полем восприятий миграционного фактора в Южной Сибири. С увеличением возраста респондентов незначительно растет показатель положительного отношения к мигрантам из стран Центральной Азии – от 11,5% (в возрасте от 18 до 24 лет) до 15,5% (в возрасте 55 лет и старше), зато значительно увеличивается доля затруднившихся ответить – с 9,9% (в возрасте от 18 до 24 лет) до 20,2% (в возрасте 55 лет и старше). 44% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет отметили нейтральное отношение к приезду центрально-азиатских мигрантов, что значительно выше, чем у остальных возрастных групп респондентов (33%). Наибольшая доля респондентов с отрицательное отношение к мигрантам из стран Центральной Азии отмечается у наиболее экономически активной части населения – 41,5% (в возрасте от 25 до 34 лет) и 39,5% (в возрасте от 35 до 54 лет).

Следующим элементом структуры идентичности, актуализирующимся под воздействием миграционного фактора, является этническая компонента. Среди представителей основных этносов, проживающих на территории исследуемых республик, демонстрируются усиление негативного и безразличного отношения к мигрантам из Центральной Азии по сравнению с генеральной совокупностью. Наибольший уровень положительного восприятия мигрантов отмечается у алтайцев (14%) и тувинцев (12,7%), наименьший – у хакасов (5,3%). При этом 42,1% опрошенных хакасов определили свое отношения к центрально-азиатским мигрантам как безразличное. А наибольший процент, фиксирующий негативное восприятие выходцев из Центральной Азии, обнаружился в результате у русских, проживающих на территории всех трех республик, - 39,9%.

Обобщенные данные опроса по каждой из трех исследуемых республик свидетельствуют, с одной стороны, о сбалансированности уровня восприятия мигрантов из Центральной Азии принимающим сообществом регионов Южной Сибири, с другой стороны, позволяют зафиксировать ряд особенностей. Так доля респондентов, отметивших свое нейтральное отношение к мигрантам из Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, находится в близком процентном соотношении во всех трех республиках (Алтай – 36,3%, Тыва – 34,5%, Хакасия – 34,8%). При этом в Республике Тыва отмечается максимальный уровень положительного отношения (16,6%), в Республике Алтай – минимальный уровень отрицательного отношения (34,2%), а в Республике Хакасия наименьший уровень положительного отношения (11%) и наибольший – отрицательного (39%). Эта тенденция фиксируется нами на протяжении последних лет и объясняется, в первую очередь, спецификой экономических отношений [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на преобладание негативного нарратива восприятия миграции из стран Центральной Азии в регионах Южной Сибири, существует ряд факторов, способствующих обращению данной тенденции в позитивное направление. Во-первых, это уровень материального положения и образования, с увеличением которых растет показатель положительного восприятия мигрантов. Во-вторых, это возрастной фактор, который демонстрирует, что с увеличением возраста респондентов снижается уровень отрицательного восприятия мигрантов. Наконец, это характер межэтнических отношений внутри принимающего сообщества. С уменьшением пропорционального разрыва численности основных этнических групп региона, происходит рост процента положительных и нейтральных отношений респондентов к мигрантам.

Комплексное использование региональными властями описанных в данной работе нарративов, на наш взгляд, будет способствовать гармонизации межэтнических отношений в региональном социуме и адаптации структуры социальной идентичности его субъектов к внешним и внутренним вызовам.

Список литературы/ References

1. Аксютин Ю.М. Этнокультурная комплементарность и ценностные ориентации жителей регионов России: имперскость, советскость, современность / Ю.М. Аксютин // *European Social Science Journal*. – 2014. – № 3-2 (42). – С. 333-338.
2. Анисимова А., Ечевская О. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? / А. Анисимова, О. Ечевская // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. – 2012. – № 3. – С. 11-41.
3. Ерохина Е.А. Этнические границы в межэтническом сообществе (на примере Республики Хакасия) / Е.А. Ерохина // *Гуманитарные науки в Сибири*. – 2007. – № 3. – С. 100-103.
4. Евдокимов А.И. Миграционный фактор социокультурной модернизации в Саяно-Алтайском регионе / А.И. Евдокимов // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. – 2016. – № 3 (59). – С. 215-223.
5. Мухлынкина Ю.В. Этническая идентичность в эпоху глобализации / Ю.В. Мухлынкина // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. – 2008. – № 4. – С. 233-244.
6. Самсонкина Е.А., Муха В.Н. Риски этнической идентичности в современном мире / Е.А. Самсонкина, В.Н. Муха // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. – 2014. – № 37. – С. 58-63.
7. Соболев Э.Н. Трудовая миграция в свете сохранения национальной идентичности России / Э.Н. Соболев // *Вестник международного института менеджмента ЛИНК*. – 2009. – №24. – С. 147-164.
8. Социологическое исследование (июнь - сентябрь 2016 г., Хакасия, Тыва, Алтай). Грант Президента РФ по теме: «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)» (проект МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность – 1000 чел.
9. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные, межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ / Ш.С. Сулейманова, Е.Л. Рябова // *Этносоциум и межнациональная культура*. – 2016. – № 2 (92). – С. 9-20.
10. Ясинская-Лахти И., Мяхёнен Т.А., Варьйонен С., Арнольд Л., Юйяля А., Юрва К., Кинунен Т. Идентичность и интеграция в контексте этнической миграции (на примере ингерманландских финнов) / И. Ясинская-Лахти, Т.А. Мяхёнен, С. Варьйонен и др. // *Диаспоры*. – 2012. – № 1. – С. 178-196.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aksjutin Ju.M. *Jetnokul'turnaja komplementarnost' i cennostnye orientacii zhitelej regionov Rossii: imperkost', sovetskost', sovremennost'* [Ethnic and cultural complementarity and values of residents of Russian regions: imperial, Soviet, modernity] / Ju.M. Aksjutin // *European Social Science Journal*. – 2014. – № 3-2 (42). – P. 333-338. [in Russian]
2. Anisimova A., Echevskaja O. «Sibirjak»: obshhnost', nacional'nost' ili «sostojanie dushi»? ["Siberian": community, nationality or "state of mind"?] / A. Anisimova, O. Echevskaja // *Laboratorium. Zhurnal social'nyh issledovanij* [Journal of Social Studies]. – 2012. – № 3. – P. 11-41. [in Russian]
3. Erohina E.A. *Jetnicheskie granicy v mezhetnicheskom soobshhestve (na primere Respubliki Hakasija)* [Ethnic boundaries in inter-ethnic society (the example of the Republic of Khakassia)] / E.A. Erohina // *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. – 2007. – № 3. – P. 100-103. [in Russian]
4. Evdokimov A.I. *Migracionnyj faktor sociokul'turnoj modernizacii v Sajano-Altajskom regione* [Migratory factor of socio-cultural modernization in Sayano-Altay region] / A.I. Evdokimov // *Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)]. – 2016. – № 3 (59). – P. 215-223. [in Russian]
5. Muhlynkina Ju.V. *Jetnicheskaja identichnost' v jepohu globalizacii* / Ju.V. Muhlynkina [Ethnic identity in the age of globalization] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo* [Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law]. – 2008. – № 4. – P. 233-244. [in Russian]

6. Samsonkina E.A., Muha V.N. Riski jetnicheskoy identichnosti v sovremennom mire [Risks of ethnic identity in the modern world] / E.A. Samsonkina, V.N. Muha // Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya [Actual questions of social sciences: sociology, political science, philosophy, history]. – 2014. – № 37. – P. 58-63. [in Russian]

7. Sobolev Je.N. Trudovaya migracija v svete sohraneniya nacional'noj identichnosti Rossii [Labour migration in the view of the preservation of national identity of Russia] / Je.N. Sobolev // Vestnik mezhdunarodnogo instituta menedzhmenta LINK [Bulletin of the International Institute of Management LINK]. – 2009. – №24. – P. 147-164. [in Russian]

8. Sotsiologicheskoe issledovanie (iyul' - sentyabr' 2016 g., Khakasiya, Tyva, Altay) [Social study in Khakassia, Tyva, Altay, July – September 2016]. Grant Prezidenta RF po teme: «Rossijskaja grazhdansko-nacional'naja identichnost': novye riski i sposoby preodolenija (regional'naja model')» (proekt MK-6746.2015.6) [Russian President Grant on "Russian civil national identity: new risks and the ways of overcoming (regional model)" (MK-6746.2015.6 Project)].

9. Sulejmanova Sh.S., Rjabova E.L. Migracionnye processy i mezhnacional'nye, mezhkonnfessional'nye otnosheniya v Rossii: vzaimovlijanie i rol' SMI [Migratory processes and inter-ethnic inter-religious relations in Russia: interaction and the role of the media] / Sh.S. Sulejmanova, E.L. Rjabova // Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura [Etnosocium and ethnic culture]. – 2016. – № 2 (92). – P. 9-20. [in Russian]

10. Jasinskaja-Lahti I., Mjahjonen T.A., Var'jonen S., Arnol'd L., Juijalja A., Jurva K., Kinunen T. Identichnost' i integracija v kontekste jetnicheskoy migracii (na primere ingermanlandskih finnov) [Identity and integration in the context of ethnic migration (the example of Ingrian Finns)] / I. Jasinskaja-Lahti, T.A. Mjahjonen, S. Var'jonen i dr. // Diaspory [Diaspora]. – 2012. – № 1. – P. 178-196. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.058

Лясников М.В.¹, Саипов А.², Шестаков В.А.³, Шестаков Д. В.⁴

¹Кандидат технических наук, заведующий физико-химической лабораторией

АНО «НИИ стандартизации музейной деятельности»,

²доктор педагогических наук, профессор, заведующий Республиканской лаборатории физической антропологии

Южно-Казахстанского государственного университета им. М.Ауэзова,

³доктор философских наук, директор АНО «НИИ стандартизации музейной деятельности»,

⁴магистр информатики, зав. отделом информационно образовательных технологий,

АНО «НИИ стандартизации музейной деятельности»

ВВЕДЕНИЕ ПОНЯТИЯ СТРАХОВОЙ КОПИИ В КРАНИОГРАФИЮ

Аннотация

Анонсируется применение Способа атрибуции, технико-технологического исследования и идентификации культурных ценностей, музейных предметов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) – ОКО ГОРА (UADJET) для краниометрии. Авторы считают, что применение способа позволит повысить объективность измерений и сохранность материальных носителей. Статья вводит в научный обиход понятия страховой копии культурной ценности, документа, антиквариата, подъемного материала, полученного в ходе археологических раскопок, здания, объекта культурного наследия, ландшафта, или любого объекта съемки, за состоянием сохранности которого требуется тщательный контроль.

Ключевые слова: антропологические материалы, краниология, краниометрия, культурная ценность, страховая копия культурной ценности, количественные показатели атрибуции.

Lyasnikov M.V.¹, Saipov A.², Shestakov V.A.³, Shestakov D.V.⁴

¹PhD in Engineering sciences, Head of the physical and chemical laboratory, Scientific research institute “ISO-Museum”,

²PhD in Pedagogy, prof., Republic laboratory of physical antropology, M.O. Auevov South Kazakhstan state university,

³PhD in Philosophy, Director of Scientific research institute “ISO-Museum,

⁴IT master, head of IT and education department, Scientific research institute “ISO-Museum”

NOTION OF A BACKUP COPY IN CRANIOMETRY PRACTICE

Abstract

Article presents a method of examination, technical research and identification of cultural values, museum objects, objects of cultural heritage – UADJET, applied in sphere of craniometry. Authors suggest that application of such method increases objectivity of measurement procedures and ensures better safety for objects examined. Article introduces the related notion – backup copy of a museum object, whether such object is a document, antique item, surface material acquired from excavation, buildings or objects of cultural heritage, in other words, any physical object of research that might require intensive attention.

Keywords: anthropology materials, craniology, craniometry, cultural value, backup copy, quantitative value of an attribute.

Одной из основных проблем краниологии, как науки, является получение максимально точных размеров исследуемых объектов по краниологическим точкам. К параметрам, которыми оперирует краниология, традиционно относят измерительные признаки, т.е. то, что входит в сферу краниометрии, и описательные признаки, составляющие сферу краниоскопии. И первый, и второй набор признаков собирают путём краниографических исследований, которые проводятся с помощью приборов, позволяющих получить изображение черепа в различных плоскостях и проекциях.

За последние двести лет спектр приемов и оборудования, применяемого в краниографии, стал довольно обширным и включает огромный арсенал специальных инструментов и оборудования, позволяющего получать

проекцию и изображение черепа на плоскость в различных диапазонах спектра света. В настоящей статье мы анонсируем опыт применения для краниографии Способа атрибуции, технико-технологического исследования и идентификации культурных ценностей, музейных предметов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) – ОКО ГОРА (UADJET) (Патент RU 2469294). Мы полагаем, что это возможно, потому что при изучении антропологических останков (и в первую очередь черепов) можно наблюдать признаки, которые позволяют отнести их к разряду культурной ценности.

Безусловно, далеко не каждый найденный череп является культурной ценностью, пока экспертом не будет установлена его культурно-историческая, научная или иная значимость для определённых социальных групп общества. Процедура и критерии отнесения антропологических останков к культурным ценностям — это предмет дополнительного исследования, в настоящей же статье мы обратим внимание на установление атрибутивных признаков материальных носителей антропологических останков как феномена культурной ценности, в данном случае это характеристические особенности поверхности черепа.

Череп, как материальный носитель информации, одновременно и необходим и не нужен исследователю. Связано это с тем, что исследование проводится не на черепе, а на количественных и качественных параметрах⁸, которые получены непосредственно с материального носителя, но существующие способы их получения вносят в процесс исследования достаточно заметный субъективный элемент.

Получение адекватной проекции объемного предмета сложнейшей формы на двумерную плоскость всегда было для краниологии сложнейшей задачей, но не окончательной целью, поскольку, как уже упоминалось, главной целью требовалось получить всю совокупность количественных и качественных параметров черепа. В этом отношении краниометрические точки П. Брока⁹ стали серьезным шагом на пути от описательной методики получения экспертных заключений об особенностях черепа к измерительной технике, положенной в основу умозаключений. За более чем 150-летний период количество краниологических точек, между которыми производятся измерения антропологических признаков, возросло неимоверно, и хотя наиболее важные краниологические точки присутствуют в большинстве методик, каждая антропологическая школа стремится обзавестись «своими», часто совершенно новым краниометрическим точкам, присущими только её методике измерений. Специалисты отмечают, что даже названия признаков в различных школах содержат совершенно различные представления о характеристических особенностях измеряемого параметра [1, с. 49]. Не всегда помогает и система условных обозначений, поскольку имеется несколько таковых – например, цифровая и буквенная, каждая из которых имеет свои списки (анатомические, морфологические, краниометрические, и т.п.). Как результат, опубликованные антропологические данные редко проверяются иными исследователями и либо не учитываются, либо принимаются на веру. Перепроверка результатов представляется трудоемкой даже тем, у кого имеются оригиналы черепов. А, при их отсутствии у исследователей, проверка или уточнение данных становится невозможным действием, следовательно, искажается сама процедура получения научного метода знания путём: воспроизводства, проверки и передачи другим.

В краниологических исследованиях до конца не изжиты практика описательных характеристик получения визуальных признаков черепа, где субъективный фактор по-прежнему оказывает доминирующее влияние на результат антропологических исследований [1, с. 77]. При этом для экспертов, участвующих в атрибуции и идентификации антропологического материала, свойственны все наборы «мотивационных» и «фундаментальных» ошибок атрибуции [7, с.275-285].

Безусловно, описательный способ получения характеристических признаков черепов будет востребован и в будущем, например, для определения формы черепа, на видах сверху и сбоку, при сравнении надбровных дуг, надбровья, передненосовой оси, носовидных отрезков и нижнего края грушевидного отверстия, но и в этом процессе есть необходимость избавляться от субъективных способов атрибуции. При применении описательных методик краниометрия по-прежнему предлагает сопровождать выводы рисунками, получение которых не только трудоёмко и требует затрат на инструменты и подготовку специалистов, но и вводит ещё один дополнительный элемент субъективности. Фактически как сам исследователь, так и все, кто испытывает необходимость проверки результатов описательных процедур исследования, должны получить доступ к артефакту для повторения процедур описания (сравнения и т.п.)¹⁰. Это затруднительно, а часто просто невозможно без сложнейших, а, следовательно, и дорогостоящих дополнительных процедур, проведение, которых может ухудшить состояние сохранности любой культурной ценности, что особенно актуально для антропологических останков, которые должны быть захоронены, и лишь временно изъяты из мест упокоения.

Как мы видим, получение точных размеров материального носителя культурной ценности (в частном случае черепа) часто представляет серьезную техническую проблему. Это связано с тем, материальный носитель культурной ценности имеет нечёткую измерительную базу, т.е. материальные носители сугубо индивидуальны, имеют очень сложную форму, часто находятся в плохой сохранности или частично разрушено, а потому получение их габаритных размеров¹⁰ затруднено и не отражает уникальность формы культурной ценности, а, следовательно, и не гарантирует

⁸ Количественные показатели атрибута – формальные данные в виде числовых показателей, полученные в ходе соотнесения однородной величины прототипа или объекта сравнения к другой однородной величине (эталоно), которая берётся за единицу. Количественные характеристики таких атрибутов, как размеры предметов и объектов представлены в соответствии с международной системой измерения – СИ.

Качественные показатели атрибута – формальные данные о виде объектов числовой и нечисловой природы, характеризующие изменения в ощущениях восприятия субъекта (пространственные, временные, звуковые, цветовые, осязательные, обонятельные и т. п.), которые получены в ходе соотнесения однородной величины прототипа или объекта сравнения к другой однородной величине (эталоно), которая берётся за единицу [3, с.55].

⁹ Broca, Paul. Instructions craniologiques et craniometriques de la Societe d'Anthropologie de Paris redigees..[5]

¹⁰ Размер указывается в сантиметрах (для графики - миллиметрах) следующим образом:

для прямоугольных предметов - высота и ширина;

подлинно научного изучения. Немаловажно то, что череп, как материальный носитель культурной ценности, имеющей научное значение (каковой видятся нам изучаемые антропологические останки), обладает внутренней структурой, которая часто не однородна. Получение её характерных особенностей и фиксация их в количественных данных имеет большое научное значение, следовательно, это вызывает необходимость дополнительных и сложнейших атрибуционных процедур и последующих процедур идентификации.

Исходя из нашего практического опыта работы с атрибуцией культурных ценностей, мы рекомендуем для получения количественных и качественных данных об антропологических останках запатентованный «Способ атрибуции, технико-технологического исследования и идентификации культурных ценностей, музейных предметов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)»¹³, позволяющий получить все точные размеры материального носителя культурной ценности. Воздействуя на предмет неразрушающим излучением (например, в рентгеновском или ультразвуковом спектре) можно получить все размеры внутренней структуры материального носителя культурной ценности т. ч. и внутренней поверхности основания черепа, не распиливая его (Схема 1. Процесс создания страховой копии).

Рис. 1 – Процесс создания и работы со страховой копией

Фотография каждого ракурса культурной ценности, полученного по способу «Око Гора», будет содержать все необходимые размеры частей материального носителя культурной ценности, доступные наблюдателю в данном ракурсе и фактически будет выступать оригиналом документа о культурной ценности¹¹, а не рисунком онтого, как например рисунки черепа, воспроизведённые с помощью кубус-краниофора и диаграфа. Некоторое достаточное количество фотографий культурной ценности, снятых с различных ракурсов, будут отражать материальный носитель

для круглых и эллипсообразных - наибольший диаметр;
для объемных предметов три измерения - высота, ширина и глубина.

Высота статуи указывается вместе с плинтом, если они составляют одно целое. Размеры ваз определяются их высотой и наибольшим диаметром. Для произведений графики указывается двойной размер - листа и изображения, для произведений живописи - размеры по подрамнику или по доске. Для костюмов даются размеры: ширина плеч или пояса и длина. При обмерах запрещается пользоваться мягким сантиметром. [4]

¹¹3.6. Оригинал: документ, полученный в результате творческой деятельности человека по закреплению на материальном носителе информации первоисточника независимо от используемых технических средств и способов ее записи [2].

культурной ценности, поскольку будут содержать количественную информацию о нём, и если фотография представляет собой фотодокумент¹², то в целом мы можем считать комплект фотоизображений, снятых по способу атрибуции, идентификации и технико-технологического исследования музейных предметов «Око Гора» страховой копией предмета, в т. ч. материального носителя культурной ценности.

Используя вышеприведённые аргументы, мы можем сформулировать определение страховой копии культурной ценности, музейного предмета, документа, антиквариата, подъемного материала, полученного в ходе археологических раскопок, здания, объекта культурного наследия, ландшафта, или любого объекта съемки, за состоянием сохранности которого требуется тщательный контроль.

Страховая копия материального носителя культурной ценности (музейного предмета, документа и т. п.) представляет собой фотокопии необходимых ракурсов оригинала материального носителя культурной ценности (артефакта, музейного предмета, антропологического материала, документа и т. п.), полученные по Способу атрибуции, идентификации и технико-технологического исследования музейных предметов «Око Гора» и сохраненные в соответствии с требованиями Единого Российского страхового фонда документации (ГОСТ Р 33.505-2003) и предназначенные для атрибуции, идентификации, контроля за состоянием сохранности, научного изучения, реставрации, восстановления и замены оригинала культурной ценности (музейного предмета, документа и т.п.) в случае его утраты, повреждения или недоступности.

Фактически, страховая копия культурной ценности представляет собой электронную модель предмета, которая хоть и теряет некоторые свои свойства в процессе перевода трехмерного объекта на двухмерную плоскость фотографии, но компенсирует это достаточным количеством ракурсов фотосъемки, предмета, и практически полностью исключает субъективный фактор, характерный для описательного метода атрибуции культурной ценности. в таблице 1 представлены результаты измерений черепа по 25 линиям, построенным на основе 23 общепринятых краниометрических точек. Результат измерений обрабатывался в программе «Hogus» разработки АНО «НИИ стандартизации музейной деятельности», которая может быть настроена под любой тип культурных ценностей. Количество ракурсов, точек, их расположение и линии, по которым следует производить измерения, задаётся оператором, исходя из особенностей предмета и применяемой методики атрибуции. В дополнение к фотографиям предмета на нём будут помещены краниологические точки и линии с числовыми значениями, указывающими размеры между точками. Дополнительно к комплекту фотографий страховая копия культурной ценности может предоставлять данные о полученных изменениях в формате таблиц Excel (таб. 1- Количественные данные страховой копии).

Таблица 1 – Количественные данные страховой копии

Модель: mod skull		
создана в версии 0.8		
Название/ракурс		размер
fv		
et	эталон	100 мм
II-поперечный размер		140.54 мм
V-наименьшая ширина лба		100.9 мм
XV-скуловой диаметр		127.03 мм
XX-средняя ширина лица		88.74 мм
XXI-высота носа		46.85 мм
XXI-ширина орбиты(левой)		46.85 мм
XXIII-мышелковая ширина		86.04 мм
XXIV-бигониальная ширина		104.05 мм
XXV-высота тела нижней челюсти		29.28 мм
sv		
et	эталон	100 мм
I-продольный размер		178.3 мм
III-высотный диаметр		114.15 мм
IV-длина основания черепа		80.66 мм
X-сагиттальная хорда		115.57 мм

¹²6.1.2. Страховой копией фотодокумента является первая копия оригинала, изготовленная на черно-белой пленке соответствующего типа методом репродуцирования или контактной печати. Тип страховой копии фотодокумента определяется видом оригинала: для негатива (дубль-негатива) страховой копией является промежуточный позитив, для диапозитива (слайда), позитива, дубль-позитива - дубль-негатив, для фотоотпечатка – негатив [2].

Окончание табл. 1 – Количественные данные страховой копии

Модель: mod_skull		
создана в версии 0.8		
Название/ракурс		размер
XI-лобная хорда		100.47 мм
XVI-длина основания лица		80.19 мм
XVII-верхняя высота лица		59.91 мм
XVIII- полная высота лица		110.38 мм
bv		
et	эталон	100 мм
VI- ширина основания черепа		108.41 мм
VIII-сосцевидная ширина		99.12 мм
XIII-длина большого затылочного отверстия		35.4 мм
XIV-ширина большого затылочного отверстия		29.2 мм
XIX-верхняя ширина лица		96.46 мм
vfa		
Название		размер
et	эталон	100 мм
XII-теменная хорда		116.28 мм
bv2		
Название		размер
et	эталон	100 мм
VII- ширина затылка		106.25 мм

Преимущества предлагаемого нами способа атрибуции не исчерпываются высоким уровнем объективности полученных результатов, гибкостью настройки инструментария под методику исследования любой антропологической школы. Достоинства способа в особом деликатном режиме обращения с артефактом, позволяющим обеспечить максимальную сохранность предмета от внешних воздействий при исследовании. Способ позволяет создавать такие копии исследованного предмета, которые содержат все содержащиеся на соответствующем ракурсе фотографий предмета размеры. Таким образом, исследователю не требуется фотографировать предмет заново, если он пожелал узнать размеры между другими краниологическими точками, кроме тех, которые он пометил ранее. Достаточно будет на имеющейся страховой копии пометить новые точки, сохранить новое фото как страховую копию с иным индексом, и программа выдаст ему готовые размеры. Как иллюстративный материал, страховую копию можно прилагать к отчётам исследований, публикациям, пересылать коллегам для удалённого доступа при совместной работе. Фактически, любой, кому будет доступна страховая копия, сможет либо проверить результаты исследований, либо дополнить их. Сами оригиналы будут использоваться в дальнейших исследованиях ограниченно, либо для проверки их сохранности, либо для идентификации предметов при перемещении, что позволит ограничить до минимума контакт с артефактами и обеспечить максимальную сохранность предмета. Повреждённые предметы можно будет заменить на точнейшие муляжи, сделанные из костной муки с добавлением пластификаторов.

Применение предлагаемого нами способа атрибуции в краниометрии позволит вовлечь в научный процесс изучения антропологических материалов широкие круги научной общественности и серьезно снизить затраты на приобретение инструментов и обучение персонала обращению с этими инструментами. Внедрение Способа «Око Гора» в краниологию повысит степень объективности краниометрических исследований до уровня характерного для точных наук.

Список литературы / References

1. Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрика. Методика антропологических исследований / Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. – М.: Наука, 1964. – с.128
2. ГОСТ Р 33.505-2003 Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием. - М., 2003, - 27 с.
3. Лясников М. В., Шестаков В. А. ОКО ГОРА-UADJET. Способ атрибуции, технико-технологического исследования и идентификации культурных ценностей, музейных предметов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) / Лясников М. В., Шестаков В. А. – СПб.: АНО НИИ СМД, 2011. – 57 с.
4. Приказ Минкультуры СССР от 17.07.1985 N 290 "Об утверждении Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР". - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100972/ (дата обращения 31.10.2016) - 88 с.
5. Broca P. Instructions craniologiques et craniometriques de la Societe d'anthropologie de Paris / Broca P. - Paris : Georges Masson, 1875. - VII, 203 p., 8 c. di tav. : ill.

6. Саипов А., Кадиров Р.Х., Камзабек К.А. Интегральная характеристика популяционного деморфизма краниометрических признаков черепа (на примере серий близких к современности мужчин норвежской, японской и зулу популяций) / Саипов А., Кадиров Р.Х., Камзабек К.А. // Доклады Казахской академии образования. Ежеквартальный журнал, рекомендованный Комитетом по контролю в сфере образования и науки - Астана, МОН РК, 2015. - № 2. - 170 с.

7. Шестаков В.А. ESSENTIA. Книга I. Атрибуция/ Шестаков В.А. – СПб: АНО НИИ СМД, 2012. – 530 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alexeev V.P, Debets G.F. Craniometrika. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranio-metry. Anthropological research methodologies]. Nauka, M., 1964 [in Russian]

2. Edinyi rossiyskiy strakhovoy fond dokumentatsii. Poryadok sozdania strakhovogo fonda dokumentatsii, yavlyayusheysya natsionalnym nauchnym, kulturnym i istoricheskim naslediem. [Unified Russian documentation insurance fund. Procedure of creation for insurance fund of documentation belonging to national, scientific, cultural and historical heritage] GOST P 33.505-2003 - M., 2003, - 27 p. [in Russian]

3. Lyasnikov M.V., Shestakov V.A. Oko Gora-Uadjet. Sposob atributsii, tekhniko-tekhnologicheskogo issledovaniya i identifikatsii kulturnykh tsennostey, muzeynykh predmetov, obyektov kulturnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kultury. [Horus eye – uadjet. Method of examination, technological research and identification of cultural values, museum objects, objects of cultural heritage (historical and cultural monuments)] – Spb, ANO NII SMD, 2011. – 57 p. [in Russian]

4. Prikaz minkultury SSSR ot 17.07.1985 N 290 “Ob utverzhenii instruksii po uchetu i khraneniyu museynikh tsennostey, nakhodyashikhsya v gosudarstvennykh muzeyah SSSR”. [order of USSR culture ministry from 17.07.1985 N290 “On affirmation of instruction for accounting and keeping of museum values located in USSR national museums”, last document version dated to 31.10.2016] [in Russian]

5. Broca P. Instructions on craniology and craniometry of the Anthropological Society of Paris / Broca P. - Paris: Georges Masson, 1875. - VII, 203 p., 8c.: ill. [in French]

6. Saipov A., Kadirov R.H., Kamzabek K.A. Integralnaya kharakteristika populatsionnogo demorphisma kranio-metricheskikh priznakov cherepa (na primere seriy blizkikh k sovremennosti mujchin norvezhskoy, yaponskoy i zulu populatsiy) [Integral characteristics of population demorphism among craniometry attributes on a skull (on example of series of male skulls close to modernity from Norwegian, Japanese and Zulu populations)]/ Saipov A., Kadirov R.H., Kamzabek K.A. // Doklady Kazakhskoy akademii obrazovaniya. Ejekvartalnyi jurnal, rekomendovanny komitetom po kontrolyu v sfere obrazovaniya i nauki MON RK. – [quarterly journal recommended by education and science control committee] Astana, 2015. – N2. [in Russian]

7. Shestakov V.A. ESSENTIA. Kniga I. Atributsiya [ESSENTIA. First Book . Examination]. Spb, ANO NII SMD, - 2012 – S tsvetnymy vkleykami [with colored inserts] [In Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.222

Рудницкая Т.Ю.

Кандидат философских наук, Костромской государственной университет

О РОЛИ ПОНЯТИЙ НУЛЕВОГО КЛАССА В МЫШЛЕНИИ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о роли понятий нулевого класса в универсуме человеческого мышления. Подчеркивается их значимость как необходимого элемента мышления, способа ориентации человека в мире инструмента познания, обладающего огромным эвристическим и творческим потенциалом. Автор приходит к выводу, что пустые понятия определяют сферу свободы человека, идеалы, задают критерии должного, нормативные образцы, представленные в морали и праве. Будучи продуктом мышления, воображения, они определяют поведение человека в реальном мире.

Ключевые слова: форма мышления, пустое понятие, абстрактный объект, воображение, идеальное.

Rudnitskaya T.Yu.

PhD in Philosophy, Kostroma State University

THE ROLE OF EMPTY CONCEPTS IN HUMAN THINKING

Abstract

The article considers the role of empty concepts in human thinking. Their importance as a necessary element of thinking, a way of one's orientation in the world of cognition possessing a huge heuristic and creative potential is emphasized. The author comes to a conclusion that empty concepts define the sphere of freedom of the person and his ideals. They also define the criteria of duty, the standard samples presented in ethics and justice. Being a product of thinking and imagination, they define behavior of a person in the real world.

Keywords: form of thinking, empty concept, abstract object, imagination, ideal.

В неисчерпаемом море человеческих понятий и представлений существует особый пласт, и довольно обширный, который образует множество, называемое нулевым классом.

Многочисленные современные учебные издания по логике чаще всего лишь фиксируют факт существования пустых понятий или понятий «нулевого класса», придавая им определенный символический эквивалент, причем в авторском варианте, не останавливаясь при этом на их роли в универсуме человеческого мышления. Между тем, эта роль настолько велика и значима, что заслуживает специального рассмотрения, что и является предметом данной статьи, с целью постановки проблемы.

Один из основоположников современной математической логики Б. Рассел дал следующее определение понятия «нулевого класса»: «Число 0 есть число терминов в классе, не имеющих членов, то есть в классе, который называется «нуль-класс». И далее: «0 есть класс, чей единственный член есть нуль-класс» [1].

К понятиям нулевого класса относятся такие, которым мы не можем подобрать соответствующего им предмета материального мира. Эти понятия имеют лишь идеальное бытие, не имея актуально бытия материально-вещественного, предметного. Пространство мыслимого и воображаемого представлено в основном понятиями нулевого класса. Таким образом, это лишь фантомы человеческого сознания, которые, однако, насущно необходимы для человека, не менее чем понятия, отражающие реально существующие предметы и сами эти предметы. Это бесконечный и безграничный мир человеческого воображения, мысли, иллюзии и самообмана. По замечанию Ж.-П. Сартра, «нужно хорошо помнить, что речь идет не об обдуманном и свободном решении, но о спонтанном определении бытия. Начинают самообман, как засыпают, пребывают в самообмане, как во сне. Раз этот способ бытия реализуется, отсюда выйти так же трудно, как пробудиться; ведь самообман является типом бытия-в-мире, как бодрствование или сон, которые стремятся сами по себе продолжаться непрерывно, хотя его структура является по своему типу метастабильной» [2].

Нулевой класс обладает онтологическим статусом. Он существует. Он не есть ничто, но есть нечто вполне определенное, а именно нулевой класс. В материальном мире нет ни одного предмета или явления, которому бы соответствовало понятие «нулевого класса» или пустое понятие. Понятие «нулевого класса» существует лишь в идеальном мире.

Но и идеальный мир – разный. Мир объективных знаний, накопленных наукой, субъективных переживаний отдельного человека, «поток сознания» (У. Джемс) индивида.

Действительность, с которой имеет дело человек, представляет собой единство материального и идеального. Идеальное активно действует в человеческом мире. Оно оказывает влияние на реальную и воображаемую жизнь человека в еще большей степени, чем материальные предметы и реальные отношения между людьми в обществе.

Идеальное – это, с одной стороны, отражение мира, а с другой – творение нового мира, новой реальности. Понятия, которые отражают предметы мира. Каждому такому понятию соответствует предмет или класс предметов объективного мира. Это и понятия, которые выражают предметы и явления мира, сотворенного человеком. Пустые понятия, понятия нулевого класса.

В рамках современной классической логики принято деление пустых понятий на два вида: логически пустых и фактически пустых. Первые фиксируют взаимоисключающие признаки предметов, их денотаты невозможно себе даже вообразить («круглый квадрат», «деревянное железо», «горячий лед»). Вторые – логически непротиворечивы. Пустота их объема продиктована социокультурным, историческим контекстом, законами природы («жена католического священника», «вечный двигатель», «Пегас»). К числу фактически пустых относят и идеализированные объекты («несжимаемая жидкость» «абсолютно черное тело»), благодаря существованию которых, ученые выдвигают гипотезы, выстраивают научные теории. Таким образом, пустые понятия обладают огромным эвристическим потенциалом и служат решению научных проблем и задач. Они играют весьма значимую роль в научном познании.

«Жить и не фантазировать, – замечает Б.П. Вышеславцев, – вообще нельзя, и прежде всего в самой науке, в ее гипотезах, предположениях, открытиях, изобретениях; но больше всего – «в трезвой практической жизни». Эта трезвая практика прежде всего состоит в ежедневном опьянении тривиальными образами привычных фантазий. Образами наживы и потери, власти и падения, которые действуют на душу как ежедневные аперитивы. Нет области более фантастической, более иллюзорной, нежели политика, финансы, социальная утопия» [3].

Действительно, вся политика и бизнес в современном мире базируются на создании и тиражировании фантомов, влияющих на сознание и поведение людей. Они держатся исключительно только на невежестве людей, на нагнетании страхов, на эксплуатации низменных страстей человека.

Понятия «нулевого класса» суть идеальные или абстрактные объекты. Они являются необходимой составляющей человеческого мышления и человеческого бытия, ибо человеческого бытия без мышления не бывает. Необходимой для развития творческого, «продуктивного», по Канту, мышления. Они обладают огромным творческим потенциалом. Сфера искусства, литературы, народного творчества немислима без нулевых понятий. Мифологические образы, сказочные и литературные персонажи, фантастические объекты в своем большинстве суть пустые понятия.

Человеку свойственно пребывать в мире несбыточных фантазий и иллюзий. Иначе человек существовать не может. Он вынужден балансировать на грани реального, действительного и мнимого, иллюзорного. «Действительности противостоит мечта, – пишет Н.А. Бердяев, – и мечта в каком-то смысле реальнее действительности» [4].

Без понятий нулевого класса невозможна полноценная ориентация человека в мире. Они определяют сферу свободы человека, задают критерии должного, нормативные образцы, представленные в морали и праве. Имея ценностное измерение, насыщают аксиологическую сферу, ориентируют человека на идеал. Абсолютное добро, абсолютная справедливость, абсолютная красота – недостижимые идеалы. В этом отношении справедливо, на наш взгляд, высказывание И. Канта, утверждающего, что, «хотя и нельзя допустить объективной реальности (существования) этих идеалов, тем не менее нельзя на этом основании считать их химерами: они дают необходимое мерило разуму, который нуждается в понятии того, что в своем роде совершенно, чтобы по нему оценивать и измерять степень и недостатки несовершенного» [5].

Оценочная, нормативная, регулятивная, мировоззренческая сферы мышления переполнены пустыми понятиями. Будучи продуктом мышления, воображения, они определяют поведение человека в реальном мире, а для людей бытие идеальное и бытие в идее могут быть дороже и действеннее, чем материальное, физическое, социальное и биологическое существование. Их поведенческо-мотивационная роль предельно высока.

Таким образом, функциональная нагрузка понятий «нулевого класса» весьма обширна. Познавательная, творческая (креативная), оценочно-нормативная, целеполагающая (идеалообразующая), деонтическая, аксиологическая – функции, которые призваны выполнять понятия нулевого класса.

Иногда понятия нулевого класса являются предметом ожесточенных политических и идеологических сражений. Им приносят в жертву благополучие и жизнь людей. Рай и ад существуют и не в загробной жизни. Они присутствуют в земной жизни человека. И творит их сам человек. Но это не творение его рук, но его воображения, которое материализуется в его помыслах, словах и поступках.

Следует ясно сознавать, что пустые понятия имеют место лишь в мышлении, то есть имеют лишь идеальное бытие. Нельзя смешивать и отождествлять мысль и действительность. Идеальное нельзя принимать буквально как руководство к действию, ибо «мир становится таким, каким мы его воображаем. Воображение никогда не остается безнаказанным и безрезультатным» [6].

Понятия «нулевого класса» – необходимый элемент мышления, инструмент познания, способ ориентации человека в мире. Порождение разума человека, необходимое для его существования, функционирования, развития и совершенствования. При этом важно помнить, что умение оперировать понятиями нулевого класса – показатель не только культуры логического мышления, но и психического здоровья личности.

Список литературы/ References

1. Б. Рассел Введение в математическую философию. – М.: Гнозис, 1996. – С. 31.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто (Опыт феноменологической онтологии). – М.: АСТ, 2009. – С. 150.
3. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – М.: Республика, 1994. – С. 66.
4. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Междунар. отношения, 1990. – С. 28.
5. Кант И. Сочинения в шести томах. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – С. 502.
6. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – М.: Республика, 1994. – С. 62.

Список литературы на английском языке / References in English

1. B. Russel Vvedenie v matematicheskuyu filosofiju [Introduction to mathematical philosophy]. – М.: Gnozis, 1996. – P. 31. [in Russian]
2. Sartre Zh.-P. Bytie i nichto (Opyt fenomenologicheskoy ontologii) [Life and nothing (Experience of phenomenological ontology)]. – М.: AST, 2009. – P. 150. [in Russian]
3. Vysheslavcev B.P. Jetika preobrazhennogo Jerosa [Ethics of the changed Eros] – М.: Respublika, 1994. – P. 66. [in Russian]
4. Berdjaev N.A. Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii) [Self-knowledge (experience of the philosophical autobiography)]. – М.: Mezhdunar. otnosheniya, 1990. – P. 28. [in Russian]
5. Kant I. Sochineniya v shesti tomah [Compositions in six volumes]. – М.: Mysl', 1964. – Т. 3. – P. 502. [in Russian]
6. Vysheslavcev B.P. Jetika preobrazhennogo Jerosa [Ethics of the changed Eros]. – М.: Respublika, 1994. – P. 62. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.078

Рыбаков В.В.

ORCID: 0000-0003-3687-460X, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

ПЕРФОРМАНС КАК СПОСОБ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ПРИСУТСТВИЯ

Аннотация

В статье осуществляется анализ перформанса как особой формы искусства в контексте философской дискуссии о проблеме присутствия и его производства. На основании исследования эстетики перформативности Э. Фишер-Лихте рассматриваются характерные черты перформанса, способствующие созданию благоприятной ситуации для производства присутствия, отличающегося от текста, дискурса, значения. Выявляется парадокс перформанса, состоящий в том, что создаваемое перформансом уникальное событие как с формальной, так и с содержательной точки зрения не отличается от ситуаций мира повседневности. Постулируется, что перформанс является не столько способом интенсификации присутствия, сколько способом его проблематизации.

Ключевые слова: перформанс, присутствие, событие, интеракция.

Rybakov V.V.

ORCID: 0000-0003-3687-460X, PhD in Philosophy,

Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

PERFORMANCE AS A WAY OF POSING THE PROBLEM OF PRESENCE

Abstract

The analysis of performance as a special form of art in the context of the philosophical discussion related to the problem of presence and its production is given in the article. On the basis of E. Fisher-Lichte's investigations in the realm of the aesthetics of performativeness the distinctive features of performance which help to create the favorable conditions for the production of presence differing from text, discourse, meaning are considered. The paradox of performance, consisting in the fact that the unique event which performance creates both from formal and substantial sides does not differ from the situations of daily routine world, is indicated. It is postulated that performance is rather not the way of presence intensification but the mode of calling it in question.

Keywords: performance, presence, event, interaction.

В противовес философии структурализма и постструктурализма, лейтмотивом которой являлось исследование интерпретативного характера взаимоотношения человека и мира – реальности, мыслимой по образу текста, – в последние десятилетия выступает другая философская тенденция, чьим желанием становится исследование таких аспектов человеческой жизни, которые не сводятся к системе значений и их интерпретации. Подобное исследование вызвано также необходимостью осмысления трансформаций человеческой жизни в условиях так называемого информационного общества. Атрибуты последнего – увеличение доступности информации и ускорение обмена данными, создание особого расширения в форме виртуального электронного пространства, в которое люди все больше «погружаются» и «уходят», – оттенили такой аспект человеческого существования, как *присутствие*.

Неслучайно понятие присутствия все чаще звучит в контексте гуманитарных исследований, в том числе философских дискуссий. В этом смысле, характерной является работа Х.У. Гумбрехта «Производство присутствия: Чего не может передать значение» [2], в которой понятие присутствия оказывается центральным. При этом Гумбрехт мыслит *присутствие* в неразрывной связи с понятием *производства*: если присутствие – это «не временное, но пространственное отношение к миру и его предметам» [2, С. 10], так что то, что присутствует, «может оказывать непосредственное воздействие на человеческое тело» [2, С. 10], то производство Гумбрехт определяет как «действие “выдвижения” какого-либо предмета в пространстве» [2, С. 10]. Пафос Гумбрехта состоит в том, что присутствия не бывает без его производства, то есть выдвижения, появления, воздействия; присутствие – это всегда динамика проявления, нечто энергетическое. Статичное наличие материальных элементов мира еще не есть присутствие и, скорее, противоположно ему. С этой точки зрения, присутствие как то, что связано с пространственно-телесным измерением человеческого бытия, все же должно быть помножено на время, без которого немислимо движение энергии, появление чего-либо.

На основаниях сказанного становится ясно, что феномен присутствия и его производства (равно как и его нехватки, непроизводства) в наибольшей степени характеризует сферу взаимоотношения и взаимодействия людей. Именно коммуникация есть пространство, в котором люди постоянно появляются в поле зрения друг друга, исчезают из него, воздействуют друг на друга – в том числе, на материально-телесном уровне. Однако именно в сфере коммуникации проблема присутствия подчеркивается с особой остротой. Или, иными словами, именно здесь присутствие подчеркивается как проблема (а не как то, к чему можно апеллировать как к чему-то наличному, стабильному, гарантированному). Проблема присутствия, в свою очередь, подчеркивает проблематичность человеческого существования как такового и может восприниматься как вариация на тему о «подлинном» и «неподлинном» бытии.

Что есть присутствие и его производство применительно к взаимодействию людей? Означает ли оно пребывание здесь и сейчас, иными словами, подразумевает ли присутствие, прежде всего, временной аспект? В чем состоит отличие присутствия от наличия или физической близости? Можно ли вывести формулу присутствия? Обязательно ли присутствие предполагает материальность? Могут ли люди присутствовать через электронную переписку? Сам Гумбрехт заостряет проблему присутствия, постулируя, что «для нас явления присутствия всегда случаются как “эффекты присутствия”, так как они неизбежно окружены, окутаны, можно даже сказать, опосредованы облаками и подушками значения» [2, С. 110]. Так существует ли присутствие как таковое, или о нем можно говорить лишь как об идеале или концепте, тогда как в реальности мы имеем дело с некими «эффектами присутствия»? Нам хотелось бы дать ответ на вопрос о подлинности человеческого бытия через отсылку к присутствию, но присутствие само ускользает, тем самым лишь подчеркивая проблематичность человеческого бытия.

В данной статье мы хотели бы сконцентрировать свое внимание на проблеме человеческого присутствия и проиллюстрировать ее на примере такого вида современного искусства, как перформанс. Для этого мы предполагаем воспользоваться материалом, предоставляемым работой Э. Фишер-Лихте «Эстетика перформативности» [3], носящей по преимуществу эстетико-искусствоведческий характер, что дает нам основание и даже побуждает обратиться к ее результатам для философского обобщения. Наш основной тезис будет состоять в том, что онтологические причины и смысл перформанса могут быть поняты через проблему человеческого присутствия и его производства.

Что же представляет собой перформанс, чем он примечателен? Анализ Фишер-Лихте позволяет утверждать, что самым главным свершением «перформативного поворота» в эстетике, повлекшего за собой появление перформанса, является замена «произведения событием» [3, С. 39]. Перформанс не претендует на создание какого-либо произведения, артефакта, сочинения, к которым можно было бы многократно обращаться. Напротив, перформанс отказывается от произведения в пользу уникального события, происходящего лишь один-единственный раз.

Подобный интерес к созданию события, конечно, можно попытаться объяснить имманентным развитием искусства, для которого в той или иной степени характерна логика отказа. К примеру, импрессионизм отказывается от академических норм живописи, абстракционизм в разных его вариантах отказывается либо от фигуративности, либо от изображения как такового, реди-мейд отказывается от необходимости творческого акта и т.д. С этой точки зрения, перформанс, отказываясь от артефакта – произведения искусства, к которому, с одной стороны, можно обращаться многократно и которое, с другой стороны, можно зафиксировать, занести в архив, – вносит свою лепту в историю отказов.

Другой аспект осмысления события перформанса может состоять в указании на то, что перформанс представляет собой реакцию искусства на возрастающую медиализацию человеческой жизни в современной конфигурации социальной реальности, а также на возрастающее техническое воспроизводство произведений искусства, которое носит амбивалентный характер. Доставка посредством нажатия кнопки *информации* о произведениях искусства, доступность *изображений произведений искусства*, с которыми можно ознакомиться, не выходя из дома, не только выполняет просветительскую функцию, но и отнимает возможность соотнесения с *самим произведением*, обладающим в этой связи, как указывал В. Беньямин, уникальностью, или «аурой» [1, С. 22]. Перформанс не желает быть растиражированным и переведенным в информацию, потому и не предлагает ничего, что можно было бы воспроизвести.

Однако только ли стремлением к формальному отличию от воспроизводимого артефакта обуславливается интерес перформанса к событию? «Критическая» составляющая перформанса ясна, но в чем состоит его «положительное» содержание? Обладает ли перформанс им в принципе? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо более внимательно проанализировать черты события перформанса.

Первая его характеристика, которую мы можем выделить, состоит в том, что оно стремится создать такую ситуацию, в которой интерпретация участников перформанса была бы подорвана или, по крайней мере, смущена. Замещая артефакт событием, перформанс не только уходит из-под пресса медиализации и воспроизводимости, но и осуществляет подрыв привычного модуса переживания эстетического опыта, предполагающего известную отстраненность созерцания и спокойствие. Перформанс стремится по возможности заместить модус эстетического созерцания сильными и непосредственными эмоциями, переживаемыми участниками здесь и сейчас, которые возбуждаются невозможностью подвести происходящее под готовые интерпретативные схемы. Приводя в пример перформанс М. Абрамович «Уста Святого Фомы», Фишер-Лихте отмечает, что в этом перформансе Абрамович «повергла зрителей в неопределенную, вызывающую крайнюю неуверенность и потому мучительную ситуацию» [3, С. 19], так что «зрители не могли определить, какими принципами им здесь следует руководствоваться – эстетическими или этическими» [3, С. 20].

Вторая черта перформанса, связанная с первой, может быть охарактеризована как двойное стирание границ: во-первых, стирание границ между перформерами и зрителями, усиление вовлеченности зрителя в происходящее, а, во-вторых, стирание границ между тем, что «разыгрывается» (или «ставится на сцене», исполняется перформером), и тем, что происходит на самом деле. Такое стирание границ вновь ударяет по интерпретации зрителей, по привычным паттернам интерпретации и – шире – привычным паттернам культурного поведения. Обычно знающий, что происходит на сцене, даже если разыгрывается трагедия, является «всего лишь постановкой», а также привыкший к относительно спокойному созерцанию из зрительного зала того, что разворачивается на сцене, зритель благодаря перформансу вдруг обнаруживает себя в самом центре происходящего события. Зритель превращается в участника, к которому непосредственно обращаются и который несет ответственность за происходящее. Перформанс должен быть задуман таким образом, чтобы во время своего исполнения вызвать «петлю ответной реакции» [3, С. 70], приобрести свойство самосоздания или «автопозиса» [3, С. 70], приводя участников к состоянию активной вовлеченности, когда они должны реагировать, выбирать, действовать. Упорствование в отстраненном созерцательном модусе будет в таком случае уже не поддержанием естественного культурного поведения, а сознательным выбором человека изнутри развернувшейся ситуации. Так, в перформансе «Уста Святого Фомы» Абрамович, вырезая у себя на теле ножом пятиконечную звезду и причиняя себе боль, в конечном итоге подвела зрителей к тому, чтобы вмешаться в происходящее и положить конец перформансу.

Таким образом, участники перформанса – это уже не зрители, сидящие на местах в зрительном зале и лишь с физической точки зрения располагающиеся рядом друг с другом. Перформанс вовлекает каждого участника в событие и делает каждого ответственным за происходящее; перформанс устанавливает между участниками невидимые связи, которые отсутствуют в ситуации традиционной театральной постановки. В перформансе дело не ограничивается физической рядоположенностью зрителей, не имеющих друг к другу никакого отношения; перформанс пытается создать нечто большее – ситуацию присутствия, отличающуюся от простого физического наличия.

С другой стороны, Фишер-Лихте отмечает, что принципиальной чертой перформанса является также и актуализация тела, телесно-материального аспекта, прикосновений, к обмену которыми некоторые перформансы буквально принуждают. Семиотизированный опыт вытесняется внесемиотическим материально-телесным измерением, вторгающимся в горизонты восприятия участников перформанса. Данное обстоятельство также позволяет утверждать, что интенсификация душевных и чувственных переживаний, которую инициирует перформанс, может быть интерпретирована через попытку производства присутствия.

Дело в перформансе, однако, не ограничивается срывом типичных интерпретативных схем, вовлечением участников в происходящее и выведением на авансцену материально-телесного аспекта. Эти три черты восходят к, возможно, главной интенции перформанса, состоящей в том, чтобы участники вступили во взаимодействие друг с другом. Именно это желание перформанса скрывается за осуществляемым в нем замещением артефакта событием; именно взаимодействие участников и есть то, ради чего организуется событие перформанса: уже «не “произведение искусства”, а процесс *интеракции* (курсив мой – В.Р.) между участниками» [3, С. 64]. Интеракция, в свою очередь, возникает благодаря тому, что в перформансе «происходит *нечто* (курсив мой – В.Р.)» [3, С. 64], чье непосредственное воздействие оказывается сильнее, чем возможные значения и смыслы, которые можно было бы приписать происходящему из модуса привычного эстетического созерцания.

Логическая связь вызывания *интеракции* и инсценировки *нечто*, на наш взгляд, принципиальна. Для перформанса крайне важно, чтобы создаваемое им событие переживалось участниками именно как что-то новое, странное, как до конца не понятное, непредсказуемое *нечто*. Именно в такой ситуации типичные интерпретативные паттерны дают сбой, и интерпретация оказывается не за что ухватиться. Но если событие перформанса крайне расплывчато, представляя собой *нечто*, то в равной степени и вовлеченность участников во взаимодействие друг с другом едва ли поддается априорной конкретизации. Неслучайно использование Фишер-Лихте столь абстрактного и, в сущности, технического понятия, как *интеракция*. Этот термин обозначает, что имеет место некое взаимодействие, о котором невозможно, однако, сказать что-то конкретное. Идет ли речь об общении? Насколько глубоко и интенсивно, или, наоборот, поверхностно взаимодействуют люди друг с другом в рамках *интеракции*? Является ли это взаимодействие «подлинным» или «неподлинным»? Интеракция, вызываемая перформансом, как раз характеризуется тем, что ей невозможно заранее приписать какие-либо характеристики: она представляет собой чистую открытость. Перформанс вызывает интеракцию, принуждает к ней, но чем она окажется и чем обернется (и обернется ли вообще чем-либо) – заранее неизвестно.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что событие перформанса – каждый раз уникальное – стремится воссоздать *форму* интеракции, то есть форму, позволяющую участникам производить свое присутствие, выдвигаться в жизненные миры друг друга. Перформанс стремится актуализировать по возможности все аспекты, которые могут способствовать производству присутствия (взаимодействие, выход за пределы уровня значения, акцент на телесности и т.п.), он словно собирает присутствие по кусочкам.

Означает ли это, что перформанс есть эффективное средство решения проблемы присутствия, что он сполна утоляет потребность в присутствии? На наш взгляд, хотя перформанс и утоляет частично потребность в присутствии, он, однако, не решает его проблему, но, скорее, подчеркивает ее. И дело здесь не только в том, что перформанс представляет собой некое кратковременное вкрапление посреди мира повседневности, так что его эффект – поставленный им эстетический опыт – быстро рассеивается по мере того, как плавное течение жизни вновь вступает в свои права. Дело еще и в том, что уникальное событие, образуемое перформансом и призванное сконцентрировать, сгустить присутствие, не отличается по своей сути от обыденной жизни, а те специфические атрибуты, которыми перформанс стремится насытить свое событие ради производства присутствия, являются в равной мере атрибутами повседневности. Здесь мы сталкиваемся, быть может, с самым главным отличительным признаком перформанса – с его парадоксом, наделяющим его невидимой глубиной.

На первый взгляд, очевидно, что перформанс стремится создать *нечто*, что было бы принципиально отлично от многочисленных ситуаций естественного течения повседневной жизни. Как известно со времен Л. Витгенштейна, наша жизнь складывается из множества конкретных ситуаций – языковых игр – в каждой из которых имеются свои правила, свое распределение ролей. В этом смысле, перформанс утоляет жажду по новому, необычному, загадочному, непредсказуемому. Причем речь идет не просто о том, чтобы увидеть что-то новое, но о том, чтобы это новое и неожиданное пережить; иными словами, перформанс утоляет жажду не созерцания, но нового опыта. Так перформанс предстает как формат выхода за пределы повседневности.

Однако создавая уникальное и странное событие, отличающееся от повседневной реальности, перформанс в то же самое время делает и противоположное. Погружая участников в *нечто* и принуждая их к *интеракции*, перформанс тем самым словно *возвращает* их к изначальному, базовому уровню проживания жизни, указывая на то, что любая жизненная ситуация – это неопределенное нечто, в котором возможны различные варианты развития событий, и что любое взаимодействие между людьми изначально суть весьма неопределенная интеракция с открытым сюжетом. Значимость перформанса, хотя он и инициирует частное и уникальное событие, не ограничивается последним. Перформанс переливается через край, демонстрируя, что вся наша жизнь состоит из событий, о которых мы никогда не имеем исчерпывающей информации и в которых мы не можем довольствоваться ролью отстраненных наблюдателей. Перформанс не замыкается на себя; напротив, создавая уникальное событие, он парадоксальным образом возвращает нас к целой жизни и раскрывает, что она собой представляет в обнаженном виде.

Так же и отношения людей друг с другом всегда неопределенны и непредсказуемы, в условиях чего только и возможно появление такого понятия, как *верность*. Что происходит между людьми? Интеракция – это понятие, которое подчеркивает не только неясность формата отношений между людьми в рамках перформанса, но также и то, что *в принципе* непонятно до конца, что же происходит между людьми (что, вероятно, и составляет, с одной стороны, магию интереса и притяжения людей друг к другу, а, с другой стороны, известный страх общения). Между людьми происходит какое-то взаимодействие, люди пытаются подступаться друг к другу – вот как можно описать то, что происходит в жизни.

Поразительно, но если всмотреться, то оказывается, что уникальное событие перформанса вообще ничем не отличается от прочих жизненных ситуаций – ни с содержательной, ни с формальной точки зрения. Отличительные признаки события перформанса, отмечаемые Фишер-Лихте (лиминальность, экспериментальность ситуации и ее неопределенность, интеракция, автопоэзис, длительность, взаимное воздействие, ответственность за происходящее каждого из участников и т.п.), оказываются базовыми характеристиками любой жизненной ситуации, если только ее участники не утратили всякую чувствительность к происходящему. Уникальное событие, которое стремится создать перформанс, оборачивается одним из многих типичных событий, из которых складывается наша жизнь. В этом смысле, единственное отличие перформанса от прочих жизненных ситуаций заключается в перформативном акте назначения себя в качестве особого перформативного события, и больше ничем. В отличие от произведений искусства, застывших артефактов, своей материальностью противостоящих динамике жизни, событие перформанса не отличается от жизни ничем, кроме самого принципа перформативного акта. Однако если считать, что принцип перформативности, то есть решимости совершать определенные поступки и совершать интерпретативные акты, является базовым принципом проживания жизни вообще, то минимальный зазор между жизнью и перформансом окончательно стирается.

Можно ли на основании сказанного утверждать, что перформанс, в противовес повседневности, создает событие более подлинного присутствия людей друг с другом? Как показывает наш анализ, эффект присутствия, рождаемый перформансом, на самом деле никак не связан с уникальностью «ингредиентов», из которых перформанс складывает свое событие. Напротив, перформанс оперирует элементами, присущими жизни как таковой. Скорее, перформанс стремится организовать их сочетание таким образом, чтобы внимание его участников было обращено на присутствие. Но если присутствие зависит преимущественно от нашего внимания, не оказывается ли оно интерпретативным феноменом? Не оказывается ли оно феноменом релятивным, зависящим от нашего взгляда и нашей воли? Если так, в таком случае присутствие – если пытаться понимать его как нечто объективное и как то, что выступает в противовес интерпретации и связанному с ней семиотическому опыту – оказывается поставленным под вопрос; явившись на мгновение, оно вновь ускользает.

В этом смысле, перформанс создает условия для того, чтобы подчеркнуть проблему человеческого присутствия, заострить на ней внимание. Участник перформанса, оказываясь в уникальном событии, прикасаясь к телам других участников и проходя через прочие атрибуты перформанса, осязает тем самым интригу человеческого присутствия в

принципе. Нам всегда даны, скорее, некие формальные признаки присутствия: предъявленность другого в форме тела, совместное проживание отрезков жизней, взаимодействие. Именно это и выводит на авансцену перформанс, освещая событийность жизни и неотъемлемость присутствия дополнительным прожектором. Но было бы ошибочным переживать и интерпретировать подобное обострение проблемы присутствия как погружение в «более подлинное» присутствие или как решение его проблемы. Перформанс подчеркивает, что производство присутствия – задача, которая должна решаться в самой жизни, а не в перформансе. Нет более выгодных или менее удачных моментов для присутствия, каждый момент жизни есть равноправный шанс, и в любой ситуации, в том числе в событии перформанса, присутствие поставлено под вопрос.

Список литературы / References:

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / В. Беньямин. – М., 1996. – 240 с.
2. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х.У. Гумбрехт. – М., 2006. – 184 с.
3. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / Э. Фишер-Лихте. – М., 2015. – 374 с.

Список литературы на английском языке / References in English:

1. Benjamin V. Proizvedenie iskusstva v epohu ego tehnicheckoy vosproizvodimosti. Izbranniye esse [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. Selected essays] / V. Benjamin. – М., 1996. – 240 p. [in Russian]
2. Gumbrecht H.U. Proizvodstvo prisutstvija: Chego ne mozhet peredat' znachenie [Production of Presence: What Meaning Cannot Convey] / Gumbrecht H.U. – М., 2006. – 184 p.
3. Fisher-Lihte E. Estetika performativnosti [The aesthetics of performativeness] / E. Fisher-Lihte. – М., 2015. – 374 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.003

Самохина Н.Н.

ORCID: 0000-0003-3065-8789, кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук и туризма

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижевартовский государственный университет»

При поддержке гранта РФФИ офи_m 16-2909503 «Информационно-психологическое противодействие идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет»

**ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕЯМ
ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Аннотация

В данной статье рассмотрена информационная культура личности как условие противодействия идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет. Определены тенденции развития информационного общества, раскрыты основные понятия информационной культуры и определена ее роль в решении данной проблемы, а также предложены варианты противодействия идеям экстремизма и терроризма в информационном пространстве.

Ключевые слова: информационная культура, информационно-коммуникационные технологии, экстремизм, терроризм.

Samokhina N.N.

ORCID: 0000-0003-3065-8789, PhD in Philosophy Associate Professor of the Department of Humanities,
Social Science and Tourism

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education
Nizhnevartovsk State University

Powered by RFBR (Russian Foundation for Basic Research) grant project ofi_m 16-2909503 “Informative and psychological counteraction to extremism and terrorism ideas on the Internet”

**PERSONAL INFORMATION CULTURE AS THE CONDITION OF COUNTERACTION TO EXTREMISM
AND TERRORISM IDEAS ON THE INTERNET**

Abstract

This article considers personal information culture as the condition of counteraction to extremism and terrorism ideas on the Internet. The author determined tendencies of information society, revealed the main concepts of information culture and defined its role in solving of this problem. Also the author has offered some ways of counteraction to extremism and terrorism ideas in the information space.

Keywords: information culture, information and communications technologies, terrorism, extremism.

Учитывая современные цивилизационные и мировоззренческие установки, интерес к вопросам, связанным с проблемами и перспективами информационного общества, неуклонно возрастает. Отметим, что уровень информационного общества в значительной степени зависит от количества и качества накопленной информации, оказывающей на него большое влияние. Кроме того, существенное влияние на удовлетворение информационных потребностей оказывает и оптимизация условий, в которых формируются и используются информационные ресурсы.

Можно с уверенностью признать уровень информационной культуры личности, являющейся составной частью мировой человеческой культуры, важнейшим индикатором современного общественного развития. Теоретиками права информационная культура трактуется по-разному, на данный момент выработано значительное количество ее определений, однако единый концепт до сих пор не сформулирован.

Информационную культуру личности, с одной стороны, необходимо рассматривать в качестве способа человеческой жизнедеятельности в информационном обществе, являющейся частью процесса формирования мировой человеческой культуры. С другой же стороны, информационную культуру можно представить в виде совокупности определенных знаний и умений, позволяющих искать, отбирать и анализировать информацию, то есть компонентов, включаемых в информационную деятельность, позволяющую удовлетворить информационные потребности.

В широком смысле под информационной культурой необходимо понимать совокупность принципов, позволяющих взаимодействовать этническим и национальным культурам, тем самым соединяя их в общий мировой опыт. В узком смысле информационная культура является оптимальным способом обращения с информацией и представления данной информации потребителям в целях решения ими необходимых задач, как теоретических, так и практических; она представляет собой механизм, позволяющий совершенствовать технические средства производства, хранения и передачи данных, обучать и подготавливать людей эффективным методам использования информационных возможностей и ресурсов [1].

Необходимо подчеркнуть, что информационная культура, являющаяся составной частью общей мировой человеческой культуры и представляющая собой значимый фактор развития всех членов общества, на данный момент находится на этапе своего становления. Учитывая изложенное, представляется необходимым отметить, что информационная культура человека представляет собой важный элемент его общей культуры, важную часть его информационного мировоззрения, ценностных ориентиров, знаний, навыков и умений, посредством которых обеспечивается самостоятельная деятельность, направленная на оптимальное удовлетворение человеком своих информационных потребностей путем использования различных информационных технологий, как традиционных, так и современных.

Тенденциями, связанными с развитием информационного общества, предполагается приоритетная роль информационных ресурсов по отношению к другим их видам. Кроме того, можно с уверенностью утверждать, что в скором будущем существенным изменениям подвергнется характер промышленного производства, трансформируются человеческие потребности и ценностные ориентиры. В современном обществе информационными технологиями приобретает глобальный характер, они становятся доступны широкому кругу людей, что позволяет сформировать единое информационное пространство, открывающее неограниченные возможности для саморазвития личности. В подобных условиях целесообразно уделять особое внимание вопросам хранения и обработки информации путем использования новейших технологий.

С учетом обозначенных тенденций необходимо выделить проблемы, возникающие в информационном обществе и связанные с принципиальной неопределенностью сущности информации; отбором качественных и достоверных информационных ресурсов и адаптацией к информационной среде. Кроме того, в последнее время значительную информационную угрозу общественным интересам, а также интересам национальной безопасности, стала представлять активизировавшаяся пропаганда идей террористической и экстремистской направленности.

Информационное противодействие идеям террористической и экстремистской направленности представляет собой совокупность различных мер, позволяющих блокировать отрицательное информационно-психологическое влияние террористических и экстремистских организаций на отдельного человека и общество в целом. К числу данных мер относятся информационно-пропагандистские, правовые, организационные и другие меры, позволяющие, кроме того, бороться с информационно-коммуникационными технологиями, используемыми террористами и экстремистами в своей деструктивной деятельности.

По мнению Г. Веймана, сеть Интернет является идеальной средой, позволяющей террористам вести свою деятельность. К числу особенностей Интернета он относит свободу его доступа; недостаточность регулирования, отсутствие цензуры и иных форм действенного контроля со стороны государства; большую аудиторию; возможность связаться анонимно; мгновенную передачу данных; относительно низкую цену создания сайтов; наличие среды, позволяющей производить комбинирование текста, графики, мультимедийных файлов; возможность размещения фильмов, песен, книг, постеров и проч.; возможность охвата аудитории и традиционных средств массовой информации, чаще начинающих применять сеть Интернет в качестве источника сообщений [2].

Основной принцип, с помощью которого можно эффективно противодействовать терроризму, заключается в системности исполняемых мер. С ее помощью формируется единая стратегия, требующая установления субъектов, принципов, методов и средств данного противодействия. При этом необходимо нормативное закрепление всех перечисленных составляющих в соответствующих положениях как российских, так и международных правовых актов в сфере формирования стратегии борьбы с терроризмом [3].

При этом также хочется отметить, что одна из существенных задач противодействия деятельности экстремистских и террористических организаций в открытом сетевом телекоммуникационном пространстве предполагает создание таких условий, при которых пользователями в ходе информационного процесса и поиска необходимых данных и материалов как можно чаще будет встречаться достоверная тематическая информация, формирующая отрицательное отношение к идеям, пропагандирующим терроризм и экстремизм. В связи этим существенное значение может иметь активная гражданская позиция всех пользователей, а также конструктивная нетерпимость и настороженное отношение к идеям и различным проявлениям экстремистского характера. Здоровыми общественными силами должно быть продемонстрировано превосходство, доказывающее их преобладание как в реальном, так и в виртуальном пространстве. Данные силы должны прилагать усилия, направленные на информационное подавление ресурсов, осуществляющих пропаганду террористической и экстремистской идеологии.

В большинстве своем с помощью информационной культуры человека можно определить уровень его профессиональной культуры, подразумевающей «информационную грамотность». Следует подчеркнуть, что содержание понятия информационной культуры человека гораздо шире понятия его профессиональной культуры, поскольку информационная культура также наполнена соответствующим мировоззрением, предполагающим наличие специальной информационной подготовки. Данным обстоятельством во многом и опосредуются способы

противодействия радикальным идеям экстремисткой и террористической направленности, распространяемым в Интернете.

Рассмотрим пути решения обозначенных проблем, возникающих в информационном обществе. Во-первых, необходимо поддерживать научные исследования и разработки, связанные с информационно-коммуникационными технологиями, обеспечивая при этом обществу возможности их своевременного внедрения и доступного использования. Во-вторых, требуется надлежащим образом обеспечивать информационную безопасность личности и создавать действенную систему в сфере защиты ее прав, бороться с незаконным распространением информации, нарушающей авторские и иные права. В-третьих, следует обучать пользователей навыкам обработки, хранения и эффективного использования информации, что позволит развивать их информационную культуру, определяющую в настоящее время материальное бытие личности. По мнению некоторых специалистов, информационная среда на данном этапе является важным фактором формирования личности в информационном обществе, поскольку благодаря ей человек включается в процесс оперирования предметами, смыслами и знаками, значение которых закреплено в окружающем социокультурном пространстве» [4].

Важным направлением в решении проблем информационного общества признается информационное противодействие экстремистскому и террористическому идейному влиянию. Как уже было отмечено, основным принципом эффективного противодействия является системность исполняемых мер, с помощью которой формируется единая стратегия, требующая, в том числе на международном уровне, закрепления прав, обязанностей и ответственности интернет-пользователей, субъектов, принципов, методов и средств противодействия деструктивной информации террористической и экстремистской направленности.

Подводя итог, необходимо отметить, что успешное решение задач, связанных с противодействием экстремистской и террористической пропаганде, напрямую зависит от уровня развития личностной информационной культуры, поэтому использование комплексных подходов при исследовании ее проблем сделает возможным и успешное противодействие вызовам указанной современной угрозы, что в конечном итоге отразится на общественной безопасности и качественном улучшении жизни.

Список литературы/ References

1. Кравец В.А., Кухаренко В.Н. Вопросы формирования информационной культуры // Теория и практика общественно-научной информатики.– 1999, №2.– С.5–29.
2. Вейман Г. Как современные террористы используют Интернет. Специальный доклад URL: <http://silovik.net/showthread.php?t=7897> (дата обращения 25.03.2014).
3. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Информационное противодействие терроризму в сети Интернет // Вестник Национального антитеррористического комитета №1 [12] 2015. С.92
4. Гутова С.Г., Самохина Н.Н. Формирование коллективной личности в информационном обществе как элемент социокультурной динамики // Современные исследования социальных проблем №2-1 (26), Красноярск, 2016. С. 234 - 249.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kravets V.A., Kuharenko V.N. Voprosy formirovaniya informatsionnoy kulturyi [Formation questions of information culture] // Teoriya i praktika obschestvenno-nauchnoy informatiki [Theory and practice of social and scientific information] – 1999, # 2. – pp.5–29 [in Russian]
2. Veyman G. Kak sovremennyye terroristy ispolzuyut Internet. Spetsialnyiy doklad [The way of using Internet by modern terrorists. Special report] URL: <http://silovik.net/showthread.php?t=7897> (Accessed date 25 March 2014) [in Russian]
3. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A. Informatsionnoe protivodeystvie terrorizmu v seti Internet [Information counteraction to terrorism on the Internet] // Vestnik Natsionalnogo antiterroristicheskogo komiteta [Bulletin of National Anti-Terrorist Committee No.1]. – 2015 #1 [12]. – P.92 [in Russian]
4. Gutova S.G., Samohina N.N. Formirovanie kollektivnoy lichnosti v informatsionnom obschestve kak element sotsiokulturnoy dinamiki [Collective personality formation in the information society as the element of social and cultural dynamics] // Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem [Recent research of social problem]. – Krasnoyarsk, 2016, #2-1 (26) – pp. 234 – 249. [in Russian]